

Панин С. Б.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
И
АФГАНИСТАН

1919 – 1929

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

С. Б. П А Н И Н

**Советская Россия
и
Афганистан**

1919-1929

**Москва – Иркутск
1998**

ББК 63.3 (2)+63.3 (5Аф)

П 16

УДК 947.084+958.1

Печатается по решению редакционно-издательского совета

Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919-1929. – М.; Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1998. – 260 с.

Монография посвящена советско-афганским отношениям со времени восстановления Афганистаном независимости в 1919 г. и до начала гражданской войны в 1929 г. Исследуются основные проблемы двусторонних отношений этих лет: политические, экономические, пограничные, миграционные. Книга построена на анализе архивных материалов, большинство из которых впервые вводится в научный оборот.

Адресована интересующимся историей взаимоотношений двух стран.

Научный редактор: д-р ист. наук **Ю. В. Ганковский.**

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. Б. Д. Пак;
кафедра всеобщей истории ИГПУ

ISBN № 5-85827-113-8

© Иркутский государственный
педагогический университет,
1998

© С. Б. Панин, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1 Москва и Кабул устанавливают дипломатические отношения	14
Глава 2 Дипломатическая борьба держав за влияние в Афганистане	32
Глава 3 Советско-афганское соперничество в Бухаре	52
Глава 4 Деятельность Советов и Коминтерна в Афганистане	68
Глава 5 Басмаческое движение в Средней Азии и поддержка его Афганистаном	93
Глава 6 Пограничные проблемы	110
Глава 7 Миграционные проблемы	135
Глава 8 Советско-афганские экономические отношения	151
Глава 9 Гражданская война в Афганистане и позиция СССР	196
Заключение	214
Примечания	218
Библиография	247
Summary	259

ВВЕДЕНИЕ

К концу первой мировой войны (1914-1918 гг.) Афганистан представлял собой экономически слабо развитое и политически отсталое государственное образование. Хотя эта страна не являлась колонией европейских держав, ее внешние сношения с 1880 г. контролировались Великобританией. По условиям подписанного в 1880 г. англо-афганского договора, повторившего в основном кабальный Гандамакский договор 1879 г., эмир Абдурахман-хан (правил в 1880-1901 гг.) был обязан поддерживать политические сношения с остальным миром только при посредничестве вице-короля Британской Индии. Хотя и Абдурахман-хан, и его наследник Хабибулла-хан (правил с 1901 по 1919 г.) неоднократно пытались освободиться от английского контроля, достичь этого им не удалось из-за активного противодействия Англии этим попыткам и боязни самих эмиров лишиться английской финансовой субсидии.

По сравнению со временем эмира Абдурахман-хана, годы правления его преемника (1901-1919) были отмечены рядом важных событий, способных подорвать основы афганской государственности. Первым таким событием было подписание в 1907 г. в Петербурге англо-русского соглашения, статьи которого разграничивали зоны влияния двух великих держав на Среднем Востоке. При этом Афганистан вошел в сферу английских интересов, что угрожало остаткам его суверенитета.

Соглашение двух великих держав на Среднем Востоке было отражением важных процессов, происходивших в это время в Европе. Образование Германской империи, ее стремительный экономический подъем, борьба, начатая ею за передел мира, серьезно обеспокоили старые колониальные державы. Правящие круги Англии поняли, что

политика "блестящей изоляции" может оставить ее без союзников в предстоящей борьбе с Германией.

Перед Россией стояла альтернатива: либо союз с Германией, либо компромисс со старым соперником. После прихода в 1906 г. к руководству министерством иностранных дел России А.П.Извольского был осуществлен поворот от конфронтации к союзу с Англией, положивший начало новой эпохе и в "восточной" политике России. А.П.Извольский учитывал сложившиеся в мире новые реальности и отказался от некоторых претензий России, особенно на Востоке, которые теперь не соответствовали ни ее государственным интересам, ни экономическим и военным возможностям. Россия отказалась от претензий на весь Иран, а также официально признала Афганистан сферой особых политических интересов Англии. Для афганских правителей, привыкших играть на англо-русских противоречиях, соглашение 1907 г. было болезненным ударом, создавшим реальную угрозу потери остатков афганской независимости.

Другим важнейшим событием стала разразившаяся в 1914 г. мировая война, которая неизбежно должна была привести к новому переделу мира и результаты которой могли перечеркнуть все надежды афганцев на восстановление политической независимости. Союзнические отношения Англии и России в годы первой мировой войны, основой которых были соглашения 1907 и 1914 гг.^{*}, усилили беспокойство афганцев за судьбу страны и явились главной причиной того, что Афганистан, несмотря на попытки Германии и Турции втянуть его в мировую войну, остался нейтральным государством.

Поэтому, когда в 1915 г. в Афганистан прибыла германо-турецкая миссия, стремившаяся вовлечь эмират в мировую войну, Хабибулла-хан не дал прямого ответа на ее предложения. Однако, тонко чувствуя настроения в афганском обществе и при дворе, он стремился добиться добровольного отказа Англии от Гандамакского договора в обмен на нейтралитет своей страны в мировой войне. М.Р.Шиван, афганец знатного происхождения, близкий к правящей в Кабуле династии, утверждает в своих мемуарах, что Хабибулла-хан получил от английских властей такое согласие и даже имел на руках их письменные обязательства. Однако после окончания войны этого документа в эмирском архиве не оказалось. По утверждению М.Р.Шивана, он был выкраден и передан англичанам за взятку ишик-агаси (обер-церемониймейстером двора) Али Ахмад-ханом¹.

^{*} В ходе англо-русских переговоров 1914 г. стороны подтвердили свои союзнические обязательства. Обсудили возможности будущего экономического раздела Афганистана, пересмотра сфер влияния в Персии. (Подробнее см.: Международные отношения в эпоху империализма. - С.48,142, 213, 233-234; Рейснер И.М. Англо-русская конвенция 1907 года и раздел Афганистана... С.66.)

Февральская революция в России некоторое время давала афганскому миру надежду, что ее антимонархический характер вновь возсорит Россию с Англией - сторонницей монархических устоев и возродит англо-русские противоречия. Эмир Хабибулла-хан в послании вице-королю Индии даже предложил Англии начать совместную войну против России и ее республиканского режима². Однако Февральская революция не изменила союзнический характер англо-русских отношений, а потому предложение афганского эмира Англия не рассматривала как серьезное.

К концу мировой войны все более заметнее становилось влияние сложившейся при эмирском дворе политической оппозиции правящему режиму, способной, как показали дальнейшие события, изменить течение афганской политической жизни. Политическая оппозиция режиму Хабибулла-хана состояла в основном из действующих при дворе группировок: так называемых "староафганцев" и "младоафганцев". Вокруг брата эмира сардара Насрулла-хана в основном объединились представители консервативных правящих кругов, составивших группировку "староафганцев". Она имела значительное влияние на эмира, поддержку среди верхушки мусульманских богословов. "Староафганцы" критиковали Хабибулла-хана справа "за все те новшества, которые столь нерешительно вводил эмир"³. Насрулла-хан, по выражению современника событий, известного афганского историка М.Губара, "был противником европеизации страны, ратовал за неприкосновенность старых феодальных порядков"⁴.

Под влиянием идей исламского просвещения, сформировавшихся в начале XX в. в Турции, Египте и Иране, оформилось младоафганское движение. Наиболее известными младоафганскими лидерами в тот период были Махмуд Тарзи - главный идеолог движения, организатор и редактор кабульской газеты "Сирадж ал-ахбар", директор лицея "Хабибия" доктор Абдулгани, а также сын эмира - принц Аманулла-хан. Идеалом "младоафганцев" было независимое и экономически развитое государство во главе с просвещенным монархом. Они осознали необходимость проведения реформ в социальной и политической жизни государства.

К концу мировой войны позиции "младоафганцев" и "староафганцев", недовольных пассивной внешней политикой правительства Хабибулла-хана, внешне сблизились. Однако после смерти эмира разные взгляды на дальнейшее общественное устройство государства вновь развели их в стороны.

В ночь с 20 на 21 февраля 1919 г., в своем шатре близ Джалалабада, был убит при оставшихся так и невыясненных обстоятельствах эмир Хабибулла-хан. Насрулла-хан, находившийся в Джалалабаде, поспешил провозгласить себя правителем Афганистана. По его распоряжению в Кабул был отправлен фирман, в соответствии с которым оставшийся

за эмира в столице Аманулла-хан должен был привести к присяге кабульский гарнизон. Однако Аманулла-хан заявил на совещании высших сановников государства, что не может быть сторонником Насрулла-хана в его притязаниях на трон, ибо не знает, какую роль тот сыграл в смерти его отца.

Поспешное заявление Насрулла-хана о желании занять трон и противодействие этому намерению со стороны Аманулла-хана заставили присутствующих на совещании сановников воздержаться от принесения присяги. Используя эту ситуацию, Аманулла-хан высказал подозрение в личной заинтересованности Насрулла-хана в устранении эмира. "Конечно, каждый свободен выражать свое мнение по вопросу о признании того или иного человека падишахом, - заявил Аманулла-хан, - но я лично не успокоюсь до тех пор, пока убийца, кто бы он ни был, не будет найден. Кто будет со мной, тому я буду признателен, но возражать несогласным со мной не стану"⁵. Фактически, этим заявлением Аманулла-хан объявил о своих собственных притязаниях на трон.

Уже через два часа после этого заседания к эмирскому дворцу собрались толпы народа и кабульский гарнизон. Все обсуждали новость: Насрулла-хан, видимо, и является убийцей эмира⁶. Появление верхом на лошади Аманулла-хана было встречено громкими приветственными криками. Аманулла-хан публично объявил себя эмиром, обнажил саблю и поклялся не вкладывать ее в ножны, пока не отомстит за смерть отца⁷. Страна оказалась при двоевластии, которое закончилось 28 февраля 1919 г., когда состоялось вступление Аманулла-хана на трон, а Насрулла-хан под давлением обстоятельств вынужден был признать нового эмира и приехал в Кабул.

Придя к власти, Аманулла-хан заявил, что его главной целью является полная независимость страны. 3 марта он направил вице-королю Индии Челмсфорду послание, в котором заявил, что разрывает все прежние договоры, навязанные Афганистану Англией. Англо-индийское правительство промолчало. Однако такое положение не устраивало Аманулла-хана. 13 апреля, на дурбаре, он вновь выступил с речью; обращенной в первую очередь к британскому представителю, и подтвердил отказ от всех прежних договоров с Англией. В конце речи, нарушая дипломатические каноны, эмир громко переспросил британского дипломатического агента, понял ли тот смысл его слов. Лишь после этой публичной сцены вице-король Индии потребовал от эмира соблюдения всех прежних договоров⁸.

Советские пограничные власти узнали о событиях в Афганистане в марте 1919 г. из оперативных источников. Однако первые сообщения были не точны и чуть не поставили советское руководство Туркестана в сложные отношения с новым афганским правительством: в Ташкенте получили известие, что на афганский трон взошел Насрулла-хан и в Афганистане развернулась борьба за власть между Насрулла-ханом и

сыном эмира, наследником престола Инаятулла-ханом, известным своими англофильскими взглядами. Эти сообщения о ситуации в Афганистане усилил известный турецкий офицер, член германо-турецкой миссии в Афганистане (1915 г.) Кязым-бей. В тот период он находился в Туркестане и предложил советскому руководству послать в приграничный с Афганистаном Термез представителя, который вручил бы афганцам официальную грамоту о намерении советской стороны установить с правительством Насрулла-хана дипломатические отношения⁹. Судя по подготовке миссии Н.З.Бравина, это предложение не осталось без ответа Ташкента. Как видим, туркестанскому руководству в тот период было все равно с кем в Афганистане устанавливать отношения, лишь бы новый эмир занимал антибританскую позицию*.

Однако 6 апреля термезский разведывательный пункт сообщил в Ташкент, что на афганский трон взошел не Насрулла-хан, а третий сын эмира Аманулла-хан; что после приезда в Кабул Насрулла-хан был арестован и заточен в тюрьму, а его сторонники попытались поднять мятеж и освободить Насрулла-хана**. Поступили сообщения, что власти северо-восточных провинций Афганистана, в первую очередь Каттагана и Бадахшана, где были сильны сторонники Насрулла-хана, не признали молодого эмира, но Аманулла-хан поступил так же, как поступали его предки - отец и дед: он арестовал всех своих противников, сместил с должностей ряд руководителей провинций. В апреле 1919 г. кушкинский разведывательный пост сообщил в Ташкент, что в Афганистане неспокойно, идут казни и расправы с противниками новой власти¹⁰. Противоречивые сообщения из Афганистана, неясность внешнеполитической позиции нового афганского руководства заставили советские туркестанские власти занять более осторожную позицию в отношении происходящих в этой стране событий.

В то же время напряжение в англо-афганских отношениях усиливалось. Хотя англо-индийское правительство было намерено вести переговоры с афганским эмиром лишь с позиции силы, решение Кабула начать весной 1919 г. военные действия против англичан, оказалось для них неожиданным. К концу мировой войны силы англичан в Индии были ослаблены и британские колониальные власти находились в

* Такая оценка поддержки Насрулла-хана советской стороной выглядит, на наш взгляд, более приемлемой, чем заявление известного афганского историка Икбал Али Шаха о том, что убийство эмира Хабибулла-хана было осуществлено сторонниками Насрулла-хана с помощью большевистских агентов, чем, по его мнению, и объяснялась советская попытка признания Насрулла-хана как эмира. (См.: Shah Ikbali. Afghanistan in 1919. - P.8-9.)

** Насрулла-хан скончался в тюрьме 21 мая 1920 г. (Подробнее см.: Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. - С. 71-82)

сложной военно-политической и экономической ситуации: в Панджабе произошла попытка восстания против англичан; британская армия была демобилизована, а ее воинские подразделения находились в разных "уголках мира"¹¹.

Хотя первые сообщения о подготовке Афганистана к войне были получены английским командованием в конце апреля 1919 г., они считались невероятными. Весть об объявлении эмиром войны против Англии (принято считать, что третья англо-афганская война продолжалась с 3 мая по 3 июня 1919 г.) и выступлении афганских войск в хайберском направлении достигли Пешавар 3 мая, но лишь 5 мая англо-индийская армия получила приказ о мобилизации¹².

Так как заявления афганского эмира о провозглашении национальной независимости своей страны еще не вызывали военной интервенции Великобритании, можно с уверенностью предположить, что Аманулла-хан в тот период серьезно рассматривал лишь военный путь достижения афганского суверенитета: громкая победа могла вызвать взрыв национальных чувств в народе и примирить его, третьего сына Хабибулла-хана, не совсем по праву занявшего эмирский трон, с теми, кто сомневался или пытался оспаривать законность его вступления на трон при живых старших родственниках. Молодой и энергичный Аманулла-хан, воодушевленный идеями панисламизма и не лишенный личного романтизма, считал неременным условием, чтобы достижение национальной независимости стало не просто политическим актом, а превратилось в "священную национальную войну", сплотившую афганцев вокруг молодого монарха. Аманулла-хан бросил свои войска на англичан, громко заявив, что восстановит Афганистан в границах, обеспечивающих его свободный выход к морю¹³.

Война с Англией объявлялась и в защиту "угнетенных братьев" - индийских мусульман, а потому, как предполагали в Кабуле, должна была сразу охватить Британскую Индию. В тот период у эмира были большие надежды на т.н. "Временное правительство Индии", которое еще в годы мировой войны было сформировано на афганской территории, а его члены имели тесные контакты с кабульскими властями. По мнению советского исследователя, участника советской дипломатической миссии в Афганистан И.М.Рейснера, все указывало на то, что весной 1919 г. "Временное правительство" заключило с Кабулом тайный договор¹⁴, который давал "добро" военным операциям на индийской территории и определял предел афганского проникновения в Индию, чтобы не вызвать среди индийцев антиафганских и антимусульманских настроений.

* Характерно, что маршал Шах Вали в своих мемуарах употребляет именно этот термин. (См.: Шах Вали. Мои воспоминания. - С.26, 28)

Афганцы двинулись на Британскую Индию в трех направлениях: по хайберской и куррамской дорогам с севера и по кандагарской - с юга. Наибольшее значение Кабул придавал южному (кандагарскому) направлению, куда было отправлено до 12 тыс. воинов и где сформировалось значительное количество добровольческих отрядов из представителей пуштунских племен, населявших пограничную полосу. Уже в первые дни активно развивая наступление, они заняли 6 городов. Практически на всех направлениях англичане оказались не готовы к отражению внезапного афганского вторжения и несли большие потери: на южном направлении потери англичан составили до 6,5 тыс. человек (афганцы потеряли 5 тыс. человек), на восточном - 4 тыс. человек (афганцы - 3 тыс.), на северном - 3,5 тыс. человек (афганцы до 2 тыс.)¹⁵. Однако афганцы действовали разобщенно, все три направления не были задействованы одновременно: в то время как кабульская группа выступила 3 мая*, газнийская - в 20-х числах мая, то кандагарская - в середине июня. Характерно мнение одного из советских дипломатов, военного секретаря советского полномочного представительства в Кабуле (1920 г.) Э.М.Рикса: "Вообще выступление Афганистана, слабо вооруженного, без поддержки третьей державы, считалось невероятным и обреченным в зародыше своем на неуспех"¹⁶.

Лишь большим напряжением сил англичанам удалось переломить ситуацию и перейти в наступление. Особое значение было придано хайберскому проходу, разделявшему узким коридором Афганистан и Британскую Индию. Англо-индийскому правительству удалось двинуть через Хайбер на ландикотальское плато необходимое количество своих войск и 13 мая занять Дакку¹⁷, не допустив противника в пешаварскую долину. Бои развернулись на афганской стороне хайберского прохода. Англичане, остановив афганское продвижение, сумели продержаться здесь в течение всего лета 1919 г. Однако для контр наступления на Джалалабад у них не хватило сил. Кроме того, началась эпидемия холеры¹⁸, а линии сообщений с тылом оказались под постоянными ударами племен пограничной полосы.

У афганского руководства не было намерения вести затяжную войну с Великобританией. После первых военных успехов начались неудачи, выявился недостаток материальных и финансовых ресурсов, обострились противоречия в правящем клане. Использование англичанами авиации окончательно сломило дух афганского правительства: достаточно было трех налетов британской авиации на Джалалабад и Кабул (17, 20 и 24 мая), вызвавших панику среди

* По свидетельству И.М.Рейснера, кабульская группа 3 мая, "преждевременно для самого Кабула", ввязалась в бой с английскими пограничными пикетами, который вылился в генеральное сражение. (Рейснер И.М. Афганистан.- С.156.)

населения и даже повредивших столичный дворец монарха, как эмир заговорил о мирных переговорах¹⁹.

31 мая, т.е. через 7 дней после первой бомбардировки Кабула, эмир сделал официальное предложение англо-индийскому правительству о перемирии. Англичане согласились на мирные переговоры, ибо политическая обстановка в Индии была взрывоопасной: восстание пуштунских племен пограничной полосы, поддержавших Афганистан в борьбе за независимость, грозило перекинуться на саму Индию и вызвать новый, более опасный поворот событий. В этих условиях тот факт, что афганский эмир сам заговорил о перемирии, не смог поставить англичан в положение победителей.

Военно-политическая ситуация в Индии оказалась благоприятным и решающим фактором для афганской независимости. В условиях фактического поражения своей армии в войне Аманулла-хан, только что просивший о прекращении бомбардировок Кабула, передал через своего посланника вице-королю Индии, что его целью является независимость Афганистана, и если Англия не согласится с этим, то ему не останется другого пути, кроме как продолжить войну. Вице-король пообещал, что если будет заключено перемирие и начнутся переговоры, британское правительство признает независимость Афганистана²⁰.

3 июня 1919 г. англо-афганское перемирие было заключено. Хотя племена хайберского и дакского районов продолжали еще действовать против англичан самостоятельно, афганская мирная делегация во главе с Али Ахмад-ханом 22 июля прибыла на индийскую границу и проследовала в Равалпинди. Здесь с 26 июля по 8 августа 1919 г. проходили переговоры, которые завершились подписанием прелиминарного (предварительного) мирного договора²¹. В соответствии с ним, Англия заявляла о признании Афганистана независимым государством, однако устанавливала шестимесячный срок до окончательного оформления равноправных отношений. По мнению англичан, в течение этого периода двусторонние отношения должны нормализоваться, а Афганистан доказать "свою действительно искреннюю готовность возобновить дружбу с британским правительством"²². Подобное условие свидетельствовало о сохранении англичанами рычагов воздействия на афганцев, вплоть до угрозы возобновления военных действий, и было проявлением намерения Англии восстановить при удобном случае прежний статус этой страны. Британские дипломаты, уже зная о контактах афганцев с советскими эмиссарами, оставляли возможность возобновления приостановленной субсидии при условии, что отношения нового афганского руководства с Советской Россией не получают дальнейшего развития.

Независимо от перспектив взаимоотношений с Англией афганцы добились главного - права непосредственных дипломатических отношений с другими государствами. Это произошло без финансовой и

военной поддержки других держав. Молодой эмир, авторитет которого в народе поднялся на небывалую высоту, упрочил этим смелым шагом свой трон и навсегда вошел в новейшую афганскую историю как человек, приведший страну к государственной независимости. Однако наступивший период эйфории от долгожданной и так быстро завоеванной победы уже омрачало то, что казна государства понесла серьезный ущерб, так как эмиру пришлось отказаться от прежних постоянных субсидий англо-индийского правительства, составлявших 1 млн 800 тыс. рупий, а попытка в июне 1919 г. представить мировому сообществу "свою новоявленную независимость", отправив радиogramму американскому президенту В. Вильсону, не получила никакого отклика²³. Беспокоило афганское руководство и то, что, подписав с англичанами мирный договор, пришлось официально отказаться от прямой помощи родственным пуштунским племенам, которые после прекращения военных действий Кабулом еще продолжали самостоятельную борьбу с британскими войсками, и тем самым фактически обменять полученное право дипломатических отношений с другими странами на подтверждение "линии Дюранда".

ГЛАВА 1

МОСКВА И КАБУЛ УСТАНОВЛИВАЮТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Вступление в феврале 1919 г. на трон Аманулла-хана и последовавшие вслед за этим заявления о полной независимости Афганистана вызвали в большевистском руководстве заметный интерес к этой стране. Москва в этот период стала осознавать необходимость активной политики на Востоке, поняв, по меткому выражению Л.Д.Троцкого, что "путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Панджаба и Бенгалии"²⁴. НКИД Советской России начал подготовку к установлению отношений с Афганистаном и отправке в Кабул дипломатической миссии. Однако она шла медленно, мешали как внутренние, так и внешние факторы: в Кремле еще не было точных сведений о политической направленности нового афганского руководства, но были сильны представления об Афганистане как "гнезде феодализма"; гражданская война и неблагоприятное положение фронта на оренбургско-ташкентском направлении, приведшие к разрыву непосредственных связей Туркестана с центральной Россией, отдаляли перспективу отъезда из Москвы первой советской делегации.

Эти факторы определили решение Москвы поручить правительству Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, являвшейся частью РСФСР, организовать дипломатическую миссию в Кабул. Опираясь на поручение центра, народный комиссар по иностранным делам Туркестанской АССР Е.Е.Богоявленский письмом от 27 марта 1919 г. сообщил афганскому правительству (как уже отмечено, не правительству Аманулла-хана, а якобы пришедшего к власти Насрулла-хана), что Российская республика аннулировала все договоры бывшего царского правительства, в первую очередь, соглашение 1907 г., закрепившее Афганистан в сфере английского влияния, и заявил, что в Кабул "для установления дружественных и торговых сношений" с Афганистаном отправляется советская дипломатическая миссия²⁵.

Еще в апреле 1919 г. по решению Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета состоялось назначение Николая Захарьевича Бравина (1881-1921) руководителем первой советской миссии в Афганистан. Сразу после Октябрьского переворота Н.З.Бравин оказался единственным в Персии царским дипломатом, который доверился новой власти и дал согласие представлять ее интересы в

Тегеране. На его выдвижение в качестве представителя Туркестанской республики в Кабуле во многом повлияли личные симпатии к нему тогдашнего народного комиссара иностранных дел Туркестанской АССР Е.Е.Богоявленского. Однако назначение произошло без предварительного согласия Кремля, который сначала этого не хотел²⁶. Н.З.Бравину как бывшему царскому дипломату явно не доверяли.

Весной 1919 г. новое афганское правительство и само добивалось связи с российскими властями. 7 апреля в Россию были отправлены два послания: одно - на имя председателя Совета Народных Комиссаров В.И.Ленина, другое, подписанное афганским министром иностранных дел М.Тарзи, с просьбой о вручении послания эмира по назначению - на имя народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г.В.Чичерина. Известно, что пакеты были доставлены в Ташкент, а их содержание, переведенное на русский язык, передано в Москву по радиотелеграфу²⁷. В письме к В.И.Ленину Аманулла-хан впервые сообщил о своем вступлении на афганский трон, заявив, что надеется на союз и дружбу с Советской Россией²⁸. Со стороны афганцев это было самостоятельное обращение к советскому руководству, так как первое советское послание - письмо Е.Е.Богоявленского, хотя и было составлено в марте, в связи с нижеописываемыми событиями до начала мая 1919 г. не было получено в Кабуле.

Афганский эмир, обостривший провозглашением независимости Афганистана отношения с англо-индийским правительством, стремился заручиться поддержкой своих действий у других великих государств. Не дожидаясь ответа на ранее отправленные письма, эмир в новом послании к В.И.Ленину от 21 апреля 1919 г. поставил советское правительство в известность, что отправляет через Россию в страны Европы чрезвычайное посольство во главе с генералом М.Вали-ханом. Членами посольства были назначены высший судья афганской армии Сейфуррахман-хан, дипломаты Мирза Мухаммад-хан Яфтали (посол в Советской России в 1921 г., а затем в октябре 1926 г.), Султан Ахмад-хан Шерзой (посол в Москве в августе 1920 г., а затем в 1938 г.)²⁹ и Гулам Джилани-хан, оставшийся в Москве секретарем при Яфтали (затем назначенный афганским консулом в Мерв, а позже генеральным консулом Афганистана в Ташкенте), а также советник, секретарь, известный историк и участник издания прогрессивной афганской газеты "Сирадж ал-ахбар" Файз Мухаммад и другие лица - всего 19 человек³⁰. Хотя основной целью поездки миссии была не столько Россия, сколько Западная Европа и даже Америка, эмир поручил М.Вали-хану встретиться с советскими руководителями. В письме к В.И.Ленину, которое вез посол, эмиром ему поручалось "обратить внимание" советских лидеров "на установление дружественных связей и искренних отношений между обоими великими государствами". Ему же, писал Аманулла-хан, "разрешено вести личные переговоры и *подготовить*

почву (выделено мной - С.П.) для установления необходимой дружбы между обоими государствами и обеспечения обоюдных интересов”³¹. Как видим, хотя полномочия М.Вали-хана были достаточно широки, они предусматривали лишь подготовку условий для подписания будущих договоров.

Чрезвычайное афганское посольство прибыло на границу 28 мая, а в Ташкент 4 июня 1919 г.³². Однако в России шла гражданская война; все дороги, ведущие в Москву, были перекрыты. Миссия, учредив в Ташкенте генеральное консульство во главе с Мухаммад Аслам-ханом (июнь 1919 г.)³³, была вынуждена еще несколько месяцев оставаться в Туркестане и лишь 10 октября приехала в советскую столицу³⁴.

К моменту прибытия афганцев на советскую территорию, Н.З.Бравин, еще не получивший из Москвы официальных документов, подтвердивших его дипломатический статус, однако имевший на руках письмо Е.Е.Богоявленского к афганскому эмиру, решил 29 апреля перейти границу недалеко от бухарского селения Бассага. Вместе с ним были 15 человек (в том числе афганец, иранец и 4 индийца). В пограничном афганском пункте Хамиаб Н.З.Бравин заявил, что он посол Советской России и передал афганским пограничным властям послание народного комиссара иностранных дел Туркестанской АССР Е.Е.Богоявленского. Однако пограничная администрация не разрешила проехать в Кабул. Более того, члены советской туркестанской миссии были арестованы и помещены на посту под стражу. Девять дней своего первого пребывания в Афганистане Н.З.Бравин и его спутники провели под арестом, на голодном пайке. Лишь 7 мая пришел ответ от мазаришарифского губернатора, в котором тот сообщил, что переслал письмо в Кабул, однако потребовал удаления иностранцев из афганских пределов до получения ответа эмира. Не помогла и рекомендация близкого к эмиру индийца М.Баракатуллы - пограничный начальник был неумолим. На следующий день, 8 мая, так и не получив разрешения проехать в Кабул, миссия Н.З.Бравина покинула Афганистан. Н.З.Бравин вынужден был с сожалением отметить, что в Афганистане к русским относятся, “если не враждебно, то очень осторожно”³⁵. (Можно определенно сказать, что никаких сведений о начавшейся третьей англо-афганской войне он в тот период не имел).

Вскоре причина холодного отношения афганских пограничных властей к советской делегации проявилась: в Кабуле накануне начала войны с англичанами развернулась борьба между сторонниками

---

* В течение лета 1919 г. советские туркестанские власти пытались организовать приезд афганской миссии в Москву, однако они окончились неудачей из-за того, что положение на фронтах было сложным. Афганская делегация отказалась воспользоваться аэропланом для поездки в Москву. (Подробнее см.: Расшифрованная телеграмма Е.Е.Богоявленского в Наркоминдел от 27 июня 1919 г. - ГА РФ. Ф.130. Оп.3. Д.178. Л.23-24.)

опального Насрулла-хана и эмира Аманулла-хана. Мазаришарифский губернатор как сторонник Насрулла-хана пытался всячески противодействовать каким-либо контактам правительства Аманулла-хана с внешним миром в поисках поддержки, за что был вскоре смещен с должности и арестован³⁶.

Узнав о том, что советский посол не пропущен в Кабул, эмир был разгневан. Новый мазаришарифский губернатор Мухаммад Сарвархан получил указание срочно сообщить Н.З.Бравину, ожидавшему на границе ответа, что разрешение получено и что для сопровождения его до Кабула назначен михмандар (специально представленный к миссии официальный агент) с людьми и необходимыми вещами, который будет ждать советскую делегацию на границе у Хамаба и с почетом проводить в Кабул³⁷. Однако М.Сарвархан напрасно два-три раза посылал известия Н.З.Бравину в Керки, заставить его не удалось³⁸. Оказалось, что Н.З.Брагин лишь несколько дней пробыл в Керки, а затем уехал в Каган (Новая Бухара), получив письмо (от 23 мая 1919 г.) от руководителя афганского посольства в Европу и Россию Мухаммад Вали-хана. В письме М.Вали-хан предложил Н.З.Бравину встретиться с ним в Ташкенте или в Кагане и получить от него рекомендации и советы для поездки в афганскую столицу³⁹.

Такая встреча Н.З.Бравина с руководителем афганской миссии М.Вали-ханом состоялась в последних числах мая 1919 г. Советский посланник получил информацию о начавшейся войне Афганистана против Англии и об условиях проезда в Кабул. Кроме того, в Кагане его наконец разыскал посыльный из Мазари-Шарифа и передал Н.З.Бравину письмо губернатора. В нем сообщалось, что афганское правительство согласно на приезд советской делегации в Кабул. М.Сарвархан, хотя и не настаивал на маршруте поездки, предложил миссии отправиться в Афганистан через Термез, сообщив также, что бухарским властям сделано предложение оказать ей необходимое содействие в дороге⁴⁰.

В Москве в целом с одобрением отнеслись к действиям Н.З.Бравина. Первая, хотя и неудачная его поездка в Афганистан, определила решение Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) о придании ему официального статуса советского представителя в Кабуле. Это произошло после того, как 7 мая В.И.Ленин принял в Кремле группу индийских эмигрантов во главе с М.Баракатуллой, приехавших из Афганистана еще до начала англо-афганской войны. На встрече с В.И.Лениным М.Баракатулла передал советскому руководству предложение афганского правительства установить дружественные отношения⁴¹. М.Баракатулла, безусловно, зная причины особого

* Американский исследователь Л.Ададек не точен, утверждая, что назначение М.Сарвар-хана наиб ал-кукума (наместник провинции, генерал-губернатор) произошло в марте 1919 г. В соответствии с описываемым сюжетом, это не могло произойти раньше первых чисел мая.

интереса советского руководства к Востоку, заверил Москву, что провозглашение Афганистаном независимости "тождественно отказу от англо-афганского договора" и "должно привести к состоянию войны" между Афганистаном и Англией. Учитывая эту перспективу, М.Баракатулла предложил заключить союз между Россией и Афганистаном, направленный "против общего врага"⁴². После этого, 9 мая 1919 г., радиограммой в Ташкент Кремль официально признал Н.З.Бравина своим "представителем в Кабуле"⁴³, надеясь, что несмотря на провал первой попытки достичь Кабула он получит новое приглашение эмира. В Москве также учитывали, что Н.З.Бравин стал человеком уже известным афганским властям, а потому имел реальный шанс завязать контакты с Афганистаном.

Поступившая в Москву в мае 1919 г. информация из Афганистана укрепила эти надежды советского руководства. Министр иностранных дел Афганистана М.Тарзи письмом от 14 мая официально сообщил Москве о начале военных действий своей страны с Англией и о решении афганского правительства "наилучшим образом принять посла высокого правительства России". М.Тарзи недвусмысленно выразил надежду, что прибытие советской делегации явится основой для создания "союза между двумя нашими странами"⁴⁴. Однако, пока эта информация дошла до Кремля, прошло время: о начале военных действий в Москве стало известно не раньше 22 мая 1919 г*. Получилось так, что лишь в разгар

---

* Такой вывод следует из анализа подготовки первого письма В.И.Ленина и председателя ВЦИК М.И.Калинина эмиру Аманулла-хану (от 27 мая 1919 г.). Получив письма из Афганистана, в которых еще не сообщалось о начале военных действий с Англией, НКВД предложил Е.Е.Богоявленскому передать в Кабул содержание письма В.И.Ленина и М.И.Калинина. Его текст поступил в Ташкент 22 мая 1919 г. (это было не подлинное письмо, а радиограмма, подписанная В.И.Лениным, или от имени В.И.Ленина, с визами Г.В.Чичерина и М.И.Калинина). Однако из Ташкента в Кабул текст сразу передан не был. По нашему мнению, в период между 22 и 27 мая в Москве наконец получили точные сообщения об англо-афганской войне и вся предшествующая подготовка к налаживанию отношений с Афганистаном должна была теперь получить иную окраску и направленность. В подтверждение этой мысли говорит то, что в первоначальном варианте радиограммы еще нет слов о войне, а главными являются слова:

"Стремление афганского народа к самостоятельному устройству своей внутренней жизни и к обеспечению себе выхода к морю есть законнейшее и справедливое желание, которому русский народ готов содействовать". (Радиограмма НКВД с письмом В.И.Ленина афганскому эмиру. 22 мая 1919 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.2. Пап.1. Д.1. Л.3.)

В текст радиограммы, отправленной 27 мая в Кабул, эти слова не вошли, но зато главным стало:

"...спешим от имени рабоче-крестьянского правительства и всего русского народа принести ответный привет независимому афганскому народу героически отстаивающему свободу от иностранных поработителей". (Радиограмма, подписанная В.И.Лениным, с визами Г.В.Чичерина, М.И.Калинина Е.Е.Богоявленскому от 27 мая 1919 г. - АВП РФ. Ф.071: Оп.1. Пап.101. Д.2. Л.2.)

англо-афганских военных действий Москва сочла необходимым дать ответ на обращения афганцев к советскому руководству*.

Начатая афганским эмиром война с Англией, оказалась неожиданной для Москвы. Несмотря на поступающую информацию об англо-афганских противоречиях, здесь никак не ожидали, что так быстро и в столь выгодном для советской дипломатии направлении начнут развиваться события в таком "анклаве феодализма", как Афганистан. Кремлевское руководство, до сих пор перепоручавшее поддержание связей с афганцами туркестанским властям и с большим сомнением относившееся к возможности использовать Афганистан для борьбы с главным идеологическим и политическим противником на Востоке - Англией, теперь проявило особое внимание к этой стране.

Получив согласие центра с проектом поездки в Кабул и дождавшись из Москвы некоторых членов вновь сформированной миссии с верительной грамотой о назначении "чрезвычайным уполномоченным Советского правительства" в Афганистане⁴⁵, Н.З.Бравин в июне 1919 г. выехал в Кабул, намереваясь попасть туда через бухарские владения и афганский город Мазари-Шариф. Для контроля и руководства работой Н.З.Бравина ТуркЦИК включил в состав миссии на правах полномочных членов большевиков М.И.Зибарова, К.М.Куликова, А.Аулиани и Б.Н.Иванова. Под видом сопровождения миссии были приданы 10 человек из представителей местных национальностей, которым, по воспоминаниям члена полномочного посольства Б.Н.Иванова, "относительно Бравина были даны самые решительные директивы"⁴⁶. С советской делегацией в Кабул возвращались и некоторые члены чрезвычайного афганского посольства М.Вали-хана, не имевшие возможности проехать в Москву в условиях гражданской войны⁴⁷.

Пароход миссии "Чарджуй" с буксируемой им баржей "Москва", на которых находились около 100 человек**, с 21 июня стал подниматься от Чарджуя вверх по Амударье. Однако утром 24 июня произошел инцидент: миссия была обстреляна у Бурдалыка (в 100 верстах до Керки) туркменами, преградившими ей дальнейший путь. Попытки членов советской миссии и сопровождавших ее афганцев договориться с

* На наш взгляд, уже эти факты являются достаточными для отказа от выдвинутого советской исторической литературой тезиса о том, что 27 мая был днем установления дипломатических отношений между Советской Россией и Афганистаном. Кроме того, следует помнить, что Афганистан в эти дни переживал самый напряженный момент в войне с англичанами и эмир был вынужден думать не об установлении дипломатических отношений с Россией, а просить перемирия у англо-индийского правительства.

** На пароходе и барже, кроме членов миссии Н.З.Бравина, находились попутчики.

туркменами окончились неудачей. Тогда на "Чарджуе" и "Москве" была объявлена тревога. Командование взял на себя ехавший с миссией на корабле военком Закаспийского фронта С.Мураев. Было решено пробиваться силой. Завязался бой. Пароход был буквально изрешечен: надводная часть корабля получила до 2 тыс. пулевых пробоин, был поврежден двигатель. Так как машина больше не могла идти против течения, было решено повернуть назад и ехать в Кабул через Кушку и Герат на лошадях⁴⁸. Однако в Кушке вновь началось томительное ожидание разрешения афганских властей вступить на территорию эмирата. Только 1 июля члены советской миссии, наконец, перешли границу и вступили в пределы Афганистана. На этот раз путь от Кушки до Герата был пройден ими за 5 дней. Однако надеждам советских посланцев быстро достичь Кабула не суждено было сбыться: афганские власти, к полному удивлению членов советской делегации, долгое время не разрешали проезд миссии в Кабул; началось девятнадцатидневное "гератское сидение"⁴⁹.

Попав в ранее закрытую страну, военные представители советской миссии пытались собирать сведения о военном и политическом состоянии Афганистана. Однако они быстро почувствовали, что за ними организовано постоянное наблюдение. Афганцы пресекали попытки контактов членов советской делегации с населением и приставленным к миссии персоналом. Так, на глазах Н.З.Бравина был избит эмирский фармацевт только за то, что он решился ответить на вопрос полномочного российского представителя, когда будет готово заказанное лекарство⁵⁰.

25 июля афганские власти разрешили миссии продолжить путь в Кабул, который от Герата растянулся еще на 28 дней. Советская делегация, пройдя путь от Кушки до Кабула за 52 дня, (в то время как его можно было без труда преодолеть за 20-25 дней)⁵¹, 21 августа 1919 г., наконец, прибыла в столицу Афганистана и была торжественно встречена от имени эмира министром иностранных дел М.Тарзи и генерал-адъютантом эмира турком М.Сами. Тем не менее, Н.З.Бравин, прекрасно знавший все оттенки восточных церемоний, оценил оказанный прием "по второму или даже третьему разряду".

Прибыв в афганскую столицу члены советской делегации обнаружили, что они уже не первые и не единственные представители России в Кабуле. Вместе с афганцами их встретил член бравинской делегации Х.И.Мамин, который отдельно от основной группы, самостоятельно и частично при афганском сопровождении добирался до Кабула по мазаришарифской дороге и прибыл почти на неделю раньше посольства. К моменту приезда посольства он был уже хорошо принят эмиром и имел с ним беседу, преподнеся Аманулла-хану подарок от имени Туркестанской республики. Кроме того, в Кабуле в тот период находились 36 белогвардейских офицеров и нижних чинов, которые

открыто щеголяли в русских погонах. Их лидер - бывший руководитель левых эсеров Туркестана офицер Н.И.Черневский - был аккредитован при правительстве Аманулла-хана в качестве официального представителя "Сибирского правительства Колчака"*. Он требовал от эмира не принимать советское посольство⁵². Все эти факты были неприятны для Н.З.Бравина, который был намерен считать себя первым российским представителем в Афганистане.

Лишь подъезжая к Кабулу, члены советской делегации получили сообщение от чиновника министерства иностранных дел об изменившейся политической ситуации в стране и подписании англо-афганского мирного договора⁵³. Для членов советской миссии, посланных в Афганистан "добиваться продолжения его войны с Англией"⁵⁴, это сообщение, по словам Н.З.Бравина, "явилось неприятной неожиданностью" и повергло всех в уныние. Н.З.Бравин едва успел передать остальным членам миссии просьбу чиновника "ничего дурного про англичан не говорить". Ввиду этого, первый прием у М.Тарзи прошел "бесцветно", стороны не могли найти подходящих слов и выражений, чувствовалось напряжение.

На следующий день после прибытия в Кабул, имея при себе два письма (одно от В.И.Ленина**, другое от комиссара по иностранным делам Г.В.Чичерина), Н.З.Бравин обратился к эмиру с просьбой об аудиенции для вручения посланий⁵⁵. В тот же день, 22 августа, он передал министру иностранных дел Афганистана М.Тарзи ноту, в которой просил на основах взаимности, как это разрешено афганцам в Ташкенте, позволить "поднять флаг Российской Республики" над полномочным представительством в Кабуле, а 23 августа - "без задержек открыть пять консульств в Афганистане: генеральное консульство в Герате, генеральное консульство в Мазари-Шарифе, генеральное консульство в Кандагаре, консульство в Маймана и консульство в Джалалабаде". Н.З.Бравин также потребовал показать ему хотя бы копию договорных условий, подписанных афганской делегацией с англичанами⁵⁶. Однако ответа на ноты не последовало.

26 августа состоялся официальный прием у эмира, на котором Н.З.Бравин вручил Аманулла-хану верительную грамоту и письмо председателя Реввоенсовета республики Л.Д.Троцкого. Письма были немедленно переведены и зачитаны эмиру. В ходе церемонии, носившей торжественный характер, советский посланец проявил способности и

* Русские эмигранты были выдворены из Афганистана весной 1921 г. после подписания советско-афганского договора. (Подробнее см.: Доклад Я.З.Сурица из Кабула в Наркоминдел от 30 апреля 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.3. Пап.103. Д.1. Л.33-34.)

** Скорее всего, письмо В.И.Ленина представляло собой копию с радиограммы от 27 мая 1919 г.

удивил афганцев владением английского и турецкого языками. В речи при вручении верительной грамоты он сказал об огромном историческом значении прибытия в Кабул первой советской миссии, подчеркнув, что советское правительство намерено оказать независимому Афганистану разностороннюю помощь и поддержку⁵⁷.

Эмир внимательно присматривался к русским, стремясь понять, в чем заключается опасность для Афганистана и его власти, исходящая от них, о которой столь много говорят англичане. У эмира, безусловно, существовало предубеждение к большевикам, как к разрушителям монархического строя, что ставило под сомнение саму возможность принципиального союза с Советской Россией. Кроме того, афганцы подозревали, что Советы стремятся не столько к установлению подлинно взаимовыгодных отношений, сколько пытаются с помощью Афганистана решать свои политические задачи на Востоке.

В свою очередь, советская миссия достаточно быстро убедилась, что и у афганцев есть свои политические интересы, которые они стремятся реализовать через дружбу с русскими. Главным образом, это выражалось в надежде Кабула, что Советская Россия окажет материальную, финансовую и военную помощь в укреплении афганского суверенитета. Со слов доктора Абдулгани, участника конференции в Равалпинди, присутствие бравинского посольства в Афганистане сыграло решающую роль во время переговоров с англичанами. Только угрозой союза с РСФСР афганцам удалось вырвать у англичан заявление о признании их независимости⁵⁸. Однако подписание 8 августа 1919 г. мирного англо-афганского соглашения было воспринято членами советской делегации как разрушение их планов создать в Афганистане постоянную болевую точку для Англии. Афганцы, заняв после прекращения войны более сдержанную, чем раньше, позицию в отношении англичан, поставили под сомнение и основные цели миссии. Советским представителям первое время было даже неясно, о чем теперь вести с афганцами переговоры, если война с Англией прекращена.

В свете новых реальностей пришлось по-новому оценить и уже происшедшие события: так как англичане стремились не допустить советскую миссию в эмират, нападение у Бурдалыка произошло не без влияния английских резидентов (произведенным позднее расследованием было установлено, что операция была организована при содействии бухарского эмира начальниками военных миссий и командирами интервенционистских англо-французских войск в Закаспии англичанином Ламкартом и французом Вальтером⁵⁹); пока шли англо-афганские переговоры и готовился мирный договор в Равалпинди, афганцы под давлением англичан почти месяц намеренно продержали

* По другим данным, эта операция была осуществлена при помощи белогвардейского офицера К.Осипова. (Искандаров Б.И. Бухара. - С.84.)

миссию в Герате. Советским представителям, считавшими себя до прибытия в Кабул "особыми" гостями афганского эмира, было теперь из-за чего унывать. У руководителя советской миссии Н.З.Бравина сложилось представление, что афганцы после заключения перемирия с англичанами были теперь недовольны приездом русских в Кабул, но, опасаясь открыто ссориться, стремились к тому, чтобы Советы сами отозвали свое посольство. Приезд миссии афганцы использовали для того, чтобы в полный голос заявить о территориальных претензиях на Кушку, Керки и Термез⁶⁰. В то время, как эмир не торопился раскрывать свои карты, у советских дипломатов нарастало ощущение полного провала миссии.

2 сентября* Н.З.Бравин был приглашен к эмиру⁶¹. Аманулла-хан решил говорить откровенно и высказал ему целый ряд своих сомнений, которые выражались в том, что для защиты суверенитета Афганистану необходима военная помощь, а нынешняя Россия, по выражению эмира, "слабый больной человек", не может ничего дать Афганистану, а потому его правительство сомневается в необходимости дружбы. На следующей аудиенции, состоявшейся 10 сентября, эмир вышел на желанную для советских представителей тему, но прямо спросил советских посланцев о российской военной помощи "в случае разрыва дипломатических сношений Афганистана с Англией"⁶². Думается, что задача силового освобождения от английского влияния в тот период еще отвечала политическим устремлениям афганского эмира и он был готов продолжить войну с англичанами при оказании реальной военной поддержки.

Члены советской миссии заявили, что если Москва и Кабул подпишут соответствующий договор, в Афганистан будут "немедленно" отправлены 8 артиллерийских орудий и 36 пулеметов с командами, 1,5 тыс. "первоклассных солдат" и 5 тыс. берданок с 1,5 млн. патронов к ним для вооружения племен пограничной полосы с Британской Индией. Н.З.Бравин, понимая, что обещание данных объемов поставок вряд ли может удовлетворить эмира, требовавшего не менее тысячи пушек, пообещал, что как только белогвардейская пробка между Туркестаном и центром будет прорвана, советское правительство окажет Афганистану "помощь в каком угодно размере", в том числе золотом, и возьмет на себя "все издержки по ведению войны" с Англией.

Н.З.Бравин, практически не имевший связи не только с Москвой, но и с Туркестаном, по сообщению Б.Н.Иванова, сделал это заявление "на свой страх и риск, учитывая важность вовлечения наших новых друзей в войну с Англией". В этом смысле он выполнял стратегическую

* Л.Ададек ошибочно называет дату 4 сентября 1919 г. и при этом считает ее датой первого приема миссии эмиром. (Adamec L.W. Afghanistan's foreign affairs...- P.55; Он же. Afghanistan, 1900-1923. - P.144.)

задачу, поставленную перед ним НКВД. Однако его обещания военной помощи не были подкреплены указаниями из Москвы. В свою очередь и Реввоенсовет Туркестанской республики дал Н.З.Бравину расплывчатое указание: не допустить быстрого окончания англо-афганской войны; дать афганцам необходимые военные консультации (для чего в состав миссии были включены военные специалисты); установить дипломатические отношения. Осуществление последней задачи в основном понималось руководством Туркестана как создание благоприятных условий для охраны границ⁶³, нарушение которых грозило полным отрывом Туркестана от центральной России.

16 сентября посольство было вновь принято эмиром. У афганцев, видимо, сложилось представление, что Советская Россия неслучайно добивается дружбы с Афганистаном, а потому они решили обставить требование открытия советского посольства и консульств в афганских городах целым рядом условий, главными из которых были:

1. Советский флаг над посольством и консульствами будет поднят только по прибытии в Кабул посольств других стран;
2. Въезд советских граждан в Афганистан возможен только с разрешения эмирского правительства;
3. Афганцы пользуются свободным въездом в Россию;
4. Состав советского посольства должен быть не более 15 человек, консульств - не более 5;
5. Все члены посольства и консульств дают подписку не вести большевистскую пропаганду в Афганистане;
6. Советы открывают свои консульства в Герате, Мазари-Шарифе и Маймана, Афганистан - "где ему угодно"⁶⁴.

Н.З.Бравин, понимавший, что в новых условиях не удастся добиться осуществления ранее поставленных военно-политических целей, сосредоточил внимание на выполнении дипломатических задач, которые официально и были заявлены миссией. В результате долгих дискуссий советская делегация решила согласиться со всеми требованиями афганцев. Однако и после этого афганцы тянули с открытием консульств, надеясь получить от советских дипломатов новые уступки, в частности, по пограничным вопросам*. Так как 3 человека из состава полномочного представительства на основании словесных обещаний афганцев уже были назначены в состав советских консульств в Мазари-Шариф (Х.И.Мамин), Герат (А.Аулиани) и Маймана (Кислов) и ждали окончательного решения, Н.З.Бравин нотой от 25 сентября 1919 г. на имя М.Тарзи поставил жесткое условие: "Если афганское правительство не встречает препятствий на отъезд ... к местам их назначения, они будут ждать назначения дня отъезда. Если же афганское правительство против открытия названных консульств, они уедут в Россию..."⁶⁵.

* Подробнее см. главу 6.

Афганское правительство не хотело открытия советских консульств, боясь, что они станут базами для советской пропаганды и разведывательной деятельности, однако не хотело и отказывать советской миссии, опасаясь резкого охлаждения отношений накануне важных англо-афганских переговоров, которые должны были знаменовать окончание шестимесячного "испытательного" периода. После ноты Н.З.Бравина Кабул был вынужден согласиться с требованиями советского представителя об открытии консульств, однако заявил, что лишь "когда последует официальное признание посольства в Кабуле, лишь тогда официально будут признаны и консульства"⁶⁶. Принимая решение о неофициальном открытии советских консульств, в Кабуле руководствовались тем, что нахождение большой группы советских представителей в столице может вызвать острые дискуссии с англичанами накануне переговоров. Поэтому афганцы согласились на временное назначение консулов и удаление их из Кабула.

1 октября 1919 г. после прощального приема у эмира советские консулы выехали к местам своих назначений. Вместе с консулами по дороге в Ташкент отправились, так и не востребованные афганцами, военные члены российской миссии⁶⁷. После их отъезда в советском представительстве в Кабуле в середине октября 1919 г. оставались, кроме Н.З.Бравина, только три человека: М.И.Зибаров, секретарь И.П.Шелепина и переводчик М.Азизханов⁶⁸. Фактически, сформировав первый советский дипломатический корпус в Афганистане и договорившись с эмиром о принципах советско-афганского военно-политического сотрудничества, Н.З.Бравин считал свою миссию в основном выполненной и заслуживающей одобрения центра. Он надеялся, что теперь Москва согласится направить его на дипломатическую работу в хорошо знакомую и любимую им Персию.

Между тем, пока миссия Н.З.Бравина добиралась до Кабула и вела там переговоры, в Ташкент и Москву поступала конфиденциальная информация. В частности, военные члены миссии Б.Н.Иванов и К.М.Куликов передали полномочному представительству ВЦИК и ЦК РКП(б) в Туркестане - Турккомиссии слова Н.З.Бравина о том, что он едет в Афганистан якобы с намерением "удрать в Персию из Советской России"⁶⁹. Скорее всего, это было откровенное извращение того, что в действительности мог сказать Н.З.Бравин. Бравин был принципиальный, а потому очень неудобный многим человек. Он, действительно, прекрасно знал Персию, изъездил ее вдоль и поперек, считая себя человеком, посвятившим "всего себя" этой стране. Однако в июне 1918 г. НКВД отозвал его из Персии вследствие доноса (содержание которого

пока не удалось выяснить) некоего Джагетянца*. Когда Н.З.Бравин уже находился в Афганистане, НКВД сообщил ему, что факты, изложенные Джагетянцем, не нашли подтверждения. Однако это было сделано без всяких извинений и он был не удовлетворен, настаивая перед НКВД на отправке его в Персию при первой же возможности⁷⁰.

Информаторы постоянно доносили в Ташкент, что действия руководителя миссии не внушают доверия. Например, были переданы слова Н.З.Бравина на официальном приеме в Кабуле о том, что он является дипломатом, но "не большевиком и о программных вопросах не считает нужным говорить"⁷¹; что благодаря Н.З.Бравину в Кабул с советской делегацией приехала жена белогвардейского офицера Н.И.Черневского⁷². А тут еще в ташкентских "Известиях" от 12 июля 1919 г. появилась статья "Из поездки на Асхабадский фронт", в которой описывался обстрел туркменами на Амударье парохода, следовавшего с советским дипломатическим представительством в Афганистан. В статье утверждалось, что "все, находящиеся на пароходе, держали себя геройски, только представитель печати опозорил себя самым непоправимым образом. Как только начался обстрел, сообщала газета, Бравин убежал вниз в трюм и не показывался оттуда, пока не закончилось все дело". Позже выяснилось, что описанный факт действительно имел место, но он касался не Н.З.Бравина - руководителя миссии, который во время обстрела находился на палубе с винтовкой в руках, а "представителя печати" М.С.Батавина (он же М.С.Натанзон), являвшегося представителем РОСТА в Туркестанской республике⁷³. Даже если эта публикация не имела умысла опорочить Н.З.Бравина и в целом, верно передав происшедшее событие, случайно перепутала однозвучные фамилии, его честь была задета, а репутация испорчена.

У Н.З.Бравина сложились конфликтные отношения со всеми членами миссии, за исключением М.И.Зибарова. Они были недовольны тем, что он, являясь руководителем миссии, отбросил принцип коллективного участия в принятии решений, часто не советуясь с остальными ее членами. Особенно задевало окружение Н.З.Бравина то, что он, будучи беспартийным, "полагал возможным руководить партийными членами миссии". Кроме того, по приезду в Кабул Н.З.Бравин, недовольный неразберихой различных статусов, которые имелись у членов его миссии (например, у Х.И.Мамина был мандат "Представителя Туркестанской республики в Афганистане и Персии"), отменил их. Однако после устроенной ему остальными членами миссии обструкции вынужден был назначить Х.И.Мамина на должность советского консула в Маймана. По этому поводу Х.И.Мамин, не без

---

* О персидском периоде службы Н.З.Бравина в качестве советского представителя см.: Eudin Xenia Joukoff, and North Robert C. Soviet Russia and the East. - P.93-94.

издевки, сообщил в Комиссариат иностранных дел Туркестанской АССР, что он был "помилован беспартийным дипломатом"⁷⁴.

Турккомиссии было сообщено, что отъезд военных членов российской миссии из Кабула произошел при участии Н.З.Бравина⁷⁵. Действительно, 23 августа, через день после прибытия в Кабул, Н.З.Бравин поставил перед М.Тарзи вопрос, как афганское правительство намеревается использовать прибывших с ним военных специалистов во главе с Б.Н.Ивановым. Он подчеркнул, что их включение в состав миссии произошло по соглашению с М.Вали-ханом, ибо предполагалось, что в условиях войны с англичанами они понадобятся. Афганцы, боясь теперь осложнений с англичанами, сами дали понять советским представителям нежелательность дальнейшего присутствия советских военных специалистов в Афганистане, тем более стремившихся собирать разведданные. 25 сентября Н.З.Бравин сообщил в Ташкент, что афганское правительство "ввиду подписания мира (с) Англией и перемены курса афганской политики,...считает излишним пребывание в Кабуле членов Полномочного Представительства военных, радистов и техников". После этого он отправил обратно в Ташкент военного атташе миссии Б.Н.Иванова, приехавших с ним Вольфрама, Л.Эпштейна, Филькелментера, Вали-Ходжу, а также радиотелеграфиста А.Трикозова и телеграфиста А.Павлова⁷⁶. Ко всему прочему, Н.З.Бравин, не имевший постоянной связи с Ташкентом, посылая своих людей в Туркестан, надеялся, что они подробно разъяснят на месте советским органам новую политическую ситуацию в Афганистане после окончания войны с Англией, и миссия получит необходимые директивы для ее дальнейшей работы.

Существовавшее с самого начала недоверие к Н.З.Бравину и поступающая о нем информация ускорили решение Совнаркома РСФСР о назначении Я.З.Сурица (1882-1952), в прошлом журналиста, а затем уполномоченного НКВД в Туркестане, Чрезвычайным и Полномочным представителем РСФСР в странах Центральной Азии. 23 июня 1919 г. ему была выдана верительная грамота, подписанная В.И.Лениным и Г.В.Чичериным⁷⁷. Одновременно в Кабул на имя Н.З.Бравина заместителем народного комиссара по иностранным делам Л.М.Караханом была отправлена телеграмма, которая определила его статус как уполномоченного представителя Наркоминдел в Афганистане с подчинением в решении всех основных вопросов Я.З.Сурицу⁷⁸. Таким образом, решение, сводящее Н.З.Бравина на "второй план" и свидетельствующее об явном недоверии к нему Москвы, было принято еще до приезда миссии в Кабул. Хотя, вплоть до прибытия в Кабул Я.З.Сурица (14 декабря 1919 г.), реальное положение Н.З.Бравина не менялось, это решение впоследствии оказало сильное отрицательное воздействие на такого гордого и честолюбивого человека, каким был Н.З.Бравин.

Новая миссия должна была отправиться в Кабул не позднее 23 июня. Предполагалось, что к этому времени будут подготовлены все основные документы и материалы, произведены назначения. Члены делегации подбирались НКВД, но затем проходили процедуру утверждения Реввоенсоветом республики⁷⁹. В период, когда Я.З.Суриц еще не был официально назначен руководителем делегации, всю подготовительную работу по организации миссии осуществлял сотрудник Наркоминдел Я.А.Каменецкий (на последнем этапе подготовки миссии он не вошел в число ее сотрудников)⁸⁰. Техническая подготовка миссии проводилась в Москве, Самаре и Сызрани. Основной дипломатический состав миссии, подобранный в центре, состоял из пяти человек, куда, наряду с руководителем, вошли: первый секретарь миссии И.М.Рейснер; назначенный Реввоенсоветом республики в качестве эксперта по военным делам В.М.Каабак⁸¹; помощник военного агента В.С.Томпофольский и заведующий охраной при афганской миссии И.В.Ермошенко, который, судя по мандату, также являлся военным агентом миссии⁸². Все они были в основном подобраны в конце мая - первых числах июня 1919 г. Однако Туркестан был "оторван" от центральной России, не было точных сведений о возможности перелета на самолете до Ташкента. Членам миссии пришлось дожидаться прорыва Красной Армии на Актюбинск. Только осенью 1919 г. основная группа миссии Я.З.Сурица, собравшись наконец в Ташкенте, была готова выехать в Кабул*.

Я.З.Суриц, находясь в Туркестане и знакомясь с донесениями, видимо, не без помощи заведующего Отделом внешних сношений при Турккомиссии Г.И.Бройдо, составил себе в целом негативное представление о Н.З.Бравине, а его назначение руководителем посольства посчитал "неудачным"⁸³. Советские работники Туркестана, устранив к этому времени с поста народного комиссара по иностранным делам Туркестанской АССР Е.Е.Богоявленского, были недовольны его протее - Н.З.Бравиным. Я.З.Суриц получил в Ташкенте прямое указание Г.И.Бройдо в отношении Н.З.Бравина: "...немедленно по приезде откомандировать его в Россию"⁸⁴. На Я.З.Сурица произвел также впечатление и доклад Б.Н.Иванова, приехавшего 2 ноября из Афганистана вместе с другими военными представителями бравинской миссии, который, высоко оценивая талант Бравина-дипломата, все же дал его практической деятельности в Кабуле весьма негативную характеристику.

Приезд Я.З.Сурица 24 декабря 1919 г. в Кабул и его попытки сразу отстранить Н.З.Бравина от ведения переговоров с афганцами создали

* Имеются свидетельства неудавшихся попыток англичан перерхватить миссию Я.З.Сурица еще до того, как она ступила на афганскую территорию. (Подробнее см.: Stewart R.T. Fire in Afghanistan...- P.108-109; Хейфец А.Н. Узы добрососедства и братства нерасторжимы...- С.20.)

конфликтную ситуацию. Н.З.Бравин не хотел считаться с решением Москвы, подчиняющим его Я.З.Сурицу и пытался некоторое время играть самостоятельную роль⁸⁵. Пришлось ТуркЦИКу со своей стороны подтвердить решение центрального руководства⁸⁶. Кроме того, из Москвы посоветовали туркестанским властям официально отозвать Н.З.Бравина в Ташкент под предлогом отчета о деятельности в Кабуле с последующим назначением на дипломатическую работу в Персию⁸⁷. В конце концов Н.З.Бравин был готов принять новый статус, сводящий его на положение чиновника правительственного учреждения - Народного комиссариата по иностранным делам, а не официального представителя правительства страны, и потому ставивший под сомнение проделанную им работу в Афганистане, данные эмиру гарантии и обязательства, но при этом он категорически отказывался оттого, чтобы об этом было публично объявлено афганскому руководству. Однако, понимая, что бесконечным такое положение быть не может, он в письмах в Москву вновь и вновь пытался убедить центр поверить в его "уже выдержавшую все испытания лояльность и облечь ... полным доверием"⁸⁸.

22 января 1920 г. Я.З.Суриц вновь потребовал, чтобы Н.З.Бравин возвратился в Туркестан для доклада о проделанной работе. Однако на следующий день он вынужден был срочно сообщить в Ташкент, что "Бравин официально сложил полномочия"⁸⁹. Озлобленный и обиженный откровенным пренебрежением его достоинств дипломата, постоянно чувствовавший недоверие к себе, Н.З.Бравин прислал Я.З.Сурицу заявление об уходе со всех ранее занимаемых постов, а также вынужден был поставить об этом в известность и афганское правительство.

Однако отставка Н.З.Бравина вызвала дополнительные беспокойства у советского руководства. Став частным лицом, Н.З.Бравин не пожелал возвращаться в Советскую Россию и остался в Афганистане (с этого времени он на афганской службе: по просьбе афганского правительства читает лекции по международному праву и юриспруденции для работников афганского министерства иностранных дел)⁹⁰. Если у Н.З.Бравина, человека практичного, с устоявшимися взглядами, постоянно заботившегося о своей репутации дипломата, и были какие-то идейные соображения, сблизившие его с советской властью, этот конфликт окончательно поссорил его с правящим в России режимом. Так и не став "советским дипломатом", он стал первым советским дипломатом-диссидентом.

В первых числах февраля 1920 г. министр иностранных дел Афганистана М.Тарзи, якобы конфиденциально, сообщил тесно связанному с советским дипломатическим представительством в Кабуле

индийцу Абдуррабу*, что "Бравин ходатайствовал перед эмиром о пропуске в Индию". Естественно, эта информация стала сразу известна в Москве. В советском руководстве этого опасались больше всего, ибо были убеждены, что "с одними афганскими гарантиями Бравин не рискнул бы ехать к англичанам"⁹¹, а имеет у себя важные, компрометирующие советскую дипломатию на Востоке материалы. Передача англичанам секретной информации могла серьезно подорвать позиции советской дипломатии и разведки в Афганистане. Я.З.Суриц отправил в Ташкент срочную радиограмму, требуя немедленного изъятия из "употребления шифров, известных Бравину"⁹².

Действиями бывшего советского дипломата были обеспокоены и афганцы. С одной стороны, эмир, доверившийся Н.З.Бравину, раскрывший перед ним свои антибританские позиции и намерения, не хотел их разглашения, с другой, афганцы, втянутые в дипломатический конфликт, были обеспокоены возможными осложнениями с Москвой, если Н.З.Бравин отправится из Афганистана в Индию. По сообщению Абдурраба, афганский министр иностранных дел М.Тарзи в частной беседе с Н.З.Бравиным прямо сказал, что намерен помешать его отъезду в Индию, несмотря на "личные симпатии и доверие к нему эмира", так как "его отъезд может повредить русско-афганским отношениям"⁹³. Из архивных документов, касающихся Н.З.Бравина и относящихся к концу лета-начала осени 1920 г., следует, что в этот период афганские официальные лица постоянно консультировались с советским полпредом в Кабуле о судьбе Н.З.Бравина⁹⁴. Советские дипломаты активно воздействовали на афганцев, убеждая их в том, что "услуги", которые Н.З.Бравин окажет англичанам, будут "одинаково вредны" как для Советской России, так и для Афганистана⁹⁵.

По нашему мнению, многие данные расходятся с выводами ряда западных исследователей о том, что Н.З.Бравин принял афганское подданство⁹⁶. Ставшие доступными нам документы АВП РФ не только не указывают на этот факт, но некоторые из них, относящиеся к периоду после январской отставки Н.З.Бравина, явно противоречат этому выводу. Например, и в феврале 1920 г., после сложения Н.З.Бравиным с себя функций советского дипломатического представителя, туркестанские власти продолжали настаивать перед Кабулом на его возвращении⁹⁷. Ряд документов подчеркивает его полуофициальный статус на афганской службе. И, наконец, неоднократные заявления самого Н.З.Бравина о желании отправиться в Индию или в другие страны (имеются свидетельства о ходатайстве Н.З.Бравина перед эмиром об отъезде в Персию и даже в Америку)⁹⁸, явно противоречат

* Абдурраб (Абдур Рауф) был членом германо-турецкой миссии в Кабуле (1916 г.). Затем в 1919 г. он уехал в Германию, возвратившись в Кабул как М.Пратап и Т.Ачарья с миссией Я.З.Сурица. (Подробнее см.: Adamec Ludwig W. Historical and political... - P.107.)

обретенному статусу афганского подданного. Правда, возможно, что в поисках выхода из создавшегося положения, принятие афганского подданства было одним из его неосуществленных намерений.

Ситуация с бывшим советским полномочным представителем приняла новый поворот, когда в январе 1921 г. в Кабул приехала британская дипломатическая миссия во главе с Г.Доббсом. Как свидетельствует в своих мемуарах М.Р.Шиван, Н.З.Бравин попытался вступить с ней в контакт, что вызвало откровенное раздражение у кабульских властей. Аманулла-хан потребовал, чтобы Н.З.Бравин покинул Афганистан.

В январе 1921 г., взяв с собой большое количество имевшихся у него документов, Н.З.Бравин отправился в Индию. Для сопровождения бывшего советского дипломата до границы афганские власти выделили караул из 7 вооруженных человек во главе с неким Асламом. Во время остановки в Газни, когда Н.З.Бравин вечером вышел на прогулку, он был убит Асламом или одним из сопровождавших его солдат. По свидетельству М.Р.Шивана, в смерти Н.З.Бравина был обвинен человек, не имевший к этому никакого отношения - преступник, сидевший в газнийской тюрьме и ожидавший смертного приговора. Ему пообещали, что его семья получит крупную сумму денег, если он заявит, что убил Н.З.Бравина якобы за оскорбление религиозных чувств. Этот преступник и был казнен как убийца Н.З.Бравина⁹⁹.

К сожалению, доступные исследователю российские архивные материалы ничего не сообщают об этой трагической развязке событий. Невозможно документально точно утверждать, кем было дано задание о физическом устранении Н.З.Бравина. Тем не менее эта операция, на наш взгляд, не могла быть проведена афганцами (и ими ли?) без предварительных консультаций с советскими представителями в Кабуле. Нельзя исключать, что советские спецслужбы, возможно, с согласия афганцев, склонились к физическому устранению Н.З.Бравина как к более "легкому" и "дешевому" разрешению проблемы. Документальные материалы АВП РФ, скорее всего, содержат ответ на этот вопрос в закрытых от исследователей фондах. При наличии в архиве большого количества документов о Н.З.Бравине, относящихся к периоду с весны 1919 г. до начала осени 1920 г., их полное отсутствие в доступных для исследователя фондах по периоду с осени 1920 г., обращает на себя внимание. Тем не менее, даже логически можно предположить, какие документы непременно должны быть - документы, свидетельствующие о том, что найденный труп принадлежал действительно Н.З.Бравину или документы, раскрывающие естественное в этом случае беспокойство советских специальных органов и НКВД о наличии материалов, которые он с собой вез. Тем более, что М.Р.Шиван свидетельствует о произведенном на месте осмотре вещей Н.З.Бравина, часть из которых была конфискована. При этом присутствовал некий Мир Замануддин,

приехавший в Газни из Кабула для производства ревизии¹⁰⁰. Если же такие документы отсутствуют, то это может являться лишь косвенным свидетельством того, что у официальной Москвы не было сомнений в том, чье тело было найдено в Газни, а факт смерти не требовал подтверждения, особого беспокойства и дополнительных проверок на местности. Как бы там ни было, со смертью Н.З.Бравина завершилась драматичная история первой советской миссии в Афганистане, значение которой, тем не менее, было в том, что она установила непосредственные дипломатические отношения между двумя странами.

ГЛАВА 2

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ДЕРЖАВ ЗА ВЛИЯНИЕ В АФГАНИСТАНЕ

Когда в декабре 1919 г. Я.З.Суриц приехал в Кабул, он не имел ясных представлений о действительном положении Афганистана. Пребывание в Туркестане, где в тот период господствовали представления о необходимости возобновления военных действий Афганистана с Англией (особенно у командования Туркестанского фронта), оказало на него воздействие. То, что до сих пор этот вопрос не решился, считалось виной Н.З.Бравина, намеренно затянувшего переговорный процесс с афганцами. Я.З.Суриц в тот период не сомневался, что Москва поддерживает эту позицию в отношении Афганистана: при назначении в Кабул он получил от советского руководства указание "воспрепятствовать заключению мира" (точнее, подписанию договора) между афганцами и англичанами и добиваться "всеми средствами нового афгано-английского столкновения"¹⁰¹. 22 октября, за два дня до отъезда его миссии в Кабул, командующий Туркестанским фронтом М.В.Фрунзе, накануне вернувшийся из Москвы, сообщил, что принято решение об отправке в Афганистан "двух бригад пехоты и некоторого количества снаряжения"¹⁰². Было очевидно, что центр по-прежнему считает основной задачей советской политики на Среднем Востоке - возобновление военных действий Афганистана с Англией, теперь уже при экономической и военной поддержке РСФСР.

Приехав в Кабул, Я.З.Суриц начал переговоры с афганцами, имея в виду вариант военно-политического союза с Афганистаном*, активно

---

* Идея военного "оборонительно-наступательного союза" Советской России и Афганистана, судя по всему, была впервые высказана индийским эмигрантом

развиваемый Ташкентом и командованием Туркфронта. Однако быстро понял, как в свое время и Н.З.Бравин, что в новых условиях невозможно быстро вовлечь Афганистан в войну против англичан, и не стал настаивать на требовании военного союза, положив в основу русско-афганских отношений, по его выражению, "более длительные и общие интересы обеих сторон"¹⁰³.

31 декабря 1919 г., а затем 13 января 1920 г. в результате многочасовых заседаний советские дипломаты в основном договорились с афганцами о тексте будущего договора¹⁰⁴. Однако из-за плохой связи советского представительства с Туркестаном и попыток Турккомиссии и руководства Туркфронта вести в Ташкенте параллельные переговоры с афганцами, Москва получила сообщение, из которого следовало, что в Кабуле и Ташкенте ведутся переговоры о военно-политическом союзе с Афганистаном, который предполагает совместные военные действия против англичан.

Получив такую информацию из Ташкента, в Москве выразили крайнее недовольство. В то время как у командования Туркфронта все еще были сильны неоправданные надежды на возможность афганского выступления против англичан, НКВД выразил беспокойство по поводу того, что Россия может быть вовлечена в конфликт из-за Афганистана с Англией: одно дело, как считали в Москве, установить дипломатические отношения с Афганистаном и через него оказывать непосредственное давление на Британскую Индию и пуштунские племена, и совсем иное - принять на себя определенные, в том числе военно-оборонительные, обязательства. Секретной депешей полномочному представителю РСФСР в Туркестане, члену Турккомиссии Ш.З.Элиаве Г.В.Чичерин строго заявил: "Мы никогда не говорили о союзе с Афганистаном, даже оборонительный союз поставит нас в невозможное положение, если помиримся с Англией"¹⁰⁵.

Эти слова Г.В.Чичерина раскрывают подлинную причину возникшего в Москве беспокойства и перемены позиций: у руководства НКВД появились надежды на достижение соглашения с Англией. Такое соглашение могло разорвать антисоветский фронт, предотвратить новую иностранную интервенцию, дать значительные стратегические и тактические выгоды как в Европе, так и в Азии. Несмотря на то, что официальной целью начавшихся в мае 1920 г. в Лондоне советско-британских переговоров было подписание торгового соглашения между двумя странами, определяющими при его разработке и заключении все же были вопросы чисто политические: признание де-факто Советской

М.Баракатуллою во время его беседы с В.И.Лениным 7 мая 1919 г. Он же поднял вопрос и о поставках советской военной техники, предоставления денежной субсидии. (См.:Перевод записки М.Баракатуллы "Центральному российскому правительству". Москва, 22 апреля 1919 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.1502. Л.1-6.)

России, проблемы пропаганды и враждебных действий друг против друга, в том числе на Востоке¹⁰⁶.

Хотя в Кремле советско-британские переговоры рассматривались как необходимость получения кратковременной передышки, здесь, тем не менее, понимали, что компромисс будет возможным, если оставить в неприкосновенности систему раздела Востока по договору 1907 г., заключенному между царской Россией и Великобританией, а следовательно, признать Афганистан сферой британского влияния. Есть основание считать, что советское руководство, при разработке соглашения с Англией, пожалело о том, что поторопилось с официальным заявлением об отказе от англо-русского соглашения 1907 г*, понимая, что на иных условиях англичане не примирятся с растущим влиянием Советской России на Среднем Востоке. С другой стороны, в Кремле опасались, что англичане, примирившись с афганцами, могут совместными усилиями выступить против русских, или даже "натравить" Афганистан на Россию. Москва была намерена не допустить восстановления отношений Англии и Афганистана, так как в условиях мирных, добрососедских отношений между этими странами заметно снизился бы возможности советского воздействия на Афганистан.

Поскольку в Москву было сообщено, что советские дипломаты уже договорились с афганцами о тексте будущего договора, отказ от обговоренного проекта мог вызвать скандал и подорвать доверие к советской политике на Востоке. Поэтому Г.В.Чичерин, предупреждая Ш.З.Элиаву о недопустимости впредь каких-либо шагов "без предварительного согласия центральных ведомств", стремился изыскать обтекаемые формы советско-афганского договора. Не желая, как и раньше, говорить "о союзе с Афганистаном", он склонялся к тому, чтобы упомянуть в соглашении "о взаимном оказании помощи", ограничившись обязательством отправить военное снаряжение, а не людей. В Кремле не хотели брать на себя каких-либо обязательств по ведению совместных военных действий с Афганистаном в случае объявления ему войны Англией¹⁰⁷.

Однако в ходе январских переговоров с афганским руководством Я.З.Сурицу стало ясно, что Кабул не хочет подписывать с Россией, говоря языком современной дипломатии, "соглашение о намерениях", если оно не будет подкреплено конкретными цифрами и обязательствами советской помощи Афганистану. От Я.З.Сурица требовалось подтвердить и военную помощь, обещанную Н.З.Бравиным. "Все мои попытки, - сообщил он в Москву, - отделить подписание общего соглашения от одновременного определения всех цифр и подробностей

* Следует признать, что эти нюансы советско-английских отношений 1919-1921 гг. еще недостаточно изучены, особенно в свете новых архивных материалов. Однако на них указывает ряд источников. (Например, см.: Телеграмма Ф.Ф.Раскольниковца Г.В.Чичерину от 25 августа 1921 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2128. Л.4-5.)

даваемой помощи не увенчались успехом” и встретили резкий отпор Аманулла-хана¹⁰⁸. Так как вопросу о размерах военной помощи был придан характер основного и от его разрешения зависело продолжение переговоров, Я.З.Суриц наметил следующие обязательства сторон:

- военная помощь Советской России Афганистану в 1 млн. руб. золотом в качестве ежегодной субсидии;

- передача 5 тыс. винтовок афганцам и 10 тыс. пограничным племенам;

- открытие советских консульств в Джалалабаде, Кандагаре и Газни;

- советская сторона должна получить право непосредственных сношений с племенами;

- стороны заключат почтовую конвенцию и подпишут торговый договор;

- обе стороны признают независимость Хивы и Бухары.

22 января 1920 г. дипломатический курьер доставил очередную почту в Кабул: новые указания центра расходились с прежними, в полученных инструкциях конкретные цифры оказания помощи Афганистану отсутствовали. Письмо заведующего Отделом внешних сношений при Турккомиссии Г.И.Бройдо от 3 декабря 1919 г. предписывало положить в основу советско-афганского договора военно-политический союз, точнее, заключить военную конвенцию с Афганистаном, которая носила бы форму тайного договора. Так как Я.З.Сурицу стали очевидны различия в позициях НКВД, склонившегося к подписанию с афганцами лишь общего соглашения, который не будет связывать руки советской дипломатии во взаимоотношениях с Англией, и Уполнаркоминдел Туркестана, который стремился под давлением военного командования Туркфронта к заключению полномасштабного договора о военном союзе с Афганистаном и с согласия центра вел параллельные переговоры с афганцами в Ташкенте, он воздержался сообщать афганскому руководству полученные инструкции и, к разочарованию эмира, заявил о приостановлении переговоров. Лишь в начале марта, опираясь на прямые указания Турккомиссии, требовавшей продолжить переговорный процесс, он объявил афганцам, что в основу будущих переговоров положит идею заключения военно-политического союза, хотя сам тогда уже весьма скептически относился к возможности вовлечения Афганистана в войну без достаточной советской помощи¹⁰⁹.

Я.З.Суриц ждал дипломатической почты с инструкциями центра, однако прошло полтора месяца (с 22 января по 4 марта), прежде чем она была получена в Кабуле. Доставленная 4 марта курьером Молчановым, она включала в себя документы НКВД, отправленные 3 января (т.е. еще до приостановления переговоров в Кабуле). Содержащаяся в ней директива Г.И.Бройдо изобиловала общими положениями и требованием от советских представителей в Кабуле строго придерживаться указаний центра и “ни на йоту не отступать” от его

директив. Кроме того в ней содержалось совершенно отставшее от действительности требование к Я.З.Сурицу, вопреки желанию Афганистана, "втянуть его в войну с Англией не позже весны этого года". Были присланы и подробные протоколы заседаний Турккомиссии с афганскими представителями в Ташкенте, в которых содержался "широчайший план оборонительно-наступательного союза".

Я.З.Суриц был запутан многообразием инструкций. Было неясно, как вообще относиться к ташкентским переговорам и принятым там решениям: то ли как к основе для кабульских переговоров, то ли как к окончательному решению. И, наконец, письмо Л.М.Карахана к Ш.З.Элиаве требовало на переговорах в Кабуле все "устроить так, чтобы, ничего не давая афганцам, внушить им, что мы им что-то даем"¹¹⁰. Эта инструкция путала все карты и, по мнению члена советского полномочного представительства И.М.Рейснера, заставляла предполагать, что даже в случае войны "эмирству отводится второстепенное место в нашей Средне-Азиатской политике"¹¹¹.

Однако афганцы, потеряв терпение и зная, что Я.З.Суриц получил дипломатическую почту, сами предложили возобновить переговоры. Министр иностранных дел М.Тарзи, у которого с Я.З.Сурицем состоялась беседа, выразил беспокойство, что советские представители не случайно прервали переговоры и ведут дискуссии с англичанами в Лондоне, которые могут отразиться и на советско-афганских отношениях. Я.З.Суриц парировал этот упрек, заявив, что по имеющейся у него информации, афганская сторона также проводит консультации с англичанами¹¹².

Действительно, 9 марта 1920 г. вице-король Индии Челмсфорд предложил афганскому правительству возобновить переговоры¹¹³. М.Тарзи готовился к отъезду на англо-афганскую встречу в Майсур, намереваясь добиться установления дипломатических отношений с Великобританией, а потому ему хотелось иметь на руках козырь советско-афганского переговорного процесса, чтобы им воздействовать на англичан. В афганском руководстве не было единства в вопросе, как строить дальнейшие отношения с Великобританией, но были сильны, особенно в лице самого эмира и военного министра М.Надир-хана, представления о необходимости использовать против англичан сложное внутривнутриполитическое положение в самой Индии. Конечно, в первую очередь, афганцам были нужны подтверждения готовности советского руководства оказать военную помощь, но важным был и сам факт ведения переговоров.

Чтобы поддержать настрой Кабула на переговоры с советским представительством, Я.З.Суриц подтвердил М.Тарзи, что надеется на заключение военно-политического союза между Советской Россией и Афганистаном. Однако 13 марта была получена радиограмма Л.М.Карахана на имя Турккомиссии, из которой советский полпред

впервые узнал, что НКВД категорически против военно-оборонительного союза с Афганистаном¹⁴. По мнению И.М.Рейснера, это радиограмма, несмотря на свою лаконичность, “знаменовала полный переворот” всей прежней политики РСФСР в Афганистане: отказ от военного союза, о котором Я.З.Суриц уже обмолвился; фактическая отмена реальной помощи, обещанной Я.З.Сурицем на переговорах 31 декабря 1919 г. и 13 января 1920 г. Наконец, 25 марта советское полномочное представительство получило депешу Г.В.Чичерина (от 25 января 1920 г.), в которой нарком иностранных дел указал на то, что будущему соглашению с Афганистаном не следует придавать форму военного союза¹⁵. Указания из Москвы аннулировали не только достигнутое Я.З.Сурицем на переговорах в Кабуле, но и основу ташкентских переговоров о наступательно-оборонительном союзе. Вновь воскрешалась идея односторонней военной помощи, но конкретных ее очертаний, которыми можно было заинтересовать Кабул, предложено не было.

Озадаченный путаницей указаний, Я.З.Суриц посчитал, что одновременное ведение параллельных переговоров в Ташкенте и в Кабуле нецелесообразно, что следует окончательно прекратить переговоры в Кабуле и сосредоточить их в Ташкенте¹⁶. Эта позиция отчасти определялась и личными взглядами Я.З.Сурица, который вопреки установкам Ташкента и идущим там переговорам, серьезно сомневался в возможности создания реального оборонительно-наступательного союза с Афганистаном, о котором, под давлением инструкций Турккомиссии, он был вынужден заявить в марте 1920 г.

Чем ближе становилась дата отъезда афганской делегации на встречу с англичанами, тем больше нервозности проявлял и официальный Кабул. В афганском руководстве предложение англичан возобновить переговоры вызвали серьезные разногласия. Противоположные точки зрения высказали военный министр М.Надир-хан и министр иностранных дел М.Тарзи. М.Надир-хан возглавил “непримиримую” часть кабинета, которая была против переговоров и настаивала на скорейшем заключении договора с Россией для продолжения с советской помощью активной антианглийской политики на границе. “Умеренное” крыло кабинета во главе с М.Тарзи считало, что тесное сближение с Советской Россией угрожает афганской независимости (приводились примеры Хивы, Туркестана, советского воздействия на Бухару, говорилось о невыполнении советской стороной ранее обещанных уступок по территориальным проблемам)¹⁷. Эмир, судя по всему, был склонен поддержать позицию М.Надир-хана, однако понимал, что ситуация на границе с Индией отличается от той, которая была в 1919 г.

Не дождавшись советской инициативы продолжения переговоров, Аманулла-хан сам пригласил советского полпреда на прием. Встреча,

состоявшаяся 27 марта в присутствии министра иностранных дел М.Тарзи и военного министра М.Надир-хана, была обставлена с особой конспиративностью, о чем свидетельствовало удаление из зала заседания даже личных адъютантов эмира¹¹⁸. Перед Аманулла-ханом и его ближайшим окружением, пришедших к власти на волне антианглийских настроений и в борьбе за независимость, теперь, накануне майсурской встречи, вновь, как и в 1919 г., стоял стратегический вопрос: или полностью прекратить переговорный процесс с англичанами, не надеясь, что они согласятся без значительных уступок установить полноправные межгосударственные отношения, и перейти с советской помощью к активным антибританским действиям, или путем уступок все же добиться дипломатического признания страны.

Судя по характеру состоявшейся встречи, у афганцев не было четкой позиции, но были сильны в лице эмира и военного министра представления о том, что если войны с англичанами не избежать, то нынешний момент - самый благоприятный и все упирается в оказание реальной помощи. В ходе встречи М.Надир-хан призвал Москву к совместному выступлению против англичан, и, фактически, к реализации идеи наступательно-оборонительного союза. В донесении в Москву Я.З.Суриц подробно передал обращения М.Надир-хана: "Если бы ваше командование предприняло наступление на Хорасан, (то) афганцы повели бы (наступление) одновременно из Герата, ударили бы на Кушку-Систан и подняли бы общее восстание племен. Все племена за немедленную войну. Остановка за оружием". Таким образом, у афганцев был план одновременных военных действий с Красной Армией и независимыми пуштунскими племенами против англичан и их союзников, оккупировавших значительную территорию Ближнего и Среднего Востока после окончания мировой войны. Кроме того, Я.З.Сурицу было официально заявлено, что Кабул готов "поддержать революционное движение в Индии и секретные военные операции" против англичан на индо-афганской границе. Эти слова М.Надир-хана являлись подтверждением существования планов совместного вторжения в Индию с помощью созданной на территории Афганистана "индийской революционной армии"^{*}. Военный министр показал Я.З.Сурицу весьма конфиденциальные документы: съемки мостов и железнодорожных линий на территории Индии, которые должны быть взорваны. Афганцы были готовы послать делегации к турецкому правительству, а также в Непал и Тибет с предложениями о совместных антибританских действиях.

Я.З.Суриц получил чрезвычайно важное для советской дипломатии сообщение: по настоянию военного министра афганское правительство разрешило представителям пограничных пуштунских племен прямые

^{*} Подробнее см.: Глава 4.

контакты с советскими дипломатами и даже проезд через афганскую территорию в советский Туркестан. Это было изначально желанное и давно требуемое советскими дипломатами и военными условие, которое открывало им простор для разведывательной и пропагандистской деятельности на индийской границе. Этому требованию афганцы долго противились, считая зону племен своей вотчиной, работа в которой могла осуществляться только при посредничестве Кабула. Я.З.Суриц оценил это решение афганцев как "очень ответственное", которое, по существу, "является отказом от прежде защищаемой монополии"¹¹⁹. Давление племен, разрастающееся движение против англичан в Индии, дипломатические неудачи, необходимость вновь доказывать своим подданным законность вступления на престол - все настраивало эмира на воинственный тон. Откровенный характер приема, раскрытая перед советским дипломатом тайная подготовка силовых действий против англичан не оставляли сомнений в решимости афганского руководства, по крайней мере самого эмира и влиятельного М.Надир-хана, добиться всех атрибутов национальной независимости и укрепить трон.

Прием у эмира убедил советского подпреда в том, что Кабул не отказался от намерения добиться своих целей силовым путем, который в 1919 г. принес свои плоды, за короткий промежуток времени сделав эмира национальным героем. Однако теперь поступить так, как это было в 1919 г., не получив надежных гарантий, финансовой и материальной поддержки, Аманулла-хан не мог. Я.З.Суриц же, кроме обещаний военной помощи в будущем, не мог в условиях гражданской войны в России надеяться на возможность осуществления проектов широкомасштабного антианглийского выступления. Кроме того, он весьма скептически относился к возможности осуществления проекта Исполкома Коминтерна по "революционизированию Индии" с помощью Афганистана. Оценивая прошедший прием у эмира, Я.З.Суриц считал, что сейчас, при существующих в афганском руководстве настроениях, было бы легко толкнуть Афганистан на выступление против англичан, однако сомневался в том, что афганцы на что-нибудь решатся без солидной советской поддержки¹²⁰. Поэтому на встрече с эмиром Я.З.Суриц не смог пообещать ничего конкретного. Поняв безнадежность получения быстрой военной помощи от Советской России, а тем более совместного выступления против англичан, эмир вынужден был принять более гибкие, примиренческие позиции министра иностранных дел М.Тарзи и послать афганскую делегацию в Майсур.

Однако эмир не смог забыть и простить такой позиции Советов, считая, что именно они толкнули Афганистан на переговоры с Англией. Наступил не просто очередной период охлаждения в двусторонних отношениях, а переосмысление афганцами своего положения между великими державами, а также путей разрешения англо-афганских противоречий, которые стали переноситься в плоскость договорного

процесса. Можно с уверенностью сказать, что именно в это время заканчивается период надежд Кабула оказать с помощью России силовое давление на Англию, а мысли эмира, по выражению И.М.Рейснера, переносятся из области завоевательной политики "на более трезвую почву мирного преобразования страны"¹²¹. В качестве ответной реакции на непоследовательную позицию Советской России афганцы дезавуировали все основные предложения, которые упоминались на конфиденциальной встрече с советским полпредом и распустили созданную лидерами индийского национального движения Абдуррабом и Т.Ачарья эмигрантскую ассоциацию, которая была главным связующим звеном между советским дипломатическим представительством и пограничными племенами.

Англо-афганская встреча в Майсуре началась 18 апреля 1920 г. Афганская делегация под руководством М.Тарзи вела длительные, почти четырехмесячные переговоры с англичанами, завершившиеся лишь 24 июля. Англичане стремились оттянуть установление дипломатических отношений, что означало бы окончательное признание независимости этой страны. Конкретных договоренностей достигнуто не было, кроме декларации о желании сторон обменяться в будущем официальными представительствами. Афганцы испытали большой прессинг и вынуждены были заявить о гарантии недопущения антибританской пропаганды (всем было ясно, что именно советской) в Индии, однако на требуемый англичанами разрыв отношений с Советской Россией не согласились¹²².

Пока в Кабуле не было известно об итогах майсурских переговоров, советские дипломаты чувствовали нестабильность и двойственность своего положения. Афганцы находились в более выгодной ситуации, ведя переговоры с двумя противоборствующими сторонами. Появились и новые детали в афганском подходе, ранее необозначенные столь явно: после отъезда афганской миссии на переговоры при встрече с советским дипломатом эмир заявил, что он хотел бы придерживаться строгого нейтралитета как в отношении Англии, так и Советской России, и не превращать Афганистан в арену для борьбы держав. Я.З.Суриц не смог промолчать и заметил, что такая постановка вопроса в корне меняет характер советско-афганских отношений. Для него было ясно, что афганское руководство, ставя вопрос о политической выгоде отношений с той или иной державой, может в корне перечеркнуть все усилия советской дипломатии сделать Афганистан если не партнером, то послушным орудием в борьбе с Англией. Он с нескрываемым раздражением дал понять, что "устанавливая как бы знак равенства между нами и Англией, Афганистан не вправе рассчитывать на нашу помощь"¹²³. Афганцы не замедлили ответить подобным образом. Так, в середине апреля в Кабуле состоялась Джирга, на которой присутствовали представители пограничных племен.

В отличие от прежних выступлений, эмир весьма холодно отозвался о Советской России, предложил присутствующим с осторожностью относиться к дружеским заверениям большевиков и одновременно призвал племена временно прекратить вооруженную борьбу с английскими войсками¹²⁴.

С середины апреля (точнее после курьерской почты от 13 апреля) советские представители в Кабуле уже знали из переписки между Москвой и Ташкентом, что отказ Кремля от подписания военного союза с Афганистаном "вызывался не столько сомнением в возможности его практического осуществления, как был продиктован намечавшимся соглашением с Англией, боязнью его сорвать"¹²⁵. Однако отсутствие заметных результатов в советско-британских отношениях, на которые рассчитывала Москва, и попытки афганцев вновь восстановить контакты с англичанами, заставляли беспокоиться. Москва решила поспешить с заключением двустороннего соглашения с Кабулом, в первую очередь, в пику Англии.

16 мая на приеме у эмира Я.З.Суриц заявил афганцам о намерении возобновить переговоры и о поручении ему советским правительством подписать договор в Кабуле. Он пообещал, что не позднее 22 мая представит эмиру проект соглашения. Считая на этот раз ситуацию в переговорах исключительной и понимая, "какой отрицательный эффект произведет новое увиливание в этом вопросе", Я.З.Суриц требовательно сообщил в НКВД, что до 22 мая он должен получить конкретные цифры военной помощи, в противном случае, вынужден будет взять за основу возобновляемых переговоров те размеры, которые были им обещаны во время январских переговоров¹²⁶.

Однако срок прошел, а центр молчал*. Позднее стало ясно, что это молчание было вызвано начавшейся подготовкой к свержению бухарского эмира**. 26 мая Я.З.Суриц вынужден был передать в МИД Афганистана свой старый проект договора¹²⁷. Однако советский дипломат не был искренен в своем стремлении достичь с афганцами взаимовыгодного соглашения. Для себя он считал, что включить цифры советской военной помощи в договор, еще не значит начать поставлять вооружения. В июне 1920 г., зная об усилении басмаческого движения в Туркестане и Бухаре, он признавал, что из всех видов помощи, которую следовало бы сейчас оказать Афганистану, "наименее желательной является передача им оружия"¹²⁸.

Лишь 10 июня советское полпредство в Кабуле получило подтверждение цифр обещанной Афганистану помощи¹²⁹ и была создана

* 20 мая 1920 г. радиостанция Кабула приняла шифрованную депешу Л.М.Карахана №1347, но она была от 3 мая и предлагала по вопросу о размерах помощи снести с Реввоенсоветом Туркфронта. (Доклад И.М.Рейснера "Справка по русско-афганским переговорам". - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.147.)

** Подробнее см. главу 3.

совместная афгано-советская комиссия по выработке проекта договора. 24 июня, после перерыва в пять месяцев, возобновились советско-афганские переговоры. В этот день состоялось заседание, посвященное обсуждению афганского контрпроекта. Он предусматривал заключение сразу трех соглашений: торгового, союзного - "на случай немедленного выстушения" англичан и "соглашения о дружественном нейтралитете". Архивные материалы свидетельствуют, что афганцы запросили военно-техническую помощь во много раз превосходящую ту, которая им была предложена Я.З.Сурицем; высказали требование возмещения советской стороной убытков в случае прекращения взаимной торговли, а также настаивали на праве свободной торговли для афганцев на всей территории России. В афганском проекте также существовало положение об юридическом закреплении отказа советской стороны от коммунистической пропаганды в Афганистане.

Уже при первом знакомстве с афганским проектом советский полпред оценил его как "неприемлемый". Затем последовал резкий протест афганскому правительству по поводу того, что подобные требования - это посягательство на советскую экономическую систему, на удовлетворение которых советское правительство никогда не пойдет. И, наконец, он твердо заявил, что уполномочен своим правительством продолжить дальнейшее обсуждение договора лишь на основе советского проекта, пригрозив разрывом отношений. Его заявление произвело заметный эффект. Эмир сбавил тон, попытался смягчить многие положения своего проекта и, в конце концов, согласился принять за основу советский вариант¹³⁰.

Используя новую ситуацию на переговорах, Я.З.Суриц 30 июня предъявил афганцам требования советской стороны:

- правительство Афганистана дает обязательство не вступать со своей стороны в соглашение с третьей державой, если оно направлено против России;

- советская сторона получает в Афганистане полноправное дипломатическое представительство с детальным перечислением всех прав;

- исключение из проекта договора пунктов о Бухаре и Хиве;

- свобода советской пропаганды на границе Афганистана с Индией (допуск агентов, пропуск литературы, открытие советских типографий в Афганистане);

- афганское правительство дает обязательство передавать пограничным племенам все предназначающееся для них оружие;

- открытие советских консульств в ранее указанных пунктах.

Опираясь на указания центра, Я.З.Суриц отделил в проекте договора особое значение непосредственной советской пропаганды на Индию через территорию Афганистана¹³¹. Однако, пока в Кабуле ждали результатов майсурской встречи¹³² и первое время после нее, в советско-

афганских переговорах происходили постоянные затяжки, которыми теперь была недовольна советская сторона.

М.Тарзи вернулся в Афганистан 2 августа. Встреча делегации была обставлена торжественно. В своей речи перед встречавшими его афганскими офицерами и чиновниками министр иностранных дел сказал об успехе своей миссии и известил о начале новой эры для Афганистана, правда, так и не раскрыв, в чем будет заключаться новая политическая линия. Из всего этого советские представители в Кабуле вынесли только одно: произошел прорыв в англо-афганских переговорах, за которым непременно последует сужение афганцами советской пропагандистской и разведывательной работы на Индию. В письмах в Ташкент и в Москву от 4 августа 1920 г. Я.З.Суриц заключил: в отношении развертывания советской пропагандистской работы на Индию "наша карта в Афганистане бита"¹³³.

Чтобы смягчить негативное впечатление русских о происшедших событиях, афганские чиновники через турецких офицеров поспешили уверить советских дипломатов в том, что никаких изменений в отношениях Кабула с Москвой не произойдет. Вместе с тем эмир и его представители в беседах с Я.З.Сурицем стали показательно откровенными, пытаясь добиться на выгодном для себя дипломатическом фоне уступок советской стороны на переговорах. "Мы не отказываемся, - сказал эмир Я.З.Сурицу 23 августа 1920 г., - заключить с Вами соглашение, мы готовы даже на военный союз при известных гарантиях. От военного союза Вы сами уклоняетесь, так почему же Вы отказываете нам в помощи, которая нам последовательно обещалась - Бравиним, Вами и в Москве. Вы настаиваете на включении пунктов о пропаганде. Мы и в этом Вам не отказываем, но гарантируйте же нам Ваше участие в неизбежной войне (с англичанами - С.П.), или придайте им* такую форму, чтобы устранить возможность вмешательства"¹³⁴.

Кроме того, у афганцев усилилось беспокойство в связи с поступающими в Кабул донесениями и распространяющимися слухами об усилении кризиса в Бухаре. Накануне переворота Я.З.Суриц получил секретную установку центра форсировать заключение договора с Афганистаном, чтобы связать возможную афганскую активность в Бухаре и не выдать раньше времени готовящуюся операцию. Получив информацию из центра о подготовке свержения бухарского эмира, советское представительство скрыло от афганского руководства эти планы. 30 августа, накануне бухарского переворота, состоялось очередное заседание совместной комиссии по проекту договора. Я.З.Суриц спешил с окончательным оформлением соглашения, понимая серьезность приближающихся событий и невозможность при известиях о событиях в Бухаре предсказать реакцию Афганистана. Афганцы приняли

* В источнике стилистически неудачное выражение: "облачите их...".

почти все основные пункты советского проекта (в том числе и пункт об открытии советских консульств в Кандагаре и Газни), кроме пункта о пропаганде на границе с Индией¹³⁵. Я.З.Суриц настаивать не стал. 2 сентября, когда в Бухаре развитие ситуации достигло пика, в Кабуле стороны наконец пришли к согласию по тексту договора. Выполняя указание Москвы, Я.З.Суриц дал согласие на исключение из договора пунктов о пропаганде и обязался войти к своему правительству с ходатайством о предоставлении денежной помощи Кабулу "безвозмездно, ввиду стесненного экономического положения Афганистана и превращения денежного пособия в ежегодную субсидию"¹³⁶.

Когда весть о происшедших в Бухаре событиях достигла официального Кабула, все уже было готово для подписания советско-афганского договора, как оказалось, взаимно выгодного сторонам. 13 сентября 1920 г. договор был подписан и стороны обязались его ратифицировать. Борьба при дворе окончилась победой руссофильской партии, во многом из-за новых всплесков борьбы пуштунских племен против англичан и ответных жестоких карательных экспедиций британцев, но главное - в результате признания Кабулом краха своей политики в Туркестане и опасений упустить выгоды от договора с Советской Россией.

Советская сторона взяла на себя по договору выполнение следующих обязательств:

- предоставление афганскому правительству ежегодной субсидии в размере 1 млн. рублей в золоте или серебре;
- оборудование телеграфной линии Кушка-Герат-Кандагар-Кабул;
- передача Афганистану 12 аэропланов и организация школы авиации;
- поставка двух батарей с 8 зенитными орудиями;
- предоставление Афганистану 3 тыс. винтовок и патронов к ним;
- строительство завода бездымного пороха на территории Афганистана¹³⁷.

Когда в Лондоне получили первые известия о подписании советско-афганского договора, некоторые представители консерваторов в парламенте отказывались этому верить. Лорд Сайденхем заявил в палате лордов, что сведения, видимо, не соответствуют действительности. В ответ заместитель Керзона Литтон вынужден был его разуверить: "Мы давно подозревали, что большевистское правительство ведет переговоры с Афганистаном"¹³⁸.

Пока Лондон упрямо занимал жесткую позицию, в Афганистане произошло изменение ситуации и укрепление советского влияния. Поняв это, 7 января 1921 г. в Кабул прибыла британская миссия во главе с Г.Доббсом. Англичане поставили своей целью не допустить ратификации советско-афганского договора и предложили эмиру проект

англо-афганского соглашения. Изображая Советскую Россию как истощенную и разоренную страну, неспособную выполнить взятые обязательства и оказать реальную помощь Афганистану, англичане, со своей стороны, не скупились на щедрые обещания и одновременно угрожали. По сообщению Ф.Ф.Раскольниковца, они "прозрачно намекали на возможность полного соглашения Англии с Советской Россией по восточным делам" и, как следствие, вторичное оставление Россией на произвол судьбы увлекшегося руссофильской политикой Афганистана, как это уже было во времена "столетовского предательства Шер Али-хана в 1878 году". В конечном итоге, англичане активно подчеркивали, что Россия на Востоке и, в частности в Афганистане, имеет более отдаленные и косвенные интересы, от которых легко откажется за соответствующие компенсации в пользу своих жизненных интересов на Западе. Для усиления воздействия на афганцев был использован тезис о большевиках "как разрушителях религии, врагах всякой церкви и как принципиальных противниках монархической формы правления во всякой стране"¹³⁹. Это ударило по больным и действительно слабым местам новой российской политики и, как следует из факта подписания англо-афганского договора, не могло не учитываться афганской стороной.

В Кремле сначала тянули с ратификацией договора. Это было связано не только с намерением выяснить действительную позицию афганцев после приезда в Кабул миссии Г.Доббса, но, главным образом, с тем, что отдельные пункты подписанного Я.З.Сурицем договора не устраивали Москву: крайне неудачным считалось положение о предоставлении Афганистану консульств в городах Туркестана по выбору Кабула и с неограниченными штатами. Вместе с тем советское руководство было уверено, что эмир заинтересован в договоре с Россией, а потому его ратификация афганской стороной будет носить формальный характер. Со своей стороны, эмир через советских представителей в Кабуле и афганского посла в советской столице торопил Москву с ратификацией договора. Оказал давление и Я.З.Суриц. Кремль подкупило его сообщение о том, что Кабул в случае ратификации договора немедленно выступит с заявлением,

* В апреле 1878 г., в период обострения англо-афганских отношений, правительство России направило в Кабул официальное посольство во главе с казачьим генералом Н.Г.Столетовым для заключения союза на случай вооруженного англо-русского столкновения. Н.Г.Столетов и эмир Шер Али-хан согласовали выгодный России проект договора, однако затем из-за улучшения англо-русских отношений Россия, по сути, отказалась от него. Пообещав военную поддержку афганскому эмиру, Н.Г.Столетов фактически толкнул неподготовленный и слабый в военном отношении Афганистан на войну с Англией. Началась вторая англо-афганская война... (Подробнее см.: Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане...; Котляр П.С. Русско-афганские отношения...; История Афганистана...; Россия и Афганистан...)

направленным против бывшего бухарского эмира. Кроме того в телеграмме от 12 января 1921 г., адресованной руководству НКВД Я.З.Суриц заявил: "Я беру на себя полную ответственность за ратификацию, эмир целиком под моим влиянием и ничего не предпримет в ущерб нашим интересам"¹⁴⁰.

Так как подготовленный проект не устраивал Москву, было решено в спешном порядке подписать новый текст договора с находящимися в Москве официальными афганскими представителями Мухаммад Валиханом, Мирзой Мухаммад-ханом (Яфтали) и Гулам Сиддик-ханом (с советской стороны договор подписали Г.В.Чичерин и Л.М.Карахан). В нем признавалось равное количество консульств с обеих сторон*, а порядок и сроки их фактического открытия предполагалось определить особым соглашением¹⁴¹. При этом удалось договориться с афганцами считать текст договора, выработанного осенью 1920 г., прелиминарным. Вскоре ВЦИК РСФСР поспешил ратифицировать договор (20 апреля 1921 г.) "почти без всяких изменений"¹⁴².

Однако каково же было удивление в Москве, оказавшейся в весьма неловкой политической ситуации после нового подписания договора и его одностороннего признания, когда стало ясно, что афганцы не только не прекратили переговоры с англичанами, но по ряду позиций склоняются к принятию их требований. По сообщению Ф.Ф.Раскольникова, умная, хитро рассчитанная, тонко согласованная с афганской психологией политика Г.Доббса быстро привела к тому, что ряд видных афганских политиков и, в первую очередь министр иностранных дел Махмуд Тарзи, имевший до этого репутацию несомненного англофоба, оказались под английским влиянием¹⁴². М.Тарзи был готов согласиться с требованием англичан о недопустимости открытия советских консульств в восточном Афганистане, близком к индийской границе, что разрешалось подписанным и уже ратифицированным Москвой советско-афганским договором 1921 г. В Кабуле прекрасно знали, что этот пункт договора является важнейшим козырем советской дипломатии в соперничестве с англичанами.

В прошлом советские историки стремились подчеркнуть, что подписание Москвой советско-афганского договора заставило Англию быть более сговорчивой и пойти на уступки Афганистану. Скорее, ситуация была противоположной: советской стороне, находящейся в

* Договор позволял афганскому правительству открыть в пределах советской Средней Азии такое же количество своих консульств, как и советскому правительству в Афганистане. Однако, кроме этого, афганцы получили Генеральное консульство в Ташкенте и консульство в Петрограде.

** Советская сторона не ратифировала в тот период "Приложения" к договору, которые содержали цифры военной помощи Афганистану. Судя по всему, этот вопрос был решен до конца лета 1921 г.

невыгодном положении после односторонней ратификации договора, пришлось вести более осторожную политику, идти на уступки, чувствуя значительный британский прессинг на Кабул, который мог склонить афганцев в противоположную сторону. Прекрасно зная о содержании англо-афганских переговоров, Г.В.Чичерин в письме представителю РСФСР в Туркестане В.М.Цукерману от 4 июня 1921 г. с сожалением признал, что в данный момент придется отказаться от требования открытия консульств в Восточном Афганистане, "чтобы не раздражить Англию"¹⁴³. Ситуация осложнилась, когда до советской стороны дошли сообщения о требованиях англичан закрыть советские консульства и в Северном Афганистане¹⁴⁴. Их осуществление могло знаменовать полный провал подписанного и уже ратифицированного Москвой договора, что весьма негативно могло отразиться на всей советской дипломатии. Вследствие этого, с весны до конца осени 1921 г. отношения Советской России с Афганистаном находились в состоянии серьезного кризиса, а возможное согласие афганского правительства с рядом требований англичан могло сделать советско-афганский договор для Москвы бессмысленным.

16 июля 1921 г. в Кабул прибыл новый советский полпред Ф.Ф.Раскольников, который должен был добиться выгодных для России условий подписания договора. Встреченный в Кабуле весьма пышно, он, тем не менее, сразу почувствовал, что обстановка не внушает спокойствия, а борьба держав за влияние в Афганистане, по его собственному признанию, "угрожает разрешиться не в нашу пользу"¹⁴⁵. В августе 1921 г., в одном из первых писем из Кабула, адресованном В.И.Ленину, он так охарактеризовал ситуацию: "Английское влияние, подкрепленное богатейшими ресурсами Соединенного королевства, казалось, сразило советскую дипломатию, не имеющую за собой ничего, кроме революционного пыла, честного англофобства и неуверенных обещаний сравнительно небольшой военной помощи"¹⁴⁶.

Стало известно, что англичане пообещали подарить эмиру 20 тыс. винтовок, 20 полевых батарей, вооружение для 20 пулеметных рот и ежегодно давать субсидию не менее 4 млн. рупий, если он развернет антисоветскую пропаганду в мусульманских странах и будет вести переговоры с другими странами при посредничестве британского правительства. Генри Доббс заявил, что его правительство признает независимость Афганистана при условии разрыва дипломатических отношений с Советской Россией, удаления из Кабула советского посольства¹⁴⁷ и беспрепятственного пропуска через афганскую территорию английских агентов для контрреволюционной работы против советской власти в Средней Азии. Хотя советское военное руководство и прибегло, как это делали и англичане, к давлению на афганское правительство, устроив несколько демонстраций силы на границе, "спасла" российскую дипломатию лишь неуступчивость

англичан, потребовавших от афганцев то, на что они уже не могли согласиться: возвращения к английскому контролю над внешнеполитическими связями Афганистана.

Потребовав удаления советского посла из Кабула и установления британского контроля над афганской внешней политикой, англичане подорвали симпатии даже англофильствующих афганцев. В этих требованиях афганцы увидели покушение на их независимость и стремление Англии восстановить прежний status quo, существовавший при эмире Хабибулла-хане. Присутствие советского посла в Кабуле становилось противовесом Англии, ее безграничному влиянию, фактором, подчеркивающим независимое положение страны. По выражению Ф.Ф.Раскольникова, "вся боязнь русских завоеваний померкла и отступила на задний план перед явным покушением на независимость Афганистана, высказанного англичанами совершенно откровенно в их проекте англо-афганского договора"¹⁴⁸.

Отвергнув британские требования, афганцы снова оказались перед необходимостью ратифицировать советско-афганский договор. 1 августа 1921 г. советские представители Ф.Ф.Раскольников и Я.З.Суриц (с ними был и Джамал-паша*) были неожиданно приглашены в Пагман на конфиденциальную беседу с эмиром. Аманулла-хан с уверенностью заявил, что 3 августа договор с Россией будет ратифицирован, но чтобы эта процедура не вызвала острых дискуссий на эмирском совете, российские дипломаты должны дать дополнительные письменные гарантии. Требования эмира сводились к следующим пунктам:

- советская сторона подтверждает свой временный отказ от открытия консульств в Восточном Афганистане;
- советская сторона даст обещание, что между обеими странами будет заключен торговый договор;
- статья о транзите афганских товаров через советскую территорию должна распространяться и на военные грузы, купленные Афганистаном как в России, так и в других странах;
- должно быть подтверждено, что вся обещанная советским правительством по договору помощь будет безвозмездной;
- дипломатические представители России дадут от имени своего правительства письменные гарантии, что советская сторона отказывается от пропагандистской работы против существующих в Афганистане правительства и строя.

Раскольников в донесении в Наркоминдел так охарактеризовал свою позицию: "Так как в целях борьбы с английским влиянием нашей главной задачей было заключение дружественного договора *во что бы*

* Известный младотурецкий деятель, один из участников правящего в Турции в годы первой мировой войны Триумvirата. При содействии советских военных и дипломатических органов прибыл в Афганистан, где занимался реорганизацией афганской армии для ее возможного наступления на Британскую Индию.

то ни стало (курсив мой - С.П.), то я, по соглашению с тов. Сурицем, решил пойти на уступки и подписать все эти обязательства от своего имени с выражением уверенности, что мое правительство их разделит"¹⁴⁹.

Заседание в Кабуле, как и обещал эмир, открылось 3 августа. В нем участвовало около 300 человек, среди которых были члены к тому времени еще официально неоткрытого нового "законодательного" органа - Совета: знатные сардары, виднейшие муллы, представители индийского купечества, проживающие в Афганистане, и делегация от пограничных племен махсудов и вазиров. (Несмотря на то, что со всех присутствующих была взята клятва на Коране о неразглашении обсуждаемых вопросов и итогах дискуссии, в советском полпредстве своевременно получили полный отчет о ходе заседаний).

Заседание открыл и вел эмир, заявивший, что желает услышать правдивые мнения о внешнем положении страны. Он познакомил собравшихся с содержанием последних английских предложений, огласил цифры обещанной за оборонительный союз английской помощи, не скрыв, что отказ от английских требований способен вызвать серьезные осложнения на границе. Однако эмир подчеркнул, что, поставив целью своего правления - укрепление независимости Афганистана, он "готов скорее подвергнуть страну ужасам новой войны, чем согласиться на иностранный контроль над ее внешними сношениями" и возвращение к прежней зависимости от Англии. После этого эмир сказал, что иные, чем Англия, условия Афганистану предлагает Россия, готовая оказать ему безвозмездную помощь. Аманулла-хан дал ясно понять собравшимся, что склоняется к принятию российских предложений и ратификации советско-афганского договора.

В связи с тем, что эмир фактически уже определил позицию, острой дискуссии не получилось. Тем не менее, в рамках обещанного эмиром свободного обсуждения выступления бывшего председателя Совета Шир Ахмада и приехавшего из Бухары Абдул Хади-хана Дави контрастировали с позицией эмира. Шир Ахмад осторожно высказал мысль об опасности военной угрозы в случае разрыва с англичанами и безнадежности получения значительной военной помощи от России. Однако наиболее заметным стало выступление Абдул Хади-хана, затронувшего самый болезненный в советско-афганских отношениях того времени вопрос о Бухаре. Он страстно говорил о пребывании на территории Бухары Красной Армии, о большевиках, посягающих на основы ислама, препятствующих публичным богослужениям и развернувшим за государственный счет атеистическую пропаганду. Однако позиция Абдул Хади-хана в целом была противоречива. Понимая, что из двух зол выбирать придется меньшее, он был склонен в тот период считать Советскую Россию меньшим злом для Афганистана. По его мнению, не закрывая глаза на события в Бухаре, следует добиться

всесторонней помощи от России, как это сделали Персия и Турция, чтобы сохранить главное - афганскую независимость.

Хотя в поддержку проанглийской ориентации Афганистана высказались представители местного индийского купечества, обеспокоенные возможным резким уменьшением торговых оборотов с Индией, англофилам пришлось занимать явно невыгодную позицию, ибо эмир, сделавший главный доклад, высказался с достаточной определенностью. Кроме того, эмир широко использовал сделанные накануне советскими представителями разъяснения к договору, которые, как оказалось, явились важнейшим фактором успешной ратификации советско-афганского договора. Особенный эффект произвело на присутствующих оглашенное эмиром письмо Ф.Ф.Раскольникова о временном отказе от советских консульств на границе с Индией¹⁵⁰, ибо афганцы опасались, что активная советская политическая деятельность способна осложнить положение на границе и вовлечь Афганистан в новый конфликт с Англией.

Последний проект англичан, составленный в духе прежних времен и переполнивший чашу терпения Аманулла-хана, вызывал мало сочувствия даже у явных англофилов и не мог соперничать с доводами эмира-защитника афганской независимости. Поэтому проанглийские силы Совета как на первом заседании, так и на втором (5 августа) были недостаточно активны, открыто не выступали в пользу предлагаемого англичанами оборонительного союза и лишь ограничились ссылками на отрицательные последствия откровенного отказа от него и, следовательно, показательного разрыва с англичанами.

Несмотря на то, что влиятельная фигура в афганском руководстве - министр иностранных дел М.Тарзи к этому времени отошел от прежней безусловной поддержки Советов и занял осторожную позицию в отношении договора с Россией (советские дипломаты расценили это как переход М.Тарзи на сторону англофильских сил), открыто поддержали позицию Аманулла-хана министр торговли и промышленности Гулам Хайдар-хан и военный министр М.Надир-хан. Последний указал на то, что Англия в настоящее время слишком ослаблена последствиями мировой войны и ростом волнений в Индии, чтобы решиться на новую войну с Афганистаном. В то же время, считал он, вступая с Англией в оборонительный союз, Афганистан будет прочно привязан к ее внешнеполитической деятельности, что может вновь привести к потере независимости. М.Надир-хан высказался за отклонение английских требований и ратификацию договора с Россией.

Собрание решило ратифицировать советско-афганский договор и отвергнуть последние английские требования. При голосовании только 7 из 270 членов Совета высказались против ратификации договора. 14 августа 1921 г. между Афганистаном и Советской Россией состоялся официальный обмен ратификационными грамотами¹⁵¹.

Ратифицировав договор, афганское правительство поставило точку в вопросе о возможности оборонительного союза с Англией, направленного против Советской России. Длительные и сложные переговоры афганцев с англичанами свидетельствовали о том, что Англия была намерена вернуть Афганистан в сферу своего политического влияния и восстановить прежнюю систему его зависимости от англо-индийского правительства. Лишь ратификация афганцами советско-афганского договора окончательно разрушила эти надежды.

После ратификации договора с Россией, афганцы демонстративно прервали переговоры с англичанами. Газета "Правда" поторопилась сообщить непроверенные сведения о том, что британская миссия была вынуждена покинуть афганскую столицу и выехать в Лондон. Однако Г.Доббс остался в Кабуле¹⁵². Спустя некоторое время, англичане, стремясь сохранить уже вытребованные у афганцев условия, заявили о готовности подписать англо-афганский договор на принципах, удовлетворяющих обе стороны, отказавшись от крайних требований, которые, по их мнению, "взорвали ситуацию". Пойдя на скорейшее подписание договора, они не скрывали, что теперь он главным образом направлен против усиливающегося влияния Советов в этой стране. Англо-афганский договор от 22 ноября 1921 г.¹⁵³ подтвердил независимость Афганистана и установил обмен дипломатическими представителями между Лондоном и Кабулом. Подтвердился прогноз Ф.Ф.Раскольникова, что афганцы, не разрывая ни с Англией, ни с Россией, установят "status quo с обоими государствами" и, лавируя между ними, будут "извлекать все возможные выгоды из обеих сторон"¹⁵⁴.

Можно определенно утверждать, что ни одна из соперничающих великих держав не вышла победительницей из этой дипломатической борьбы в Афганистане, в то время как афганская сторона добилась своей главной цели - юридического закрепления независимого положения своей страны и обрела статус полноправного члена международных отношений.

...В Кремле же чувствовали себя не очень хорошо, ибо ряд положений советско-афганского договора 1921 г. был изменен уже после советской ратификации. Здесь поняли, что недооценили влияние англичан и возможность афганцев проводить свою политическую линию.

ГЛАВА 3

СОВЕТСКО-АФГАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В БУХАРЕ

Распространение революционного движения на Туркестан вплотную поставило перед советским руководством вопрос о судьбе Бухарского ханства. Хотя Бухара, находясь в дореволюционное время под протекторатом Российской империи, лишь формально считалась самостоятельной, сохранение в ней эмирской власти, администрации и законов, действующих на ее территории, делали ее особым анклавом России. Царские власти в целом считались с ее особым статусом и стремились не обострять противоречий.

После завоевания большевиками власти бухарский эмир, негативно оценив происшедшие в России события, односторонним актом объявил об отказе от всех соглашений, которые ранее были заключены с императорской властью, и провозгласил Бухару независимой. Советское руководство, активно выдававшее себя за сторонницу идей национального самоопределения, на этот раз молчаливо восприняло декларацию, официально не заявив о ее признании¹⁵⁵. Затем, в ходе подготовки советско-афганского договора, советская сторона была вынуждена принять афганское требование о признании бухарской и хивинской независимости и декларировать их в тексте соглашения. Однако, как показали последующие события, это был лишь тактический ход: выполнять взятые обязательства ни в Москве, ни в Ташкенте не собирались*. В Ташкенте были убеждены, что власть эмира "в области, прорезанной русскими железными дорогами и окруженной территориями уже принявшими новый строй, была нетерпимой для нового правительства Туркеспублики". Здесь считали, что Бухара как "остров деспотизма среди советского моря" должна быть уничтожена¹⁵⁶.

Первая попытка советских туркестанских властей ликвидировать эмирскую власть в Бухаре, спровоцированная "младобухарцами"^{**},

* Признания независимости Хивы и Бухары, впервые сделанные осенью 1919 г., в ходе подготовки советско-афганского договора, до 1921 г. не имели юридической силы. Официальная советская декларация об аннулировании всех прежних договоров царской России с Бухарским эмиратом появилась лишь 14 сентября 1920 г., т.е. только после "революционного" переворота в Бухаре. Несколько раньше, но также после переворота, подобное заявление было сделано советской дипломатией в отношении независимости Хивы.

** Младобухарцы как группа, отдаленно напоминающая политическую партию, оформилась накануне первой мировой войны. В основном выражали антицаристские и антиэмирские взгляды. Выступили за отмену эмирата в Бухаре (1917 г.), но не были поддержаны Временным правительством. Это послужило

оказалась чистойшей авантюрой: 2 марта 1918 г. военный эшелон "с ничтожными силами" под руководством председателя Совнаркома Туркестанской республики (с мая 1918 г. Турк.АССР) Ф.И.Колесова попытался прорваться из Самарканда к Старой Бухаре. Этот шаг был предпринят после удачной ликвидации частями Красной Армии автономии в Коканде* (20 февраля 1918 г.), когда его правительство бежало в Бухару и было там радушно принято эмиром¹⁵⁷. Открытое военное вторжение вызвало резкий отпор бухарцев, взрыв негодования и антирусской истерии. Толпы фанатично настроенных людей бросались под огонь пулеметов колесовского поезда. Разобрав пути позади него, они отрезали отряд от Самарканда. Истерия быстро распространилась на весь эмират: жестокому нападению и разгрому подверглись русские поселки и российская пограничная стража, стоявшая вдоль бухаро-афганской границы. По сообщению информационного бюллетеня Политического Управления Туркфронта, жертвы исчислялись "тысячами" человек.

С огромными трудностями и значительными потерями, предварительно вызвав помощь из Асхабада, Мерва и Ташкента, отряд Ф.И.Колесова стал отходить. Люди под пулеметным огнем снимали рельсы за отходящим поездом и переносили их вперед, продвигаясь две-три версты в сутки. Только 19 марта они соединились в 50 верстах к востоку от Бухары с отрядами, посланными им навстречу¹⁵⁸. В Ташкент с Ф.И.Колесовым, спасаясь от погромов, прибыло 12800 русских беженцев¹⁵⁹. В результате авантюры туркестанских властей погибли люди и была уничтожена построенная в 1916 г. железная дорога Бухара-Карши-Керки-Термез¹⁶⁰ - первостепенный стратегический фактор России в Средней Азии, результат многолетних усилий и трудов.

Советский Туркестан и эмирская Бухара были настроены друг к другу откровенно враждебно. Однако опасаясь открытого столкновения с Ташкентом, за которым стояла Москва, в Бухаре стремились найти поддержку в Афганистане. Афганское руководство, никогда не скрывавшее своего особого внимания к эмирату, было готово курировать ситуацию в нем, чтобы сохранить существующий режим и играть ведущую роль на Среднем Востоке. Новая ситуация на Востоке, вызванная разгромом Турции в мировой войне и потерей ею роли духовного вождя в исламском мире, усилила это внимание. Молодой, честолюбивый афганский эмир своим участием в делах Бухары и демонстрацией мусульманского единства надеялся, что именно ему и его

формальной основой для последующего их сближения с радикально настроенными революционерами-большевиками (Подробнее см.: Coates W.P. and Zelda K. Soviets in Central Asia. - P.56-57; Eudin Xenia Joukoff, and North Robert C. Soviet Russia and the East. - P.30-31.)

* Подробнее см. глава 5.

стране будет поручено выполнять эту миссию. Внимание афганцев к Бухаре было усилено и распадом Российской империи, вследствие чего появились планы расширения территории Афганистана на север. В 1919-1920 гг. Кабул прикладывал серьезные усилия, чтобы "прибрать ханство к рукам", особенно такие его территории, как Керки и Термез¹⁶¹.

Эти намерения Кабула заставили Москву действовать в отношении Бухары в высшей степени непоследовательно. После "похода" Ф.И.Колесова, когда отношения бухарского правительства и туркестанских властей были испорчены, в Бухаре усилилось афганское присутствие. Однако осенью 1918 г., под влиянием агитации бухарских коммунистов, 2 тыс. афганцев, находившихся тогда среди бухарских войск, подняли восстание. Столкновение с верными бухарскому правительству войсками окончилось в пользу афганцев, окруживших дворец эмира. Положение было безвыходным и Сеид Алим-хан обратился за помощью к восстановленному после колесовского похода советскому представительству. Полпредство, опасаясь установления афганской гегемонии в эмирате, поспешило на помощь эмиру: советский гарнизон, расположенный в Новой Бухаре, окружил и обезоружил восставших афганцев¹⁶². К радости бухарского эмира восстание было подавлено, но это вызвало крайнее недовольство позицией советского дипломатического представительства левым крылом бухарских коммунистов, чья негативная реакция совпала с позицией официального Кабула. Эти события охладили отношения бухарского эмира с Кабулом.

13 января 1920 г., в ходе советско-афганских переговоров о заключении дружественного договора, члены советской делегации совершенно однозначно поняли, что Кабул был склонен договориться с Россией о разделе Бухары на сферы влияния. Однако затем, когда переговорный процесс стал затягиваться и ощущение легких побед у обеих сторон стало исчезать, афганцы изменили свою точку зрения. Посчитав, что советское влияние в Бухаре недостаточно сильно и малочисленные красноармейские силы Туркестана в случае обострения кризиса не смогут ее взять, они, наоборот, направили всю энергию на создание из "независимой Бухары" государства-буфера, естественно, под политическим влиянием Кабула¹⁶³. Бухара и Афганистан согласились обменяться посольствами. Такая позиция Кабула должна была укрепить панисламистский авторитет Афганистана и создать из Бухары "пояс безопасности" от революционной и непредсказуемой России.

13 июня 1920 г., во время официального приема в Кабуле, Аманулла-хан заявил советскому полпреду Я.З.Сурицу о намерении своего правительства выступить посредником в урегулировании советско-бухарских отношений, сообщив, что бухарский эмир обратился к нему с этой просьбой и прислал соответствующий документ. Я.З.Суриц сослался на необходимость получения необходимых директив из центра¹⁶⁴. Эти и последующие заявления афганцев, по мнению

Я.З.Сурица, производили впечатление о наличии секретного соглашения между Афганистаном и Бухарой, ставящего последнюю "как бы под протекторат Афганистана"¹⁶⁵, что, собственно, и не скрывалось Кабулом. Бухарские власти неоднократно обращались к Аманулла-хану с просьбой оказать Бухаре военную помощь, однако афганский эмир, не готовый к решительным антисоветским действиям, уклонялся от прямого ответа, хотя и заверял бухарцев, что "им будут предприняты те или иные шаги"¹⁶⁶. В период, когда Кабул добивался заключения дружественного договора с Советской Россией, афганский эмир не хотел обнаружить своего открытого участия в делах Бухары.

Однако такая позиция официального Кабула не нравилась Бухаре. Не имея прочной поддержки со стороны Афганистана, бухарский эмир был вынужден изменить внешний тон отношений с Россией и направил в Москву официальную миссию. Во время ее остановки в Ташкенте (начало июля 1920 г.) советские власти Туркестана решили устроить прием, на который был приглашен и афганский консул. Однако он не пришел, сославшись на занятость, но прислал своего представителя, который молча просидел весь вечер и выслушал несколько неприятных замечаний бухарцев о политике Афганистана¹⁶⁷. Такое явление не осталось незамеченным советскими властями и свидетельствовало о признаках афгано-бухарских противоречий, которые в той или иной мере всегда существовали между Бухарой и Кабулом. Однако углубить их Москва не смогла. Советско-бухарские переговоры не привели к сближению, а были лишь временным компромиссом сторон. Но бухарский эмир, не желая допустить и афганского доминирования в эмирате, пытался опереться на англичан, что, в свою очередь, пугало как афганские, так и советские власти.

Хотя разведывательные сводки штаба Туркфронта летом 1920 г. постоянно сообщали о многочисленных военных поставках из Афганистана в Бухару, о "наплыве" афганских инструкторов, советское политическое руководство было вынуждено осторожно относиться к этим сообщениям. Советское полномочное представительство в Кабуле проверяло эти сообщения, однако большинство из них не подтверждалось. Так, в мае 1920 г. до советских властей дошло известие, что афганское правительство послало в Бухару 400 солдат¹⁶⁸. Однако Я.З.Сурица удалось выяснить, что не четыреста, а почти 15 тыс. солдат при 12 орудиях были отправлены на север Афганистана, в Мазари-Шариф, где в результате столкновения гражданских и военных властей началось восстание. Этот факт подтвердила советская разведка¹⁶⁹.

Однако оперативные сообщения Туркфронта настойчиво указывали на рост афганской активности в Бухаре. Правда, при этом была неясна роль официального Кабула. 4 июня 1920 г. Аманулла-хан в ответ на очередную советскую претензию впервые допустил возможность сепаратистских шагов в Бухаре своих представителей, которые, по его

словам, не всегда согласуют свои действия с позицией официального Кабула¹⁷⁰. Однако советским дипломатам, участвовавшим в переговорах о заключении советско-афганского договора, нечего было ответить, когда эмир потребовал привести конкретные данные и назвать имена его подданных, чтобы принять строгие меры.

Лишь накануне переворота в Бухаре, в августе 1920 г., афганские власти решили послать в Бухару к уже находившимся среди бухарских войск 2 тыс. афганцам отряд, состоящий из 60 всадников под командой полковника Мирза Мухаммад-хана и 6 орудий кабульского завода. Так как этот факт стал широко известен, Кабул был вынужден заявить, что отряд был послан по личной просьбе бухарского эмира и для его охраны¹⁷¹. Однако советские туркестанские власти, не удовлетворившись таким ответом, заявили протест афганскому консулу в Ташкенте. Во время возникшей дискуссии афганский консул с явным раздражением заметил, что, "если Бухара является независимой и самостоятельной, то она вправе никого не спрашивать и усиливать свою армию до тех размеров, которые находит необходимыми". По его мнению, "снабжая Бухарское правительство своими инструкторами, обучая бухарскую армию военной технике, ни Афганистан и ни Бухара никак не могли предполагать, что этим нарушаются какие-либо интересы России"¹⁷². Заявление афганского дипломата, признавшего определенную помощь афганских властей бухарскому эмиру, свидетельствовало об усиливающемся беспокойстве за судьбу эмирата. К концу беседы афганский консул попытался смягчить резкость своих заявлений, сказав, что Бухара "не собирается воевать с Россией", а афганские поставки предназначаются лишь "для подавления внутренних беспорядков"¹⁷³.

Со своей стороны, афганский эмир с весны 1920 г. постоянно твердил об опасности переворота в Бухаре. Например, 16 мая 1920 г. на приеме у эмира Я.З.Суриц выслушивал очередную отповедь: "Я взял перед мусульманским миром ответственность своими заявлениями о России, - говорил Аманулла-хан, - а теперь получаем сведения, что ваши официальные агенты открыто поощряют переворот и что даже делают приготовления (к) захвату Бухары." Эмир предупредил советского полпреда, что если это случится, то "от вас тогда отвернется весь мусульманский мир, а я попаду в лжецы"¹⁷⁴. Опасения Аманулла-хана имели под собой реальную основу: "революционные" изменения в Хиве, осуществленные с помощью Красной Армии в начале 1920 г., а затем персидские события*, подтверждали их.

* Весной 1920 г. Красная Армия вступила на персидскую территорию, обстреляла Энзели и заняла Решт. 5 июня 1920 г. при советской помощи на территории Персии (в Гиляне) была провозглашена "Персидская (Гилянская) социалистическая советская республика" и создан Совет народных комиссаров под руководством Кучик-хана. Однако антиправительственное движение в Гиляне выродилось. "Советское правительство" Кучик-хана продержалось до октября 1921

Документальные материалы российских архивов свидетельствуют, что члены Турккомиссии и, в первую очередь уполномоченный НКВД по Средней Азии Д.Ю.Гопнер, пытались форсировать решение Москвы о начале "революционного взрыва" в Бухаре¹⁷⁵, тем более, что небольшая группа бухарских революционеров, уверенная в советском военном участии, рвалась в бой. 30 июня 1920 г., по предложению М.В.Фрунзе, в Ташкенте состоялось экстренное заседание Реввоенбюро "Совета интернациональной пропаганды на Востоке" ("Совинтерпропа")*, в работе которого, наряду с ним, приняли участие Ю.А.Геллер, Рогдасв, А.А.Машицкий, С.М.Юсупов, С.М.Диманштейн, Заремба и Малиновский¹⁷⁶. М.В.Фрунзе сообщил присутствующим, что Турккомиссия наметила "революционное" выступление в Бухаре на 15-18 августа¹⁷⁷ и Реввоенсовет Туркфронта намерен "выполнить операцию в течение одних суток". Как заявил М.В.Фрунзе, главным образом будут приняты "меры к тому, чтобы захватить правительство во главе с эмиром". Он предложил собравшимся обсудить вопрос о форме выступления: внезапно ли занять Старую Бухару силами Красной Армии или сначала организовать революционное выступление? При этом он предупредил, что последнее слово в принятии решения остается за Турккомиссией и центром.

Из протокола заседания достаточно ясно следует, что сам М.В.Фрунзе склонялся к первому варианту, несмотря на оговорки о безусловной желательности внутреннего взрыва, на который он особенно не рассчитывал. При этом его беспокоила возможная реакция Афганистана. Всем было известно, что афганцы являются инструкторами в бухарской армии, а афганский эмир неоднократно заявлял, что если русские "надумают начать войну против Священной Бухары", то афганские войска выступят из Мазари-Шарифа ей на помощь, а гератский гарнизон немедленно займет крепость Кушку. Накануне совещания позицию Кабула подтвердил и афганский консул в Ташкенте, который заявил, "что в случае войны Советской России с Бухарой, Афганистан как мусульманское государство будет помогать Бухаре"¹⁷⁸.

Выступившие члены "Совинтерпропа" Ю.А.Геллер и А.А.Машицкий высказались за то, чтобы "отложить выступление на несколько месяцев и даже больше" и за это время подготовить нейтральную позицию Афганистана. Тем более, считали они, что в ближайшее время должен быть подписан советско-афганский договор, а в конце августа в Афганистан отправится миссия во главе с Джемал-

г. (См.: Гартгоф Р. Советская военная политика. - С.18; Kapur H. Soviet Russia and Asia... - P.172; Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia. - P.287; Кошанов Б.А. Большевики в Туркестане. - С.34.)

* О деятельности этой организации подробнее см. главу 4.

пашой*, воздействие которой на эмира, если дать время, облегчит задачу подготовки афганского правительства. Однако М.В.Фрунзе, фактически уже во всем определившийся, подводя итоги дискуссии, заметил, что приезд турецкой миссии в Афганистан только "облегчает нашу задачу", а ждать от афганцев больших надежд на быстрые революционные изменения все равно не приходится. "Чтобы создать в Афганистане внутренний революционный подъем, - заявил М.В.Фрунзе, - необходимо ожидать не месяцы, а годы. Компартии там нет, и пока быть не может", а поскольку "признано необходимым разделаться с Бухарским правительством, то для этого настоящий момент самый благоприятный"¹⁷⁹. Эти слова свидетельствуют, что на совещании обсуждался вопрос о возможности одновременных революционных действий как в Бухаре, так и в Афганистане (видимо, на этом основывались предложения о необходимости отложить выступление в Бухаре до подготовки соответствующей ситуации в Афганистане).

Однако, вопреки первоначальным предложениям Турккомиссии, НКВД принял решение, что "бухарская революция" должна предстать мировому сообществу "как естественно прорвавшаяся мозоль", а советское выступление произойти "лишь по приглашению авторитетного бухарского революционного центра". Отделу внешних сношений при Турккомиссии поручалось в короткий срок организовать разрозненные бухарские "революционные" силы. Так как после новых установок центра в Ташкенте оказались еще неготовы к перевороту (в частности, ожидалось прибытие новых членов Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК, которые должны были взять на себя общее руководство операцией), но опасались самостоятельных выступлений на местах, которые, скорее всего, были бы сразу подавлены, уполномоченный НКВД по Средней Азии Д.Ю.Гопнер отправился в Бухару...на переговоры, чтобы "попытаться предупредить преждевременное вооруженное столкновение...и усыпить внимание" бухарского эмира¹⁸⁰. Дальнейшие события показали, что этот маневр удался, а сам визит был воспринят бухарскими властями как проявление слабости и нестабильности советской власти в Туркестане.

23 августа в Ташкент прибыли новый председатель Турккомиссии Г.Я.Сокольников, члены - Г.И.Сафаров и Я.Х.Петерс, которые поддержали предложения Д.Ю.Гопнера о начале решающего этапа операции. Военно-политическое руководство предстоящими действиями было возложено на Г.Я.Сокольникова, М.В.Фрунзе и Г.И.Сафарова. Хотя, по признанию Восточного отдела НКВД, внутрисполитическая ситуация в Бухаре после отмененного первого срока выступления "не изменилась"¹⁸¹, бухарскому эмиру было разрешено начать выступление

* Поездка Джамал-паша в Афганистан была отложена до окончания переворота в Бухаре. Он прибыл в Кабул в октябре 1920 г.

29 августа. Совещание членов Турккомиссии, состоявшееся 23 августа, как один из основных вопросов рассмотрело меры, которые следует принять "для локализации афганской опасности". Было признано, что подготовка операции должна проводиться в обстановке строжайшей секретности, чтобы весть о событиях в Бухаре достигла Кабула как можно позднее. В секретной радиограмме Я.З.Сурицу Д.Ю.Гопнер просил его за короткий срок подготовить афганское правительство к известию о перевороте: "Основываясь на нашей информации, - писал Д.Ю.Гопнер, - прошу Вас всеми силами дискредитировать бухарское правительство в глазах Аманулла-хана и настаивать перед ним на сохранении ... афганцами в Бухаре полного нейтралитета в случае переворота. Мы полагаем, что с прокламированием нами независимости Бухары и нашего невмешательства в ее дела и с прибытием в Кабул посольства свободной Бухары неминуемая (на) первое время в Кабуле буря уляжется. Вам предстоит безусловно тяжелое испытание. Мы полагаем, что когда пройдет первый страх перед бухарской революцией, Вам удастся вывести Афганистан из состояния колебания вражды и страха и довести начатое Вами дело до успешного конца"¹⁸².

Известие о том, что кризис в Бухаре должен развиться со дня на день, по признанию полпреда РСФСР в Кабуле Я.З.Сурица, застало его "врасплох". Поставленная перед ним задача казалась невыполнимой. За время пребывания в Афганистане он хорошо понял, чем является Бухара для Афганистана, а потому был уверен, что "никакие заявления о независимости и невмешательстве делу не помогут". Вместе с тем, он был не намерен обсуждать вопрос необходимости или своевременности данной операции, сообщив в Ташкент, что приложит все силы к тому, чтобы нейтрализовать афганскую позицию¹⁸³. Характерно, что 2 сентября, когда в Бухаре совершался переворот, в Кабуле в ходе последних консультаций по советско-афганскому договору Я.З.Суриц согласился с формулировкой пункта о Бухаре: "обе стороны соглашаются на независимость и полную свободу Бухары, Хивы какое бы правительство там ни было, согласно желания их народов"¹⁸⁴. Для Я.З.Сурица подобный шаг был, видимо, образцом "высокой дипломатии", основанный на том, что, если все будет разыграно "как по сценарию", то условия внешне будут соблюдены и статья договора сможет читаться дословно: какое бы правительство не существовало в Бухаре, оно существует согласно желания народа.

Переворот в Бухаре совершился 1-2 сентября 1920 г. с помощью штыков Красной Армии, в числе которых были специально сформированные мусульманские отряды из 1200 человек недовольных эмирским режимом. Красная Армия вновь после неудачной кампании Ф.И.Колесова вступила на территорию эмирата. Бухарский эмир Сеид

¹ В данной цитате сохранена стилистика документа.

Алим-хан был свергнут, а 14 сентября на I-ом Всебухарском курултае (съезде) Советов народных депутатов была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика (БНСР). Так как даже сами "организаторы революции" признавали ее искусственный характер, все вылилось в "ничем не прикрытое" выступление Красной Армии и в фактическую оккупацию Бухары. По свидетельству члена Исполкома и Реввоенбюро "Совинтерпропа" А.А.Машицкого, активно участвовавшего в подготовке операции, столица эмирата испытала массированное воздействие красноармейских частей: на нее обрушились несколько миллионов пуль и тысячи пушечных снарядов, немалое количество из которых было химических. Сила артиллерийского огня была настолько велика, что исторический центр и ряд прилегающих к нему районов оказались почти совершенно разрушенными. Начавшиеся пожары и грабежи завершили начатое¹⁸⁵.

Во время переворота бухарский эмир с отрядом в тысячу всадников сумел вырваться из столицы*. Уполномоченный НКВД по Средней Азии Д.Ю.Гопнер, сообщая об этом Я.З.Сурицу, считал, что эмир "либо попытается в восточных бекствах создать басмаческий центр и базу священной войны, либо без остановки проследует в Афганистан". Д.Ю.Гопнер потребовал от советских представителей в Кабуле принять "все меры, чтобы побудить афганское правительство отказать ему в гостеприимстве", добиться признания "Афганистаном Независимой Бухарской Республики и вступления с нею в дипломатические сношения"¹⁸⁶.

Сообщение о бегстве бухарского эмира заставило Я.З.Сурица изменить ранее намеченный план: вместо прежнего намерения оттянуть сообщение афганскому правительству о происшедших в Бухаре событиях, он решил первым представить афганцам переворот как стихийное восстание бухарских революционеров. "О нашем прямом участии, - доложил он в Москву после беседы 8 сентября 1920 г. в МИД Афганистана, - я пока скрыл, представив дело так, что наши мусульманские части, охваченные энтузиазмом при известии о перевороте, все примкнули к бухарскому восстанию"¹⁸⁷.

К этому решению Я.З.Сурица побудило резкое обострение ситуации в приграничных с Афганистаном районах Бухары. 11 сентября 1920 г. Д.Ю.Гопнер сообщил Я.З.Сурицу, что афганская воинская часть, состоящая из 2 тыс. человек пехоты и одного кавалерийского полка, перейдя Амударью, углубилась на 40 верст в направлении Чарджуя и

* Некоторые архивные материалы по-иному описывают эту ситуацию: бухарский эмир не желал покидать свою столицу и в разгар боев был насильно вывезен афганцами под руководством афганского посла Абдуш Шукур-хана. (Шифрованная телеграмма референта по Афганистану Уполнаркоминдел А.З.Виноградовой в НКВД, Л.М.Карахану. Бухара, 21 сентября 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2202. Л.24.)

стала теснить части Красной Армии. Вскоре выяснилось, что афганцы вышли на бухарскую территорию еще до переворота в Бухаре. Сообщение о свержении бухарского эмира застало их врасплох, но они, верные ранее данному приказу, пытались с боями пробиться к Бухаре¹⁸⁸.

Обострение ситуации в приграничных районах Бухары потребовало немедленного дипломатического представления афганскому правительству. Кроме того, известия о происшедшем в Бухаре могли в любой день достигнуть Кабула. В советском полпредстве уже знали, что афганцы, находившиеся на службе у бухарского эмира, "дрались в первых рядах против революционных войск, держались дольше всех и ушли в Семиречье; вместе с отступающими ушел и афганский посол"¹⁸⁹. Затем в районе Гузара произошли новые столкновения отходящих с эмиром афганцев и частей Красной Армии, в результате которых было захвачено в плен 137 и убито 15 афганцев. В боях, произошедших в районе между Гузаром и Шахрисябзом, были убиты 60 и ранено 35 афганцев. Здесь же был захвачен в плен афганский посол в Бухаре Абдуш Шукур-хан¹⁹⁰.

Получив сообщения о падении правительства бухарского эмира, официальный Кабул в течение сентября 1920 г. находился в состоянии замешательства, не зная, на какие действия решиться. Договор с Россией был в основном готов и его подписание должно было состояться в ближайшее время, суля значительные выгоды. В то же время афганское руководство понимало, что выбирая договор, а не конфронтацию с Россией из-за Бухары, оно как бы дает свое молчаливое согласие на переворот и будет вынуждено разделить с Советской Россией ответственность за происшедшее. 13 сентября договор был подписан, но вплоть до 27 сентября афганский эмир ни разу не говорил с Я.З.Сурицем о Бухаре.

Опасаясь излишне затяжной реакции на происшедшее в Бухаре, Я.З.Суриц своим письмом на имя М.Тарзи от 21 сентября вновь попытался, используя наступательную тактику, опередить афганские претензии и погасить могущий в любой момент вырваться всплеск недовольства. Он вновь подчеркнул непричастность советского руководства к бухарским событиям и заявил, что действия афганцев, и, в первую очередь посла в Бухаре Абдуш Шукур-хана, ускорили революционные события. От имени революционной власти Бухары Я.З.Суриц потребовал отозвать афганские части, так как теперь, по его мнению, их нахождение на бухарской территории "не только теряет свой смысл, но может...создать совершенно нежелательное и ложное представление об отношении Высокого государства Афганистана к внутренним делам Бухары и к совершившемуся перевороту". Он хотел, чтобы в Кабуле поняли, что в Бухаре произошла перемена ситуации на диаметрально противоположную той, которая была до сентября 1920 г.: место Афганистана как стратегического партнера и союзника эмирской

Бухары теперь заняла Советская Россия, обязавшаяся перед правительством революционной Бухары "защитить плод ее победы..."¹⁹¹.

В ответной ноте М.Тарзи спросил Я.З.Сурица: "...существовало ли в Бухаре другое правительство, кроме правительства эмира Бухарского, с которым наш посланник должен был иметь связи и сношения. И разве мог наш посланник оказывать помощь революционерам Священной Бухары против правительства Эмира Бухарского". Афганцы ответили и на претензию о посылке в Бухару афганского оружия и солдат; Кабулу было известно, что Советская Россия, также как и Афганистан, снабжала Бухарский эмират оружием. Еще до поставки афганцами своего оружия, советское правительство подарило правительству эмира 8 артиллерийских орудий, которые в дни переворота, по иронии судьбы, действовали против Красной Армии¹⁹².

27 сентября, в первый раз после переворота, Я.З.Суриц был приглашен на прием к Аманулла-хану и выслушал от него упреки в отношении советских действий в Бухаре. Несмотря на попытки Я.З.Сурица отрицать обвинения, эмир заявил, что ни на минуту не сомневается в том, что переворот готовился заранее и произошел при активном советском участии¹⁹³.

Хотя афганские власти официально хранили молчание, к началу октября Кабул был уже насыщен слухами о происшедшем в Бухаре. В городе стали появляться первые бухарские беженцы, которые сообщали, что столица эмира разрушена, повреждены мечети, а некоторые из оставшихся в целости превращены красноармейцами в казармы и конюшни. Волна беспокойства и возмущения охватила широкие слои населения как в самой Бухаре, так и в Афганистане и поколебала настрой тех, кто активно содействовал этому процессу - младобухарцев и индийцев, многие из которых возмущались происходящим, открыто говоря, что большевики "грабят" Бухару¹⁹⁴. Аманулла-хан выступил на закрытом заседании "Законодательного" Совета и "горячо говорил о предательстве России", однако призвал к сохранению спокойствия. Советское дипломатическое представительство, с напряжением следившее в эти дни за происходящим в Кабуле, наконец сообщило в Москву, что Аманулла-хан "определенно заявил, что Афганистан помощи Бухаре оказать не может"¹⁹⁵. Тем не менее Я.З.Суриц вынужден был признать, что эти события нанесли серьезный удар по вере в бескорыстие советской политики на Востоке и помогли англичанам "укрепить в господствующих кругах Афганистана подозрение в живучести, хотя и в новых формах, русской опасности"¹⁹⁶.

15 сентября 1920 г., на следующий день после провозглашения Бухарской Народной Советской Республики (БНСР), ее новое руководство направило афганскому эмиру телеграмму, в которой предложило установить дружественные межгосударственные отношения¹⁹⁷. По мнению узбекского исследователя М.Хасанова, только

влияние Джамал-паши, накануне приехавшего в Кабул, перевесило чашу колебаний Кабула в сторону принятия этого предложения. Джамал-паша сумел переломить негативное отношение афганского руководства к происшедшим в Бухаре событиям, заявив, что если Афганистан признает новое бухарское правительство, то это же вынуждено будет сделать и Россия¹⁹⁸. В Кабуле решили откликнуться на это предложение. 20 октября в Бухару была направлена миссия во главе с заместителем министра иностранных дел Афганистана Абдул Хади-ханом Дави, в состав которой вошли также Гулам Сиддик-хан Чархи, Мирза Гулам Хайдархан (всего 15 человек). Миссия была снабжена чрезвычайными полномочиями: она должна была ознакомиться на месте с положением дел в Бухаре и по усмотрению Абдул Хади-хана установить дипломатические отношения с новой властью. На Абдул Хади-хана была также возложена обязанность выполнять функции чрезвычайного посланника Афганистана, вместо находившегося под арестом Абдуш Шукур-хана*.

Личность Абдул Хади-хана была хорошо известна советским дипломатам. Он считался одним из влиятельных сановников при кабульском дворе, любимцем эмира, "правой рукой" министра иностранных дел М.Тарзи. Какой-то период его считали руссофилом, человеком с ярко выраженным революционным уклоном. Однако теперь, как и М.Тарзи, он изменился и был настроен к Советам весьма недоверчиво. Отправка именно его в Бухару после совершившихся событий подтверждала это.

2 ноября афганская делегация прибыла в пограничную Кушку, откуда, по настоянию Я.З.Сурица, сначала проследовала в Ташкент. Прибыв в Бухару, афганцы встретились с новыми бухарскими лидерами Мохиуддин Мансуровым, Файзуллою Ходжаевым и Хашим Шайк Эфенди. Под давлением Москвы бухарское руководство потребовало от афганцев невмешательства во внутренние дела республики. Однако, несмотря на сообщение М.Губара о том, что "афганская делегация согласилась с этими требованиями"¹⁹⁹, картина была, скорее, обратная: афганцы при молчаливом одобрении их действий некоторыми членами бухарского правительства и в последующие годы стремились оказывать влияние на Бухару.

В Бухаре открыто проявилось афгано-советское соперничество. Для Кабула, считавшего свой статус здесь исключительным, и готового, по признанию эмира Аманулла-хана, в случае усиления английского влияния в этой стране даже свергнуть бухарского эмира²⁰⁰, происшедшее в эмирате без его участия было огромной стратегической потерей.

* Абдуш Шукур-хан был интернирован из Бухары в июле 1921 г. В этот же период возвратился в Афганистан и Абдул Хади-хан Дави. (Подробнее см.: Adamec Ludwig W. Historical and political...- P.95-96,108)

На протяжении 1920 - первой половины 1921 гг. советское руководство не исключало того, что афганцы могут поставить новое бухарское правительство перед свершившимся фактом появления своих войск на его территории. Советская разведка внимательно следила за передвижениями на афгано-бухарской границе. В ноябре-декабре 1920 г. поступали сообщения о военных приготовлениях афганцев: граница была закрыта, военные посты усилены, в дополнение к уже работающей телеграфной линии между Мазари-Шарифом и Кабулом началось проведение телеграфной линии между Ханабадом и Мазари-Шарифом; афганцам, проживающим в Бухаре, было предложено завершить свои дела и возвратиться в Афганистан²⁰¹. Однако эти сообщения скорее указывали на то, что афганцы были сильно обескуражены происшедшими в Бухаре событиями и предпринимали естественные шаги для укрепления своей безопасности.

Чтобы успокоить афганское правительство, Я.З.Суриц настоял перед Москвой на передаче Афганистану части обещанной по договору 1921 г. военной помощи, убедив советское руководство, что тесное военное сотрудничество с Афганистаном может ослабить его внимание к Бухаре, в то время как невыполнение принятых обязательств, заставит его "прорвать фронт нашей восточной политики и стать на путь интервенции (в) бухарских делах"²⁰². Советское правительство решилось упрочить свои военно-политические отношения с Кабулом, оказав ему военную помощь в соответствии с договором 1921 г*. Наконец, чтобы снять разговоры о военной оккупации Красной Армией Бухары, Москва 4 марта 1921 г. заключила с бухарским правительством военный союз, в соответствии с которым Красная Армия могла и впредь, но теперь уже по договору, оставаться на бухарской территории**²⁰³. Однако для афганского руководства нахождение Красной Армии в Бухаре и в последующие годы было главным свидетельством зависимости республики от Советской России.

Некоторые архивные материалы свидетельствуют о том, что бухарский эмир намеревался сразу уйти в Афганистан и даже обратился к афганским властям за подобным разрешением. Однако афганское правительство, только что подписав договор с Россией (1920 г.), вынуждено было в осторожной форме отказать ему во въезде, хотя и дало понять, что ничего не имеет против, чтобы в Кабул приезжали представители бухарского эмира за консультациями и помощью²⁰⁴.

* Подробнее см.: Глава 8.

** Все было обставлено так, что в марте 1921 г. бухарское правительство само обратилось с просьбой к РСФСР оставить в пределах Бухары части Красной Армии, якобы для оказания помощи революционным войскам в борьбе с басмачеством. (Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчет... - С.68; Правда, 6-7 ноября 1921г.)

Эмир Сеид Алим-хан, покинув столицу, до марта 1921 г. оставался на территории восточной Бухары (районы современного центрального и южного Таджикистана), где начал создавать отряды сопротивления. Москва потребовала от него "немедленной сдачи, выпуска манифеста отречения и подчинения новой власти", пригрозив расправой над семьей и наследниками²⁰⁵. Вместе с тем, советские власти боялись, что эмир перейдет в Афганистан, в результате чего станет "недоступен", но будет представлять постоянную угрозу новой Бухаре. Поэтому в декабре 1920 г. и позже (например, в 1922 г.²⁰⁶), когда эмир уже поселился в Афганистане*, представители НКВД в Узбекистане и члены советской миссии в Кабуле вели, хотя и безуспешно, секретные переговоры с его представителями, пытаясь убедить эмира перебраться на жительство в Россию²⁰⁷.

Бухарские власти, стремясь укрепить свои позиции, активно занялись налаживанием отношений с Афганистаном. 21 января 1921 г. руководство республики направило в Кабул чрезвычайное посольство во главе с новым бухарским послом Юсуф-Заде, предварительно лишив полномочий прежнего эмирского посла в Кабуле Кари-Хабибулла токсаба²⁰⁸. Однако Москву совсем не устраивала самостоятельность Бухарской республики, поддержание ею внешних сношений с афганским правительством. Летом 1922 г. НКВД сделал все, чтобы уличить афганского посла в Бухаре Абдул Расул-хана в оказании помощи басмачам и потребовал от бухарского правительства его выдворения за пределы республики. 17 июля Абдул Расул-хан был вынужден выехать из Бухары. Вместе с ним был выслан и находившийся в Бухаре афганский посол в Хиву генерал Абдул Джедар-хан". Как сообщил о результатах этой операции в Москву полпред РСФСР в Бухаре И.С.Кожевников, выдворение послов "прошло гладко"²⁰⁹. Он был уверен, что при отсутствии афганского посла в Бухаре будет легче "вырвать бухарских работников из контрреволюционного окружения, а следовательно, легче будет справиться с басмачеством"²¹⁰.

* 4 марта 1921 г. (И.М.Рейснер указывает дату 10 марта 1921 г.) бухарский эмир, преследуемый гиссарским экспедиционным отрядом, вынужден был с отрядом перейти в Афганистан. Поскольку эмир прибыл в Афганистан без приглашения, афганские пограничники проводили его до Ханабада и отправили сообщение в Кабул. Однако долго ждать не пришлось: эмира пригласили в Кабул, отвели ему резиденцию в королевском дворце Кала-и фату, назначили ежегодную пенсию. (Рейснер И.М. Афганистан. - М., 1929. С.204; Валишев А. Чекистские были. - С.269-271). Бухарский эмир Сеид Алим-хан жил в Афганистане до своей смерти в 1946 г.

** Афганский чрезвычайный посол в Хиву в апреле 1922 г. проследовал через территорию Бухары в ХНСР, однако так как правительство Хивы афганского посла не приняло, он возвратился в афганское представительство в БНСР. (Сводка по Афганистану. Дневник событий. Апрель 1922 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.4. Пап.109. Д.25. Л.25-26.)

После выдворения афганских послов из Бухары, НКВД дал понять бухарскому правительству о необходимости прекратить всякие дипломатические сношения с Кабулом. Секретной директивой от 16 августа 1922 г. полпреду РСФСР в Бухаре И.Р.Фонштейну было дано указание не допустить приема бухарским правительством новой афганской дипломатической миссии. По мнению руководства НКВД, пока существует опасность оказания афганцами помощи басмачам в Восточной Бухаре, эта мера со стороны Бухары должна быть формой давления на Кабул²¹¹.

Однако в октябре 1922 г. в Бухаре было получено сообщение о намерении нового афганского посла прибыть в республику. В первых сообщениях об этом в Москву говорилось, что в качестве нового афганского посла в БНСР направляется Махмуд Тарзи. Так как у советского руководства к этому времени о нем сложилось представление как о стороннике басмачей и главном противнике укрепления советского влияния в Бухаре, НКВД категорически потребовал от советских представителей в Бухарской республике не пропускать М.Тарзи "ни под какими видами"²¹². Однако, когда афганская миссия прибыла на пограничный пост Хамиаб, оказалось, что ее возглавляет не М.Тарзи, а Джума-хан. Советским дипломатам в Бухаре и Кабуле было известно, что это молодой, двадцатипятилетний человек, сын афганского министра юстиции, получивший образование в Англии и ранее не занимавший никаких государственных постов. Хотя никаких претензий у советского представительства в Бухаре к новому афганскому послу не было, И.Р.Фонштейн, опираясь на ранее полученную телеграмму НКВД, дал по телефону указание керкинскому районному исполкому задержать афганскую миссию на границе, а также потребовал от бухарского правительства отказать в приеме афганского посольства.

В качестве основной причины отказа И.Р.Фонштейн предложил тезис о нарушении афганцами дипломатической процедуры: Кабул сначала должен был запросить бухарское правительство о желательности приема его представителя в Бухаре. Однако советские дипломаты оказались в весьма казусной ситуации. Представитель бухарского правительства заявил, что посол в Кабуле Хашим Шайк Эфенди от имени правительства БНСР уже дал согласие на прием афганского посольства и даже вручил афганцам визы для приезда в Бухару²¹³. Руководство НКВД было в негодовании; всякие дипломатические условности были отброшены. Получив сообщение о роли бухарского посла в организации афганской миссии, Л.М.Карахан дал строгое указание И.Р.Фонштейну срочно вызвать Хашим Шайка "для объяснений в Бухару и арестовать"²¹⁴. Однако Хашим Шайк не поддался угрозам и продолжал оставаться в Кабуле в качестве бухарского посла.

НКВД продиктовал через И.Р.Фонштейна линию дальнейшего поведения бухарского правительства в отношении афганского

представительства: "В настоящий момент бухарское правительство считает безусловно невозможным политически приезд афганского посла в Бухару, тем более, что политика предшествующего полпреда не создала благоприятных условий для деятельности нового. Признавая несвоевременным приезд афганского посла (в) настоящий момент, бухарское правительство в то же время заявляет, что оно радо будет, как только...позволит умиротворение Восточной Бухары и афгано-бухарской границы уведомить афганское правительство о возможности принять, конечно, после предварительного запроса и согласия бухарского правительства, нового посла в столице Бухары"²¹⁵. Лишний раз подчеркнем, что в вышеприведенном тексте от лица бухарского правительства выступает НКИД Советской России. Телеграмма Л.М.Карахана с грифом "совершенно секретно" требовала провести его в жизнь "строго конфиденциально, чтобы никто не мог разболтать, что это результат нашего влияния"²¹⁶. Можно не сомневаться, что текст, сочиненный в Москве для бухарского руководства, был дословно воспроизведен в "официальной" позиции бухарского правительства.

С некоторой циничностью Л.М.Карахан сообщил И.Р.Фонштейну точку зрения НКИД на перспективы афгано-бухарских отношений: "...если в результате такой позиции бухарского правительства миссия Хашим Шайка была бы выслана - тем лучше, его давно следует извлечь из Кабула. До полного успокоения Бухары афгано-бухарские отношения все равно невозможны как дружественные, а поддержание их как дипломатических вредная и опасная роскошь"²¹⁷.

Не пропустив афганскую миссию, Москва потребовала и от бухарского правительства отозвать его дипломатическое представительство из Кабула. Это давление усилилось, когда в Кремле получили сообщение, что бухарский посол в Кабуле Хашим Шайк Эфенди "за спиной тов.Раскольников" в конце 1922 г. подписал с афганцами секретный договор, предусматривавший вывод Красной Армии из республики²¹⁸. Бухарское правительство под давлением Москвы было вынуждено откеститься от своего участия в подготовке документа и нотой от 16 декабря известило Кабул, что оно не признает никаких обязательств, данных Хашим Шайком. Кроме того, в Кабул было сообщено, что еще 16 сентября он был лишен полномочий полпреда Бухары в Афганистане²¹⁹. (Все свидетельствует о том, что решение бухарского правительства было оформлено "задним числом").

Москва, "наигравшись" с бухарской независимостью, была готова к решительным действиям. В апреле 1923 г. НКИД через полпреда РСФСР в Бухаре И.Р.Фонштейна резко потребовал от бухарского правительства свернуть свою миссию и отозвать ее из Кабула²²⁰. Под жестким давлением бухарский ЦИК принял решение о ликвидации

миссии в Кабуле* и 18 июля 1923 г. поставил об этом в известность афганское правительство²²¹. По стремлению Кабула играть свою роль в "бухарских делах" был нанесен ощутимый удар.

После образования СССР (1922 г.), когда все советские республики в Кабуле стал представлять один человек - полномочный представитель СССР в Афганистане, он тем не менее официально не представлял Бухару. Конечно, это было лишь формальное исключение, соответствующее статье 8 советско-афганского договора 1921 г., которая обязывала договаривающиеся стороны признать и уважать "действительную независимость и свободу Хивы и Бухары"²²². На практике, зависимое положение Бухары от Кремля могло в любой момент стать почвой для новых конфликтов между СССР и Афганистаном. Это подтолкнуло советское руководство к ликвидации Бухарской республики. Уже в 1924 г. от Бухары был оторван Амударьинский округ, вошедший в состав сформированной Туркменской ССР, а территория Восточной Бухары была преобразована в Таджикскую автономию в составе Узбекской ССР. В 1929 г., после преобразования Таджикской Автономной Советской Социалистической республики в Таджикскую ССР, территория одного из древнейших среднеазиатских государств с его населением оказалась окончательно разделенной между тремя советскими республиками.

ГЛАВА 4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ И КОМИНТЕРНА В АФГАНИСТАНЕ

В новейших исследованиях по истории взаимоотношений большевистской России и исламских стран уже отмечено, что Москва с первых дней существования советской власти весьма двойственно относилась к Востоку. С одной стороны, советское руководство рассматривало колониальный Восток как естественного союзника в борьбе с западным капитализмом и стремилось использовать существующие здесь сильные антиколониальные и антизападные настроения. Оно надеялось, что национальные движения, в основном сформировавшиеся в годы мировой войны, не только ослабят мировой

---

* Хашим Шайк не вернулся в Бухару, остался в Афганистане и принял афганское подданство.

капитализм, но и создадут благоприятную почву для распространения на Востоке советского политического и экономического влияния.

С другой стороны, советское руководство, ожидая после Октября 1917 г. революционных всплесков на Западе, первое время недооценивало роль Востока в том, что в марксистско-ленинской теории было названо "мировым революционным процессом". В определенной мере эта "недооценка" роли восточных стран определялась самой марксистской теорией. Незрелость капиталистических отношений и, следовательно, более низкий уровень развития рабочего класса или его отсутствие в восточных странах не только снижали необходимый для перехода к новому общественному строю уровень социальных антагонизмов, но и не позволяли, в соответствии с основами марксизма, рассматривать Восток как почву для так называемых классических социалистических революций. Однако ввиду задержки в развитых капиталистических странах пролетарских революций, ранее ожидавшихся вслед за победой вооруженного восстания в России, большевистское руководство стало быстрее осознавать роль Востока как благоприятной почвы для распространения здесь своих социальных и политических идей.

Выдвинутые лидерами и идеологами большевизма лозунги единения с народами Востока в антиимпериалистической и антиколониальной борьбе привлекли внимание сил, борющихся за освобождение этих стран от колониальной зависимости. Вместе с тем, Москва не ограничивалась антиколониализмом и стремилась распространять в этих странах свои представления об общественном укладе, который следует создавать. Отсутствие на Востоке "необходимых объективных предпосылок" для пролетарских революций теперь оправдывалось возможностью оказания всесторонней помощи восточным государствам в создании базы для такого перехода в будущем.

Однако восточные элиты, стремившиеся к достижению или укреплению национальной независимости своих стран, за редким исключением, не смешивали политический вес новой России, возможность получения от нее военной и экономической помощи для борьбы с европейским колониализмом с советским политическим строем и экономической системой. Правящие национальные элиты таких восточных стран, как Персия, Турция и Афганистан, довольно скоро убедились, что оказание советским правительством помощи в антиколониальной борьбе - это лишь одна из сторон советской внешней политики, в то время как другая основывается на стремлении к изменению существующего строя в этих странах. Поэтому в отношениях Советской России со странами Востока существовала почва для конфликтов, в первую очередь, из-за того, что советское руководство и тесно связанный с ним Коминтерн активно пытались внедрить в живую

ткань восточного социума свои модели социального и экономического развития.

По сравнению с Турцией и Персией, где подобная работа советских военных и политических органов могла проводиться более активно, в Афганистане таких возможностей не было: длительная изолированность страны от остального мира, воспитавшая у афганцев подозрительное отношение к европейцам, отсутствие реальной оппозиции правящему режиму, активная деятельность эмирской контрразведки и афганского шпионажа делали первые попытки советской пропаганды в Афганистане малоэффективными.

После военных успехов большевиков на фронтах и прорыва "оренбургской пробки", на некоторое время оторвавшей Туркестан от России, из Москвы в Ташкент была послана Туркестанская Комиссия ЦК РКП(б) (Турккомиссия), ставшая, по выражению германского исследователя восточного происхождения Б.Хайята, первым советским правительством Туркестана²²³. Одной из основных задач ее деятельности было руководство революционной работой в восточных странах, поддержание связи с революционными организациями и ячейками, координирование их деятельности. Турккомиссия поставила вопрос о развитии революции на Востоке как одну "из актуальнейших задач дня"²²⁴. Однако таких организаций, которые явились бы проводниками коммунистической и революционной пропаганды не было не только в соседнем Афганистане, но и в самом Туркестане, за исключением возникшего в 1918 г. в Ташкенте Союза Освобождения Востока и слабой организации младобухарцев, далеких в тот период от марксизма. Поэтому на первых порах в Ташкенте был организован особый Подотдел агитации и пропаганды при Отделе внешних сношений Турккомиссии. Однако вскоре выяснилось, что Отделу как официальному дипломатическому органу советской власти в Средней Азии* было весьма затруднительно вести скрытую революционную пропаганду и одновременно налаживать официальные дипломатические отношения с соседними странами. Поэтому было решено всю агитационную работу в соседних с Туркестаном восточных странах передать специально созданной для этого организации. Так возник Совет интернациональной пропаганды на Востоке (Совинтерпроп), оформленный постановлением Турккомиссии от 23 декабря 1919 г.²²⁵.

Совет интернациональной пропаганды организационно подчинялся Турккомиссии ЦК РКП(б), являясь по сути партийным учреждением, но должен был также выполнять и задания Исполкома Коминтерна. Он был призван воздвигнуть здание пропагандистско-агитационной работы на Востоке, что пришлось делать почти на пустом месте. Главная задача Совета состояла в организации подпольной

* Отдел находился в двойном подчинении: как Турккомиссии, так и НКВД.

работы среди народов сопредельных стран, в поддержании связи с революционными организациями восточных стран "при помощи посылки агентов". Последние должны были информировать Совет "о всех движениях, группировках и политических событиях" в соседних с Туркестаном странах²²⁶.

Бюро Совета* обратило серьезное внимание на "революционную работу" в Афганистане как на страну, по его мнению, наиболее подверженную влиянию международного империализма", и где в первую очередь следует добиться "парализации этого влияния". Одно из постановлений Исполнительного бюро Совинтерпропа так определило задачи идеологической работы в этой стране на 1919-1920 гг.: "Использовать антиимпериалистические течения Афганистана, по возможности стараться проникнуть в Индию, для таковой цели центр тяжести организационной и агитационной деятельности Совинтерпропа сосредоточить в Кабуле"²²⁷. В 1919 - начале 1920 гг. Совинтерпроп рассматривал работу в Афганистане не как самостоятельное направление, а в основном как создание плацдарма для коммунистической пропаганды и разведывательной деятельности в Британской Индии. Однако события, о которых идет речь в данной главе, заметно ухудшили работу в индо-афганском направлении и заставили Совинтерпроп и организации Коминтерна усилить и собственно афганское направление работы.

К лету 1920 г. Совет открыл для работы в сопредельных странах отделения в Андижане, Самарканде, Чарджуе, Полторацке, Кушке, Мерве (сначала как кушкинский подотдел) и пункт в Тахтабазаре. (Правда, в тот период они находились на стадии становления и отдача от них была незначительна. Кроме того, слабое финансирование неоднократно ставило на грань закрытия эти пункты). Отделение в Кушке (открыто 16 марта 1920 г.), а затем и тахтабазарский пункт, который скоро стал важнейшим, были специально созданы для работы в индо-афганском направлении.

В начале 1920 г. Совет и его отделения уже начали неофициальную пропагандистскую и разведывательную работу в Афганистане, прежде всего в его северных провинциях, где население было этнически близко населению советской Средней Азии. Тайно от афганских властей было открыто агентство Совета в Герате, от которого уже в течение апреля 1920 г. стали поступать первые материалы для Реввоенсовета Туркфронта и Турккомиссии²²⁸. Совет активно посылал в Афганистан и в другие соседние восточные страны своих представителей; только в январе-апреле 1920 г. было командировано для работы в Бухаре, Хиве,

* Исполнительное бюро Совинтерпропа, состоявшее из 5 лиц (3 от Турккомиссии и 2 избирались на Пленуме Совинтерпропа), осуществляло руководство его отделами.

Персии, Афганистане и на границе Индии - 35 человек²²⁹. Агенты Совинтерпропа доносили в Ташкент, что основная масса населения северных провинций Афганистана недовольна своим положением и сочувственно относится к советской власти. Руководству Совинтерпропа особенно было важно, что к этой недовольной и угнетенной низовой массе активно примыкают обиженные, попавшие в то или иное время в опалу ханы, что сделало их врагами эмира. "Настроение масс всюду и везде выражается тем, - доносил в своем отчете в Ташкент заведующий пунктом Совета в крепости Кушка И. Морозов, - что ждут большевиков России как кочевники, так и кишлячники, обремененные непосильными налогами и репрессиями"²³⁰.

В основном сотрудниками отделений Совинтерпропа становились жители приграничных районов Туркестана, Бухары и Афганистана, а также афганские эмигранты. Хотя последние оказались наиболее способными к подобной работе, было очевидным, что, поставляя Совинтерпропу информацию военно-экономического характера по своему району, они редко являлись идейными сторонниками советской пропаганды, а в основном руководствовались целями быстрого заработка. Сами представители Коминтерна сетовали на то, что "политическая работа среди афганских эмигрантов отсутствует"²³¹.

Совинтерпроп пытался привлечь к активной пропагандистской и разведывательной работе в Афганистане представителей племен, живших на советской территории и некогда бежавших от афганских властей. Сотрудники Совета прибегли к помощи влиятельных лидеров афганской эмиграции, вождей эрсаринцев, узбеков и джамшидов, переселившихся на советскую территорию. Начальник мервского отделения Совета Б.Г. Городецкий признавал, что "закордонная работа при помощи сотрудников, которых слишком трудно достать, не могла бы дать тех блестящих результатов, которых мы можем добиться с установлением тесной дружбы и связи только лишь с главарями и влиятельными лицами этих племен"²³².

Особое значение придавалось привлечению к такой работе представителей джамшидского племени, принадлежащего к этнической группе аймаков. В тот период Совет считал, что джамшиды могут стать самым существенным звеном "при организации революционной работы в Афганистане" и что с их помощью можно "произвести революционный переворот в пользу пролетариата"²³³. Зашоренные политическими догмами и революционными лозунгами, унифицированными на весь мир, члены Совета не считались с тем, что этот слой населения в Афганистане только начинал формироваться. Более важным казалось наличие в стране жесткой эмирской власти, всяческое подтачивание которой считалось продвижением к социальной революции на Востоке. При этом не смущало то, что произвести такой переворот

планировалось посредством тех же баев и влиятельной племенной аристократии.

Весной 1920 г. один из наиболее активных членов Совета Нур Мухаммад (Алиев) стремился привлечь к сотрудничеству крупного лидера джамшидов - Азимбея, имевшего под своим руководством до 300 вооруженных людей. Представителям Совета было известно, что он постоянно способствует переходу афганских джамшидов на российскую сторону, посылает своих людей в Афганистан тайными от афганских властей тропами. Однако до этого времени представители советской власти прямые контакты с Азимбеем не устанавливали.

19 мая 1920 г. Алиев выехал в Тахтабазар, а оттуда проехал в аул, где поселился Азимбей²³⁴. Он провел почти две недели (с 20 мая по 5 июня 1920 г.) в гостях у джамшидов, ведя постоянные беседы с Азимбеем на политические темы. Азимбей согласился заключить соглашение с советской властью "о революционной связи" при условии, что будет выполнен ряд его требований: джамшиды получат возможность иметь землю для посевов и для устройства кибиток, как это уже было им обещано после изгнания меньшевиков из Советов Закаспия; власти разрешат вооружить до 100 джамшидов, которые будут охранять границу и в то же время оказывать содействие проживающим в Афганистане 6 тыс. семьям джамшидов перебраться на советскую территорию. После того, как Алиев пообещал поддержать эти требования перед вышестоящими советскими органами, договор был заключен. Первый шаг к осуществлению соглашения был сделан сразу: в Герат и Маймана Азимбей отправил двух джамшидов, которым была поставлена задача открыть там для конспиративных целей Совета чайханы²³⁵.

Вслед за Азимбеем, лидер джамшидов Сейид Ахмад-хан, поддерживавший в годы мировой войны тесные связи с царскими, а теперь с советскими властными органами, предоставил для работы в кушкинском отделе Совинтерпропа своих людей. В тот период это были единственные из мусульман внештатные сотрудники отдела, которые, как предполагал заведующий отделением в Кушке И. Морозов, будут через каждые три-четыре дня отправляться в направлении на Герат с целью распространения в Афганистане антибританской и антимирской литературы²³⁶. Однако изменение политики советских властей в отношении джамшидов после начала переговорного процесса с афганцами потребовало поиска более надежной опоры в пропагандистской и разведывательной работе на территории Афганистана*.

За короткое время Совет установил тесную связь с советскими дипломатическими представителями в Афганистане, поручая им

* Подробнее см.: глава 7.

специальную работу среди афганского населения и пограничных племен. Полномочное представительство в Кабуле и консульства постоянно представляли сводки, обзоры по Афганистану и Индии как в НКИД, так и в Исполком Коминтерна, а советский полпред в Афганистане одновременно являлся и представителем Коминтерна в странах Центральной Азии²³⁷. (Москва, отправляя Я.З.Сурица в Кабул, совершенно неслучайно определила его статус "как полномочного представителя РСФСР в странах Центральной Азии"). Л.М.Карахан, сообщая Н.З.Бравину об изменении его дипломатического статуса после приезда в Кабул Я.З.Сурица, в то же время считал, что они должны "действовать вместе", так как правительство назначило Я.З.Сурица "для общего руководства нашими дипломатическими сношениями и для поддержания связи с революционными организациями Индии, Афганистана, Белуджистана, Кашмира и Тибета"²³⁸. На представительство возлагались задачи организации разведывательной работы на индийской границе и поддержания связи с племенами.

Для этой же цели представительство должно было добиться от афганцев открытия советских консульств в приграничных с Индией городах - в Газни и Кандагаре, которые стали бы основными форпостами для проникновения советской пропаганды в Индию. Нижеприведенные в табл.1 данные из "Объяснительной записки Я.З.Сурица к смете консульской сети в Афганистане на 1920-1921г." не оставляют сомнений в том, для каких целей советские дипломаты добивались открытия консульств в приграничной с Британской Индией полосе:

ТАБЛИЦА 1

СРЕДСТВА, ЗАПРОШЕННЫЕ СОВЕТСКИМИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВАМИ В 1920-1921 гг.
(в афганских рупиях, в месяц)

Советские дипломатические представительства	направление средств	
	на революционную пропаганду	на военную разведку
Полномочное представительство	10 000	2 000
Генеральное консульство в Мазари-Шарифе	-	1 000
Генеральное консульство в Герате	-	1 500
Генеральное консульство в Кандагаре	2 000	500
Генеральное консульство в Газни	2 000	500
Консульский пункт в Маймана	-	500

Затраты на разведку и революционную работу в Афганистане и Индии должны были стать самой крупной расходной статьей советского представительства: Я.З.Суриц запросил 20 тыс. рупий в месяц (из них 14 тыс. рупий на революционную работу и около 6 тыс. на военную разведку). На пограничные с Индией советские консульства, которые планировалось открыть в 1920-1921 гг., должна была лечь основная нагрузка подобной работы, в то время как другие консульства, за исключением "Гератского" (на Персию), такую работу проводить не могли. Я.З.Суриц также учитывал, что, кроме указанных сумм, может "встретиться необходимость единовременного крупного расхода на революционную работу"²³⁹.

Любопытно сравнить эти планировавшиеся цифры с "экстраординарными расходами" советского полномочного представительства при Ф.Ф.Раскольникове в период с октября 1922 г. по октябрь 1923 г., попавшие в руки к англичанам и преданные гласности 8 мая 1923 г. британским агентом в Москве Ходжсоном. Ф.Ф.Раскольников исчислял эти "экстраординарные расходы" уже в размере 800 тыс. кабульских рупий, в то время как все затраты миссии составляли 1 млн. 200 тыс. рупий²⁴⁰. Поэтому приведенные цифры расходов на революционную и военную работу полпредства при Я.З.Сурице можно считать вполне достоверными, или даже скорее, неполными, не учитывающими реальные единовременные расходы представительства. Тем более, что сразу после приезда в Кабул, Я.З.Сурицу, знавшему о напряженной для англичан ситуации в Индии, казалось, что "самая широкая поддержка революционного движения в Индии, распространение литературы, посылка агитаторов, даже снабжение пограничных племен современным оружием, руководство и объединение их борьбы против англичан - все это легко осуществимые возможности"²⁴¹.

В основе этих планов была уверенность, что афганские власти явятся если не союзниками, то по крайней мере не будут препятствовать советским дипломатам и агентам проводить ширококомасштабную антибританскую работу на индийско-афганской границе. Однако пребывание в Кабуле миссии Н.З.Бравина, которому также были даны поручения центра по установлению контактов с представителями пограничных племен, показало, что после завершения англо-афганской войны привлечь официальный Кабул к выполнению задачи антибританской пропаганды сложно. М.И.Зибаров, которого Н.З.Бравин назначил "политическим руководителем полномочного представительства РСФСР в Афганистане", считал возможным "использовать Афганистан лишь в самом начале войны, когда еще была искренность отношений". Затем, по его мнению, "потеряв возможность при помощи афганского правительства легального пути в Индию, мы должны (были) еще больше усилить наши попытки проникнуть в Индию

иным, более решительным нелегальным путем. Иными словами, попытаться использовать возможно шире пограничные племена”.

М.И.Зибаров, как и сам Н.З.Бравин, совсем не считали этот вывод плодом неосуществимой фантазии, а вполне “реальной действительностью”. Подтверждением такой позиции было то, что в условиях бросающейся в глаза строжайшей изоляции афганскими властями советских представителей, им все же “удалось переговорить с представителями афридиев, ягистанцев и белуджистанцев”, которые заявили о готовности выехать в Ташкент для координации совместной работы против англичан²⁴². Приезд Я.З.Сурица в Кабул должен был придать новый импульс начатой работе. Однако все зависело от согласия афганцев включить в текст первого межгосударственного договора вопрос об антибританской пропаганде среди пограничных племен. До поездки М.Тарзи на майсурские переговоры афганцы соглашались с этим условием и лишь настаивали на гарантиях безопасности: если такая работа будет проводиться советской стороной, то тайно и только в отношении индийской границы.

Весной 1920 г. Совинтерпроп видел свою основную задачу в том, чтобы помочь в создании революционных партий в Афганистане и Индии. Главная ставка делалась на находящихся в Кабуле индийских эмигрантов, особенно на индийскую эмигрантскую ассоциацию, руководимую Абдуррабом и Т.Ачарья. Предполагалось, что она станет ядром будущей организации. Аманулла-хан прекрасно знал ее лидеров, хорошо понимал цели организации и большую заинтересованность советской стороны в ее существовании на афганской территории. Однако к лету 1920 г. он стал сомневаться в возможности быстрого заключения договора с Советской Россией и вынужден был возобновить с англичанами переговоры. М.Тарзи в Майсуре согласился с требованиями англичан о прекращении активной деятельности индийцев в Афганистане. Правда, к этой уступке Кабул был готов еще накануне переговоров, когда 7 апреля эмир вызвал к себе Абдурраба и обвинил созданную им ассоциацию в ведении большевистской пропаганды не только среди племен пограничной полосы, но и внутри страны²⁴³.

26 апреля лидеры индийской ассоциации, тесно сотрудничавшие с советскими полномочным представителем, Т.Ачарья и Абдурраб получили в вежливой форме предписание афганских властей покинуть страну. В качестве основного мотива было выдвинуто несогласие эмира с характером работы ассоциации. Я.З.Суриц во время визита в министерство иностранных дел Афганистана очень осторожно, стремясь не подчеркивать своего беспокойства по этому поводу, заметил, что “при несогласии не прибегают к высылке”, однако “не был услышан”. В донесении в Москву он сообщил, что ничего подобного не было сделано в отношении другой группы индийских эмигрантов во главе с М.Пратапом, которые, по его мнению, “настолько обжились в

Афганистане, что вряд ли вызывают серьезные опасения и у англичан”²⁴⁴. Отъезд во второй половине июня 1920 г. из Афганистана в Ташкент наиболее активной и близкой к Советам части индийских эмигрантов* сделал проблематичным создание в Кабуле революционного центра, резко ограничил Совинтерпропу и Коминтерну возможности для революционной пропаганды. Лишь в какой-то мере Москву успокоило сообщение Я.З.Сурица о том, что, несмотря на происшедшие изменения, в Кабуле все же “осталось нелегальное ядро”, через которое советское представительство тайно от афганских властей было намерено поддерживать связь с пуштунскими племенами индо-афганской пограничной полосы²⁴⁵.

Совинтерпроп, подчиненный лишь советским партийным органам, но охватывающий своим влиянием значительный район Центральной Азии, вызывал раздражение, конкурирующего с ним Коминтерна. Несмотря на тесную связь Исполкома Коминтерна с ЦК РКП(б), Туркестан, Бухара и пограничная зона с Афганистаном фактически считались особой сферой в пропагандистской деятельности ЦК партии. Однако подобная деятельность РКП(б), терпимая в отношении Туркестанской АССР как части РСФСР, в Бухаре и, особенно, в Афганистане могла вызвать серьезные осложнения для внешней политики Советской России. Это серьезно беспокоило руководство НКВД, особенно в связи с началом советско-британских переговоров в Лондоне о заключении торгового договора и об установлении дипломатических отношений с Великобританией. Основное требование англичан заключалось в том, чтобы Россия отказалась от антибританской и революционной пропаганды как в Индии, так и в Афганистане. Советскому руководству, стремившемуся к соглашению с Англией, теперь было важно не обнаружить деятельность своих организаций на Востоке и не подчеркивать какую-либо связь с Коминтерном.

Воспользовавшись этой ситуацией, Исполком Коминтерна уже летом 1920 г. настоял на реорганизации Совинтерпропа в свою секцию. Кроме того, ЦК РКП(б) помог Исполкому Коминтерна открыть в Ташкенте свое туркестанское бюро. Заседание Исполнительного бюро Совинтерпропа, состоявшееся 30 июля 1920 г., вынуждено было согласиться “передать разрешение всех принципиальных вопросов государственного и международного значения (в) Бюро Коминтерна”²⁴⁶, тем более, что Туркбюро ЦК РКП(б)** также считало, что работу в

* 2 июля 1920 г. в Ташкент из Афганистана прибыла первая группа индийских эмигрантов (28 человек). Основная их часть поступила в распоряжение Совинтерпропа.

** Состав Президиума Совета пропаганды и действия народов Востока см.: Правда, 17 октября 1920 г.

афганско-индийском направлении более целесообразно вести Исполкому Коминтерна и его организациям, а также представителю Коминтерна в Кабуле²⁴⁷.

Осенью 1920 г. Исполком Коминтерна и Совинтерпроп пытались организовать непосредственное участие представителей народов Афганистана в съездах и конгрессах Коминтерна. Они активно способствовали тому, чтобы в работе II-го Международного Конгресса Коминтерна (Петроград-Москва, 19 июля-7 августа 1920 г.) и Съезда народов Востока, созванного Исполкомом Коминтерна в Баку (1-7 сентября 1920 г.), участвовали представители Афганистана²⁴⁸. Однако, несмотря на усилия Совинтерпропа, собранного большое число делегатов на бакинский конгресс (около 700 человек из 1901 участника съезда²⁴⁹), афганскую делегацию представляли главным образом эрсаринцы и джамшиды (12 человек), хазарейцы (12 человек)²⁵⁰, текинцы (2 человека)²⁵¹, давно покинувшие Афганистан и поселившиеся в Туркестане, а также эмигрировавшие из Афганистана индийцы (14 человек)²⁵². Характерно, что из 40 человек, представлявших Афганистан, не было ни одного пуштуна²⁵³.

Съезд народов Востока был использован Исполкомом Коминтерна для окончательного включения Совинтерпропа в свою структуру и создания на его базе новой разветвленной и более мощной организации - Совета пропаганды и действия народов Востока (сокращено: Совет Востока). Новая организация должна была стать исполнительным органом, приводящим в жизнь решения Съезда народов Востока. Бывший Совинтерпроп превращался в структурное подразделение складывающейся единой пропагандистской организации, вся работа которой теперь направлялась из Москвы президиумом (из 9 человек)* и Советом (из 43 человек), а через них руководством Коминтерна и ЦК РКП(б)²⁵⁴. Одним из членов центрального Совета был избран выходец из Персии Ага-Заде, который должен был представлять Афганистан²⁵⁵.

Туркестанское отделение Совета пропаганды и действия народов Востока во главе с Г.Я.Сокольниковым продолжало осуществлять пропагандистскую деятельность в Туркестане, Бухаре, Хиве и в соседних странах²⁵⁶. Неподведомственный советским государственным органам, прикрытый формальным руководством Коминтерна, Совет пропаганды и действия превратился в источник агентурных сведений и разведки на Востоке: местные органы Совета должны были собирать необходимый материал по соседним восточным странам, а "полученные политсводки немедленно сообщать в Москву". Президиум Совета Востока, как и раньше, видел основной способ осуществления задач организации в

* Состав Президиума Совета пропаганды и действия народов Востока см.: Правда, 17 октября 1920 г.

отправке "агентов для выяснения положения революционного движения в Хиве, Бухаре, Афганистане, Хорасане, Индии и Китае"²⁵⁷.

Внимание советских и коминтерновских организаций к созданию партии афганских революционеров вновь усилилось осенью 1920 г. и было связано с подготовкой и осуществлением переворота в Бухаре, когда стала ясна слабость бухарских революционных организаций, не способных, как выяснилось, самостоятельно, без помощи Красной Армии, осуществить свержение бухарского эмира.

30 октября 1920 г. Отдел внешних сношений Турккомиссии сообщил в Москву, что при содействии туркестанских властей и левого крыла бухарских коммунистов в Старой Бухаре создан Центральный Комитет младоафганских революционеров под руководством эмигранта из Афганского Туркестана, сына афганца Гулам Хайдара - Ходжа Якуба. Появление этой организации в период серьезного напряжения в Бухаре свидетельствовало, что она, видимо, была призвана сыграть демонстративную роль, если бы чаша колебаний официального Кабула склонилась к вмешательству в дела Бухары. Образованный ЦК афганских революционеров объединил около 150 человек²⁵⁸. Кроме того, был образован президиум из 7 человек в составе:

1. Ходжа Якуб. О нем известно, что после смерти отца ему достался дом в Афганистане, однако местные власти отобрали его и Якуб перебрался сначала в Ташкент, а затем оказался в Бухаре, где, по собственному признанию, стал вести агитацию "среди афганцев с революционной целью". В документах Туркбюро Коминтерна за май - начало июня 1920 г. имеются свидетельства об установлении Якубом связи с младобухарскими лидерами, в частности, с Ф.Ходжаевым, а также с Туркбюро Коминтерна. В тот период по решению Туркбюро Коминтерна была создана инициативная группа С.М.Диманштейна, Ф.Ходжаева и Ходжа Якуба; предполагалось, что Ходжа Якуб, имея явки и адреса, сначала соберет афганских политических эмигрантов на территории Бухары, а затем с этой же целью отправится в Афганистан²⁵⁹. Его деятельность в Бухаре сразу привлекла внимание афганских представителей в эмирате. За месяц до свержения бухарского эмира он был арестован и передан афганским консулом бухарским властям. Из тюрьмы его освободили младобухарцы и Красная Армия.

2. Мухаммад Расул Хасан имел землю в Мазари-Шарифе, которая была насильно отобрадена властями, после чего он бежал в Бухару. К моменту образования ЦК он проживал в Бухаре уже 15 лет.

3. Мухаммад Наби, сын Мухаммад Расул Хасана; бежал от афганских властей вместе с отцом после потери земли.

4. Гали Ахмад Саид, бедняк из Кабула. О нем известно, что он бежал в Бухару от афганских властей во времена эмира Хабибулла-хана.

5. Мухаммад Джаффар Габидулла. Прибыл в эмирскую Бухару как солдат в составе охраны афганского посла. За революционную агитацию был арестован; выпущен на свободу после свержения эмира.

6. Мирза Агбайдулла. В Бухаре оказался после того, как афганские власти потребовали от его отца выплатить долг в сумме 2 тыс. рупий, а затем распродали все их имущество.

7. Нурхан Карим преследовался ташкурганскими властями при Хабибулла-хане за принадлежность к младоафганцам, после чего он бежал в Бухару²⁶⁰.

Биографические данные свидетельствуют, что члены президиума новой партии являлись случайными людьми в революционном движении; все они в то или иное время были обижены афганскими властями и затаили на них злобу. Некоторые из них в свое время были, по афганским меркам, совсем не бедными людьми.

Чтобы привлечь внимание Коминтерна, Ходжа Якуб в ноябре 1920 г. от имени "ЦК младоафганских революционеров" представил программу образовавшейся партии в Туркбюро Коминтерна и лично В.В.Куйбышеву как представителю Коминтерна и полпреду РСФСР в Бухаре с просьбой об ее утверждении и выделении необходимых средств. Москве было сообщено, что целью организации, по словам членов созданного ЦК, "является уничтожение деспотического строя, создание народной советской республики на основе принципов третьего Интернационала с всеобщим избирательным правом и упразднением классовых различий, передача земли в руки пролетариата, уничтожение капиталистов с сохранением капитала и развитие торговли и промышленности"²⁶¹.

Однако ни В.В.Куйбышев, ни центральные советские и коминтерновские органы не дали ответа на обращения "младоафганцев". Такая позиция была вызвана рядом причин, главная из которых заключалась в неверии советских, особенно внешнеполитических органов, в возможность быстрых революционных изменений в Афганистане. Осторожное отношение советских властей к образовавшейся "партии" было связано и с неудачей "гилянских событий" в соседней Персии. Хотя руководство Туркбюро Коминтерна уже в мае - начале июня 1920 г. поддерживало Ходжа Якуба, не было никакой уверенности в "подлинной революционности" собранных им людей. Кроме того, у руководства Коминтерна возникли опасения, что "афганские революционеры" могут оказаться "провокационной игрушкой, орудием в руках афганского правительства"²⁶². Появление революционной организации "младоафганцев" вслед за событиями в Бухаре, когда и так никто не верил в советскую непричастность к перевороту, вызвало к ней подозрительное отношение: ни провокация ли это самих афганцев?. Эти подозрения возникли после того, как стало

известно, что вслед за созданием организации, афганское правительство получило о ней полную информацию.

Действительно, уже в начале ноября 1920 г., когда впечатления о происшедшем в Бухаре были еще свежи, Кабул получил сообщение, в частности от индийцев, о создании в Бухаре революционного комитета младоафганских революционеров. Было сообщено, что комитет начал революционную пропаганду за свержение существующего в Афганистане правительства и старается увеличить свои ряды, превратившись в партию²⁶³. Это известие сильно взволновало афганское руководство, так как на примере Бухары оно убедилось, что может сделать небольшая, даже недавно сформировавшаяся революционная группа при иностранной поддержке, прикрываемой лозунгами мирового революционного единства. МИД Афганистана заявило протест советскому представителю в Кабуле Я.З.Сурицу и потребовало разъяснить, кем создана эта организация и пользуется ли она официальной поддержкой Советской России и нового бухарского правительства.

В своих донесениях в Москву Я.З.Суриц, не выступая против афганской революционной организации как таковой, считал, что момент ее создания был выбран неудачно: в то время как англо-индийская пресса "со дня бухарского переворота предсказывает ту же судьбу Афганистану, ...как бы по заказу появляется открытая организация". Он считал, что "если ее появление связано определенным планом, то вся работа представительства беспечна"²⁶⁴. Мнение Я.З.Сурица соответствовало позиции советского руководства, стремившегося не подчеркивать свою роль в "бухарской революции".

Официально никем не признанная афганская организация (Туркбюро Коминтерна также теперь стремилось не подчеркивать свою роль в ее создании) продолжала нелегально существовать в Бухаре при тайной поддержке левого крыла бухарских коммунистов и даже выпустила маленький пропагандистский листок на фарси. Однако афганцы установили за ее членами постоянный контроль. По распоряжению прибывшего в Бухару Абдул Хади-хана Дави был задержан один из членов ЦК (к нему были применены пытки и избиения, чтобы получить данные об организации), а затем, в людном месте, на базаре сотрудники охраны афганского посла арестовали председателя ЦК Ходжа Якуба. Его попытались насильно доставить в афганское посольство, но по пути им повстречался заместитель назира иностранных дел БНСР, потребовавший от афганских конвоиров отпустить Якуба. Он дал письменное обязательство, что сам доставит Якуба через час к Абдул Хади-хану. Афганский посол устроил бухарскому правительству скандал, заявив, что доведет до сведения своего правительства о связи бухарских властей с афганскими революционерами и потребовал их удаления из Бухары.

Это заставило советских дипломатов в Бухаре обратить на группу Якуба большее внимание. Имеются свидетельства, что советское полномочное представительство и сотрудники Коминтерна негласно попытались собрать афганских эмигрантов и организовать общее собрание для создания единой организации, однако из-за постоянной слежки афганцев, это мероприятие сорвалось. По сообщению заведующего информотделом советского полномочного представительства в Бухаре, были проведены беседы лишь "с отдельными представителями Афганского революционного комитета", в то время как на территории БНСР, по данным источника, насчитывалось несколько сотен афганцев-представителей "трудящегося класса"²⁶⁵. Неудача новых попыток консолидации афганских эмигрантов была связана с тем, что в "революционный комитет", по мнению Я.З.Сурица, "затерся афганский агент", который смог во всех подробностях освещать перед официальным Кабулом деятельность организации. Афганское правительство получило список всех ее членов, подлинники членских карточек и, самое опасное для советской стороны, точные сведения о взаимоотношениях организации с Коминтерном, бухарским правительством и советским дипломатическим представительством в БНСР²⁶⁶. В 1921 г., после подписания советско-афганского договора, советское полпредство в Бухаре было вынуждено свести поддержку "революционной афганской организации" к минимуму, еще какое-то время осуществляя ее "исключительно нелегально"²⁶⁷.

В период, когда в Бухаре разразился кризис, а отношения Советской России с Афганистаном ухудшились, в советское полномочное представительство в Кабуле пришло сообщение, что в Афганистан наконец-то отправляется долго готовившаяся Москвой большая миссия во главе с ответственным работником Исполкома Коминтерна М.М.Бородиным (настоящая фамилия - Грузенберг, 1884-1951), основными задачами которой являлись разведывательная и революционная работа на индийской границе, подготовка в Афганистане базы для осуществления проекта "революционизирования Индии". В соответствии с инструкцией НКВД, Я.З.Суриц должен был осуществлять общее стратегическое руководство советским представительством в Афганистане, в большей степени занимаясь границей с Индией и поддержанием связи с пуштунскими племенами, в то время как практическую работу в самом Афганистане должен был выполнять другой человек. Однако Н.З.Бравин своим нежеланием работать под началом Я.З.Сурица, чуть не сорвал эти планы Москвы. После его отставки НКВД стал срочно готовить новую миссию во главе с М.М.Бородиным. В официальных документах лета-начала осени 1920 г. он уже именовался "полномочным представителем РСФСР в

Афганистане”*. Вместе с М.М.Бородиным в Кабул отправлялась большая группа тщательно подобранных людей, которые должны были стать основными сотрудниками Я.З.Сурица по выполнению масштабных задач в странах Центральной Азии.

Судя по признаниям одного из лидеров индийского коммунистического движения М.Н.Роя, он и другие индийцы были не случайно включены в состав миссии: на них возлагалась задача создания на территории Афганистана “индийской революционной армии”, которая должна была формироваться при активном сотрудничестве с кабульскими властями и турецкими эмигрантами (свою роль в этом должен был сыграть Джамал-паша). Предполагалось, что эта “армия” затем вступит в Индию и, заняв некоторую часть индийской территории, провозгласит независимое от англичан советское правительство на индийской земле; отсюда пойдет распространение его влияния на всю Индию²⁶⁸.

Автором этого исследования в РЦХИДНИ обнаружен документ, который не только подтверждает сообщение М.Н.Роя, но и заметно его дополняет. Речь идет о Постановлении Исполкома Коминтерна от 17 марта 1921 г., которое содержит подробное изложение разработанного коминтерновскими стратегами механизма вторжения с афганской территории в Индию “революционной атакующей армии”. Этот план предусматривал, что вне границ Индии, в советском Туркестане и Афганистане, должна быть сформирована достаточно сильная армия - не менее 25 тыс. человек, набранных из представителей независимых племен индо-афганской пограничной полосы, а также среди индийских эмигрантов на афганской территории. Руководство Коминтерна, зная, что в пограничной полосе можно набрать армию до 100 тыс. человек, было уверено, что осуществление этой задачи не вызовет затруднений. Постановление определяло, что “большое количество военного снаряжения должно находиться в известных местах на русско-афганской границе, откуда они могут быть легко перевезены в Индию, как только известная часть страны будет захвачена атакующими силами”. Намечалось, что командные должности в революционной армии займут офицеры Красной Армии и, после соответствующих курсов, представители индийской революционной интеллигенции. В соответствии с планом, части Красной Армии не должны были участвовать в военных операциях, по крайней мере на начальном этапе, однако предполагалось, что они будут сконцентрированы в Туркестане для помощи “в случае надобности революционным силам, действующим в Индии”²⁶⁹. По свидетельству М.Н.Роя, этот план был одобрен

* Сообщение М.Н.Роя, что ему неофициально предлагалось стать советским посланником в Кабуле, видимо, относится к периоду поиска претендентов на эту должность. Однако НКВД остановился на кандидатуре М.М.Бородина. (Karur H. Soviet Russia and Asia... - P.232)

Политбюро ЦК РКП(б) и СНК РСФСР в начале осени 1920 г., когда успешно была взята Бухара. М.Н.Рой был поставлен главой этого "индийского проекта"²⁷⁰, однако по всем основным вопросам он должен был подчиняться М.М.Бородину.

Миссия Бородина-Роя готовилась как масштабное предприятие, которое должно было соответствовать поставленным перед ним задачам. В ходе подготовки 8 июля 1920 г. М.М.Бородиным было запрошено от НКВД и руководства Реввоенсовета республики оружия и снаряжения, численность и категория которого не оставляют сомнений в истинной направленности миссии:

винтовок	- 15 тыс. (штук)
патронов к ним	- 1 500 тыс.
пулеметов	- 50
патронов к ним	- 500 тыс.
револьверов	- 500
патронов к ним	- 50 тыс.
ручных гранат	- 4 тыс.
легковых автомобилей	- 2
грузовых автомобилей	- 1
радиостанций	- 5
аэропланов	- 2

Однако, несмотря на давление со стороны НКВД, советское военное командование оказалось не в состоянии предоставить просимое количество военного снаряжения и техники. В течение лета 1920 г. цифры обещанного неоднократно изменялись. В августе 1920 г. миссии было отпущено:

револьверов	- 300 (штук)
патронов к ним	- 30 тыс.
ручных гранат	- 4 тыс.
легковых автомобилей	- 2
грузовых автомобилей	- 1
телефонов	- 3
полевых биноклей	- 10
компасов	- 3
фляжек	- 60
самолетов	- 3

Кроме этого, в распоряжении миссии к этому времени уже имелись две типографские машины, станки для получения оттисков и резки бумаги, наборы латинского, арабского, персидского и русского шрифтов, а также бумага. Примечательно, что из 7 касс шрифтов, 3 были латинского шрифта. В распоряжение миссии была выделена библиотека: 600 книг, содержащих материалы военного характера, 240 книг с описанием стран Среднего Востока, 20 географических карт.

Для доставки самой миссии и ее груза до границы распоряжением Л.Д.Троцкого, в то время возглавлявшего Наркомат путей сообщения, был скомплектован железнодорожный состав, состоящий из семи вагонов. Кроме этого, груз авиазвена и другое имущество миссии были погружены на 3 товарных вагона и 9 платформ²⁷¹.

Численный состав миссии был намечен в количестве 71 человека, однако в условиях гражданской войны военное руководство не смогло откомандировать некоторых военных специалистов, а также рабочих для типографии и стенографистку. В конце июля в Афганистан готовы были выехать 53 члена миссии:

- полномочный представитель - М.М.Бородин
- секретарь миссии - А.Г.Иванов
- машинистка - Е.Н.Струкова
- шифровальщик - С.М.Вячеслов
- переводчик - Блюмфельд
- старший врач, заведующий медицинским и научно-культурным отделом - В.Г.Вячеслов
- фельдшер - М.И.Цайнер
- акушерка-фельдшерица - А.Н.Вячеслова
- монтер- кинофотограф - Е.Родзевич
- учителя русского языка - Е.Н. и В.Н.Жданович
- заведующий хозяйством - А.А.Озеров
- повар - А.Н.Никитин
- его помощник - О.В.Дунаев
- красноармейские командиры - Н.А.Киселев, Д.Т.Шапошников, А.Ф.Дюжаков
- артиллеристы-инструкторы - И.Марченко, М.А.Витт, Г.Коряка
- инструкторы-пулеметчики - Д.И.Саванович, Л.Б.Барабанел
- летчики - В.В.Гоппе, А.К.Шульц
- авиамеханики - И.Я.Самсиков, К.К.Балгис
- летчик-наблюдатель - Г.А.Вальчак
- младшие мотористы - М.Н.Горелов, Н.Г.Тарновский
- шофер при авиазвене - И.А.Шалюхин
- помощник шофера В.С.Федюнкин
- мотоциклист - И.О.Безродный
- техники при аэропланах - Горифулин, Махмед Хали, Юлин, Е.Т.Есаулов, Б.А.Горшечников
- делопроизводитель авиазвена - А.Н.Ефремов
- для хозяйственных надобностей авиазвена - И.Е.Филиппенко
- рассыльный при авиазвене - Ф.Е.Лукьянов
- красноармейцы - Э.Р.Дерин, В.Богомоллов
- шоферы - Ф.А.Рыбалкин, А.Ф.Иванов
- “индийские революционеры” - М.Н.Рой, Т.Ачарья, М.Шафик

жены - Шапошникова, Иванова, Дюжакова, Озерова, Рой, Киселева²⁷².

Однако подготовка миссии затянулась и, когда она уже была готова к отправке из Ташкента в Кабул, произошли события в Бухаре. Намечавшийся приезд миссии сильно обеспокоил советских дипломатов в Кабуле, понимавших, что время ее приезда выбрано неудачно: очевидная направленность миссии М.М.Бородина на подрывную работу на границе с Индией могла вызвать подозрения в действительных намерениях Москвы и в отношении Афганистана. Получив секретную информацию из Ташкента, Я.З.Суриц считал, что приезд миссии М.М.Бородина поставит советское полпредство "в невозможное положение". "При теперешней обстановке для работы в Индии, - сообщил он в Ташкент, - необходим ряд предварительных условий, из которых главные - ратификация договора и изжитие бухарских событий. Только тогда можно будет создать жизнеспособные представительные органы и открыть таковые у индийской границы. Вне этих органов миссия будет висеть в воздухе и послужит лишь новому обострению отношений"²⁷³. По требованию Я.З.Сурица миссия была задержана в Ташкенте*.

В 1921 г. Я.З.Сурица на посту советского полпреда в Кабуле сменил Ф.Ф.Раскольников, имевший "большой опыт" организации антигосударственных переворотов". Неофициальная деятельность советского полпредства при Ф.Ф.Раскольникове испытывала значительные трудности, особенно после удаления из Кабула наиболее активных индийских эмигрантов^{***}. Афганские власти предприняли меры для недопущения прямых контактов иностранцев, прежде всего русских, с представителями пограничных племен. Эмиром был издан приказ, согласно которому любой представитель иностранного посольства должен был передвигаться по улицам афганской столицы в

---

* Подготовленные значительные силы миссии М.М.Бородина были позднее отправлены в Китай во главе с ним самим и генералом Галиным /более известен как маршал СССР В.К.Блюхер/. (Например, см.: Гартгоф Р. Советская военная политика...- С.22.) Тем не менее некоторые члены этой несостоявшейся миссии все же прибыли в Кабул с Ф.Ф.Раскольниковым.

** До назначения в Кабул Ф.Ф.Раскольников был руководителем советских военных операций по созданию "Гилянской Советской Республики" на территории Персии.

*** Вслед за первой группой индийцев, в октябре 1920 г., в Ташкент прибыла новая группа, которая была встречена М.Н.Роем и поступила в его распоряжение. Среди наиболее видных индийцев этой группы были Шаукат Османи, Абдул Маджид и Абдул Кабир Сехрай. Всего в 1920 г. на советскую территорию из Афганистана перешли 3 группы индийцев, общей численностью до 200 человек. (Eudin Xenia Joukoff, and North Robert C. Soviet Russia and the East...- P.84; Coates W.P. and Zelda K. Soviets in Central Asia. - P.84; Антонова К.А., Бонгард- Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. - С.404.)

сопровождении "почетного" афганского конвоира. Сам эмир строго следил за исполнением своего приказа. В одном из донесений Ф.Ф.Раскольников описывает случай, когда эмир, встретив на улице советского сотрудника без сопровождения, спросил его о причине отсутствия конвоира, на что тот вынужден был ответить, что конвоир отстал²⁷⁴.

Предпринятые афганскими властями меры лишили покоя советских дипломатов. При специфической обстановке Кабула, где каждый европеец был на виду и не мог сделать незамеченным почти ни одного шага, конспиративная работа становилась весьма трудной задачей. Однако они вышли из затруднения путем подкупа михмандара, благодаря которому удавалось избегать "телохранителей"²⁷⁵. Большую роль в этом деле сыграл и Джамал-паша, который, занимаясь реорганизацией афганской армии, активно налаживал связи с пограничными пуштунскими племенами и их лидерами. Еще при Я.З.Сурице Джамал-паше "удалось непосредственно связаться почти со всеми маликами и вождями племен"²⁷⁶.

Так как эмир запретил индийцам, а также представителям пуштунских племен под угрозой наказания какие-либо связи с советскими дипломатическими представителями, они продолжали поддерживаться тайно и, в основном, через посредников. Формально, после запрета эмира, ни один индиец или представитель пограничных афганских племен не приходил в советское представительство, а советский полпред не имел непосредственных сношений ни с кем из них, тем не менее, сотрудники представительства обычно поздно вечером выезжали за город для конспиративной встречи в заранее условленном месте. Хотя круг лиц, с которыми советские дипломаты в 1921 - начале 1922 гг. поддерживали конспиративные связи, резко сузился, он тем не менее был достаточен, чтобы получать необходимую информацию. Ф.Ф.Раскольников в конце 1921 г. признавал, что "индийская работа, (насколько)... позволяют обстоятельства, нами ведется по своему масштабу, во всяком случае, не уступая тому, что делалось прежде, при товарище Сурице. Очевидно, принятая нами конспиративность является удовлетворительной"²⁷⁷.

Из круга людей, которые продолжали сотрудничать с советским полпредством, - индийский эмигрант из Лахора Мухаммад Али, по выражению Ф.Ф.Раскольникова, - "одна постоянная, но зато безусловно надежная связь". Мухаммад Али был, действительно, главным и наиболее ценным источником агентурных сведений по Афганистану и Индии, ибо, образно говоря, именно через него проходила достаточно разветвленная сеть агентов и осведомителей, которых нередко советские представители не знали или с которыми, во всяком случае непосредственно, не вступали в контакт.

Мухаммад Али был тесно связан с лидерами так называемого "Временного правительства Индии в эмиграции", в первую очередь, с М.Убайдуллою, занимавшим в нем пост министра иностранных дел. После отъезда из Кабула самой активной и наиболее тесно связанной с советским полпредством группы индийских эмигрантов во главе с Абдуррабом и Т.Ачарья, сторонники М.Убайдуллы стали фактически главной опорой советской разведывательной деятельности как в Афганистане, так и в Индии. Сам М.Убайдулла являлся покровителем всех молодых "индийских революционеров", находившихся в Афганистане, и пользовался большим авторитетом. Он находился в хороших отношениях как с афганскими властями*, так и с советскими представителями, от которых через Мухаммада Али постоянно получал денежные вознаграждения. В 1920-1922 гг. советское полпредство в Кабуле возлагало на М.Убайдуллу надежду, что ему удастся провести в жизнь советский проект об организации в Кабуле индийского университета и амбулатории, подлинная цель которых заключалась в создании легальной базы для подготовки "индийских революционных работников". Удалось добиться, что их открытие будет финансироваться как советской стороной, так и афганским правительством. Согласованный с афганцами проект ждал разрешения эмира, который однако так и не дал его.

Через Мухаммада Али информацию для советского полномочного представительства о всех событиях по Афганистану поставляли Сафар Хасан, работавший в афганском военном министерстве и индиец Игбал Шадай, служивший в турецком Бюро печати в Кабуле. Постоянную связь через Мухаммада Али советские дипломаты поддерживали и с доктором Нур Мухаммадом, а также Сейид Боухари, каждый из которых получал "небольшую помощь" от советских представителей. Большую ценность представляли контакты с Ходжи Абдурразак-ханом, официальным представителем в Кабуле афридиев, который одновременно служил командиром эскадрона в образцовом полку, созданном Джамал-пашой и, по выражению Ф.Ф.Раскольникова, был "вхож к эмиру". Советское представительство получало от него подробную информацию о состоянии дел на индо-афганской границе и в самом Афганистане.

Особые отношения сложились с братом Абдурразака Абдул Латифом, который информировал еще Я.З.Сурица. Так как затем выяснилось, что Абдул Латиф служит в афганском министерстве полиции и, по всей видимости, ведет двойную игру, полномочное

---

* Л.Ададек сообщает, что в начальный период правления Аманулла-хана М.Убайдулла оказался в немилости у афганских властей, но затем смог вернуть себе расположение и влияние при дворе вплоть до того времени, когда в 1922 г. он окончательно покинул Афганистан. (Adamec Ludwig W. Historical and political... P.213.)

представительство прервало с ним все отношения. Однако после приезда в Кабул Ф.Ф.Раскольниковца связь была восстановлена, тем более, что Абдул Латиф перебрался в Герат, став секретарем гератского губернатора. Советское консульство в Герате установило с ним контакты.

Советские представители не брезговали связью и с пуштуном Абдул Вали-ханом (Кази), который находился в Афганистане со времен англо-афганской войны, однако считался самими афганскими властями человеком весьма сомнительной репутации: афганцы подозревали его в шпионаже в пользу англичан. Советские дипломаты также были уверены, что он "является английским шпионом" и враждебно относится к группе М.Убайдуллы-Мухаммад Али²⁷⁸. Подтверждением этому, по мнению Ф.Ф.Раскольниковца, был тот факт, что после приезда в Кабул английского посла Ф.Хэмфриса, Абдул Вали-хан постарался как можно быстрее установить связь с советским дипломатическим корпусом в Кабуле и при этом не попросил никакого вознаграждения за свою работу. Это вызвало подозрения. За городом состоялось несколько конспиративных встреч сотрудников представительства с Абдул Вали-ханом. Он просил деньги на помощь пуштунским племенам в борьбе против англичан, а также познакомил советских представителей с некоторыми людьми, которых представил как вождей племен: некоего Сеид Нур Мухаммада как одного из лидеров афридиев, а также Сардар-хана как признанного главу момандов. Несмотря на попытки навести справки, никто из индийских "друзей" и кабульских агентов ничего не знал об этих людях*. Однако и после этого советские представители в Кабуле продолжали отношения с Абдул Вали-ханом, иногда получая от него "ценные сведения по Афганистану"²⁷⁹.

Советское полномочное представительство в Кабуле являлось пунктом, через которое ОГПУ и НКВД пытались воздействовать на обстановку среди племен приграничной полосы Афганистана с Индией. Полпредство субсидировало и, по сути, руководило четырьмя основными "центрами", находившимися в пограничной полосе и в самой Индии: чамаркандским в Ягистане, маногийским в Дире, сеидашасским в Баджауре и газабадским (два последних на момандской территории). Их создание было осуществлено через индийцев, находившихся в Афганистане и, в первую очередь, через все того же М.Али. Их видные представители находились на советском содержании и являлись

* Возможно, что в данном случае Абдул Вали-хан представил советским дипломатам вполне реальных лиц. Во всяком случае, Л.Ададек описывает Сардар-хана как одного из лидеров момандов, получившего этот статус еще от эмира Хабибулла-хана. Однако в дальнейшем, как пишет Л.Ададек, он находился в конфликтных отношениях с кабульскими властями, из-за чего, видимо, не мог быть представлен советским дипломатам официально. (Подробнее см.: Adamec Ludwig W. Historical and political... - P.225)

основными поставщиками оперативной информации для кабульского "центра" разведывательно-пропагандистской работы, каким, в сущности, было советское полномочное представительство.

В сеидашасском "центре" такую работу проводил конгрессист* Гулам Мухаммад Азиз, который был лично рекомендован М.Али для такой работы. В Сеид-Аше он работал в контакте с видным баджаурским вождем М.Бадбуром. Советское представительство выплачивало Гулам Мухаммад Азизу "ежемесячную субсидию в сто бумажных фунтов стерлингов". Маногийский центр возглавил личный друг М.Али и М.Шафика (первого секретаря коммунистической группы, основанной в октябре 1920 г. индийскими эмигрантами в Ташкенте²⁸⁰) Макфи. Через него поддерживалась постоянная связь с момандами. Для этого полпредство не жалело денег. Только в мае 1922 г. Ф.Ф.Раскольников передал представителям момандов "пятьсот золотых рублей". В тесной связи с Мухаммадом Али и Макфи работал в этот период в газабадском "центре" "активный вождь момандов" Хаджи Сахиб Тарангай (он же Фазл Вахид)²⁸¹, который, как и Макфи, периодически получал от советского представительства финансовое вознаграждение. Советские дипломаты обращали большое внимание и на чамаркандский центр. Хотя попытка опереться на существующий здесь "Комитет сторонников Священной войны" не удалась, тем не менее, ставка была сделана на одного из видных его членов - М.Башира, который в 1922 г. получил единовременное советское пособие в 5 тыс. рублей золотом. К этому времени возобновил свою антианглийскую работу среди вазиров и связи с советским дипломатическим представительством в Кабуле и Ходжи Абдурраззак-хан. Осенью 1921 г. на эту работу ему было выдано советским представительством 15 тыс. золотых рублей²⁸². Советское представительство в Кабуле тратило значительные средства на разведывательную работу в Индии, в то время как в самой Советской России экономическое положение становилось все хуже.

Между тем в Исполкоме Коминтерна продолжали разрабатывать планы "освоения" этих регионов собственными силами. Возникла идея создать при Исполкоме Отдел Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки. Докладная записка К.Трояновского в Малое бюро Исполкома Коминтерна, обосновывавшая эти планы, отмечала, что наличие в Ташкенте Совета пропаганды и Действия и даже Туркбюро Коминтерна не дало до сих пор заметных результатов ввиду "полной оторванности окраинных восточных руководящих органов от центра, (при) отсутствии органической связи между ними". По мнению К.Трояновского, такой

---

* Сторонник Индийского национального конгресса, первой общеиндийской национальной политической организации, ставящей своей целью независимость Индии. (Подробнее см.: Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. - С.405.)

центр должен существовать "не на Кавказе и не в Туркестане, а исключительно в Москве", при Исполкоме Коминтерна. При этом автор проекта считал, что "Восточный отдел" должен вобрать в себя не только уже созданные в Средней Азии организации, но обязательно иметь два рабочих пункта - в Бухаре и Афганистане²⁸³, ставя своей главной целью "пропаганду идей коммунизма и международной социальной революции в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока". Результатом этой пропаганды должно было стать появление в странах Востока коммунистических организаций, которые бы вошли в III-й Коммунистический Интернационал. Предполагалось, что Отдел будет вести работу в восточных странах "через своих подпольных агентов", которые установят связи с существующими коммунистическими организациями, а при отсутствии таковых приложат усилия к их созданию²⁸⁴. Как говорится, вновь "на круги своя..."

Однако пропагандистская и разведывательная деятельность Коминтерна все более входила в конфликт с позицией официальных советских внешнеполитических органов. Между линией НКВД и линией Коминтерна в восточных странах существовали негласные противоречия, велось соперничество по вопросу о том, кто должен определять основные приоритеты в восточной политике. Нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин считал, что Коминтерн, посылая своих агентов в Афганистан, способен навредить советской внешней политике: это раздражает афганского эмира и "срывает там нашу политику"²⁸⁵. После подписания советско-афганского договора 1921 г. Г.В. Чичерин был убежден, что не следует "задевать афганского строя и ... пугать афганцев лозунгами всемирной революции", от которых они "бросаются к англичанам"²⁸⁶.

Это были не просто межведомственные противоречия. Революционные романтика и лозунги, еще столь активно поддерживаемые внутри страны, во внешнеполитических отношениях становились помехой для налаживания межгосударственных отношений и были отброшены. Нечего было и говорить, чтобы основой пропаганды в восточных странах, особенно в Афганистане, сделать содержание марксистской философии или коммунистической теории при почти полном отсутствии подготовленной почвы для их восприятия.

Пропагандистская работа в Афганистане в антиэмирском духе могла подорвать позиции эмира, настроенного, как считалось, просоветски. Поэтому НКВД считал возможным поощрять работу революционных организаций и Коминтерна не столько в антиэмирском, сколько в антибританском направлении. Но и здесь существовало противоречие: считалось, что в антибританской пропаганде эмир сам заинтересован и кабульские власти ведут ее по силе возможностей. Кроме того, сказывалось влияние подписанного 16 марта 1921 г. торгового соглашения между РСФСР и Великобританией, в котором был закреплен

отказ Советской России от революционной пропаганды и антибританской деятельности как в Индии, так и в Афганистане.

После подписания советско-афганского договора 1921 г. у советских государственных органов укрепились представления о нежелательности самостоятельных действий Коминтерна в Афганистане. НКИД, не веривший в возможность быстрого революционного подъема в Афганистане, был вынужден официально поддерживать дружеские отношения с эмирской властью, вместо сомнительных успехов коммунистической и революционной пропаганды.

Так как о создании революционной партии в Афганистане говорить не приходилось, а ситуация в Бухаре и Хиве, после удачно осуществленных там переворотов, заметно успокоилась, советское руководство к осени 1921 г. посчитало возможным упразднить Туркбюро Коминтерна и передать его функции одному-двум представителям, которые действовали бы в строгом соответствии с линией НКИД. Эту идею активно поддержали К.К.Юренев, А.А.Иоффе и М.П.Томский. Последний, будучи председателем Турккомиссии ВЦИК и одновременно председателем Туркбюро Коминтерна (!) считал, что этот шаг позволит избежать "излишнего расходования сил и средств". А.Иоффе в письме первым лицам партии и Исполкома Коминтерна, хотя и выразил надежду, что вся деятельность уполномоченных Коминтерна в Афганистане, Бухаре, Хиве и Персии будет вестись "в направлении создания сильной, сплоченной, сознательной, организованной и дееспособной коммунистической партии", однако подчеркнул, что они должны получить строгую директиву: проводить работу "без уклона в сторону революционных авантюр и без попыток захвата власти"²⁸⁷. На практике, это означало резкое сокращение революционной пропаганды в этих странах, проводившейся нередко самыми различными организациями коммунистического толка без всякого учета линии НКИД. Наконец, трудно представить выполнение столь обширных задач одним-двумя сотрудниками, когда эту задачу не смогли решить ни Туркбюро Коминтерна, ни Совинтерпроп, если, конечно, не считать, что теперь эти представители Коминтерна были тесно связаны с секретной разведывательной деятельностью НКИД в этих странах, о снижении роли которой говорить не приходилось.

ГЛАВА 5

БАСМАЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ПОДДЕРЖКА ЕГО АФГАНИСТАНОМ

Серьезным испытанием для советско-афганских отношений стало басмаческое движение в Средней Азии. Историки утверждают, что басмачество как социальное явление сформировалось в конце 60-х гг. XIX в. во время русского завоевания Средней Азии и характеризовало разрозненные, полубандитские отряды повстанцев-мусульман, совершавших нападения на русские войска. В 1916 г., когда по всему Туркестану разразились восстания мусульманского населения против царского указа о принудительном привлечении на тыловые работы и резко возросли налоги и подати, басмачество вновь возродилось. Однако в силу принятых царским правительством мер, дифференцировавших действие указа, он не затронул отдельные, наиболее влиятельные слои мусульманского населения и родовую аристократию. Движение не приобрело религиозного, панисламистского, а тем более освободительного характера, в основном оставшись проявлением социального недовольства.

Главной доминантой его развития после Октября 1917 г. было массовое сопротивление коренных жителей Туркестана, Бухары и Хивы процессам ломки сложившегося общественного уклада, традиций и нравственных норм, всему тому, что стало искусственно переноситься в Туркестан из революционной России. Сам термин "басмач", производный от тюркского глагола "басмак" ("давить, атаковать, нападать"), в условиях массового сопротивления новым общественным явлениям потерял свое первоначально обидное в общественном сознании значение и сравнялся с "моджахедом", участником священной войны за возвращение к устоявшимся исламским ценностям и нормам жизни.

Обострение экономических проблем в Туркестане дало новую жизнь басмачеству. Средняя Азия в дореволюционный период находилась в исключительной зависимости от российского рынка и резкий разрыв в годы гражданской войны экономических связей с Россией поставил Туркестан на грань хозяйственной катастрофы. Эти трудности были усилены мероприятиями советских туркестанских властей, в основном состоявших из русских и продемонстрировавших в глазах мусульманских масс откровенно колонизаторский подход: например, принятием СНК Туркестанской республики декрета (от 28 февраля 1918 г.) о конфискации главного продукта обмена дехкан -

хлопка, который предназначался для отправки в Россию. Вследствие этих мер, смертность населения от голода, по данным Г.И.Сафарова, возможно, несколько преувеличенным, достигла 25-50% от общего числа жителей²⁸⁸. Так или иначе, один из руководителей Турккомиссии, реально обладавшей властью в Туркестанской республике, признавал, что "басмачество выросло, с одной стороны, на почве борьбы за национальное самоопределение как результат разгрома "кокандской автономии" и последующих колонизаторских безобразий, с другой же стороны, на почве экономического кризиса - голода, разрушившего хлопковое хозяйство в Фергане и, вместе с тем, лишившего узбекско-сартовскую буржуазию прежнего благосостояния, а массы мардикеров, чайрикеров и чернорабочих - обычного заработка"²⁸⁹.

Считается, что басмачество было основным проявлением гражданской войны в Средней Азии. Однако, на наш взгляд, так следует считать лишь с некоторой оговоркой и только в отношении периода, когда басмачество потеряло свою идейную силу и истощило свои ряды. В иное время (по крайней мере до 1923-1924 гг.), против басмачей выступали лишь регулярные отряды Красной Армии, в рядах которой было неизмеримо меньшее количество коренных жителей Средней Азии, чем в басмаческих отрядах. В силу этого, движение поднялось из полу, - а зачастую и полностью криминального, и возвысилось в наивысший период развития до национально-патриотического и освободительного.

Однако даже в период расцвета, будучи неоднородным по своей природе явлением, испытывавшим серьезные внутренние противоречия между высокими идейно-политическими целями и теми средствами, которыми они достигались, басмачество было подвержено внутренней и внешней трансформации*. Внутреннюю трансформацию усиливали клановая борьба за лидерство в движении; потеря ценностных ориентиров из-за длительного сопротивления; нередко возникавшие пораженческие настроения ввиду бесперспективности борьбы, особенно тогда, когда большевикам удалось оторвать основную массу коренного населения Туркестана и Бухары от участия в движении; внутренняя усталость и уменьшение численности борцов, ввиду их физического истребления советской властью. В результате, басмаческие отряды в большинстве своем вновь превращались в группы разбойников и грабителей, от которых в первую очередь страдало местное население. Внешняя трансформация во многом была определена экономической и политической слабостью басмачества, военными поражениями от Красной Армии, наличием основных центров сопротивления на чужой территории.

---

* Именно с учетом трансформации движения мы сохраняем термин "басмач", "басмачество", тем не менее признавая во многих его проявлениях 20-х гг. черты национально-освободительного движения.

Несмотря на преобладающие экономические корни возникновения басмачества, импульс для его бурного развития в 20-х гг. XX в. дали политические события. Первым очагом и центром развития движения на территории Туркестана стали Коканд и Ферганская долина. Здесь в ноябре 1917 г. на гребне автономистских и сепаратистских тенденций возникла попытка создания "исламского государства" на территории Туркестана - "кокандская автономия", у руководства которой оказался казах по национальности Мустафа Чокаев (Мустафа Чокай-оглы). Последовавшее в феврале 1918 г. свержение большевиками этого правительства²⁹⁰ сделало Фергану эпицентром борьбы против русских, сопротивляющихся национальному самоопределению и не допускающих к власти лидеров коренных национальностей Туркестана*. Революционные события 2 февраля 1920 г. в Хиве, также подготовленные и осуществленные русскими большевиками, превратили территорию Хивы в еще один очаг национального движения в Средней Азии.

На протяжении первых лет советской власти наиболее влиятельной фигурой в Фергане был Иргаш, под руководством которого действовало до 1500 вооруженных бойцов²⁹¹. (То, что "кокандское правительство" на последнем этапе своего существования попыталось защититься от Красной Армии с помощью басмаческих отрядов Иргаша, резко усилило движение). Значение Иргаша в движении состояло в том, что он первым предпринял попытку объединить разрозненные отряды и выступил под национальными лозунгами. Однако в конце 1918 г. в западной части Ферганской области появился еще один лидер - Мадамин-бек (он же: Мухаммад Амин). До этого он состоял на советской службе в Маргелане в должности начальника местной милиции, но затем с десятком находившихся при нем милиционеров бежал из Ферганы и вскоре присоединился к группе Иргаша. Однако в феврале 1919 г. под давлением красноармейских отрядов Иргаш сдался, заявив о своем признании советской власти. К началу 1920 г. лидером басмаческого движения в Фергане становится Мадамин-бек.

В первой половине декабря 1919 г. Мадамин-бека посетила афганская делегация, пытавшаяся скоординировать его действия с

* Кокандская автономия была создана после того, как представители коренного населения Туркестана не были допущены в СНК Туркестанской республики. Хотя автономия распространялась на несколько небольших городов Ферганской долины, отношение к ней правящей коалиции Советов Туркестана (большевики и левые эсеры) была резко отрицательной. Войска СНК Туркестанской республики разгромили Туркестанскую (Кокандскую) автономию. (Подробнее см.: Кошанов Б.А. Большевики в Туркестане. - Л.29; Coates W.P. and Zelds K. Soviets in Central Asia. - P.54.)

другими басмаческими группами*, в частности, с отрядом Хал-Хаджи. Афганцы советовали Мадамин-беку, несмотря на разгром частями Красной Армии "кокандской автономии", активно создавать на местах новые органы власти, обещая помощь оружием и людьми²⁹². В качестве постоянного афганского представителя, советника и консультанта в ставке ферганских басмачей был оставлен афганский офицер в чине полковника²⁹³. Советские дипломатические представители в Кабуле не смогли заявить сколько-нибудь серьезный протест против вмешательства афганцев в дела Ферганы, так как осталось невыясненным, была ли эта делегация уполномочена афганским правительством или представляла неофициальные политические силы. Тем не менее, после ее посещения Ферганы заметно активизировалась деятельность басмачей, а местная знать, до того времени в основном оказывавшая им "только денежную помощь", сама стала принимать активное участие в борьбе с советской властью²⁹⁴.

По инициативе афганского полковника и при активном воздействии укреплявшего свои позиции другого лидера повстанцев - Шир Мухаммад Курширмата в декабре 1919 г. в Кабул была послана делегация ферганских басмачей: просить оружия у эмира. Афганский полковник, содействовавший отправке ферганской миссии в Кабул, заявил, что на границе для них уже заготовлено пять тысяч винтовок (это заявление оказалось откровенным обманом, в чем убедились члены делегации, как только пересекли афганскую границу)²⁹⁵.

Вопреки прежним расхожим представлениям о взаимной непримиримости советской власти и басмачества, обе стороны неоднократно заключали между собой соглашения, правда, в основном временные. К началу 1920 г. советские власти Туркестана и руководство Туркфронта уже имели опыт примирения с отдельными курбаши (например, с Иргашем). Такие попытки делались и в отношении курбаши Мадамин-бека. По свидетельству советского полпреда в Кабуле Я.З.Сурица, к моменту приезда афганцев Амин и часть его сторонников уже склонялись к компромиссу с советской властью. Это стало почвой для раскола. Поездка басмачей в Кабул окончательно поссорила сторонников и противников примирения с советской властью. Делегация фактически распалась на две основные части - мадаминовцев и курширматовцев. Афганцы не скрывали на чьей они стороне, пообещав оказание помощи сторонникам Курширмата и отказав мадаминовцам.

Пока разделившаяся басмаческая делегация оставалась в Кабуле (афганцы препятствовали ее отъезду и есть свидетельства, что сторонники Мадамин-бека даже просили Я.З.Сурица содействовать их

* По данным историка А.Х.Бабаходжаева, к концу 1919 г. в Ферганской долине действовало более 40 басмаческих отрядов. (Бабаходжаев А.Х. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии... - С.39)

возвращению в Фергану²⁹⁶), Мадамин-бек, ставший формальным лидером группировки, 6 марта 1920 г. заключил договор о признании советской власти²⁹⁷. Однако приказу Мадамина о прекращении борьбы с Советами не подчинился Курширмат, вскоре ставший наиболее сильным и влиятельным из ферганских курбашей. Открытый раскол сказался и на ферганских депутатах, оставшихся в Кабуле: 19 июня сторонники Курширмата неожиданно напали на аминовцев. Это произошло, по свидетельству Я.З.Сурица, "при попустительстве афганской стражи", после чего советский дипломат был даже вынужден приютить мадаминовцев в здании представительства, прежде чем они отправились в Туркестан²⁹⁸.

Советские власти пытались использовать Мадамин-бека для того, чтобы склонить на свою сторону и Курширмата. Мадамин-бек был командирован для заключения договора с Курширматом о его переходе на советскую сторону. Однако в момент торжественной встречи отряда красноармейцев, в сопровождении которых ехал Мадамин-бек, Курширмат нарушил предварительную договоренность и, напав на отряд, захватил в плен Мадамин-бека.

К 1921 г. "со сцены сошли" Иргаш, Мадамин-бек* и Хал-Ходжа, который был засыпан обвалившимся снегом на перевале Кизык-диван на пути в Иркештам²⁹⁹. Лидером басмачества Ферганы оставался Курширмат**. К концу 1920 г. Красной Армией были ликвидированы основные внешние фронты, угрожавшие советской власти в Туркестане. Однако внутренний фронт - борьба с басмачеством, нередко выливавшаяся в борьбу с населением, - оставался вплоть до середины 1933 г.

Активное развитие басмачества в Бухаре как национального, панисламистского движения было связано с изгнанием эмира и установлением в бывшем эмирате с помощью Красной Армии советского строя. То, что эмир Ссид Алим-хан не ушел за пределы эмирата, а развернул в его восточных районах борьбу с новой властью, придало басмачеству новый импульс. В 1920 - 1921 гг. весь приамударьинский район и, главным образом, важнейшие районы Восточной Бухары - гармский, бальджуанский, файзабадский и кулябский - были охвачены восстаниями против советской власти и русских, олицетворявших эту власть. Основными причинами их были бессистемные поборы с населения, неуплата за взятое деньгами, а только расписками, неумелое проведение мобилизации милиции. К восставшим примкнули

* Мадамин-бек был передан Курширматом Хал-Ходже, по приказу которого тот был убит.

** В ноябре 1922 г. Курширмат, фактически без отряда, ушел в Афганистан, где сблизился с афганскими правящими кругами и бухарским эмиром; активно помогал Аманулла-хану в 1928 г. подавлять антиэмирские восстания.

появившиеся из Ферганы басмачи, которые фактически возглавили восстания.

Руководство Туркфронта, даже не спрашивая разрешения у формальных хозяев новой Бухары - правительства БНСР - предприняло шаги к подавлению восстаний, послав в эти районы т.н. "гиссарскую экспедицию". В конце декабря 1920 г. красноармейские части начали наступательные операции в восточной Бухаре, а в феврале 1921 г. части I-ой Туркестанской кавалерийской дивизии, из которых состоял "гиссарский экспедиционный отряд", заняли Данау и резиденцию бухарского эмира - Душанбе (Дюшамбе). Силой закрепляя советскую власть в Восточной Бухаре, красноармейцы, по признанию военного комиссара I-ой Туркестанской кавалерийской дивизии Винокурова, "рубил бедноту тысячами". В соответствии с его донесениями Реввоенсовету Туркфронта, только за июнь 1921 г. было перебито более 15 тыс. человек³⁰⁰. Красноармейцы захватили и разграбили Куляб, расстреливая оставшихся жителей. В июне 1921 г. военный комиссар I-ой кавалерийской дивизии Спасский доносил в Ташкент, что "получены сведения о насилиях красноармейцев над женщинами и самовольных обысках, (которым) командиры и комиссары не особенно препятствовали"; что красноармейцы "превратились в партизан или хуже в бандитов", а "попытки комиссаров предотвратить это зло не дают результатов". По его данным, только при взятии Куляба было изнасиловано до 50 женщин. "Я теперь совершенно не представляю, какие нужны колоссальные труды для того, чтобы примирить с нами население"³⁰¹, - признавался Спасский. Такие выводы делали не рядовые, а командиры красноармейских частей.

В период восстаний в Восточной Бухаре, получивших характер подлинно народной войны, руководство Туркфронта серьезно опасалось, что острейшим моментом воспользуются афганцы. Однако афганское правительство не решилось нарушить границу, хотя появление его войск сделало бы ситуацию для советской власти в Туркестане катастрофической. Так как эта опасность реально существовала, командование Туркфронта в феврале 1922 г. было вынуждено принять решение о выводе частей Красной Армии из районов Восточной Бухары, поняв бессмысленность борьбы против вооруженного народа. После отвода "гиссарского отряда" из Восточной Бухары басмаческое движение разгорелось с новой силой.

Мусульманское население в большинстве случаев видело в басмачах борцов за веру, против колонизаторов-русских большевиков. Эти представления достигли пика, когда повстанческое движение в Восточной Бухаре возглавил бывший военный министр Турции, человек неограниченной энергии, наделенный природой лидерскими качествами, Исмаил Энвер-паша (1881-1922). После поражения Турции в мировой войне Энвер-паша в ноябре 1918 г. покинул родину и отправился в

Германию. Затем в августе 1920 г. он приехал в Советскую Россию, ища своего места в послевоенной истории и надеясь, что будет полезен Советам. Однако кемалистские симпатии Москвы заставили его перейти на сторону оппозиции³⁰²...

Когда Энвер-паша появился в России и даже принял участие в бакинском конгрессе народов Востока, на котором по собственному желанию выступил с весьма хвалебной речью в поддержку единения Советской России и мусульманских стран³⁰³, в Кремле и в руководстве Коминтерна появились планы использовать его для налаживания контактов с мусульманской оппозицией в Средней Азии, тем более, что представители НКВД к этому времени уже завязали тесные контакты с бывшим морским министром Турции А.Джамал-пашой*. В Москве в тот период мало интересовались подлинными устремлениями Энвер-паши, а потому его поездке в Старую Бухару (октябрь 1921 г.) не препятствовали. Энвер-паша лишь некоторое время находился в Старой Бухаре, а 7 ноября 1921 г. (по другим данным - 11 ноября)³⁰⁴, отправившись в сопровождении спутников - турок** на охоту, 21-22 ноября неожиданно объявился среди повстанцев, сторонников бухарского эмира³⁰⁵. Скорее всего, это была неожиданность лишь для советских властей***.

Однако, когда эти сообщения подтвердились, советские представители в Бухаре попытались наладить контакт с Энвер-пашой и выяснить его действительные намерения. 1 января 1922 г. генеральный

* Джамал-паша, эмигрировав в Германию, установил в Берлине тесные контакты с советскими представителями, в частности с К.Б.Радеком, который в тот период находился в берлинской тюрьме за участие в Баварском Советском правительстве. В 1919 г. между ними была достигнута договоренность, что Джамал-паша поедет в Афганистан и поведет там активную работу по подготовке революционного переворота в Индии. Взамен К.Б.Радек пообещал помощь и поддержку советского и коминтерновского руководств основанному эмигрантами с Востока "Союзу мусульманских революционных обществ".(См.: РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.154. Д.262. Л.456; Отчет НКВД Седьмому съезду Советов. - С.26-27; Вдовиченко Д.И. Энвер-паша... - С.47.)

** В числе его спутников были будущие крупные лидеры басмаческого движения в Средней Азии - Ходжа Сами (он же Селим-паша) и Абдул Кадыр Мухитдин-бей.

*** Не исключено, что именно афганские дипломаты в Москве способствовали резкому изменению судьбы ищущего приложения своих сил Энвер-паши. На эту мысль наводит сообщение газеты "Известия" от 8 марта 1921 г., которая описывая устроенный 27 февраля 1921 г. афганским представительством банкет по случаю очередной годовщины независимости Афганистана, сообщает, что среди дипломатического бомонда тогдашней Москвы (дипломаты, представители аккредитованных посольств, а также руководство НКВД во главе с Г.В.Чичериным), присутствовал и Энвер-паша. (Известия ВЦИК, 8 марта 1921 г.) Вероятно, что афганцы действовали в отношении Энвер-паши через другого деятеля бывшего правящего в Турции Триумvirата - Джамал-пашу, который активно приглашал его в Кабул. (Подробнее см.: Гиленсен В.М. Сотрудничество Красной Москвы... - С.55.)

консул РСФСР в Душанбе Нагорнов отправил ему письмо, пытаясь получить разъяснение его позиции. Энвер-паша не заставил себя долго ждать с ответом. В письме советскому консулу от 12 января 1922 г. он, впервые объявляя себя в качестве противника большевистского режима, писал: "За время моей поездки в Восточную Бухару я видел, что советские войска совершили неслыханные преступления, разорили и ограбили все города и деревни...Тогда я понял, что для осуществления моих принципов освобождения народов от империалистического ига, нужно будет начать с низвержения русского господства, которое невыносимо особенно в Туркестане, Бухаре, Хиве...". Энвер-паша заявил, что намерен требовать от Москвы предоставления мусульманским массам права "самим управлять своей судьбой", не отрицая при этом возможность их добровольного союза с Россией. В противном случае, писал Энвер-паша, советские власти встретят в его лице "ожесточеннейшего" борца против них³⁰⁶.

Известно, что в первое время лидеры басмачества отнеслись к Энвер-паше с недоверием и лишь под влиянием бухарского эмира Сеид Алим-хана стали менять к нему отношение. Бухарский эмир поставил его во главе всех басмаческих отрядов Восточной Бухары, что вызвало недовольство М.Ибрагим-бека, незадолго до этого провозглашенного курбашиами общепризнанным лидером, и заставило его с отрядом уйти из Гиссара в локайскую долину³⁰⁷. Тем не менее под главенством Энвер-паши объединилось большинство басмаческих формирований. Если в конце 1921 г. численность его армии достигала 10 тыс. человек³⁰⁸, то уже к началу 1922 г. она возросла до 20 тыс. человек, увеличившись за предельно короткий срок вдвое³⁰⁹. Несмотря на противоречивость личности Энвер-паши и его неискренность, думается, что здесь, в стане басмачей, когда он снова оказался у власти с реальными перспективами превращения Средней Азии в исламское государство, он обрел свое лицо, обнажил подлинные мысли. В силу внутренней приспособляемости, ему, по выражению исследователя Р.Ланда, "столь европеизированному в Стамбуле", было легко отпустить бороду, регулярно совершать намаз и не выпускать из рук четок³¹⁰.

Известие о появлении Энвер-паши среди басмачей вызвало у советского руководства серьезное беспокойство. В Ташкенте понимали, что "присутствие такой крупной личности, как Энвер-Паша, пользующегося большим авторитетом среди мусульман, может придать движению очень серьезный характер". Главная опасность, по мнению начальника Политического Управления Туркестанского фронта И.Врачева, заключалась в том, что "Афганистан, имеющий немало турецких офицеров-сторонников Энвера, не замедлит принять активное участие"³¹¹.

До появления Энвер-паши в Средней Азии информационные сводки Туркфронта, хотя постоянно и сообщали об афганской помощи

басмачам, не были подкреплены ни документами, ни вещественными доказательствами. Афганское правительство категорически отрицало какое-либо участие официальных афганских чиновников и служащих в басмаческих операциях, допуская лишь возможность скупки оружия самими басмачами на афганских базарах³¹².

После включения в борьбу с советской властью в Средней Азии Энвер-паши ситуация стала меняться. В первой половине 1922 г. Афганистан проявил явные признаки готовности к решительным действиям на территории Бухары и Туркестана, вплоть до непосредственного вмешательства в конфликт на стороне басмаческой оппозиции. Это произошло после успешного энверовского наступления и взятия в середине февраля 1922 г. Душанбе. Агентурная сводка разведывательного управления Туркфронта за февраль 1922 г. сообщила, что местные власти Северного Афганистана не только оказывают моральную и материальную поддержку басмачеству, но и пытаются направлять и координировать их действия. Агенты советских спецслужб донесли о созыве 14 февраля генерал-губернатором Афганского Туркестана съезда бывших эмирских чиновников Бухары в Мазари-Шарифе³¹³. В результате этого совещания был создан басмаческий штаб, целью которого была координация действий энверовских групп и других отрядов мусульманской оппозиции, а сам Энвер-паша был утвержден бухарским эмиром главнокомандующим мусульманской армией. С этого времени он стал именовать себя не иначе как "верховным главнокомандующим войсками ислама, зятем халифа и наместником Мухаммада".

Сведения о помощи Афганистана Энвер-паше стали активно поступать к руководству Туркфронта в марте-апреле, когда в Восточную Бухару на помощь Энвер-паше под видом добровольцев перешли две роты регулярных афганских войск под командованием Гулам Расул-хана³¹⁴. 17 мая 1922 г. Особый отдел Туркфронта, действовавший на правах подразделения ОГПУ, сообщил, что из Афганистана к Энвер-паше "послано оружие и отряд афганских регулярных войск в 500 человек", а "пограничные афганские города и сама граница усилены войсками", которые передвигаются вдоль границы.

Одним из показателей серьезных намерений афганских властей принять участие в басмаческом движении стал факт прибытия в Имам-Саиб военного министра М.Надир-хана. Особый отдел Туркфронта посчитал, что приезд такого лица в пограничную с советской территорией афганскую провинцию обусловливается "возможными предстоящими военными действиями" Афганистана на стороне басмачей. Советской разведке стало известно, что афганский министр сообщил Энвер-паше о намерении Кабула послать в Бухару до 8 тыс. человек своих регулярных войск³¹⁵.

Командование Туркфронта до сих пор в целом успешно вело борьбу с басмачами, которые, за исключением энверовских формирований, представляли разрозненные группы. Но теперь руководство Туркфронта опасалось, что успехи Энвер-паши могут спровоцировать активное выступление Афганистана на стороне басмачей. В этом случае ситуация для красноармейских частей в Средней Азии могла оказаться очень сложной, если не катастрофической по своим последствиям. Секретные документы штаба Туркфронта свидетельствуют, что в случае вступления в войну на стороне басмачей регулярных афганских сил, в действие должен был вводиться специальный мобилизационный план, в соответствии с которым количество бойцов Красной Армии увеличивалось с 22461 до 40882 человек, а орудий - с 76 до 90 штук. Однако в действительности руководство Туркфронта могло увеличить штаты по всему фронту лишь до 25940 человек. В то же время афганская армия, по самым скромным подсчетам специалистов штаба Туркфронта, учитывавших лишь военные силы Герата, Мазари-Шарифа и Файзабада, составила бы 48 тыс. штыков (при 14100 саблях, 285 орудиях и 110 пулеметах). Естественно, что в союзе с ней выступили бы и басмаческие формирования, которые прибавили бы к афганской силе не менее 8980 штыков и сабель при 23 пулеметах³¹⁶.

Басмачи, почувствовав поддержку Афганистаном своей борьбы против Красной Армии, резко активизировали действия на границе. В первых числах мая 1922 г. басмаческий отряд численностью до 400 человек под командой бывшего келифского бека переправился в районе поста Ак-кум через Амударью на бухарскую территорию. Красноармейские посты Ак-кума и Бассаги были вынуждены отступить к Керки. Басмачи, соединившись с более мелкими группами, оперировавшими в этом районе, заняли позицию по линии железной дороги в 4-х верстах от Келифа³¹⁷. Энвер-паша, уже захвативший Душанбе, Карши, Шахрисябз, в марте 1922 г. осадил Бухару. Против отрядов Энвер-паши были брошены части Красной Армии. Лишь в результате упорных боев и введения на территории Средней Азии военного положения басмачи были отброшены от Бухары.

Руководство Туркфронта готовилось к крупному наступлению на позиции басмачей и было намерено физически устранить Энвер-пашу. 12 мая 1922 г. член Реввоенсовета республики Г.К.Орджоникидзе писал в ЦК РКП(б): "Для спасения положения необходима немедленная ликвидация Энвера, что и подгот(авливается)". Когда Главком Вооруженных Сил Республики С.С.Каменев прибыл в Туркестан, он шифротелеграммой из Кагана дал командующему Туркестанским фронтом В.И.Шорину приказ: "... к ликвидации Энвер-паши приступить

в срок между 10 и 15 июня, предоставив день наступления определить комвойск Бухгруппы тов. Какуруину”³¹⁸.

Наступления Красной Армии под Байсуном в ночь на 14 июня было успешным. Правда, Энвер-паша, понеся большие потери, отступил на Данау. Зато, появилось бесспорное подтверждение участия афганцев в энверовских операциях: в числе порубленных красноармейцами басмачей были обнаружены 20 афганцев, а один был взят в плен³¹⁹. Афганец по имени Замир Назиров³²⁰, захваченный 15 июня, оказался рядовым из добровольческого палтана “Афгани”, расквартированного в Ханабаде. Пленный показал, что в апреле 1922 г. в Ханабад приезжал важный чиновник из Кабула, который заявил, что эмир “приказал отправить в Бухару партию солдат”, так как теперь Афганистан находится с русскими во враждебных отношениях³²¹. На основании этого распоряжения из Ханабада в Бухару были отправлены одна за другой две группы: первая, по свидетельству пленного, численностью в 40 человек, а вторая - в 100 человек. У добровольцев имелись собственные винтовки английского образца, кроме того, им было выдано по 50 штук патронов на человека. Пленный также сообщил, что отряд, с которым он переправлялся на бухарскую территорию, сопровождался приставом в чине поручика из Мазари-Шарифа, который после переправы через Амударью оставил их и вернулся в Афганистан³²². Афганец подтвердил ранее полученные сведения, что кроме солдат к Энвер-паше прибыл и специальный груз с боеприпасами³²³.

Агентурные донесения в штаб Туркфронта в течение мая 1922 г. в целом подтверждали и дополняли эти показания:

- в качестве личной охраны у Энвер-паши служат более 180 афганских добровольцев;
- из Афганистана Энвер-паше были отправлены 80 верблюдов, нагруженных оружием (до 800 винтовок разных систем) и патронами;
- в начале мая Энвер-паша получил 4 пулемета с патронами;
- бухарским эмиром на территории Афганистана организована комиссия по закупке и отправке Энвер-паше оружия³²⁴.

Однако, строго говоря, все эти сведения давали руководству Туркфронта и полномочному представительству в Кабуле слабую надежду разоблачить двойственную позицию официального Кабула. Во-первых, потому, что эти факты, хотя и указывали на активное участие афганцев в басмаческих формированиях, все же ясно не раскрывали роль официальных властей и регулярных войск Афганистана. Полученная штабом Туркфронта агентурная сводка от 8 июня, подтверждая нахождение в отрядах Энвер-паши афганских добровольцев, тем не менее подчеркивала, что они в основном “принадлежат к независимым

* Н.Е.Какурин - командующий Бухарской группой войск Туркестанского фронта.

афганским племенам, населяющим северную границу Индии”, о которых было известно, что они “охотно готовы принять участие в любой авантюре”³²⁵.

Во-вторых, у советского военного и политического руководства возникли опасения, что басмачи намеренно стремятся посорить Москву с Кабулом. Действительно, если афганское правительство стремилось не афишировать свое содействие энверовским операциям, то сам Энвер-паша, наоборот, как будто преследовал противоположные цели. Материалы допроса пленного афганца позволили разведывательному управлению штаба Туркфронта сделать вывод, что Энвер-паша намеренно стремится “дать Красной Армии лишний случай убедиться в присутствии среди повстанцев афганцев”. Пленный показал, что в период затишья Энвер-паша посылал на разведку именно афганцев, а не местных повстанцев, что было бы более естественным. В то же время во время боя афганцы распределялись в отряды по 10-15 человек. При этом возрастала вероятность, что кто-то из них мог быть убит или оказаться в плену. “Нужно полагать, - подозревали в Ташкенте, - что Энвер-паша искренне обрадовался, когда узнал о захвате Красной Армией афганца”³²⁶.

На эти выводы наводил и другой случай: у убитого в районе Кабадиана афганца было обнаружено письмо Энвер-паши к военному министру Афганистана М.Надир-хану, датированное 17 июня 1922 г. В нем Энвер-паша, подтверждая ранее полученную от афганского правительства помощь оружием и патронами, тем не менее объяснял свой отход от Байсуна их недостатком и просил прислать новую партию боеприпасов³²⁷. В штабе Туркестанского фронта считали, что захват письма указывает или “на недостаточные меры, принятые Энвером к обеспечению его доставки или же письмо было просто сфабриковано специально для нас”³²⁸. Тем не менее Красная Армия продолжала успешное наступление на войска Энвер-паши, периодически пополняя факты участия афганцев в движении: войсковое донесение от 21 июля сообщило, что “противник у Сары-Асия выбит и бежал (в) направлении на Регар, потеряв убитыми 21 человек, в том числе генерал-лейтенанта афганской службы Мирза Чары”³²⁹.

После некоторых сомнений в том, как использовать полученные материалы, руководство Туркфронта пришло к выводу, что оно получило достаточные доказательства участия афганского правительства в басмаческом движении, “как бы незначительна не была эта помощь”. Было решено организовать совместно с бухарским правительством дипломатическое выступление “против Афганистана за его помощь басмачам”³³⁰.

В июле 1922 г. в Старой Бухаре прошли аресты, в результате которых были получены свидетельства того, что афганский посол Абдул Расул-хан неоднократно присутствовал на собраниях басмаческих

лидеров в Старой Бухаре³³¹. Правда, об этих фактах советскому представителю в Бухаре И.С.Кожевникову и его главной опоре в бухарском руководстве Ф.Ходжаеву было известно заранее, но все делалось так, чтобы взять афганского посла неожиданно и с поличным*. 15 июля бухарские власти вручили Абдул Расул-хану паспорт, предложив в течение 24-х часов покинуть пределы республики³³². Аресты были проведены и среди членов бухарского правительства. Оказалось, что основным центром, тайно поддерживавшим басмачей, был Назират финансов. В ходе арестов был захвачен шифр, которым пользовались представители басмаческих организаций в Старой Бухаре. Затем на центральной площади Старой Бухары - Регистане бухарскими чекистами с одобрения советского полпреда были проведены публичные казни. И.С.Кожевников, сообщая 12 июля в Ташкент об одной из них, подчеркнул, что из четырех казненных в тот день двое были афганцы³³³.

В Кабуле забеспокоились, что слишком явно обнаруживают свое участие в операциях Энвер-паши. Поэтому после крупных поражений его отрядов и, особенно, после взятия Красной Армией 16 июля 1922 г. Душанбе афганские офицеры и солдаты, видимо, не без команды из Кабула начали покидать его отряды³³⁴. 25 июля было опубликовано обращение афганского эмира к населению приграничных с Бухарой областей Афганистана с призывом отказаться от всякой поддержки басмачества³³⁵. Однако лишь гибель Энвер-паши 4 августа 1922 г. в бою в районе Бальджуана**, охладила намерения афганского правительства

---

* Судя по доступному кругу документов, взять с поличным афганского посла не удалось. Его непосредственное участие в организационных заседаниях басмачей и их сторонников было доказано по протоколам заседаний и подлиннику шифра, подписанного собственной рукой Абдул Расул-хана. (Сводка событий по Афганистану за время с 31 октября 1921 г. по 15 июля 1922 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.4. Пап.109. Д.25. Л.45.)

** По свидетельству чекиста Г.С.Агабскова, эмигрировавшего затем из СССР, ему было поручено выследить отряд Энвер-паши, который постоянно менял позицию, и навести на него красноармейцев. Г.С.Агабеков и его помощник проникли в стан Энвер-паши под видом мелких восточных торговцев, а затем вызвали отряд. (См. подробнее: Агабеков Г.С. ЧК за работой. - С.63-65) Существующие версии о гибели Энвер-паши расходятся. По одной из них, 4 августа в районе Бальджуана, около кишлака Обдара, группа басмачей, среди которых находился и Энвер-паша, "неожиданно столкнулась с отрядом красноармейцев". "Энвер-паша не отступил и бросился на них со своим отрядом: он попал под пулеметный огонь и был ранен в пяти местах. Но удержался в седле и повернул обратно. Его отряд разбежался. Энвер же свалился с лошади". (Цит. по: Ганковский Ю. Персонажи с "той стороны". Энвер-паша...-С.61.) Афганская версия гибели Энвер-паши, переданная в Москву Ф.Ф.Раскольниковым, гласила, что Энвер-паша не столь романтично встретил свою смерть: он был убит обходной колонной красной кавалерии уже после окончания атаки, когда пытался укрыться в окопах (Секретная телеграмма Ф.Ф.Раскольникова от 24 октября 1922 г., переданная из Бухары в Москву Л.М.Карahanу.-РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2179. Л.161).

использовать в панисламистских целях ситуацию в Средней Азии. После этого Ф.Ф.Раскольников передал в Москву важнейшее сообщение: "Смерть Энвера принимается афганцами за окончание гражданской войны в Бухаре"³³⁶. Такую же точку зрения подтвердил и советский полпред в Бухаре И.Р.Фонштейн, сменивший на этом посту И.С.Кожевникова. Хотя он не был уверен, что обнаруженный труп является телом Энвер-паши, но определенно заметил, что "с 4-го августа наступило полное (и) решительное успокоение деятельности басмачей"³³⁷.

Устранение Энвер-паши имело для Советов чрезвычайно большое значение, с ним связывались надежды нормализовать отношения с Афганистаном. Неслучайно в советской исторической литературе смерть Энвер-паши и разгром его отрядов подавались как завершение первого, основного периода борьбы против басмачества³³⁸. Афганцы, и до этого скрывавшие свое сочувствие басмаческому движению, потеряв в лице Энвер-паши важнейший козырь, более не осмеливались на его открытую поддержку.

Одним из первых итогов произошедших событий стало официальное требование афганского правительства к своим подданным, находившимся в басмаческих рядах, немедленно вернуться в Афганистан. Кабул дал на возвращение 20 дней и пригрозил конфискацией имущества у тех, кто не подчинится приказу³³⁹. В результате этой меры в начале августа 1922 г. до 200 афганцев переправились через Амударью на афганскую территорию³⁴⁰. Тем не менее, следует обратить внимание, что вернулось именно то количество афганцев, которое было известно советским властям и в отношении которых были заявлены официальные претензии афганскому правительству. С этого времени помощь афганцев басмачам вновь принимает сугубо конспиративный характер (секретные сводки штаба Туркфронта и в 1923 г. продолжали сообщать о закордонной помощи басмачеству)³⁴¹.

Изменение официальной позиции Кабула в отношении форм и способов поддержки басмаческих отрядов в Средней Азии не могло не сказаться на ускорении эволюции этого движения и потери его участниками надежд на исполнение поставленных перед ним задач. С конца лета 1923 г. советские пограничные власти отмечали постоянный рост перехода басмаческих групп в Афганистан и их концентрацию в приграничной полосе. Например, на участке Пархар-Айвадж не проходило и трех-четырёх дней, чтобы не было попыток переправиться через реку на афганскую сторону. Советским пограничным постам, которым была поставлена задача не допускать перехода басмачей в

Обезглавленное тело Энвер-паши было найдено среди трупов и опознано, благодаря обнаруженным при нем письмам из Берлина, записной книжки и Корана (красноармейцы в лицо Энвер-пашу не знали и, видимо, каких-либо его изображений не имели.) (Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia.- P.268; Stewart R.T. Fire in Afghanistan, 1914-1929...- P.208.)

Афганистан, приходилось активно отбиваться. С лета 1923 г. эти стычки становились все крупнее и иногда продолжались более суток, принимая характер настоящего боя с изрядными потерями сторон³⁴².

Бухарский эмир Сеид Алим-хан пытался найти срочную замену Энвер-паше. Для этого в Кабуле было созвано совещание всех руководителей басмаческих формирований и в качестве нового лидера был выдвинут турецкий офицер Ходжа Сами-бей (получивший впоследствии имя Селим-паши). Однако его попытка во главе основных басмаческих сил (около 4 тыс. человек) захватить в январе 1923 г. Старую Бухару потерпела поражение: Селим-паша был разбит в районе Келифа и его звезда быстро закатилась.

После гибели Энвер-паши и поражений отрядов Селим-паши лидером басмачей в Восточной Бухаре вновь становится узбек-локаец из рода исан-ходжа Мухаммад Ибрагим-бек Локай, получивший от бухарского эмира титул наиба (наместника эмира). После того, как бухарский эмир покинул свою столицу, М.Ибрагим-бек перешел в Афганистан и оттуда организовал сопротивление новой бухарской власти. Вскоре он вернулся в Восточную Бухару и в период с сентября 1922 по сентябрь 1926 гг. вел борьбу на юге Таджикистана, но, в конце концов, потеряв большую часть бойцов и оружия, был разбит и в ночь на 21 июня 1926 г. (по другим данным 23 июня)³⁴³ ушел в Афганистан, став начальником личной охраны бухарского эмира³⁴⁴. Его возвращение в советскую Среднюю Азию уже после вступления на кабульский трон М.Надир-хана привело к новому, хотя и последнему подъему, явно клонящегося к своему закату движению*.

Формы и размах басмачества на узбекском и таджикском участках советско-афганской границы были характерны и для Туркмении, если не считать, что туркменские пески и огромные неохраемые участки границы позволяли басмачам чаще совершать безнаказанные нападения на пограничные советские районы.

Политическому управлению Туркфронта было известно, что афганские пограничные власти активно содействовали туркменской эмиграции в Афганистан, а главный ее штаб с 1920 г. находился на афганской территории, в Андхое³⁴⁵. Туркменские басмачи действовали с ведома и при содействии андхойского правителя, с которым делились награбленным имуществом³⁴⁶.

Лидером басмаческого движения в Хиве еще со времен первой мировой войны был Джунаид Курбан Мамед (Джунаид-хан). В январе 1918 г. он со своим отрядом занял Хиву, а затем физически устранил хивинского хана Асфендиара. На хивинский трон был посажен дядя

* М.Ибрагим-бек переправился на советскую территорию весной 1931 г., однако потерпел поражения от Красной Армии и вынужден был сдаться в плен. В августе 1932 г. он был расстрелян. (Подробнее см.: Ганковский Ю. Персонажи с "той стороны". - Ибрагим-бек Локай.- С.61-63.)

убитого по его распоряжению хивинского хана Сейид Абдулла, служивший лишь ширмой для фактической диктатуры Джунаида³⁴⁷. Однако последовавший вслед за этими событиями переворот, осуществленный младохивинцами, за спинами которых действовала российская Красная Армия, привел к изгнанию Джунаид-хана и его уходу с отрядом туркменских джигитов в пески Каракумов.

Красноармейцы "охотились" за Джунаид-ханом. В начале лета 1924 г. по инициативе заведующего Отделом внешних сношений при Турккомиссии Г.И.Бройдо был организован отряд под руководством Гулам Али для поимки Джунаид-хана. Однако экспедиция в пески, где скрывался Джунаид-хан, не дала результатов. Джунаид ушел в Афганистан, а красноармейский отряд, изрядно потрепанный, уставший и почти распавшийся, вернулся обратно в Хиву³⁴⁸. Затем весной 1925 г. Джунаид-хан примирился с советской властью и вплоть до середины лета 1927 г. жил спокойно. Однако после встречи с басмаческим лидером Шалтай Батыром Джунаид-хан с октября 1927 г. вновь начал втягиваться в активные действия против советской власти³⁴⁹.

Советское военное руководство в Средней Азии приняло решение покончить с Джунаидом и его отрядами. Их месторасположение было выяснено и в ночь на 1 июня 1928 г. была проведена операция по уничтожению группировки с использованием самолетов и ипритных бомб. Хотя химическая атака была неожиданной для Джунаид-хана и его стана, вызвав самую настоящую панику, Джунаид-хан остался невредимым. Его караван (около 200 верблюдов в сопровождении 40-50 всадников), собиравшийся в промежутках между бомбежками, когда улетали самолеты, ушел по дыму (ветер был попутный и весь дым гнало за караваном) в Персию³⁵⁰. Тем не менее активность Джунаид-хана на советской территории была сломлена.

В 1927 г. наиболее активные басмаческие туркменские отряды действовали со стороны Афганистана во главе с Давлия Сардаром, Сары Ханом, Анна Мурад Сардаром, Сафар Баташем, Чары Куруком. Руководство Туркменской ССР настаивало перед афганскими властями на выдаче или переселении в глубь Афганистана всех басмаческих лидеров, проживавших в Афганистане и организовывавших оттуда набеги на советскую территорию. Все они со своими отрядами побывали в Туркмении, особенно в ленинском (чарджуйском), мервском округах за период с сентября 1926 г. по весну 1927 г.³⁵¹. В результате этого воздействия афганские власти в 1927 г. приняли меры, ограничивающие их деятельность: по распоряжению майманинского генерал-губернатора Сали Мухаммад-хана для недопущения налетов на советскую территорию басмаческие лидеры Чары Курук, Давлия Сардар, Сафар Баташ, а также видные туркменские эмигранты-эрсаринцы во главе с Наубат Мирахуром были переселены из Джалау-Гира (40 верст юго-западнее Андхоя, вблизи почти неохраемого участка советско-

афганской границы, проходящей по пескам) в селение Алты-Булак. После этих мероприятий афганских властей, к январю 1928 г., в Джалау-Гире не осталось ни одной эмигрантской семьи³⁵².

Однако на новом месте переселенцы не прекратили свою "деятельность" и теперь недовольными оказались скотоводы-эмигранты в Алты-Булаке, опасавшиеся, что продолжение налетов на СССР повлечет за собой конфискацию советскими органами их баранов, пасущихся в Каракумах. В соответствии с советскими агентурными данными, в январе 1928 г. в новом центре эмиграции, в кишлаке Алты-Булак, состоялось совещание эмигрантов-черводаров, пасущих свой скот на советской территории. На нем присутствовали около 30 наиболее влиятельных эмигрантов, которые составили заявление на имя андхойского хакима Алла Кадыра, категорически потребовав принять репрессивные меры по отношению объединенной шайки Давлия Сардара. В противном случае они пригрозили реэмигрировать со своими стадами на советскую территорию.

В целях удовлетворения требований эмигрантов андхойский хаким Алла Кадыр 4 февраля 1928 г. послал 5 вооруженных всадников за Давлия Сардаром и другими вождями, намереваясь предупредить их о необходимости прекращения басмаческой деятельности. В ответ Давлия Сардар, его брат Турдыкул Сардар с семьями, всадниками и подчиненными им вождями Сафар Баташем и Дарья Сардаром снялись со своих мест и ушли по направлению кишлака Джалау-Гир, намереваясь отправиться в районы Мургаба и Зюльфагара, не охраняемые пограничной стражей. Андхойский хаким, видимо, не хотел терять постоянный источник своих доходов и в тот же день послал вслед за ними своего заместителя Мирзу Рахманкула, который догнал их в селении Джалау-Гир. В ходе переговоров посланец хакима уговорил их остаться в кишлаке Джалау-Гир, пообещав, что афганские власти не будут их беспокоить³⁵³.

Однако деятельность туркменских формирований и их лидеров становилась опасной и для самих афганцев, особенно в результате того, что отдельные басмаческие отряды имели столкновения с афганскими регулярными частями. После того, как подобное случилось в Шиберганском районе, андхойский хаким, по распоряжению из Мазари-Шарифа, был вынужден арестовать Давлия Сардара и Чары Курука. (Правда, уже через несколько дней они снова были освобождены из-под стражи, так как видный туркменский эмигрант Наубат Мирахур "внес деньги", а точнее, дал взятку заместителю андхойского хакима для их освобождения). Освобожденный из-под стражи Давлия Сардар уже 12 марта вновь перешел советскую границу в Чарджуйский округ с группой до 50 всадников, совершив ряд грабежей. При возвращении в Афганистан басмачи привели с собой 40 верблюдов, из которых 5 самых лучших были подарены андхойскому хакиму³⁵⁴. Во второй половине 20-х

гг. басмачество вновь приобрело черты бандитских формирований, которые доставляли значительные трудности как советским, так и афганским пограничным властям.

После прихода к власти М.Надир-хана (октябрь 1929 г.) афганское правительство приняло серьезные меры против басмачей. Новая, более жесткая чем прежде, политика Кабула в отношении басмаческих формирований определялась тем, что основные басмаческие группы приняли активное участие в борьбе за власть в Афганистане в 1928-1929 гг. на стороне таджика по происхождению Бачае Сакао*. В Кабуле поняли, что у басмачей и их лидеров, в основном принадлежащих к таджикским, узбекским и туркменским родам, ввиду усиливающейся безысходности борьбы с советской властью, появились планы отторжения северных афганских территорий и создания там национальных государственных образований. Гражданская война в Афганистане показала, что сепаратистские тенденции под влиянием басмаческого движения теперь реально угрожают не только среднеазиатским республикам, входящим в СССР, но и целостности самого Афганистана. Кабул был вынужден принять серьезные меры для предотвращения этой опасности. На север Афганистана, добываясь разрушения басмачей, были отправлены отряды, сформированные из пуштунов. В результате мер кабульских властей, заставивших многих басмачей покинуть афганскую территорию или разоружиться, произошло заметное успокоение на советско-афганской границе.

ГЛАВА 6

ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ряд нерешенных территориальных проблем во взаимоотношениях с Афганистаном Советская Россия получила в наследство от дореволюционного периода. Пограничная линия Афганистана с Россией была определена во второй половине XIX в. в ходе сложных переговоров между противоборствующими державами на Среднем Востоке - королевской Англией и царской Россией и, зачастую, без привлечения к этому процессу самих афганцев. После прибытия в Кабул советских дипломатических представителей во главе с Н.З.Бравиным и приезда в Москву со своей делегацией М.Вали-хана, афганцы заявили ряд территориальных претензий к России. Уже в 1919 г. стало известно о их

---

* Подробнее см. глава 9.

требованиях возвратить Афганистану, якобы незаконно отнятые царским правительством, земли кушкинского района и всего Пендинского оазиса, а также уступить, хотя бы "под протекторат, Закаспийскую область, Хиву, Бухару и Фергану"³⁵⁵.

Хотя считается, что подобные интересы Кабула были всегда связаны с территорией, где проживают родственные пуштунские племена, вопросам территориальных приращений в северном направлении было придано, по крайней мере в 1919-1920 гг., особое значение. Надежды афганцев на северные территории были связаны как с неустойчивым положением эмирской Бухары, так и со сложившейся у них уверенностью, что Советская Россия пойдет на территориальные уступки не только в силу своей военной слабости в Туркестане, но главным образом из-за желания быстрее заключить с Кабулом выгодное антибританское соглашение.

Одной из наиболее серьезных пограничных проблем в двусторонних отношениях был оформившийся еще в 80-х гг. XIX в. вопрос о претензиях афганцев на Пендинский оазис. Продвигаясь в 1882-1884 гг. в южном направлении на "свободные", государственно-неоформленные земли, населенные туркменскими племенами, и, не встречая на своем пути открытого сопротивления, Россия заняла район Пенде, образовав из него Пендинское приставство. Новые территориальные приобретения России (в марте 1884 г. произошло присоединение к России Мервского, Иолатанского и Пендинского оазисов) привели ее к прямому соприкосновению с Афганистаном*.

Афганцы появились в Пендинском оазисе в 1884 г., когда его население уже присоединилось к России. Так как на этом участке еще не существовало твердо установленных рубежей, а племена, населяющие эти земли жили как в афганских пределах, так и в Закаспийской области России, Кабул, опираясь на поддержку Англии, стал претендовать на них. Ввиду опасности англо-русского конфликта, царское правительство не принимало мер. Поэтому с мая 1884 г. и до конца марта 1885 г. афганцы фактически владели этим районом, хотя он и считался российским. Претензии афганцев на Кушку и район Пенде, подталкиваемые англичанами, привели 31 марта 1885 г. к первому русско-афганскому военному столкновению, происшедшему у высоты Таш-Кепри. Все решила победа сильнейшего в военном отношении противника: весь участок Пендинского оазиса был освобожден от афганцев. В сентябре 1885 г. линия границы была в основном определена, а в июле 1887 г. при подписании окончательного протокола, установившего границу между Афганистаном и Закаспийской областью

* До этого времени царская Россия не имела соприкосновения своих границ с Афганистаном, а торговля осуществлялась лишь через территорию Бухарского эмирата.

России*, земли по рекам Мургаб и Кушка были юридически закреплены за Россией³⁵⁶.

В период пребывания в Кабуле советской миссии Н.З.Бравина афганский эмир неоднократно заявлял ему, что согласится установить договорные отношения с Россией, если будет решен территориальный вопрос о Пендинском оазисе. Н.З.Бравин сам привез письмо В.И.Ленина, в котором выражалось намерение советской стороны провести общественный плебисцит на этой территории, которое Кабул понял как официальное обязательство советского руководства передать Кушку Афганистану³⁵⁷. Понимая двойственную позицию советского руководства в вопросе о передаче земель, Н.З.Бравин стремился избегать обещаний, заявляя о своей некомпетентности в этом вопросе. Однако в частном письме руководителю отдела Востока НКВД А.Н.Вознесенскому он определенно считал, что "передача Пенде Афганистану была бы действительно тем широким жестом с нашей стороны, который наглядно показал бы всей Азии и всему миру, что у нас слово с делом не расходятся". Кроме того, в радиограмме, направленной в Москву, он, со свойственным ему радикализмом, сблизившим в свое время его с большевиками, заявил: "Я всецело разделяю взгляд Афганского Правительства и поддерживаю его просьбу"³⁵⁸, "мы должны возвратить Афганистану его кровное владение Кушку и Пенде, по-разбойничему соглашению царского правительства с Англией отошедшее в 1885 г. к России"³⁵⁹. Видимо, вследствие позиции Н.З.Бравина и содержания письма В.И.Ленина к Аманулла-хану, афганское правительство было настолько "крепко обнадежено Москвой"³⁶⁰, что когда в Кабул приехал Я.З.Суриц, афганцы первое время даже не обсуждали с ним эти вопросы.

26 декабря 1919 г. на совместном заседании в Ташкенте членов Турккомиссии и афганских представителей из посольства М.Вали-хана было решено организовать комиссию для рассмотрения территориальных вопросов между Афганистаном и Российской Республикой. 28 декабря состоялось первое заседание под председательством Г.И.Бройдо. Афганцы настояли, чтобы комиссия рассмотрела "весь исторический материал", а не только документы, касающиеся периода после 1885 г., когда произошло фактическое соприкосновение границ и бой у Ташкепри. Оказалось, что афганцы привезли с собой материалы, относящиеся даже к середине XVIII века. Хотя подобное требование было неожиданным, советская делегация, заранее готовая на некоторые территориальные уступки афганцам, чтобы склонить их к созданию антибританского военно-оборонительного союза, согласилась.

* С сентября 1885 г. и до июля 1887 г., в период, когда работала пограничная комиссия, этот участок считался нейтральным.

Второе заседание совместной комиссии проходило под председательством члена афганского посольства Мирза Мухаммад-хана Яфтали. Был заслушан доклад советской стороны об истории формирования пограничной линии России с Афганистаном. Его основная мысль заключалась в том, что оазис Пенде всегда был "свободным" и в подданстве Афганистана не состоял; что его занятие Россией было естественным итогом распространения на свободные территории. В докладе также утверждалось, что никакой ранее установленной границы между афганскими землями и землями "свободных туркменских племен" в тот период не существовало. Однако в ответ афганцы предъявили членам комиссии 40-верстную карту Средней Азии, изданную Главным штабом Вооруженных сил России в 1863 г., и, на которой была проведена такая граница (граница между тогдашними российскими владениями и еще "свободными" землями туркмен). Естественно, что карта отражала период до присоединения основных туркменских земель к России. Однако члены афганской делегации заявили, что "раз Россия издала официально такую карту", "тем самым она признала и существование этой границы, а значит, и все земли к югу от этой пограничной черты признавала принадлежащими Афганистану". Совершенно бесполезным оказалось доказывать, где в тот период были пределы самого Афганистана. Члены афганской делегации остались "при убеждении, что этот довод их не отвергнут"³⁶¹.

Третье заседание комиссии проходило под председательством члена советской делегации Залесского. Афганцы предъявили, по их мнению, "исторические свидетельства" прав Афганистана на земли, лежащие к северу от пограничной черты в районе Кушки. Они представляли собой выборки из книги "Сирадж ат-таварих", которая, по их словам, является официальной афганской историей, составленной на основании собственноручных заметок эмиров и должна быть признана в качестве исторического документа. При этом, опираясь на "Сирадж ат-таварих", афганцы проектировали новую советско-афганскую границу по северной окраине Серахского оазиса, проводили ее прямой линией до станции Талхатай-баба Мургабской ветки Среднеазиатской железной дороги, а оттуда прямой линией до станции Бассага, оставляя в афганских пределах Серахский, Пендинский, Иолатанский и часть Мервского оазисов. К Афганистану, в соответствии с этим проектом, должны были отойти и все ирригационные сооружения, питающие Мервский оазис.

К удивлению остальных членов советской делегации, председательствующий Залесский, резюмируя прения, от имени советской стороны заявил, что "такая пограничная линия признается приемлемой". По окончании заседания, когда афганцы покинули зал, разразился скандал. В результате, Турккомиссия ВЦИК не утвердила протокол совместного заседания и отозвала из состава делегации Залесского. После этого инцидента работа комиссии была прервана. Только 26

января 1920 г. под председательством Г.И.Бройдо состоялось четвертое заседание совместной пограничной комиссии. Афганцы заявили шумный протест в связи с неутверждением протокола предыдущего заседания. Разъяснения Г.И.Бройдо их не удовлетворили. Вновь произошел длительный обмен мнений по поводу выписок из "Сирадж ат-таварих", после чего заседание закрылось. Больше пограничная комиссия не собиралась, хотя дискуссии по пограничным вопросам еще какое-то время продолжались на заседаниях Турккомиссии, в которых принимали участие и афганские представители (13 февраля и 7 апреля 1920 г)³⁶².

Из архивных документов следует, что члены Турккомиссии в феврале 1920 г. еще выступали за возможность удовлетворения ряда территориальных претензий Афганистана. Пункт 3 резолюции Турккомиссии по афганскому вопросу от 9 февраля 1920 г. гласил: "Нами должны быть приложены все усилия к ...реализации наших положений о восстановлении исторической справедливости и права в вопросе о границах". Однако пункт 7 этой же резолюции напрямую увязывал это решение со вступлением Афганистана в войну против Англии, а территориальная уступка рассматривалась как плата афганцам за военные действия против англичан. Однако боясь, что получив территории, Кабул чуть ли не на следующий день запросит мира, было решено в акте об уступке территорий оговорить условие: советские власти будут владеть этими районами вплоть "до окончания войны с Англией", а в Термез, Керки, Кушку и Серахс будут введены советские военные гарнизоны³⁶³.

К весне 1920 г. Москва твердо заявила о своем отказе от военно-политического союза с Афганистаном, а потому изменилась и политика в отношении спорных территорий. 7 апреля Ш.З.Элиава заявил ожидавшим продолжения переговоров афганцам, что комиссия больше собираться не будет, так как НКВД взял решение вопроса о прохождении пограничной линии в районе Пенде "в свои руки"³⁶⁴. В это же время Я.З.Суриц получил установку Москвы, которая заключалась в том, чтобы "в вопросе о территориальных уступках бесконечно тянуть"³⁶⁵. Характерно, что только весной 1920 г., получив дипломатическую почту, Я.З.Суриц обнаружил среди других бумаг и текст письма В.И.Ленина к эмиру, в котором заявлялось о "готовности восстановить поправную справедливость" в отношении земель Пендинского оазиса. Было ясно, что реальная политика НКВД и его отдела в Туркестане не имела ничего общего с заявлением В.И.Ленина.

Весной 1920 г., когда советско-афганские переговоры оказались в тупике и афганцы готовились к встрече с англичанами в Майсуре, руководство Туркфронта предприняло демонстрацию силы на границе с тем, чтобы у афганцев исчезло легкомысленное представление о слабости Красной Армии в Средней Азии. Кабул получил от своих информаторов донесение, что руководство Туркфронта в течение весны 1920 г.

увеличило свой гарнизон в Кушке до 20 тыс. человек. 29 апреля 1920 г. Я.З.Суриц был приглашен в афганское министерство иностранных дел, где ему от имени эмира был заявлен протест в связи с советскими военными приготовлениями на границе. Он попытался "в духе инструкций", полученных из Москвы, объяснить советскую военную концентрацию на границе и прибытие красноармейских частей в Кушку и Тахтабазар опасностью британских действий. Однако это объяснение оказалось неудачным. Афганцы заявили, что действия англичан угрожают в не меньшей мере афганским границам, а потому Кабул также намерен усилить свое военное присутствие в регионе³⁶⁶.

Советский полпред хорошо знал, что меры по усилению Кушки были предприняты советским военным командованием, чтобы ослабить давление афганцев в пограничных вопросах, но он заявил о том, что афганская делегация на переговорах в Ташкенте сама согласилась с необходимостью укрепления Кушки советской стороной. МИД Афганистана категорически отрицал, что его делегация могла дать согласие на подобное решение вопроса³⁶⁷. Архивные документы позволяют утверждать, что Я.З.Суриц сделал обманный ход. Накануне он получил запоздавшую инструкцию Г.И.Бройдо, в которой тот, развивая идею военно-оборонительного союза, наметил распределение сил его членов: советская сторона заявляет о передаче спорных земель Афганистану и берет на себя обязательство по укреплению Кушки-Серакса, в то время как афганцы должны будут сконцентрировать свои войска "на южной и юго-западной границе" Афганистана³⁶⁸. Таким образом при подписании военно-оборонительного союза афганцы должны были согласиться со значительным укреплением советских сил в районе Кушки. Однако в тот период Я.З.Суриц уже прекрасно знал, что Москва отвергла этот план, а потому его заявление было намеренной целью выдать желаемое за действительное.

Кабулу пришлось считаться с усилением советского военного присутствия в приграничных районах, так как возможности для их активных действий были ограничены: любые попытки вооруженным путем добиться отторжения ряда территорий в свою пользу могли вызвать серьезный кризис в советско-афганских отношениях, что, по мнению Я.З.Сурица, "сразу сорвало бы их игру на индийской границе"³⁶⁹. Однако, отказавшись от прямого "напора" на Москву в отношении спорных территорий, афганцы не отказались от требования возвращения Кушки в будущем.

При подписании советско-афганского договора 1921 г. афганцы настояли на включении в текст соглашения пункта о Пендинском оазисе. Статья 9 договора констатировала: "Во исполнение и согласно обещания правительства РСФСР, переданного главой его Лениным полномочному министру Высокого Государства Афганистана, Россия соглашается передать Афганистану принадлежавшие ему в прошлом столетии земли

пограничного района с соблюдением принципа справедливости и свободного волеизъявления народов, их населяющих. Порядок волеизъявления и определения мнения большинства постоянного местного населения устанавливается особым соглашением между обоими государствами через уполномоченных обеих сторон"³⁷⁰. Тем самым, договор 1921 г. впервые официально констатировал, что в советско-афганских отношениях существуют территориальные проблемы.

Добившись юридического оформления спорного вопроса, афганцы были уже готовы рассматривать район Кушки своей территорией и всячески поощряли проникновение туда басмаческих формирований. Однако советские туркестанские власти не торопились с проведением плебисцита. Двойственность и неопределенность ситуации вокруг Кушки стали причиной серьезного напряжения в этом районе. В ночь на 29 октября 1921 г. в районе крепости Кушка произошел пограничный инцидент. Обычный в ту пору бандитский налет отряда басмачей на советскую территорию, сопровождавшийся угоном баранов, вызвал резкое обострение ситуации в пограничных отношениях двух стран. Басмаческий налет был поддержан афганскими пограничниками, вследствие чего произошло вооруженное столкновение с советским пограничным отрядом.

Обычно, если не поступало жалоб с советской стороны или содействие афганских пограничников не было очевидным, афганское правительство "закрывало глаза" на действия басмачей. Но на этот раз резкий протест Ф.Ф.Раскольникова афганскому правительству с категорическим требованием наказать виновных и поступившая в Кабул информация о настроениях в Кушке, заметно обеспокоили Кабул. Советские дипломаты заявили, что гератские пограничные власти и, в первую очередь, генерал-губернатор Герата полковник Абдурахим-хан, активно содействовали пограничным трениям. Военный министр М.Надир-хан вынужден был дать советскому полпреду твердое обещание наказать виновных и уволить Абдурахим-хана. Правда, афганцы тут же предъявили советской стороне встречный иск о нападениях советских джамшидов на афганскую территорию³⁷¹.

В течение 1922 г. ситуация вокруг Кушки продолжала периодически накаляться. Кушкинские власти при поддержке частей Туркфронта и его командования были готовы на опасную авантюру, чтобы наказать гератские пограничные власти и положить конец афганским притязаниям на этот район: при повторении нападения бандитов и угона скота предполагалось пересечь афганскую границу тремя полками и двинуться на Герат. Военные, по сообщению жены советского полпреда в Кабуле Ларисы Михайловны Рейснер, оказавшейся в тот период в Кушке по пути из Кабула в Москву, вполне реально говорили о таком выступлении. Советский консул в Герате В.П.Тажник был убежден, что "не избежать наступления на Герат". Как пишет Л.М.Рейснер, ей едва

удалось убедить консула в недопустимости развития событий в таком направлении. В то же время она посоветовала Ф.Ф.Раскольникову срочно донести в Москву о существующих в Кушке настроениях и о возможном выступлении военных, заметив со свойственной ей выразительностью, что в Кушке "с ума сошли - идти на Герат из-за краденных баранов"³⁷².

Туркестанские власти понимали, что в случае обострения ситуации на границе афганцы могут попытаться силой захватить Кушку, в то время как у советских властей в этом случае сил удержать ее не хватит. Поэтому в 1922 г. афганское руководство получило от советских представителей в Кабуле твердое обещание провести плебисцит (референдум) среди жителей кушкинского района, чтобы по его результатам определить, какой стороне он должен принадлежать³⁷³. Это вынужденное для Москвы заявление было сделано в условиях резкой активизации басмаческого движения, военных успехов Энвер-паши. Советские дипломаты понимали, что в случае дальнейшего напряжения событий на границе, можно потерять не только Кушку.

К.К.Юреневу как полномочному представителю РСФСР в Бухаре НКВД поручил подготовить и обобщить материалы экономических и этнографических характеристик района, а также возглавить комиссию по подготовке плебисцита* (вернее, наметить наиболее выгодную для советских властей плебисцитарную зону). Из всех доступных нам документов ясно, что советское руководство, допуская в случае резкого обострения ситуации на границе возможность передачи Кушки, не хотело именно проведения референдума, ибо выявление мнения населения, проживающего в этом районе, могло привести не только к территориальной потере, но и к политическому "поражению". И, наоборот, только такой шаг, по мнению К.К.Юренева, предпринятый без выявления мнения населения, мог принести политическую выгоду. При этом он считал, что "уступка одной Кушки" вполне удовлетворит афганцев, в особенности, если сокращение территориальных уступок будет связано с отказом от плебисцита"³⁷⁴.

Ф.Ф.Раскольников, постоянно на словах авансирюя перед афганским правительством обещания положительного для них решения Москвой вопроса о Кушке, в то же время в письмах в НКВД предлагал "отмахнуться" от решения кушкинского вопроса и укрепить крепость³⁷⁵. В крайнем случае, считал он, можно уступить только Кушку, а не весь

* Создание в 1922 г. комиссии К.К.Юренева - лишнее подтверждение затягивания советским руководством вопроса о плебисците в районе Кушки, так как до конца 1921 г. подобная комиссия, состоявшая из советских и афганских представителей, уже работала в Ташкенте и собрала необходимые материалы по характеристике района.(К.К.Юренев - Г.В.Чичерину. 25 января 1922 г. -РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2130. Л.24.)

Пендинский оазис, уверяя центр, что "эта жертва наиболее разумна по эффекту, который она будет иметь...на весь восточный мир"³⁷⁶.

Проблема Кушки в тот период оказалась теснейшим образом связана с борьбой Советской России за влияние в Афганистане. Ради его достижения советская дипломатия была готова на жертвы. Я.З.Суриц наиболее емко выразил советскую позицию по территориальным проблемам с афганцами: "Если на почве денег и оружия мы англичан не перещеголяем, то в готовности уступать территории мы даем наглядный урок советской восточной политики и на деле демонстрируем разницу между политикой империалистического и социалистического государства"³⁷⁷. Удивительное по откровенности понимание сути советской внешней политики одним из видных советских дипломатов того времени!

В 1921 и в начале 1922 гг. в советских военных и дипломатических кругах продолжали обсуждать вопрос о возможности удовлетворения афганских претензий на Кушку и окружающий ее район. В Турккомиссии и в руководстве Туркфронта пришли к общему выводу, что в стратегическом и тактическом отношении крепость не удовлетворяет серьезным требованиям: она окружена высотами, с которых артогнем противника легко могут быть уничтожены сосредоточенные в ней военные склады. Было также ясно, что противник просто легко может обойти крепость через Тахтабазар на Ташкепри. Фактически роль Кушки сводилась в тот период к обеспечению головной железнодорожной станции от неожиданного нападения противника, не имевшего артиллерии, и она в лучшем случае могла служить лишь базой при наступлении на Афганистан³⁷⁸.

Хотя к весне 1922 г. командование Туркфронта вполне выяснило, что уступка Кушки "в военном отношении...совершенно безопасна"³⁷⁹, это не означало, что советское военное и политическое руководство было готово на передачу ее афганцам. Наоборот, в случае передачи Кушки афганской стороне, возникали другие проблемы:

1. Вслед за Кушкой непременно встанет вопрос о передаче Афганистану термезской крепости и Керки.

2. С передачей Кушки и ее района к Афганистану отойдут территории туркмен-сарыков и соларов. Возможно, к ним могут присоединиться сарыки иолатанского и текинцы мервского оазисов.

3. Передача Кушки непременно потребует приступить к сооружению подобной крепости в полосе Тахтабазар-Ташкепри.

4. Без строительства новой крепости передача Кушки поставит под легкий удар всю долину реки Мургаб, а разрушение плотин "приведет к смерти весь Мервский оазис" ("Крепость Кушка есть ключ к Мерву")³⁸⁰.

В период успешного развития басмаческого движения в Восточной Бухаре под руководством Энвер-паши афганцы стали настаивать на уступке Афганистану всего Пендинского оазиса. Эмир заявил

Ф.Ф.Раскольникову, что намерен обсуждать с русскими форму плебисцита лишь в границах всего Пендинского оазиса. Однако для НКВД было ясно, что "ни уступать Пендинский оазис, ни производить плебисцит в таких границах мы не можем"³⁸¹. Наконец, в конце 1922 г., уже после состоявшейся ратификации советско-афганского договора и гибели Энвер-паши, Реввоенсовет республики отправил в Ташкент, руководству Туркфронтом телеграмму, в которой говорилось, что "вопрос о передачи Кушки Афганистану отпадает, так как эта крепость не потеряла своего военного значения"³⁸².

В 1925-1926 гг., во время обострения кризиса из-за острова Урта-Тугай, афганцы вновь поставили вопрос о Кушке. В конце 1925 г. эмир Аманулла-хан потребовал от СССР вернуть Афганистану Кушку и район Пенде, высказав обиду, что советское правительство не выполнило официального обещания В.И.Ленина передать Кушку афганской стороне. Советский полномочный представитель Л.Н.Старк ответил, что В.И.Ленин таких заявлений не делал, а лишь говорил об общем принципе права народов на самоопределение. По поводу плебисцита советский полпред заявил, что на самом деле он состоялся в ходе образования СССР, ведь "население Кушки достаточно (ясно) выявило свою волю при образовании Туркменистана", решив тем самым и этот вопрос. Видимо, чувствуя, что подобное заявление может оказаться весьма спорным, Л.Н.Старк дал ясно понять, что СССР в случае дальнейшего сопротивления афганцев в вопросе о Кушке может также потребовать проведения референдума в северных районах Афганистана, где компактно проживают племена, родственные советским узбекам и туркменам. В этом случае, заявил он, голосовать пожелают "туркмены в андхойском районе и мало ли еще где. Так (не) лучше (ли) оставить этот вопрос в покое"³⁸³. Эмир понял эти слова как вполне реальную угрозу, которая в свете удачно проведенного Советами национально-территориального размежевания в Средней Азии уже не казалась фантастичной, и не стал настаивать.

В течение 20-х гг., наряду с притязаниями на Кушку, Термез и Керки, афганские власти заявили о существовании территориальных проблем и на других участках советско-афганской границы, хотя многие из них были не новы и уходили корнями в дореволюционный период российско-афганских отношений.

В 1923 - начале 1924 гг. появились сведения, что афганские пограничные власти пытаются возобновить спор из-за прохождения пограничной линии на Памире, в районе бывшего российского пограничного поста Кизыл-Рабата. Афганские пограничные власти, как и в дореволюционный период, пытались претендовать на территорию между слиянием рек Тегермен-су и Кашка-су, проводя пограничную линию от озера Бахмардынкуль "как ломаную линию", но при этом игнорируя поставленный международной разграничительной комиссией

1895 г. пограничный столб № 10. Это полностью противоречило тексту "Описания Российской Государственной границы на Памирах" 1895 г. и пограничным столбам, установленным совместной российско-английской комиссией Повало-Швейковского - Джеральда³⁸⁴.

Из ограниченного круга ставших доступными нам документов следует, что в 1923-1924 гг. афганские пограничные власти, видимо, ощущая слабость своих претензий на ранее заявленный участок границы, пытались осуществить захват его силой. Об этом свидетельствует донесение представителя НКВД в Средней Азии И.Э.Германа, присланное в феврале 1924 г. наркому иностранных дел СССР Г.В.Чичерину, в котором тот сообщил, что афганские должностные лица приграничного района содействовали вооруженной операции группы афганцев под предводительством некоего Дювана с целью занятия этого участка на Памире. Однако эту попытку опередило ОГПУ, своевременно получив донесение о ее подготовке: Дюван был арестован пограничниками и допрошен. На вопрос, почему афганцы считают этот участок территории своим, Дюван выдвинул весьма спорное и легко критикуемое советской стороной утверждение: по его мнению, раз по территории этой местности протекает река Кашка-су, берущая начало в Афганистане, то и местность является "афганской"³⁸⁵. По той же логике и советская сторона могла бы претендовать на истоки рек Тегермен-су и Кашка-су, так как их основное течение проходит по советской территории. Тем не менее И.Э.Герман, придавая серьезное значение происшедшему инциденту, советовал руководству НКВД, как можно скорее "дать понять афганскому правительству, что мы о поползновениях местных властей Афганистана осведомлены и не допустим никаких покушений на нашу территорию"³⁸⁶.

Давней межгосударственной проблемой был вопрос о водопользовании рек, каналов и протоков, берущих начало в Афганистане, а затем теряющихся в туркменских песках. Еще в 1913 г. царские власти, заботящиеся о бесперебойном поступлении воды в засушливые районы Туркмении, были намерены заключить с Афганистаном соглашение об использовании воды рек Мургаба, Кушки и Геджена, однако в условиях начавшейся мировой войны решили не обострять двусторонние пограничные отношения³⁸⁷.

В советский период этот вопрос вновь встал остро. Во второй половине 20-х гг. течение Мургаба все больше и больше подмывало советский берег. В результате он в нескольких местах дал большие оползни и обвалы, из-за чего оказалась размытой голова оросительного канала Эке-Юз. Это привело к тому, что количеством воды, поступающей по каналу на советскую территорию, значительно уменьшилось и посевам туркмен-земледельцев угрожала опасность выгорания. Так как недостаток воды мог сделать безжизненными многие гектары земли, кушкинские власти весной 1927 г. дали разрешения советским туркменам,

проживающим в районе Караул-хана, провести работы по исправлению разрушенной головы оросительного канала Эке-Юз (Ноу-хана). Скандал разразился нештучный: гератские власти заявили, что работы ведутся на афганской территории, а представитель афганского МИД летом 1927 г. в своем письме генеральному консулу СССР в Герате А.А.Поляку в резкой форме потребовал в течение 10 дней прекратить все работы, пригрозив, что в противном случае афганская пограничная охрана примет соответствующие меры³⁸⁸.

Был ли пограничный инцидент в действительности вызван самовольной попыткой советских пограничных властей провести работы на афганской территории? Для ответа на этот вопрос следует, на наш взгляд, обратить внимание на следующие моменты из официальной советско-афганской переписки того времени: пока афганцы считали, что советские пограничные власти проводят работы по строительству плотины на канале Мургаба Эке-Юз, поверенный в делах СССР в Афганистане П.А.Соколов мог уверенно заявлять, что "оросительный канал, о котором идет речь, существует весьма давнее время, проходит полностью по советской территории и всегда находился в исключительном обладании туркмен-жителей района Караул-хана"³⁸⁹. (Хотя, строго говоря, вопрос о принадлежности головы и этого канала не был юридически оформлен)*.

Затем афганский МИД выяснил, что "советские туркмены, войдя на афганскую территорию, производят работы по прорытию нового из реки Мургаба оросительного канала". После этого советские представители в Кабуле уже не отрицали, что пограничные власти СССР пытались не восстанавливать разрушенную голову старого канала Эке-Юз, а заложить новую или построить плотину. Правда, при этом неизменно подчеркивалось, что все работы проводились на советской территории в 120 шагах выше старого канала и в 200 шагах от линии государственной границы³⁹⁰. Такое различие в советских заявлениях, в зависимости от выяснения афганцами реального состояния дел, вызывает удивление и наводит на размышление о том, что афганцы, может быть, были не так уж далеки от истины. В подтверждение этой мысли свидетельствует решение генерального консула СССР в Герате А.А.Поляка об удовлетворении претензий афганцев и перенесении работ на 60 метров ниже по течению реки³⁹¹.

4 июля (13 саратана) 1927 г. в Пагмане состоялись переговоры афганского министра иностранных дел Махмуд бек-хана с советским послом Л.Н.Старком, который пытался выговорить выгодные условия

* В НКВД, безусловно, знали, что в отношении головы самого арыка Эке-Юз афганцы еще в 1914 г. заявили территориальную претензию к России. Несмотря на работу совместной российско-афганской пограничной комиссии (1914 г.), этот участок границы не был точно демаркирован: афганская делегация не подписала совместный протокол. (Подробнее см.: Панин С.Б. Россия и Афганистан. - С.60-61.).

постройки плотины в оказавшейся спорной пограничной полосе³⁹². Осторожный тон заявлений Л.Н.Старка усилил догадки афганцев, что советские строители, которые должны были работать буквально в нескольких шагах от границы, совсем неслучайно углубились на афганскую территорию. Афганцы заняли на переговорах жесткую позицию и заявили, что не позволят советским властям строить плотину на Мургабе, до тех пор, "пока не будет разрешен вопрос о возвращении, согласно договора и обещания господина Ленина, земель района Пенде, занятых Россией"³⁹³. Так как к этому времени Москва уже не собиралась обсуждать проблему Кушки, вопрос о строительстве плотины на одной из веток Мургаба повис*.

В 1928 г. из-за самостоятельных действий советских приграничных властей подобный конфликт с афганцами возник и в районе Бассаги. Обеспокоенные опасностью гибели посевов поселковые власти Бассаги и Мирзабе приступили к чистке голов двух арыков, пытаясь добиться большего поступления воды. Однако после того как в 1887 г. международная разграничительная комиссия приняла решение, что пограничная линия в пункте, где Амударья резко поворачивает на север, будет начинаться не от Ходжа-Салеха, а от кишлака Бассага, головы каналов Бозарык и Арычак оказались на афганской территории**. Несмотря на то, что по международному протоколу 1887 г. жители Бассаги имели право требовать от афганской стороны беспрепятственного пропуска воды³⁹⁴, практическое решение этих вопросов оказалось затруднительным. Однако, как и в случае с головой канала Эке-Юз, самовольные действия пограничной администрации Бассаги были пресечены афганской пограничной охраной, а советский полпред в Кабуле получил ноту протеста³⁹⁵.

В середине 20-х гг. широкую международную огласку получил советско-афганский пограничный инцидент из-за острова Урта-Тугай.

* При подписании советско-афганского соглашения от 13 июня 1946 г. советское правительство официально заявило об отказе строить на Мургабе плотину с использованием афганского берега, правда, с условием, что и афганцы не станут соорудить на пограничном участке на своей территории плотину, которая уменьшила бы поступление воды из Мургаба в пределы СССР.

** В ходе англо-российских переговоров 1869-1873 гг. за афгано-бухарскую границу, ставшую фактически российско-афганской пограничной линией, было принято течение Амударья-Пянджа. Разграничительная линия начиналась от впадения реки Памир в Пяндж и следовала по течению Амударья-Пянджа до Ходжа-Салеха. Однако соглашение 1873 г. являлось чисто кабинетным решением, не связанным с разграничительными работами на местности. В 1887 г. было решено, что граница будет упираться в Амударью не у Ходжа-Салеха, а у Бассаги (с афганской стороны - Хамиаб). Протокол от 22 июля 1887 г. установил сухопутную границу России с Афганистаном в Закаспийской области. От Бассаги граница теперь подходила к Амударье сначала по каналу Бозарык, а затем около 5 верст по Арычаку.

Проблема островов существовала в двусторонних отношениях с середины 80-х гг. XIX в., когда произошел первый афгано-бухарский вооруженный конфликт из-за принадлежности острова Урта-Тугай (Даркад) и афганцы заявили о своих притязаниях на остров Арал-Пейгамбар, находящийся против Патта-Гиссара (Термеза)³⁹⁶. В отношении пограничной линии с Афганистаном по Амударье-Пянджу советское правительство придерживалось точки зрения, что все течение этих рек и острова на них находятся под российским контролем. Советское руководство, как в свое время и царские власти, было не намерено придерживаться на границе с Афганистаном норм международного права*, действующих на границах с другими странами: если государства разделяются рекой, то за пограничную между ними черту должна приниматься середина реки, а на судоходных реках - тальвег (фарватер). При этом делались ссылки на протокол англо-русской разграничительной комиссии 1873 г., закрепившим течение Амударьи-Пянджа за бухарскими (читай: российскими) владениями. Однако в отношении островов, тем более тех, которые при пересыхании проток сливались с афганским берегом, протоколы англо-русского разграничения ничего не говорили. Контроль императорской, а затем советской России над ними долгое время осуществлялся в силу укоренившейся традиции.

Однако афганские пограничные власти были недовольны таким положением и заявляли претензии на те острова, которые по спаду воды в протоках сливались с афганским берегом, становясь частью афганской территории. В момент бегства бухарского эмира из своей столицы и выраженного им намерения перебраться в Афганистан афганские пограничные посты заняли остров Урта-Тугай³⁹⁷, считая, что бухарский эмир противиться не станет, а Советы не имеют реальных сил этому противодействовать. Кроме того, в Кабуле, безусловно, учитывали, что советское правительство после отказа бухарского эмира от российского протектората, официально не имело прав претендовать и на острова. Вплоть до 1925 г. остров оставался в руках афганцев. Он превратился в базу расквартирования и снабжения басмачей, являясь при этом удобным местом переправы на советский берег.

После занятия советской пограничной стражей постов вдоль Амударьи-Пянджа начальник охраны афгано-бухарской границы Дейнеко неоднократно пытался поднять вопрос о состоянии острова и

---

* Царская администрация Туркестана еще в 1900 г. признала для себя справедливость афганских требований на остров Урта-Тугай, однако учитывая военное-стратегическое значение большого острова у афганского берега, а затем, вследствие начавшейся мировой войны и опасений обострить пограничные отношения, так официально и не заявила об этом. (Подробнее см.: Панин С.Б. Россия и Афганистан...-С.52.)

необходимости его возвращения. Однако его обращения в Ташкент и к советскому консулу в Термезе не дали ожидаемых результатов. Советские власти в Туркестане и представители в БНСР не хотели самостоятельно заниматься столь сложным вопросом, хотя ситуация на границе из-за действий басмачей, постоянно использовавших этот остров для перехода в Туркестан, требовала ускорить его разрешение. В конце 1923 и в январе 1924 г. Дейнеко вновь обратился с письмами к советскому полпреду в Кабуле Ф.Ф.Раскольникову, а также к уполномоченному НКВД в Средней Азии, прося их возбудить перед центром вопрос о том, "какие меры можно принять для возвращения Урта-Тугая"³⁹⁸. С этого времени советские власти активно занялись разработкой этого вопроса.

К необходимости возвращения острова активно подготавливалась и бухарская общественность, в первую очередь население кулябского района, в административном управлении которого "числился" остров. В апреле 1924 г. было проведено чрезвычайное заседание революционного комитета кулябского района с участием представителей Туркфронта, на которое были приглашены и старейшины Куляба. Революционный комитет заявил, что считает захват Урта-Тугая враждебным актом афганского правительства в отношении советской Бухары и потребовал от бухарского правительства предъявить Афганистану ультиматум о немедленном возвращении острова БНСР. Следует обратить внимание на текст заявления, принятого на его заседании: "Революционный комитет предупреждает, что в дальнейшем при таком положении вещей он не считает себя ответственным в случае вооруженного восстания погранрайонов, возмущенных и давно требующих расчетов с Афганистаном, уставших от воровства и постоянных жалоб на притеснения и задержку случайных и невольных эмигрантов в Афганистане. Причем такие намеки со стороны населения проявлялись неоднократно, будучи направлены на захват острова и мщения басмачам - ворам и погранвластям Афганистана"³⁹⁹.

Афганские власти в течение 1924 и в начале 1925 г., чувствуя напряжение вокруг острова, приняли меры к его укреплению. Если в 1924 г. на острове имелся еще небольшой афганский гарнизон, составлявший не более 60 человек⁴⁰⁰, то в 1925 г. охрану острова осуществляли уже 200 пехотинцев и 100 кавалеристов, получивших приказ оборонять остров "в случае попыток занять его со стороны войск (с) бухарской территории"⁴⁰¹.

В соответствии с официальной версией, нашедшей отражение в литературе, 27 ноября - 1 декабря 1925 г. 340 узбеков-реэмигрантов переправились на Урта-Тугай и обезоружили афганскую охрану. В ходе вооруженного столкновения были убиты 6 человек, 2 ранено, а 7 афганцев (целый афганский пост) были взяты нападавшими в плен⁴⁰². Однако эта большая группа узбеков не смогла справиться с афганской

охраной, и ее уход с острова произошел лишь 1 декабря, под напором переправившихся вслед за узбеками красноармейцев⁴⁰³ (примерно 100 человек)⁴⁰⁴.

Практически все, что было опубликовано в советской исторической литературе по проблеме конфликта на острове Урта-Тугай, проводило одну мысль - возвращение острова заранее специально не готовилось, а высадка группы узбеков была стихийным явлением. Однако в Архиве внешней политики МИД РФ имеется доклад члена коллегии НКВД С.И.Аралова о событиях на Урта-Тугасе, подготовленный для информации членов Политбюро партии. В соответствии с этим источником, механизм будущей операции был выработан 21 января 1925 г. специальной комиссией, созданной Политбюро. 27 января Политбюро утвердило это решение (источник не раскрывает, в чем конкретно состоял механизм операции). Но, наряду с утверждением плана проведения операции, наркому иностранных дел Г.В.Чичерину было поручено сначала найти способы для урегулирования проблемы дипломатическим путем⁴⁰⁵. Итак, советское руководство, надеясь в определенной мере на мирное разрешение территориального спора, тем не менее готовилось к возвращению Урта-Тугая.

Так как сроки проведения операции не были согласованы, то что произошло 27 ноября на острове (имеется в виду высадка большой группы узбеков), было, по свидетельству С.И.Аралова, "неожиданностью" как для НКВД, так и для полпреда СССР в Кабуле Л.Н.Старка. Из докладной записки С.И.Аралова следовало, что подготовка операции затянулась, но ее опередило неожиданное выступление группы узбеков-резмигрантов; последовавшая затем высадка красноармейцев на остров была лишь попыткой использовать сложившуюся ситуацию по старому сценарию⁴⁰⁶.

Вместе с тем, внимательный анализ документа приводит к выводу, что сам автор не сомневался в том, что высадка 340 узбеков на остров не была случайно вспыхнувшим восстанием против политики афганских властей за поддержку ими басмаческих формирований. Наоборот, переправа на остров частей Красной Армии явилась вынужденным шагом, использованием запасного варианта, так как достаточно большая группа узбеков не смогла справиться с афганскими военными. С.И.Аралов не без сожаления пишет: "Как видно, хотя бы инсценировку восстания (безусловно, имеется в виду высадка на острове большой группы узбеков - С.П.) до конца выдержать не удалось, и у афганцев создалось твердое убеждение, что операция с самого начала проводилась при нашем участии"⁴⁰⁷. Вероятно, НКВД, который в 1925 г. был склонен

* На подступах к острову, в Чубеке и Пархаре, а также в других пунктах на материке находились еще 147 человек, вооруженных саблями и 4 пулеметами. (Телеграмма и.о. комкора 13 стрелкового корпуса Антонова от 16 января 1926 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.22. Л.83-83 об.)

к дипломатическому разрешению вопроса об острове, был "обойден" в проведении этой операции и она была возложена на узкий круг военного руководства в Москве и Ташкенте.

Эти выводы подтверждает секретный доклад, подготовленный Ф.Ф.Раскольниковым об обстоятельствах занятия острова советскими воинскими частями. В результате проведенного на месте расследования он пришел к выводу, что "прежде всего необходимо решительно отбросить версию о восстании. На самом деле никакого восстания на острове не было. Была лишь (его) инсценировка..., организованная грубо, неумело и безответственно". Ф.Ф.Раскольников выяснил, что еще 22 июня 1925 г. командующий Туркестанским фронтом Левандовский приказал командиру 13-го корпуса "в срочном порядке обсудить вопрос о захвате (!) острова Урта-Тугай и представить подробный план этой операции". В соответствии с этим указанием Ташкента, командование 47-го узбекского пограничного отряда 27 июня 1925 г. дает своим подчиненным комендатурам, расположенным непосредственно на афганской границе, следующую директиву:

"1) признание своевременности присоединения острова к СССР и санкционирование этого шага;

2) приказ погранвластям оказывать всяческое, конечно, неофициальное содействие к захвату острова и

3) формальное предоставление ответственным советским работникам права свободного перехода через границу на Урта-Тугай".

В конце октября в комендатуру 6-го участка, находившуюся в Пархаре, прибыли новый помощник коменданта по секретно-оперативной части Данилов, только что окончивший пограничную школу в Москве, и некий Брандусовский. Еще в Керках, накануне отъезда в Пархар, Данилов был проинструктирован руководством 47-го отряда, что его главной задачей является возвращение СССР острова Урта-Тугай. После их прибытия, 26 ноября 1925 г., в Пархаре состоялось заседание, на котором было решено начать операцию следующей ночью.

Весь день 27 ноября шла "лихорадочная" подготовка. Однако осуществление операции чуть не сорвалось, когда представители уртатугайских киргизов, которым было передано 15 винтовок, заявили, что отказываются поднять восстание без помощи красноармейского отряда. Пришлось наскоро сформировать отряд численностью около 50 человек из советских граждан-жителей кишлака Пархар.

В ночь с 27 на 28 ноября сформированный Брандусовским отряд из 50 киргизов Пархара, под его личным командованием переправился у Локай-Гузара через Пяндж и вступил на остров (предварительно на одну ночь была снята застава). Прибыв в Кара-Тюбе, отряд Брандусовского без выстрелов разоружил афганский пост. Однако на посту Коча-Гузар афганские солдаты открыли огонь и завязался бой. Отряд Брандусовского потерял 5 человек убитыми. Сам Брандусовский, одетый

в халат и чалму, руководил боем, но отдавал команды на русском языке. За исключением некоторых местных жителей Урта-Тугая население острова не поддержало советский отряд. Это обстоятельство, а также впечатление от гибели пяти своих человек действовало на Брандусовского и он принял решение покинуть остров и возвратился на материк.

Однако отступлением Брандусовского дело не закончилось. Вместо того, чтобы признать неудачу пресловутой “урта-тугайской революции” и прекратить авантюру, командование 6-ой комендатуры, руководствуясь соображениями своеобразно понятой конспирации, сознательно ввело в заблуждение руководство Туркфронта, сообщив 28 ноября о якобы вспыхнувшем на острове стихийном восстании. При этом было заявлено, что “необходима срочная войсковая поддержка с нашей стороны, дабы не дать возможности...афганским войскам подавить восстание и удержать хлынувший поток реэмигрантов на нашу территорию”. После этого, командование Туркфронта приняло решение о вводе частей Красной Армии на остров. Однако следует заметить, что между операцией Брандусовского и решением руководства Туркфронта прошел трехдневный перерыв. В течение этого времени афганцы на острове “пришли в себя” и снова вернулись на посты. Теперь, по мнению Ф.Ф.Раскольниковца, возвращение наших частей на остров уже носило “характер неприкрытой военной оккупации”⁴⁰⁸.

Высадившись на острове и вступив с афганцами в переговоры о якобы случайном характере операции, руководство советских частей без команды сверху покинуть остров не собиралось. Тем не менее 3 декабря 1925 г. НКВД обратился с письмом к И.В.Сталину, в котором пытался обосновать, что операция запоздала и в настоящих политических условиях абсолютно недопустима, ибо резко может ухудшить отношения с Афганистаном. В то же время командование Туркфронта, видимо, совершенно уверенное в поддержке своих действий Кремлем, 20 декабря распространило инструкцию о недопущении на остров афганцев, несмотря на то, что 17 декабря афганские представители потребовали освободить остров⁴⁰⁹.

Советское военное руководство, предпринимая акцию в отношении спорного острова, никак не ожидало, что поднимется большой шум; западные агентства и печать будут внимательно следить за происходящими событиями. Особое внимание к происшедшему на острове заметно укрепило афганское руководство в позиции, что Афганистан подвергся агрессии. Избегая предварительных переговоров с советским полпредом, афганский министр иностранных дел М.Гарзи 18 декабря 1925 г. заявил резкую ноту протеста, содержание которой сводилось к 4 основным пунктам:

1. немедленное очищение занятого острова;
2. возвращение пленных;

3. возмещение убытков;
4. принесение официальных извинений.

Афганцы настаивали на немедленном выполнении этих пунктов. Так как ответа не последовало, на следующий день, 19 декабря, они приступили к демонстративным действиям: из Кабула на север, к границе с СССР, стали перебрасываться войска⁴¹⁰. НКВД дал инструкцию Л.Н.Старку, чтобы тот успокоил афганское правительство и заявил, что силовые действия на Урта-Тугае были произведены "без ведома центра и советское правительство их не принимает на свою ответственность". В то же время ему было рекомендовано подчеркнуть, что "советское правительство рассматривает Урта-Тугай как территорию, по праву принадлежащую СССР"⁴¹¹. Москва, как видим, официально пыталась отрицать даже то, что введение частей Красной Армии на остров не могло произойти без приказа из Кремля.

27 декабря Л.Н.Старк передал М.Тарзи советские предложения урегулирования конфликта. Их общим фоном становилось априорное утверждение об ответственности обеих сторон за возникновение конфликта на границе. Было заявлено, что советское правительство согласно очистить остров от своих войск, но "при условии не введения туда также афганских". Для окончательного решения вопроса о принадлежности острова предлагалось создать смешанную комиссию⁴¹².

Афганцы определенно не хотели такой комиссии. В их глазах она представлялась намеренным затягиванием решения вопроса: советская сторона могла найти способы убедить их в своих правах на остров, наконец, предъявить документы афгано-бухарского разграничения 1873 г., споры по которым можно было вести долго. Кроме того, считали в Кабуле, переговоры с СССР, когда на острове находятся части Красной Армии, уже указывают на то, каким будет решение. Следует учитывать, что афганцы в территориальном споре с Москвой руководствовались опасениями, что англичане также могут использовать уже опробованную советской стороной форму решения пограничного спора как прецедент для решения своих пограничных проблем с Афганистаном: сначала занять спорную территорию, а потом требовать комиссию⁴¹³. Вместе с тем, несмотря на эти опасения, афганцы в споре из-за Урта-Тугая чувствовали себя достаточно уверенно: их трудно было обвинить в нарушении соглашения 1873 г., которое в отношении островов ничего определенного не говорило. Кроме того, афганцы могли заявить, что заняли Урта-Тугай в тот период, когда он перестал быть островом и соединился пересохшей протокой с афганским берегом. Проверить это утверждение спустя несколько лет было невозможно, а для определения современного состояния острова нужна была опять же совместная пограничная комиссия, участием в которой они противились без принципиального ответа на вопрос: чей остров?

Контрпредложения М.Тарзи, переданные Л.Н.Старку, содержали требование освобождения острова от частей Красной Армии и восстановления status quo, которое существовало на острове до начала советской военной операции. После этого, по мнению М.Тарзи, "можно будет поговорить и о комиссии". Хотя Л.Н.Старк предложил новый вариант компромисса - совместное пребывание на острове советских и афганских постов, афганская сторона и это предложение нашла неприемлемым. Озадаченный твердой позицией Кабула и исчерпав лимит данных ему инструкцией уступок, советский полпред заявил, что ничего больше предложить не может⁴¹⁴. Собеседники расстались, так ничего и не решив.

Советско-афганские отношения находились в серьезном кризисе. Афганцы, чувствуя поддержку дипломатических представителей других стран, были не намерены уступать. Чтобы оказать давление на советских дипломатов, они подключили к дискуссии турецкого посла в Афганистане Фахри-пашу, который при встрече со Л.Н.Старком намекнул на опасность военного выступления Афганистана против СССР⁴¹⁵. К этим угрозам приходилось прислушиваться, так как в штаб Среднеазиатского военного округа поступала информация о попытках англичан развернуть агитацию среди афганских племен за войну с Советами⁴¹⁶.

13 января 1926 г. Г.В.Чичерин телеграфировал в Ташкент: "Конфликт с Афганистаном обостряется, эмир настаивает на очищении нами острова Урта-Тугай и на вторичном занятии его афганскими постами. Возможно неожиданное нападение афганцев на остров, все ли меры приняты по его охране"?⁴¹⁷. Командующий войсками Туркфронта К.А.Авксентьевский приказал подготовить для вылета по первому требованию два самолета "Юнкерс-21" и одного "Юнкерс-13". Подчеркивалось, что самолеты "должны быть готовы к выполнению заданий как по разведке, так и бомбометанию"⁴¹⁸. 26 января командование Туркфронта дало распоряжение укомплектовать 7-ю Отдельную выючно-конно-горную батарею полным комплектов боеприпасов и подготовить ее к переброске к афганской границе⁴¹⁹.

Позиция советского внешнеполитического ведомства в целом выражалась в стремлении "приложить все усилия, чтобы ликвидировать конфликт мирным путем и избежать обвинений в агрессивности". С.И.Аралов, выражая мнение НКВД, считал, что если подтвердится, как уверяют афганцы, что Урта-Тугай уже давно не остров, поскольку проток Пянджа, отделявший его от афганского берега, давно пересох и занесен песком, то его принадлежность к афганской территории "вне всяких сомнений". В этом случае он видел необходимость покинуть остров и образовать смешанную пограничную комиссию для окончательного разрешения вопроса о его принадлежности⁴²⁰. Однако такое решение вопроса могло привести к необходимости более точной

демаркации всей пограничной линии по Амударье-Пянджу с позиций международного права.

Афганский эмир уже заявил советскому полпреду, что ему не понятно, почему советское правительство в отношении с Афганистаном не хочет придерживаться норм международного права на реках, разделяющих территории сопредельных государств, в соответствии с которыми "граница должна проходить (по) середине главного русла реки..."⁴²¹. Это заявление Аманулла-хана вызвало у советских дипломатов опасение, что в случае дальнейшего затягивания проблем можно потерять не только этот остров. Поэтому в феврале 1926 г. Москва добилась от Кабула решения о создании смешанной комиссии, с приданием ей исключительного статуса для рассмотрения вопроса о принадлежности только острова Урта-Тугай. С советской стороны во главе комиссии был поставлен Ф.Ф.Раскольников, а ее членами назначены исполняющий обязанности первого секретаря полпредства Э.М.Рикс и генеральный консул в Мазари-Шарифе Б.П.Постников⁴²². С афганской стороны в комиссию вошли первый помощник министра иностранных дел, бывший посол Афганистана в Москве Мирза Мухаммад-хан Яфтали, Хафизулла-хан и Али Акбар-хан⁴²³.

Западные информационные агентства и средства массовой информации, пристально следившие за развивающимся конфликтом, были удивлены, что советская сторона, даже пойдя на создание смешанной комиссии, но продолжая игнорировать требования афганского правительства о передаче острова, затем, почти внезапно, уступила. Л.Н.Старк, получив инструкцию из Москвы, 1 февраля 1926 г. подписал с М.Тарзи совместный протокол, основные пункты которого заключались в следующем:

- подтверждаются дружественные отношения обеих сторон;
- советское правительство выражает согласие освободить остров от своих воинских частей и допустить его занятие афганскими военными в пределах одного взвода;

- смешанная правительственная комиссия должна расследовать происшедший пограничный инцидент и в течение шести месяцев принять решение о принадлежности острова⁴²⁴.

4 февраля афганская печать торжественно сообщила о подписании совместного протокола⁴²⁵. После этого стало известно, что отправка афганских войск на север "прекращена", а советские летчики снова приглашены на афганскую службу⁴²⁶. Однако прошло несколько недель, а советские части не покидали остров. 18 февраля 1926 г. представители МИД Афганистана вели переговоры с исполняющим обязанности первого секретаря полномочного представительства СССР Э.Риксом о выводе советских войск с острова⁴²⁷. Вслед за этим афганская делегация прибыла в Ханабад (28 марта), собираясь 2 апреля оттуда выехать в Янги-Кала.

В это время Ф.Ф.Раскольников уже находился в Ташкенте и знакомился с материалами. На основе документов архива царского МИД он выяснил, что международно-правовое положение острова очень непростое и никаких документов, определенно устанавливающих принадлежность острова Бухаре или Афганистану не имеется. По его мнению, при принятии окончательного решения следует обратить внимание на факты, которые свидетельствуют в пользу той или иной стороны:

В пользу Афганистана:

- первое заселение острова было осуществлено афганцами;
- в течение первых двадцати лет население платило налоги афганским властям и это не вызвало возражений со стороны бухарского правительства;
- после того, как остров в начале 80-х гг. XIX в. перешел к Бухаре, афганцы неоднократно протестовали и заявляли на него права;
- правительство эмира бухарского в 1917 г. письменно выразило свое согласие передать остров Афганистану;
- реальное владение островом афганцами до 1925 г.

В пользу владения островом СССР:

- фактическая принадлежность острова Бухаре с 1880 по 1920 г., т.е. в течение сорока лет;
- плата населением острова хираджа (поземельной подати) кулябскому беку в течение всего этого периода;
- официальное согласие афганских властей на раздел острова в 1900 г., означающее, по существу, отказ Афганистана от претензий на обладание всем островом;
- аннулирование бухарским советским правительством всех актов и договоров, заключенных бывшим бухарским эмиром;
- протест бухарского советского правительства против занятия Урта-Тугая афганцами нотой от 29 апреля 1921 г.*.

В итоге Ф.Ф.Раскольников заключил, что "обе стороны имеют достаточную базу" для бесконечных дискуссий на тему о принадлежности острова. "Между тем, по его мнению, дальнейшее затягивание и раздувание конфликта, обостряя наши взаимоотношения с

---

* По свидетельству Г.В.Чичерина, после создания БНСР Ф.Ходжаев заявил протест официальному Кабулу с требованием очистить остров, однако в ответ афганцы предъявили выданный бухарским эмиром документ об уступке острова Афганистану. Правда, Г.В.Чичерин пользовался информацией, полученной из английских и афганских источников, так как сам Ф.Ходжаев не помнил, чтобы афганцы что-либо предъявляли. Г.В.Чичерин был все же склонен доверять этой информации, учитывая, что бухарский посол в Кабуле Хашим Шайк, официально уже лишенный полномочий, мог не передать этого заявления. (Проект письма Г.В.Чичерина в Политбюро ЦК ВКП(б) об Урта-Тугае. 16 июня 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.532. Л.139.)

Афганистаном, угрожает сорвать всю работу Советского Правительства, проделанную в последние годы в отношении этой страны. Ничто не наносит нашему морально-политическому престижу на Востоке большего ущерба, чем пограничные территориальные конфликты, стирающие в глазах восточных народов и их правительств всякую разницу между нами и империалистическими державами. Ввиду этого я высказываюсь в пользу передачи острова Урта-Тугай Афганистану при соблюдении следующих условий:

1. Наша делегация должна будет всесторонне обосновать историческую давность владения островом со стороны Бухары, чтобы оправдать основательность нашего первоначального отказа от восстановления status quo после занятия острова нашими постами 2 декабря 1925 г.

2. Выражая согласие "из дружеских чувств" на передачу принадлежащего нам острова, необходимо дать афганцам почувствовать всю величину делаемой нами уступки.

3. Вопрос о передаче острова Афганистану должен быть согласован нашей комиссией с правительством Таджикистана.

4. Совершенно необходимо потребовать от афганского правительства следующих гарантий: а) обязательство, что остров Урта-Тугай не будет являться базой басмачества; б) отказ афганского правительства от прямого или косвенного содействия басмаческому движению, решительное недопущение перехода из Афганистана басмаческих шаек или отдельных басмачей. Банды, перешедшие в Афганистан, должны подвергаться разоружению и удалению на большое расстояние от границы; в) обязательство афганского правительства усилить наблюдение за бывшим бухарским эмиром и его свитой с тем, чтобы решительно прекратить всякие сношения между ними и действующими на территории СССР группировками, враждебными Советскому Правительству; г) обеспечение интересов населения острова, отказ от применения репрессий к участникам недавнего восстания в пользу присоединения к Таджикистану*, предоставление жителям острова, в случае их желанья, возможности свободного переселения в СССР; д) обязательство афганского правительства не чинить препятствий реэмигрантам, желающим вернуться на родину в СССР; е) признание афганским правительством всех остальных островов, расположенных по Амударье и Пянджу, входящими в состав территории СССР"⁴²⁸.

По признанию Г.В.Чичерина, после доклада Ф.Ф.Раскольниковца первоначальный взгляд Москвы на то, "что будто бы принадлежность острова СССР является доказанной, был чрезвычайно сильно поколеблен и...даже решительно опровергнут"⁴²⁹. Существенным фактом в

* Подробнее см.: главу 7.

отношении спорного острова для Москвы стало признание, что остров не представляет для СССР ни экономической, ни военной важности. Это было заявлено на состоявшемся в Москве 3 февраля 1926 г. совещании НКВД, ОГПУ и Реввоенсовета республики. Присутствующий на совещании К.Е.Ворошилов согласился с этим выводом⁴³⁰.

Пока в Москве не познакомились с выводами комиссии Ф.Ф.Раскольниковца, руководство Туркфронта тянуло с передачей острова афганцам. Причина заключалась не только в неодобрении этого решения руководством Туркфронта, но и в негативной позиции к передаче острова со стороны Оргбюро КП(б) Таджикистана, которое, как первоначально предполагалось, должно было определить дату передачи острова Афганистану. 15 февраля 1926 г. после долгих споров Оргбюро приняло вынужденное решение: "Считать возможным очистить остров в течение 2 недель"⁴³¹. Однако это не удовлетворило ни НКВД, ни Кремль, принявших уже принципиальное решение о передаче острова и стремившихся извлечь из этого как можно больше политической выгоды. Руководству Туркфронтом было строго приказано принять все меры, чтобы к передаче острова приступить немедленно. При этом было подчеркнуто, что это "категорическое требование РВС Союза"⁴³².

Не считаясь с ранее принятым Оргбюро Таджикистана решением, 28 февраля в 9 часов утра в Кулябате, находящимся рядом с основным населенным пунктом острова - Даркадом, состоялась церемония передачи острова. Афганский отряд, состоящий из 40 солдат во главе с янгикалинским беком Абдуррахим-ханом, прибыл к месту торжественной передачи острова. Русские во главе с командиром 76-го кавалерийского полка Никифоровым и представителями погранвойск Даниловым и Сопруненко встретили его военными почестями, афганцы ответили тем же. После этой торжественной церемонии части Красной Армии перешли через Пяндж на советский берег. В Кабуле известие о занятии острова афганскими частями вызвало, как писала "Пайонир", "большое ликование по поводу счастливого окончания инцидента"⁴³³.

Волевым решением о передаче Урта-Тугая Афганистану, как, собственно, и введение войск, могли быть даны только одним человеком в Кремле - И.В.Сталиным, который, видимо, решил, что от потери одного острова мощь большого Союза не убудет, в то время как политическая выгода может быть значительной. Главным образом, вместо уступки острова предполагалось добиться от афганцев прекращения поддержки басмачей. "Правда Востока" откровенно заявила, что "в инциденте с островом Урта-Тугай мы доказали наше миролюбие и нашу дружбу. Мы вправе ожидать, что афганское правительство докажет свое миролюбие и свою дружбу, заставив бывшего эмира бухарского и его пособников прекратить их происки, мешающие таджикскому народу мирно работать"⁴³⁴.

Кремль был намерен превратить дипломатическое поражение в стратегический успех. 15 августа 1926 г. в Кабуле был подписан протокол о передаче острова Афганистану, признавший его частью афганского государства⁴³⁵. В тот же день М.Тарзи от имени афганского правительства пообещал Л.Н.Старку, что "будут приняты все меры к тому, чтобы остров Урта-Тугай не был использован враждебными СССР элементами в качестве базы для нападения на территорию СССР. В случае появления подобного рода лиц или групп на территории острова Урта-Тугай, - особо подчеркнул афганский министр иностранных дел, - они будут немедленно интернированы и отведены в глубь страны"⁴³⁶. Что касается населения острова, то ему был предоставлен шестимесячный срок для определения своего местожительства - в Афганистане или в Таджикистане⁴³⁷. После этого, 31 августа в Пагмане, летней резиденции афганского монарха, советские дипломаты достаточно легко подписали с Афганистаном пакт о взаимном ненападении и нейтралитете⁴³⁸. Подписание конвенции было найдено Кремлем необходимой платой афганцев за потерю советской стороной Урта-Тугая. Версия исследователя М.Володарского, предположившего, что СССР с самого начала осуществлял "хорошо задуманную...операцию", целью которой было подписание подобного соглашения, а "демонстративный отказ Советского Союза от прав владения островом выглядел как плата за этот договор"⁴³⁹, на наш взгляд, не находит подтверждения.

Документы российского МИД отмечают, что разрешение уртакугайского кризиса стало прецедентом, который афганцы стремились развить. В Кабуле время от времени заявляли, что если можно было разрешить проблему Урта-Тугая, то почему нельзя решить вопросы, касающиеся всей советско-афганской водной границы. В 1928 г. советский полпред заявил очередную ноту протеста афганскому правительству, в которой указал на то, что "поскольку вопрос о пограничном инциденте на острове Урта-Тугай был выделен из общего круга пограничных инцидентов и разрешен в особом порядке, ... не имеется никаких оснований для возвращения вновь к указанному инциденту или тем или иным деталям его"⁴⁴⁰. Но такая позиция СССР уже не могла удовлетворить Кабул.

Чтобы оказать воздействие на советское руководство, афганские власти вновь стали закрывать глаза на деятельность басмаческих формирований. Советская сторона была убеждена, что афганцы намеренно обостряют отношения, пытаясь на примере очередного конфликта добиться новых территориальных уступок от СССР. Действия афганцев иногда откровенно походили на шантаж. Зная серьезность ситуации в советских приграничных районах, вызванной действиями басмаческих формирований, представители афганского правительства продолжали настаивать на разрешении вопроса о прохождении

пограничной линии вдоль Амударьи-Пянджа и возвращении Кушки, откровенно заявляя советскому полпреду, что смогут найти необходимые меры для борьбы с басмачеством, "если будут возмещены нанесенные в прошлом убытки"⁴⁴¹.

ГЛАВА 7

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Советско-афганские отношения 1919-1929 гг. испытывали влияние миграции приграничного населения. Наряду с массовым уходом в Афганистан узбеков, туркменов, таджиков, бежавших от военных действий в Средней Азии, отмечалась и противоположная тенденция - массовые переселения из Афганистана в советскую Среднюю Азию некоторых этнонациональных групп. Однако как в одном, так и в другом случаях, переселенцы становились инструментом политического давления в межгосударственных отношениях.

Советские власти в первые послеоктябрьские годы видели инструмент такого воздействия в джамшидах. До 1917 г. афганские джамшиды, населявшие северо-западные районы Афганистана (примерно 4 тыс. семейств), неоднократно переселялись большими группами на российскую территорию. Наиболее крупное переселение произошло в 1908 г., когда вслед за джамшидскими ханами, из Афганистана в Закаспийскую область (ныне Туркменистан) перешли около 2,5 тыс. семей (10-12 тыс. человек) афганских кочевников, принадлежавших к этнической группе аймаков. Спасаясь от преследований афганских властей, они обратились к царским властям с просьбой принять их в российское подданство. Туркестанские власти поселили джамшидов в Закаспийской области, в районах между Кушкой и Мервом: в Сары-Язы, Имам-Баба, у станции Чемени-Бид. Афганские власти очень болезненно относились к джамшидской эмиграции в Россию из-за опасений, что устройство российскими властями тысяч джамшидов на своей территории будет воздействовать на другие этнонациональные меньшинства Афганистана, недовольные доминирующей ролью афганцев-пуштунов. Тем более, что эти переселения создавали напряжение в приграничных районах: большую полосу северного Афганистана в районе Герата джамшиды считали своими исконными территориями и стремились вызвать у русских намерение принять их в российское подданство с их землями⁴⁴².

В 1919-1920 гг. Красная Армия регулярно снабжалась мясом, которое поставляли джамшиды, проживавшие на территории советского Туркестана и сделавшие своей профессией ограбление афганских кушцов. Покупая баранов, начальник снабжения красноармейского отряда не спрашивал откуда скот, прекрасно зная, что джамшиды постоянно совершают "продовольственные операции" на афганской территории⁴⁴³. Повседневная практика продовольственных реквизиций, бытовавших в России и Туркестане, легко перекинулась и на афганскую территорию, создав соответствующую атмосферу в ее северных провинциях. Красноармейские военачальники воспринимали такие операции как неизбежные, ставшие в годы войны формой существования джамшидов, без которых они были бы разорены. Однако в связи с налаживанием дипломатических отношений с Кабулом советское политическое и военное руководство стало менять отношение к джамшидам и принимать меры против их бандитских налетов на афганскую территорию.

Если царское правительство имело ограниченные возможности для своей разведки в Афганистане и активно использовало для этих целей джамшидов, теперь ситуация изменилась. Для руководства НКВД и республиканских властей Туркестана было ясно, что джамшиды теперь мало пригодны для наступательных и разведывательных целей в Афганистане. Тем более, что советские официальные представители получили непосредственный доступ на афганскую территорию и их возможности заметно расширились. Советская дипломатия, сделав ставку на афганского монарха, который, как представлялось, противостоит англичанам, беспокоилась, что любые осложнения в Афганистане могут привести к падению режима Аманулла-хана и укреплению позиций Великобритании. В этих условиях содействовать переходу новых групп джамшидов из Афганистана на советскую территорию было не в интересах советских властей, тем более, что для их прокормления и обустройства нужны были средства, без которых они только усиливали набеги на Афганистан. Но главная опасность виделась в том, что разбойничья деятельность джамшидов может осложнить пограничные взаимоотношения с Афганистаном и отразиться на перспективах военного союза с Кабулом.

В декабре 1919 г. Ш.З.Элиава и Г.И.Бройдо, не доверяя местным пограничным и туркестанским властям, многие из которых поддерживали опасный промысел джамшидов на афганской территории и получали за это материальное вознаграждение, пытались убедить Москву, что нужно с максимальной быстротой подготовить операцию по нейтрализации джамшидов и их переселению от афганской границы. Они предлагали переселить джамшидов в пограничный с Персией серахский район⁴⁴⁴. Однако в тот период советское туркестанское руководство не решилось реализовать эти намерения, так как отношения с афганцами были неустойчивы и джамшиды могли в любое время понадобиться.

Упрочив в 1920 - 1922 гг. свое военное положение в районе Кушки, советские власти вновь вернулись к мерам ограничения джамшидской активности в пограничном районе. Внешне отношение властей к "своим" разбойникам круто изменилось: начались аресты, следствия, последовали строгие приговоры. Кроме того были увеличены продовольственные налоги и сборы. Меры туркестанских властей сказались на джамшидах, привыкших свободно пересекать границу, и ускорили переселение больших групп советских джамшидов на афганскую территорию. Однако оставшаяся на советской стороне часть джамшидов продолжала свою разбойничью практику в пограничных районах с Афганистаном.

В октябре 1922 г. произошло обычное по тому времени событие, но оно переполнило чашу терпения афганских властей в отношении бандитских налетов джамшидов и грозило резко ухудшить советско-афганские отношения. Начальник охраны афганской границы Факир Мухаммад-хан официальным письмом на имя уполномоченного НКВД в кушкинском и тахтабазарском районах Н.Г.Останина сообщил, что 15 октября 1922 г. семьдесят джамшидов, приехав на территорию Афганистана, напали на пограничный пост Колари (20 верст ю.-з. Гиришка), убив одного и ранив трех афганских солдат. При этом джамшиды забрали с собой трех лошадей, четыре винтовки, двух ишаков и угнали три отары баранов по 1000-1200 штук в каждой. Раненые афганские солдаты признали в нападавших людей из аула джамшида Шукурлы, а в одном из них брата последнего - Нуруллу (Нурака) Бейдуллаева⁴⁴⁵.

25 октября состоялось закрытое заседание служащих крепости Кушки, где обсуждался вопрос о расследовании грабежа, учиненного джамшидами в Афганистане. Было решено принять срочные меры к розыску угнанных баранов в аулах джамшидских вождей Бей Бабура, Мулла Давлята и Маткерим-бека и показать на этот раз силу власти. Был устроен показательный процесс с использованием круговой поруки: в один аул было согнано все конфискованное у джамшидов стадо в надежде, что те джамшиды, которые не принимали активного участия в угоне скота, не желая нести за них ответственность, тотчас же выявят виновников⁴⁴⁶. Обычно такой метод воздействия оказывался действенным, но на этот раз он не принес успеха. После пяти дней розыска угнанных баранов ни Особому отделу, ни милиции ответа получить не удалось. В то же время уполномоченный НКВД Н.Г.Останин получил агентурные сведения, что среди джамшидов начались ссоры из-за дележа награбленного.

Туркестанским властям ничего не оставалось, как в конце октября 1922 г. приступить к осуществлению давно обещанных жестких мер в отношении джамшидов: в районе Чемени-Бида был выставлен постоянный кавалерийский разъезд, который должен был не допускать перехода джамшидами границы; к переселению в район Серахса были

намечены аулы, находящиеся под влиянием джамшидского вождя Шукурлы (всего около 400 кибиток)⁴⁴⁷. К сожалению, не удалось обнаружить в архивах материалов, раскрывающих то, как это происходило. Известно только, что 10 ноября 1922 г. выселенная часть кушкинских джамшидов прибыла в Серахе⁴⁴⁸. Однако основательно здесь поселиться они не смогли, не найдя свободных земель и встретив недовольное отношение местных туркменов. Поэтому в 1923 г. состоялось их новое переселение, теперь уже вместе с находившимися в районе Серакса белуджами, в район Теджена (были переселены 1100 кибиток, из которых 700 кибиток белуджей и 400 джамшидов). Материальная и финансовая помощь, обещанная ТуркЦИКом переселенцам, осталась не выполненной. На новых землях вновь возникли трения с местными туркменами⁴⁴⁹.

Крупные переселения, проводимые властями, оказались в тесной связи с процессом национально-территориального размежевания в Средней Азии, всколыхнувшим националистические проявления. В частности, после переселения в Туркмению отдельных племенных групп из Афганистана и белуджей под руководством Керим-хана из Персии, туркменские республиканские власти приняли 8 октября 1924 г. решение о необходимости обратного выселения не только белуджей, но и переселенных в район Теджена джамшидов. Лишь вмешательство ТуркЦИКа и полномочного представительства ОГПУ, строго указавшего на то, что подобные мероприятия находятся “в компетенции более авторитетных учреждений”, сняло возникшее напряжение⁴⁵⁰.

К началу 1924 г., после выселения из кушкинского района основной части джамшидов, в Чемени-Биде оставалось еще до 100 кибиток и 30-40 джамшидских кибиток у Тахтабазара⁴⁵¹; оставшиеся джамшиды продолжали разбойничьи нападения на афганскую территорию. Представитель НКВД в Средней Азии И.Э.Герман считал, что раз удалось переселить 1100 кибиток, то 150 не составят особого труда. По его мнению, с выселением джамшидов занятые ими земли можно будет передать кушкинским крестьянам, затратив необходимые средства на орошение этих земель (по данным И.Э.Германа, джамшиды к 1924 г. занимали около 100 десятин поливных и такое же количество богарных земель)⁴⁵². В письме Г.В.Чичерину он писал, что центр должен помочь Туркестанской республике переселить “белуджей и джамшидов, чтобы раз и навсегда покончить с этим вопросом, иначе набег в районе Кушки никогда не прекратятся”⁴⁵³. Предлагал свои варианты переселения и консул в Герате П.А.Соколов: выселить джамшидов “куда-нибудь под Оренбург или на северный Кавказ” и создать особые суды в районе Кушки для быстрого разбора дел по ограблению и угону скота⁴⁵⁴. В то же время советские органы не были намерены выселить джамшидов обратно в Афганистан, считая, что эта “негосударственная мера не сможет дать

желательных результатов", ибо тогда придется "считаться с усилением набегов на нашу территорию"⁴⁵⁵.

Афганские пограничные власти, стремясь лишить советскую сторону возможности давления на официальный Кабул, усилили в кушкинском районе агитацию за возвращение джамшидов в Афганистан. Этому способствовал и вступивший в 1924 г. в силу "Устав об эмигрантах", в соответствии с которым возвращающимся в Афганистан земля предоставлялась на льготных условиях или даже бесплатно; они на 6 лет освобождались от воинской повинности и на 3 года - от уплаты налогов. Правда, главная цель этих мероприятий заключалась в том, чтобы удержать у себя туркмен-эрсаринцев, а также жителей Восточной Бухары, перешедших в Афганистан из районов, охваченных басмаческим движением.

Туркестанские власти находились в двойственном положении. Возможный исход жителей в связи с зазываниями к себе афганского правительства представлялся опасным явлением, грозящим запустением пограничных районов Бухарской республики⁴⁵⁶. Однако афганские этнонациональные группы обычно стремились переселиться на советскую территорию в те районы, в которых и без того был недостаток свободных земель. В 1926 г., несмотря на противодействие советской пограничной охраны, из Афганистана в кушкинский район, в поселок Чемени-Бид, перекочевало 55 семейств хазарейцев и джамшидов. В результате, на 1 января 1927 г. в Чемени-Биде на 380 семейств джамшидов и хазарейцев имелось лишь 500 десятин годных для обработки поливных земель. Поэтому политика привлечения джамшидов в кушкинский район стала невыгодной и с точки зрения хозяйственно-экономического освоения этого района. Кроме того, советское руководство подозревало, что афганцы допускают переход джамшидов в кушкинский район в надежде, что его население, в значительной мере состоящее из афганских выходцев, инициирует проведение плебисцита по вопросу о присоединении района к Афганистану⁴⁵⁷.

Национально-государственное размежевание, осуществленное Кремлем в Туркестане, не могло не оказать влияния на политическую ситуацию в северных районах Афганистана, преимущественно населенных этническими общностями, родственными коренным жителям советских республик Средней Азии. Хотя руководители среднеазиатских республик сделали по совету Москвы ряд заявлений о желании строить добрососедские отношения с Афганистаном и Персией, как показали ниже описываемые события, сам факт обретения государственной формы у народов, не имевших до этого своих государственных образований (за исключением узбеков), воздействовал на этнонациональные общности по другую сторону Амударьи и усилил центробежные тенденции на севере афганского государства. Великодержавная политика афганцев

(пуштунов), а также злоупотребления эмирских чиновников придали этим тенденциям дополнительный стимул.

В 20-х годах среди таджиков, населяющих левый берег Пянджа, почти ежегодно весной вспыхивали волнения на почве недовольства распоряжениями афганских властей и их фискальной политикой. В марте-апреле 1925 г. подобные события вновь имели место и, в силу ряда причин, о которых сказано ниже, выплились в серьезное восстание и привели к эмиграции большой группы афганских таджиков на советскую территорию.

2 апреля таджикское население афганского Шугнана и Рушана восстало. Во главе мятежа, в котором уже в первые дни приняло участие до 3 тыс. человек, оказались таджикские старейшины Махрам Бек, Кудрет Бек, Лешкер Бек, Мухаммад Сеид, Назар Ходжа, Давуд Ходжа и Абдул Касым. Восставшие арестовали шугнанского правителя, когда тот появился в селении Шодвудж с мирзой и зякегчиями для очередного сбора податей⁴⁵⁸. 3 апреля около 800 человек, имевших при себе всего 20-30 винтовок устаревшего образца, осадили крепость Кала-и Бар Пяндж. Однако в ночь на 13 апреля гарнизон крепости сделал удачную вылазку и, зайдя в тыл восставшим, неожиданно напал на них. После двухчасовой перестрелки, в которой, по данным уполномоченного НКВД в Узбекистане А.А.Знаменского, с обеих сторон погибло до 30 человек, таджикское население Рушана и Шугнана, опасаясь репрессий афганских властей, снялось со своих мест и с семьями, скотом и прочим имуществом, перешло на советскую сторону⁴⁵⁹. Со времени перехода в 1908 г. на территорию императорской России джамшидов это была крупнейшая эмиграция из Афганистана: до 2 тыс. семей перешло в Таджикскую АССР⁴⁶⁰.

Представители НКВД в Душанбе и на Памире, а также советские пограничные власти задолго до разразившихся в Афганистане событий знали о готовящемся восстании. Еще весной 1924 г. группа афганских таджиков обратилась к советским властям в Хороге с прошением "принять ...всех в подданство СССР и тем помочь...избавиться от притеснений и насилий афганцев", в чем, как свидетельствует архивный источник, получила тайную поддержку советской пограничной администрации⁴⁶¹. Правда, официального и ясного ответа дано не было. Это, по сообщениям источников, в 1924 г. сдержало уже готовое разразиться восстание против афганской администрации Шугнана и Рушана.

Через год, 28 марта 1925 г., в Хороге под председательством начальника памирского отряда, одновременно являвшегося агентом

* По официальным данным на советскую сторону перешли примерно 6-7 тыс. человек. Сами таджики называли цифру 8 тыс. человек. (Прошение афганских таджиков к руководству Таджикской АССР. Перевод с персидского.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.53.)

НКВД, Дубровского состоялось секретное совещание с участием лиц, возглавлявших партбюро ВКП(б) на Памире, Облревком и Особый отдел. На совещании была выработана советская позиция в отношении возможного мятежа в северных провинциях Афганистана. Участники совещания посчитали необходимым "через неофициальных лиц" разъяснить таджикам, что Афганистан является дружественной для СССР страной и всякие волнения и беспорядки могут лишь ослабить нынешнее афганское правительство, "привести к торжеству английского империализма в этой стране". Отличное от остальных мнение на совещании высказал начальник Особого отдела Герасимов, считавший, что власть Аманулла-хана в Афганистане ослабла и в любое время может быть свергнута английскими ставленниками, а потому, по его мнению, "не пора ли подумать об объединении Автономной Горно-Бадахшанской области с афганским Бадахшаном". Чтобы его точно поняли, он подчеркнул: необходимо "наше вмешательство на стороне повстанцев". (Позднее, когда восстание таджиков в Афганистане будет подавлено, начальник памирского отряда не забудет донести в центр об этой позиции начальника Особого отдела)⁴⁶². В целом, решения совещания оставляли двойственное впечатление и возможность разных трактовок. Хотя было признано, что не следует допускать таджикского переселения на советскую территорию (Горно-Бадахшанская область переселена, а для устройства беженцев в других районах Таджикистана необходимы средства), однако все участники совещания согласились с тем, что подобные разъяснения следует давать так, чтобы не погасить "симпатии афганского населения к советской власти"⁴⁶³.

29 марта 1925 г., за четыре дня до начала восстания, в Хорог прибыла делегация от афганских таджиков-жителей Шугнана и Рушана* и заявила о желании провести "переговоры о советском содействии для подготовленного шугнанскими и рушанскими таджиками выступления против Афганистана"⁴⁶⁴. Таджики заявили: "Мы надеемся, что Вы отберете от захватчиков - афганцев наши земли и возвратите их нам с тем, чтобы мы спокойно и без всяких тревог трудились на них, как равноправные граждане Союза"⁴⁶⁵.

В открытом приеме таджикской делегации, как и требовали решения хорогского совещания, было отказано. Уполномоченный НКВД в Узбекистане А.А.Знаменский по прошествии времени, в августе 1925 г., сообщил руководству НКВД, что таджикам через доверенных лиц якобы "было дано разъяснение о полной опасности и бесцельности вооруженной борьбы в настоящих условиях"⁴⁶⁶. Однако он скрыл от московского начальства, что еще 17 июня 1925 г. получил секретное

* Возможно, это был уже не первый приезд в Хорог делегации афганских таджиков. Известно, что до начала восстания в Хороге побывали одна за другой три таджикские миссии. (Выписка из доклада памирского агента НКВД Дубровского от 25 июля 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.138.)

донесение от ответственного секретаря Оргбюро КП(б) Таджикистана Толпыго, в котором тот передал подлинные слова, сказанные в Хороге таджикам: "Сейчас им помощи ждать нельзя, но если они сами восстанут против афганцев помощь будет дана" (такое же сообщение было получено и председателем Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) И.А.Зеленским)⁴⁶⁷.

Сам Дубровский признает, что, не приняв таджикскую делегацию, он, тем не менее, поручил начальнику Особого отдела памирского агентства НКВД Герасимову встретиться с таджиками и отговорить делегатов от крайних шагов⁴⁶⁸. Однако по свидетельству таджикских делегатов, план будущего восстания против афганцев получил достаточно ясную поддержку как у начальника Особого отдела (одновременно являлся членом областного Ревкома и бюро ВКП(б) на Памире), так и у "всех советских служащих, с которыми они встретились"⁴⁶⁹. (В частности, таджики указали на Сайфулло, который был председателем Ревкома Автономной Горно-Бадахшанской области и членом бюро ВКП(б) на Памире)⁴⁷⁰.

Советские таджики не просто сочувствовали беженцам, но стремились активно помогать им. Некоторые из них еще во время восстания переправлялись с оружием в руках в афганский Шугнан на помощь повстанцам. Представители местных властей, имевшие родственников на афганской территории, прямо или косвенно выражали свое сочувствие повстанцам. Вследствие этого советские пограничники не смогли вовремя закрыть государственную границу и не допустить перехода тысяч афганских беженцев в СССР. Лишь позднее начальник памирского отряда Дубровский стал высылать войсковые разряды на границу, чтобы воспрепятствовать переходу вооруженных людей и намерению афганских таджиков устроить в советской приграничной полосе повстанческую базу для дальнейшего развития восстания⁴⁷¹.

Памирский агент НКВД Дубровский, судя по всему, сыграл в событиях специфическую роль. До того, как поручить Герасимову встретиться с таджиками, он решил "хотя бы косвенно дать понять старшим пограничным афганским властям о возможности серьезных событий в этих районах". Примерно за неделю до начала мятежа в открытом циркулярном извещении об образовании на Памире Автономной Горно-Бадахшанской области было указано, что "по имеющимся в Агентстве сведениям афганское население приграничного района, как и весной прошлого года..., имеет желание переселиться на нашу территорию"⁴⁷². Таким образом советский дипломатический представитель на Памире, с одной стороны, через своих помощников поощрял антиафганское выступление на северо-востоке Афганистана, с другой, пытался заранее предупредить афганские власти о его подготовке.

Афганцы получили из советского официального извещения ту информацию, на которую рассчитывал Дубровский, так как уже в первые дни восстания были предприняты меры, чтобы не допустить связи восставших с советскими властями. По свидетельству Дубровского, когда на второй день после начала восстания (3 апреля), он получил письмо от таджиков на свое имя, оно уже было вскрыто⁴⁷³. Однако, на наш взгляд, следует подвергнуть сомнению явно показную осторожность Дубровского в том, что он сделал лишь намек афганской стороне о готовящемся мятеже. В действительности, архивные документы свидетельствуют, что афганские власти вслед за этой уловкой Дубровского получили от него (в первые же дни мятежа и, определенно, до перехода таджиков на советскую сторону) достаточно полную информацию о восстании. С этого времени началась тайная от восставших таджиков переписка советских властей на Памире с афганскими пограничными властями. Характерно, что об этом факте, который весьма неслестно характеризует советскую позицию в конфликте, стало известно и восставшим: в одном из обращений "К братьям свободной республики, Памирскому отряду" они откровенно сообщили, что к ним попала корреспонденция афганских военных властей и "пакет" ...на имя Дубровского, который они не вскрыли⁴⁷⁴. Лидеры таджиков, пытаясь мобилизовать силы на борьбу с афганскими правительственными частями, не знали, что с первых шагов восстания были обречены на поражение не только из-за превосходящих сил кабульского правительства, но и ввиду двойственной, по существу, предательской позиции советских памирских властей.

Лишь в какой-то мере позицию советских пограничных властей в конфликте оправдывало то, что у них были подозрения в организации "таджикского восстания" англичанами, которые якобы намеренно подогревали таджикские волнения, стремясь затем разоблачить перед афганским эмиром тайные происки Советов. Действительно, уполномоченный НКВД в Узбекистане А.А.Знаменский получил сообщение о том, что накануне восстания таджики получили какое-то количество оружия от англичан, замеченных в Шугнанах под видом охотников⁴⁷⁵. Кроме этого, из тайной переписки с афганцами Дубровский понял, что они хорошо осведомлены о подробностях хода восстания, его подготовке и о занятой агентством позиции по отношению к восстанию. Он был уверен, что среди повстанцев действуют афганские или английские шпионы⁴⁷⁶, а сама тайная переписка организована для того, чтобы в нужный момент разоблачить советскую сторону, поддерживающую восставших таджиков. Анализ документов, характеризующих этот сюжет, приводит к выводу, что сам Дубровский хотел, чтобы его позицию поняли только так: стремясь не попасть в расставленные сети, он был вынужден сообщать афганцам достаточно точную информацию о восставших. Однако версия о преднамеренной

роли англичан в подготовке восстания и, тем более, непосредственного руководства им, была вскоре отвергнута самим же памирским агентом НКВД после того, как выяснилось, что часть оружия действительно приобреталась восставшими от приезжих английских офицеров, которые тогда продавали "оружие кому угодно". Тем более, что это были в основном "шугнанские самодельные ружья"⁴⁷⁷.

Прошел один, затем другой месяц пребывания афганских беженцев на советской территории, однако памирские власти не давали ответа на их обращения об оказании помощи. В то же время между советскими приграничными властями и афганской администрацией Шугнана и Рушана шла активная переписка. Афганцы заняли жесткую позицию, уверенные в том, что советская сторона будет не в силах прокормить большое количество беженцев, и они окажутся в затруднительном положении. Однако затем афганцы сменили тон своих заявлений. По приказу эмира был снят с должности прежний бадахшанский правитель и назначен новый. В Кабуле поняли, что нахождение большого количества афганских беженцев на советской территории, которые откровенно требуют от советских властей оружия для возвращения своих земель, становится опасным.

2 мая в район Шугнана и Рушана прибыла правительственная комиссия, которая должна была урегулировать кризис, наказать для острастки виновных чиновников и создать условия для возвращения беженцев в Афганистан. Однако первые призывы не получили у таджиков отклика. Видимо, под давлением афганцев Революционный комитет Горно-Бадахшанской Автономной области решил провести собрание среди беженцев, чтобы побудить их вернуться в Афганистан. Такое собрание состоялось 5 мая 1925 г., на которое были приглашены и представители афганских пограничных властей. Лишь после оказанного давления основная часть афганских таджиков решила вернуться на родину. В середине мая около 700 семейств, составлявших, по свидетельству Дубровского, 80-85% таджикских беженцев, перешли границу Афганистана и направились к родным кишлакам⁴⁷⁸.

Однако таким поворотом событий оказались недовольны лидеры восстания, возвращение которых в Афганистан было запрещено эмиром. Они составили обращение ("Приговор"), которое подписали 190 человек, и, вручив его старейшинам, направили их в Душанбе⁴⁷⁹. 15 июня депутация афганских таджиков во главе с Махрам-беком прибыла туда. С ними встретился ответственный секретарь Оргбюро КП(б) Таджикистана Толпыго. Письменные и устные заявления таджикских делегатов не оставляли сомнения в том, что они настаивают на оказании "помощи оружием для изгнания афганцев из пределов Шугнана", как и было, по их словам, обещано советскими пограничными властями.

Партийное руководство Таджикистана не хотело принимать самостоятельных решений без ясных директив Москвы или ее

представителей в республике. По этой причине обсуждавшиеся Исполнительным бюро и Оргбюро КП(б) Таджикистана вопросы об отношении к шугнанскому восстанию в период, когда оно еще только готовилось, не привели ни к каким решениям, кроме протокольной записи: "...запросить директивы из центра и изучить вопрос глубже"⁴⁸⁰. В результате такой позиции республиканские власти оказались перед свершившимся фактом, когда на их территорию, и притом в самый бедный ее район, эмигрировало до 8 тыс. человек из Афганистана, для которых была необходима продовольственная помощь⁴⁸¹.

Руководство КП(б) Таджикистана, учитывая позицию НКИД, не считало возможным выполнить требование таджикских старейшин и дать им просимую помощь оружием. Оно предложило центральным органам переселить оставшихся беженцев в те районы республики, где имеется достаточный запас свободных земель, прежде всего в хлопковые. В этом случае, по мнению Толпыго, эмигранты из Шугнана "составили бы хороший оплот для нашей работы в том районе, куда они переселятся", а через них будет поддерживаться советское влияние и в афганском Шугнани⁴⁸².

Москва поддержала проект расселения оставшихся беженцев на свободные земли в Таджикистане, подальше от афганской границы⁴⁸³. Им была предоставлена возможность "заняться земледелием" для чего были отведены участки земли на территории Таджикской АССР. Для финансирования этого проекта были использованы те незначительные суммы (10-15 тыс. рублей)⁴⁸⁴, которые отпускались Таджикистану на обустройство и оказание помощи таджикским реэмигрантам.

Возвращение таджикских беженцев в СССР, начавшееся после восстания 1925 г., все же было незначительно. Если в течение первой половины 20-х гг. из Таджикистана (в основном из кургантюбинского и кулябского районов) эмигрировало в Афганистан 246 тыс. человек (44 тыс. хозяйств), что составляло 60% от всего населения Восточной Бухары, то к весне 1926 г. на территорию Таджикистана вернулись около 18 тыс. человек (4,5-5 тыс. хозяйств)⁴⁸⁵.

За исключением памирских таджиков, несколько лет подряд стремившихся к переселению в СССР, эмиграция и реэмиграция в советские пределы на других участках советско-афганской границы была менее значительна. В то же время советское руководство рассматривало возвращение населения в Среднюю Азию как фактор большого политического значения, который должен показать остальному миру, что условия жизни в СССР изменились к лучшему, а советский строй стал привлекательным для тысяч бывших соотечественников. Чтобы способствовать реэмиграции населения, правительство СССР объявило об амнистии возвращающимся к мирной жизни выходцам из Туркестана и Бухары, а также родовым басмачам. Состоявшееся 5 июля 1925 г. в Ташкенте межведомственное совещание представителей НКИД, ОГПУ и

Особой комиссии по пограничным вопросам, обсудило вопросы об условиях пропуска имущества реэмигрантов на советскую территорию и признало необходимым разрешить беспрепятственный пропуск всех предметов, входящих в состав хозяйства эмигрантов, т.е. скота, орудий производства, инвентаря, предметов домашнего обихода, продовольственных запасов⁴⁸⁶. Лишь в отношении оружия меры оставались жесткими: "Оружие огнестрельное при переходе отбирается, в отношении же туркмен-реэмигрантов таковое пропускается беспрепятственно в количестве одной винтовки и двухсот патронов на семью и регистрируется, заносится в книгу для учета, анкету пункт 11 и в удостоверение реэмигранта"⁴⁸⁷. Было объявлено, что реэмигрантам "предоставляются для трудового землепользования те земли, на которых они работали до ухода в Афганистан"⁴⁸⁸.

Несмотря на принятые меры, большого потока возвращающихся эмигрантов по среднеазиатской границе не наблюдалось. Это явление противоречило существующим в тот период официальным представлениям: считалось, что основная масса эмигрантов бежала в Афганистан либо от гражданской войны, либо в результате непродуманной политики советских властей, и теперь, безусловно, стремится вернуться на родину. Советские власти были уверены, что эмигранты в Афганистане разоряются и их основная масса - это беднота и батраки имеет "естественное инстинктивное тяготение к нам в соответствии с теорией классовых отношений". Считалось также, что большинство эмигрантов являются скотоводами, которые значительную часть времени пасут скот на пастбищах в пределах СССР, а следовательно, готовы окончательно перейти на советскую сторону, однако их возвращению препятствуют как беки и ханы, которые боятся потерять в племенной массе свою главную политическую и экономическую опору, так и афганские власти, которые не хотят этого по экономическим и политическим причинам.

В 1928 г. исполняющий обязанности уполномоченного Наркоминдел в Туркменской ССР Л.П.Немченко в докладной записке на имя Л.М.Карахана вынужден был признать, что "мы ничего не знаем ни о хозяйственном положении эмиграции, ни о новых экономических связях, ни о количестве уведенного и сохранившегося скота, ни о размерах посевной площади"⁴⁸⁹. На примере одного из ведущих в экономическом отношении округов Туркмении, керкинского, он проанализировал состояние эмиграции в Афганистане. По его данным, только из керкинского округа эмигрировало 11376 хозяйств (около трети населения округа), из которых 4230 хозяйств были скотоводческо-земледельческие и они увели с собой более половины всего скота, находившегося в округе.

Расселение эмигрантов в Афганистане, по данным Л.П.Немченко, имело определенную тенденцию, особенно характерную для эмигрантов-

туркмен. Основной принцип расселения - среди сородичей, натурализовавшихся в Афганистане много лет назад, причем афганские туркмены образовывали как бы внешнее кольцо поселений, а эмигранты селились внутри него. Кроме этого, семьи одного рода или близкие по племенной генеалогии поселялись рядом. Туркмены расселились в Афганистане двумя большими группами. Первая группа поселилась в районе Андхой - Карамкуль - Давлстабад - Джелагор, вторая - в районе Шибирган - Ахча - Мазари-Шариф. В этом также имелась своя глубокая хозяйственная целесообразность. Первый район изобилдовал водой, пахотными землями, сезонными пастбищами и был расположен вблизи советской границы. Здесь поселилась большая часть скотоводов, особенно каракулеводов, для которых сезонный выпас скота на советской территории являлся хозяйственно необходимым, и часть земледельцев. Второй район, более бедный водой, но имеющий некоторый запас неиспользованных земель, более или менее обширные пастбища - здесь поселилась другая часть земледельцев и меньшая часть скотоводов.

Переселенцы получили в Афганистане земельные наделы, за несколько лет эмиграции образовали целые кишлаки, возвели мечети и начали более или менее нормальную хозяйственную жизнь. В течение 20-х гг. они вошли в систему местного хозяйственного оборота, оказались связанными с новыми рынками. Немченко считал, что реэмиграция потребует от них разрыва сложившихся хозяйственных связей, а следовательно, большинство из них вряд ли теперь рискнет на такой шаг. Тем более, что афганское правительство принимало деятельное участие в обустройстве эмигрантов, стремилось закрепить их в Афганистане. По данным Л.П. Немченко, в 1925-1927 гг. Кабул ассигновал на эти цели 600 тыс. рупий. Районам Андхой и Мазари-Шарифа с расположившейся здесь основной массой узбекских и туркменских эмигрантов афганское правительство уделяло большее внимание, чем, например, Шугнану и Рушану. Поэтому, на вопрос, есть ли у афганской эмиграции более сильные экономические предпосылки для возвращения в советскую Среднюю Азию, автор секретного доклада в НКВД СССР признавал, что "на этот вопрос приходится давать отрицательный ответ"⁴⁹⁰.

К 1928 г. из 11376 хозяйств, эмигрировавших из керкинского округа Туркмении, обратно вернулись около 2200 хозяйств, т.е. 20% от числа эмигрировавших, приведя с собой, по самым оптимистическим данным, не более 7% угнанного скота. В СССР возвращались лишь те из эмигрантских хозяйств, которые в Афганистане совершенно разорались и которым нечего было терять: одни в надежде восстановить в СССР свое хозяйственное благосостояние, другие, спасаясь от кредиторов или байской кабалы. Материальное состояние вернувшихся, на примере керкинского округа Туркменской ССР, достаточно исчерпывающе характеризует (см. табл. 2).

К концу 20-х гг. те, кто желали вернуться в СССР, уже вернулись, но подавляющее большинство из них составляла в буквальном смысле "безлошадная" беднота.

В 1927-1928 гг. были отмечены новые переселения как на советскую территорию, так и в Афганистан из СССР. Главными причинами новой, хотя и не столь значительной как в предыдущие годы, эмиграционной волны стали происшедшая в 1927 г. засуха, введение в 1928 г. водного налога и призыв коренного населения в армию. На эмиграцию сарыков из рода херзык повлияло то, что в районном аппарате власти оказалось засилье представителей рода сухты, в результате чего обострились взаимоотношения херзыкинцев и сухтинцев⁴⁹¹. Активно содействовали этому переселению лидеры туркменской эмиграции в Афганистане Каушут-бай и его сын Мулла Клыч, которые вели среди населения тахтабазарского района активную агитацию за переселение⁴⁹².

ТАБЛИЦА 2

МАТЕРИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ
ВЕРНУВШИХСЯ В СССР ЭМИГРАНТОВ

Год возвращения эмигрантов в СССР	Количество скота в среднем на одно хозяйство:		
	баранов	верблюдов	лошадей
1925	24	0,75	0,75
1926	7	0,4	0,4
1927	20	0,3	0,5
в среднем	16	0,5	0,5

Следует обратить внимание на то, что новый этап эмиграции из СССР совпал с попытками советской власти развернуть процессы коллективизации сельского хозяйства, которые, как известно, непросто воспринимались и в самой России. Многие таджики, узбеки и туркмены бежали в Афганистан и присоединились к своим родам. По оценкам западных историков, к началу 30-х гг. в результате новой волны в Афганистан эмигрировали более 50 тыс. человек⁴⁹³. В то же время, вместо массовой реэмиграции по среднеазиатской границе, СССР имел лишь постоянное движение мелких племенных групп и даже одиночных дехкан, разорившихся в соседней стране.

Несмотря на попытки советской дипломатии заключить с афганскими властями специальное соглашение об эмигрантах, которое регламентировало бы их пребывание в Афганистане и условия приезда на родину, они вызвали сопротивление эмигрантов. Примеры участия

эмигрантов в работах на советской территории также свидетельствовали об основной тенденции: на строительстве пальваратского канала в керкинском округе работало до 500 рабочих-эмигрантов, но ни один из них не остался в керкинском округе на постоянное жительство⁴⁹⁴. Было ясно, что проблема возвращения эмигрантов во многом была связана с хозяйственным подъемом и ростом благосостояния населения приграничных с Афганистаном районов, а в тот период похвастать этим советская власть не могла.

Поняв провал своей реэмигрантской политики, советские пограничные власти решили применить средства воздействия на эмигрантов, создав различные затруднения, особенно в отношении условий пастбы эмигрантских стад в пределах СССР. Однако эти мероприятия оказались малоэффективны. Во-первых, они заставили эмигрантов только прочнее "натурализоваться" в Афганистане, во-вторых, дополнительные налоги на пастбу в советских пределах эмигрантского скота оборачивались лишь общим ростом цен, особенно на каракулевы шкурки. В итоге, при советской системе лимитов (жестко установленных цен на покупку афганского сырья) каракуль огромными партиями уходил в Британскую Индию.

Совершенно по-иному выглядела ситуация со стремящимися на советскую территорию семьями хазарейцев, джамшидов и других этнонациональных меньшинств. Весной 1927 г. из Афганистана в тахтабазарский район эмигрировали почти 500 семейств хазарейцев и расселились на его территории. Центральные органы Туркменской ССР оказали переселившимся помощь и содействие в обустройстве. Однако оказалось, что эти семейства были только частью реально желающих переселиться на советскую территорию (называлась общая цифра желающих покинуть Афганистан и поселиться на советской территории - 1200 кибиток).

Затем, в ноябре 1927 г. через границу в кушкинский район пытались перебраться более 600 семейств афганских подданных. Причины их эмиграции - экономическое и административное давление со стороны афганских властей, назревающий политический и экономический кризис в Афганистане. Однако советские власти были не намерены допускать такое большое количество афганских подданных и портить отношения с официальным Кабулом. Принятыми мерами около 500 кибиток были задержаны на границе и выдворены обратно в Афганистан. 116 семейств в этот период остались на советской территории, хотя Ташкент рекомендовал пограничным властям и этих эмигрантов выселить обратно в Афганистан⁴⁹⁵. У эмигрировавших в тахтабазарский район хазарейцев сложилась весьма неблагоприятная обстановка. Они попали в кабальные условия при аренде ими земельных участков у коренного населения этого района. Возникла вражда, грозившая резко осложнить межплеменные отношения. В частности, в Тахтабазаре в конце августа

1928 г. были распущены слухи, что хазарейцы намерены ограбить местное население и перекочевать обратно в Афганистан. Временно исполняющий обязанности полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии Бокша сообщил в Ташкент, что хотя проверкой эти слухи не подтвердились, ситуация такова, что это может произойти. В то же время он считал, что новый уход хазарейцев, после того, как они уже были приняты в СССР, "является совершенно нежелательным, так как в последующем это, безусловно, окажется связанным и с усилением бандитизма, и с увеличением пограничных конфликтов"⁴⁹⁶. Приходилось учитывать, что зачастую племена, ведомые своими ханами, переходили на советскую территорию в целях политического давления на афганское правительство. Несмотря на то, что власти обычно предлагали переселиться в глубь советской территории, они стремились остаться поближе к границе, дожидаясь, когда афганские пограничные власти пойдут с ними на переговоры⁴⁹⁷.

Советское руководство к концу 20-х гг. было уже не намерено поддерживать эту "политическую игру" ханов против кабульского правительства. Было ясно, что к переходу ханов со своими родами на советскую территорию толкала административная реформа в Афганистане, в результате которой они лишались прав собирать налоги с населения. Советские власти признавали, что никакой экономической выгоды эта поддержка ханов не дает, политически же прием ханов на советской территории (беднота закабалена и лишь поэтому следует за ними) "может невыгодно отозваться на наших взаимоотношениях с Афганским правительством"⁴⁹⁸.

Такая ситуация требовала серьезного переосмысления советской политики в отношении реэмиграции. Исполняющий обязанности уполномоченного НКВД в Туркменской ССР Л.П.Немченко считал, что следует прекратить деятельность специально созданной комиссии по реэмиграции, так как ее работа оказалась бесплодной, а сама она - средством вытягивания кредитов у Москвы. Кроме того, деятельность реэмигрантской комиссии во всем носила откровенно политический характер: ее члены по различным, в том числе классовым критериям, стремились "отбирать" реэмигрантов. Л.П.Немченко настаивал перед НКВД, чтобы все реэмигранты беспрепятственно принимались советской стороной и пользовались установленными льготами и помощью.

Хотя такая точка зрения оказалась неприемлемой для многих ответственных работников партийного аппарата Туркменской ССР (в первую очередь, председателя СНК Туркменской ССР К.С.Атабаева)⁴⁹⁹, осенью 1928 г. она получила поддержку союзных ведомств. В Кремле укрепилось понимание того, что надо не столько способствовать возвращению эмигрантов в СССР, сколько сделать все возможное, чтобы эмиграция в Афганистане стала более лояльной к советской власти.

Метод решения проблемы "родился" в полномочных представительствах НКВД и ОГПУ в Туркмении и был предельно прост - подкуп вождей туркменских родов. Будучи в Ташкенте, уполномоченный НКВД в Туркмении Д.Э.Скалов поделился этими планами с председателем Средазбюро ЦК ВКП(б) И.А.Зеленским и получил от него поддержку. Вскоре узбекские и туркменские республиканские власти считали, что теперь не стоит делать основную ставку на реэмиграцию в СССР "обработанных вышеупомянутым способом групп эмигрантов, а стремиться к тому, чтобы эмиграция стала лояльной к нам, оставаясь в пределах Афганистана"⁵⁰⁰. Весь вопрос сводился к наличию необходимых сумм для этих целей.

Миграционные проблемы являлись фактором, осложнявшим в 20-е гг. советско-афганские отношения, так как обе стороны долгое время стремились использовать их для достижения своих политических целей. Советские власти, с одной стороны, были намерены на примере Средней Азии продемонстрировать перед всем миром преимущества нового общественного строя и добиться возвращения покинувших ее жителей Туркестана и Бухары, с другой, опасались резко ухудшить отношения с официальным Кабулом, болезненно воспринимавшим всякие переселения в СССР. Советская эмиграционная политика, более связанная с политическими факторами, чем с реальным улучшением условий жизни населения в советской Средней Азии, в течение 20-х гг. так и не добилась заметных успехов.

ГЛАВА 8

СОВЕТСКО-АФГАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

С началом гражданской войны в России полностью прекратились официальные торговые операции на границе с Афганистаном. Советские власти как в центре, так и в Туркестане, ввиду явного недостатка промышленных товаров для собственного потребления, не могли осуществлять обмен своей продукции на афганское сырье. В свою очередь, правительство афганского эмира Хабибулла-хана, негативно оценив происшедшие в России революционные изменения и встав на путь борьбы с новым режимом в Средней Азии, перекрыло все прежние официальные торговые каналы, по которым афганское сырье и англо-индийские товары переправлялись через границу.

Вступление Аманулла-хана на эмирский трон и установление дипломатических отношений с Советской Россией не изменили ситуацию в советско-афганских торговых отношениях. Хорошо отлаженный в течение нескольких десятилетий механизм обменной торговли был грубо поломан и теперь не поддавался быстрому восстановлению, тем более, что к этому времени был успешно заменен никогда не умиравшей контрабандной торговлей. Развал российских таможенных учреждений и уход со своих постов пограничной охраны придавали любым торговым сделкам контрабандный оттенок.

Не способствовало восстановлению торговых отношений и введение советскими властями государственной монополии на внешнюю торговлю, которая противоречила прежней практике торговых операций России на афганской границе и не учитывала их особенности. Если во внешней торговле Советской России с европейскими странами государственная монополия напрямую затронула интересы крупных экспортеров, против которых, собственно, и направлялись новые условия торговли, то на восточных границах пострадавшими оказались мелкие потребители, обслуживаемые предприимчивым посредником. В силу этих причин многие афганские купцы, даже в годы мировой войны привозившие свои и англо-индийские товары на российскую территорию, были вынуждены переориентироваться на более стабильный индийский рынок.

Волевым прекращением афганскими властями торговых операций с Россией не могло не сказаться на экономическом положении самого эмирата, резко уменьшив его доходы. Аманулла-хан, по сообщению члена бравинского посольства М.И.Зибарова, унаследовал почти пустой монетный двор; последовавшая затем война с Англией не просто усугубила финансовое положение казны, а сделала ситуацию катастрофической⁵⁰¹. Зависимость экономической стабильности Афганистана от торговли его купцов с Британской Индией сильно беспокоила афганского эмира, стремившегося найти в Советской России не только политический, но и экономический противовес английскому влиянию.

Советское политическое руководство весьма дифференцированно относилось к соседним восточным странам: далеко не все из них пользовались особым вниманием Москвы. Например, Япония, считавшаяся высокоиндустриальной державой, а также Индия и центральные районы Китая, экономика которых была теснейшим образом связана с западными странами или развивалась под их непосредственным влиянием, не могли на это рассчитывать. В то же время Персия, Афганистан, Монголия, Тана Тува и ближайшие к советской России районы Китая и Турции рассматривались советским руководством как территории, где не только возможно, но и необходимо наладить регулируемый товарообмен, а через него добиться "дружбы

Востока как полезного инструмента в будущей борьбе с западным капитализмом”⁵⁰². Для этого в Москве были готовы пойти на значительные уступки, чтобы привлечь к советскому рынку восточные страны, а тем самым получить возможность оказывать на них непосредственное экономическое и политическое воздействие. При введении внешнеторговой монополии и после образования в 1920 г. Комиссариата внешней торговли (НКВТ) для этих восточных стран был сделан ряд исключений в ее применении: торговая монополия в отношении купцов этих стран не действовала строго и им было разрешено торговать непосредственно как с государственными организациями и кооперативами, так и с частниками⁵⁰³.

Однако, по сравнению с Персией, у Советской России не было в Афганистане никаких организационных структур для быстрого восстановления торговли. Советское правительство не могло здесь использовать “персидский и турецкий опыт”, когда ради тесного сближения с этими странами и демонстрации отличий своей восточной политики от той, которую проводили “западные страны”, можно было демонстративно отказаться от концессий, телеграфного оборудования и банков, которые царское и Временное правительства имели в Персии и Турции (что и было сделано при подписании советско-персидского и советско-турецкого договоров 1921 г.)⁵⁰⁴. Дореволюционная торговля России с Афганистаном всегда находилась в более худшем положении, по сравнению с ее возможностями в Персии или в западном Китае*. В прежние годы русские купцы непосредственно почти не торговали с этой страной (за исключением Закаспийской области Туркестана**), и все основные торговые операции осуществлялись через Бухарский эмират. Однако, в отличие от торговых операций Англии с Афганистаном через Индию, торговля дореволюционной России при посреднической роли Бухары так и не раскрыла свои потенциальные возможности и, за исключением отдельных лет, обычно имела пассивный баланс (см. табл.3).

* По соглашению 1907 г. Россия получила возможность хозяйничать на севере страны, не встречая английской конкуренции. Подобное положение существовало для императорской России и в западном Китае (Тибете), где ее стратегические и экономические возможности вытекали из условий неравноправного договора с Китаем 1881 г., по которому западный Китай фактически отдавался в колонию российскому торговому капиталу.

** Ныне - Туркменистан.

ТОРГОВЛЯ РОССИИ С АФГАНИСТАНОМ
В 1913-1917 гг., руб.⁵⁰⁵

Товарооборот	1913	1914	1915	1916	1917
Ввоз в Россию	6 299 030	5 325 469	7 774 574	6 782 000	1 355 900
Вывоз в Афганистан	5 946 097	4 874 152	5 227 315	2 431 000	756 000
Общий товарооборот	12 245 127	10 199 621	13 001 889	9 213 000	14 315 000
Сальдо России	-353 000	-451 000	-2 547 000	-4 351 000	-12 803 000

Ввиду преимущественно посреднической торговли на границе с Афганистаном, здесь, пожалуй, как не на каких других российских границах, бурное развитие получила контрабандная торговля, имевшая возможность на огромных, практически неохраняемых пространствах (особенно в Закаспийской области) обходить российские посты и таможенные пункты.

После введения советским правительством монополии на внешнюю торговлю и усиления тенденций к бюрократизации управления государственной собственностью налаживание торговых отношений с Востоком мыслилось советскими политиками через создание специального органа, способного направлять внешнюю торговлю со странами Среднего Востока. Решением Туркестанской Комиссии ВЦИК и ЦК РКП(б) в ноябре 1919 г. в Ташкенте был организован Отдел внешней торговли (Внешторготдел), на который была возложена практическая работа по торговым операциям советского Туркестана с сопредельными восточными странами. Уже в ноябре Отдел открыл торговые конторы в приграничных с Афганистаном селениях - в Мерве, а затем в Тахтабазаре, которые должны были стать главными торговыми центрами вблизи афганской границы. Однако незначительность финансирования и отсутствие специалистов стали причинами того, что они долгое время оставались практически бездействующими агентствами. Хотя летом 1920 г. мервская контора была реорганизована в афгано-персидское отделение при Отделе внешней торговли с подотделом в Тахтабазаре, а состав сотрудников был увеличен до 7 человек, положение изменилось мало. По этой же причине, добившись в июле 1920 г. разрешения афганских властей открыть советскую торговую контору в Герате, Отдел не сумел осуществить это мероприятие⁵⁰⁶. Отсутствие средств и, как следствие - нежелание прежних специалистов работать в подобных пунктах на афганской границе, делали лишними смысл первые начинания советских властей, несмотря на то, что период

1919 - начала 1920 гг., до начала активного басмаческого движения и обострения положения в приграничных с Афганистаном районах, был наиболее благоприятным с политической точки зрения для восстановления официальных торговых отношений.

Включение в обменные операции советских государственных торгово-закупочных организаций усложнило взаимоотношения с афганскими купцами-частниками и перекупщиками. По своей сути, это была попытка соединить в единый механизм почти несоединимые, разнородные элементы. Видимо, понимая это, Я.З.Суриц 21 октября 1919 г., еще до отъезда в Кабул, договорился в Ташкенте с генеральным консулом Афганистана, что обе стороны примут временное положение, на основании которого "афганское генеральное консульство явится передаточной инстанцией между нашими государственно-закупочными органами и афганскими купцами"⁵⁰⁷. Однако вскоре выяснилось, что подобная связка афганских купцов-частников, советских государственных закупочных организаций и официальных дипломатических представителей не только утяжелит обменную торговлю, но может превратить любые осложнения в торговых операциях, скрепленные авторитетом государственной власти той или иной стороны, в межгосударственный конфликт, как это чуть не случилось в 1920г.

23 марта заместитель заведующего Отделом внешней торговли В.П.Орлов заключил договор с афганским купцом Нур-Мухаммедовым на покупку советской стороной овечьих и козьих кож, лисьих шкур, а также овечьей шерсти на общую сумму 284540 руб. денежными знаками царского образца. По сложившимся тогда правилам, образцы товаров должны были пройти предварительную экспертизу в управлениях при Центральном Совете Народного Хозяйства (ЦСНХ). Когда образцы шерсти были представлены в туркестанское управление шерстяной промышленности ("Центрошерсть"), оказалось, что шерсть "самая обыкновенная бухарская, песчаная и невытрясенная", а согласованная купцом и Отделом внешней торговли цена "невероятно высока". Подобное заключение дал и кожевенный отдел ЦСНХ ("Центрокож"), где говорилось, что предложенный афганским купцом товар можно купить "в десять раз дешевле". В ходе переписки ведомств выяснилось, что афганский купец уже пытался договориться с "Центрошерстью", однако предложенные условия его не удовлетворили.

Так как выводы специализированных организаций бросали серьезное пятно на репутацию сотрудников Отдела внешней торговли, В.П.Орлов и управляющий делами Отдела В.Белов попытались заявить, что договор с Нур-Мухаммедовым был заключен с санкции Турккомиссии "по соображениям политического характера". Теперь уже и Турккомиссия оказалась втянутой в нарастающий конфликт, несмотря на то, что заключение, подписанное ее председателем Я.Э.Рудзутаком,

подчеркивало, что нет никаких данных, которые бы указывали на политический характер сделки. После этого решения Отдел внешней торговли был вынужден обратиться к афганскому генеральному консулу в Ташкенте как стороне, курировавшей афганского купца, с заявлением об отказе от сделки, согласившись, правда, принять шерсть, хотя ее качество было плохое. Однако ситуация была готова принять действительно “политический характер”, когда афганское консульство потребовало соблюдения условий подписанного соглашения.

В связи с разразившимся скандалом 4 июня 1920 г. в Ташкенте было созвано совещание Отделов внешних сношений и внешней торговли Турккомиссии с участием представителей афганского генерального консульства. Хотя к открытию совещания советской стороне была очевидна не только завышенная стоимость предложенного товара, но и его низкое качество, было решено “окончить дело миром и оплатить весь предложенный товар по твердым ценам”, которые существовали к моменту заключения договора, а также возместить афганскому купцу издержки, связанные с задержкой расчетов по договору. Такое невыгодное для советской стороны решение в самом начале торговых операций с Афганистаном было принято “для поддержания престижа государственной власти”, несмотря на то, что договор, по свидетельству нового заведующего Отделом внешней торговли Н. Д. Зальманова, нанес убыток государству “в несколько миллионов рублей”⁵⁰⁸. Опыт первых торговых сделок с афганцами оказался неудачным.

Предельно низкий уровень торговых операций Афганистана с Россией и советским Туркестаном в эти годы отличался от операций с эмирской Бухарой. Бухарские базары были завалены товарами англо-индийского производства, которые доставлялись через Афганистан. При закрытии торговых путей на север эмирата и в советский Туркестан бухарские каракуль, хлопок, шерсть устремились через Гиндукуш. Даже после “бухарской революции”, когда в 1922 г. урожай хлопка в Бухаре, как и в предыдущие годы, достиг 400 тыс. пуд., в Афганистан и в соседнюю с ним Индию вывозилось до 50% урожая⁵⁰⁹. В Москве и в Ташкенте были уверены, что пока афганско-бухарская граница будет открыта, любые попытки наладить торговые операции с Афганистаном обречены на провал.

Вслед за переворотом в Бухаре, который полностью совпадал с представлениями Кремля о возможности и необходимости создания единой экономической системы России, Туркестана и Бухары, только и способной, по мнению советского руководства, нормализовать торговые отношения с Афганистаном на выгодной для советской стороны экономической почве, на общей афганско-бухарско-туркестанской границе был принят ряд мер. Уже в 1920 г. вступило в действие “Временное положение об отдельной Туркестанской Дивизии пограничной охраны”, которое определило, что, “кроме выполнения

задач по боевой охране границ, Дивизия получает задания по охране границ в торговом отношении"⁵¹⁰. После создания БНСР любые торговые операции через бухарско-афганскую границу, которые стремились миновать советскую пограничную и таможенную охрану, советские власти рассматривали как контрабанду. В том же году были приняты "Временные правила о пропуске через границу жизненных припасов и других предметов домашнего и сельского хозяйства, потребных для местного приграничного населения", которые скрупулезно регламентировали ввоз и вывоз по афганской границе. Распространение этих правил привело к выпадению из афганского бюджета доходов от транзита бухарских товаров в Индию.

"Правила" определяли ограниченный провоз из Афганистана через границу жизненных припасов и других предметов домашнего хозяйства в пределах 100-верстной (в Туркмении) и 21-верстной полосы (по бухарской границе). К примеру, для ввоза разрешались 1 пуд зерна, муки, риса или рисовой крупы на человека; масло коровье и овечье, а также свежее баранье мясо не более 20 фунтов на человека; из рабочего скота - "лошадь 1 на владельца, 2 козы, овец до 5 штук"⁵¹¹ и т.д. Приграничная торговля с Афганистаном, с Персией и западным Китаем, и в дореволюционные годы не отличавшаяся большими объемами, тем не менее, никогда не знала столь серьезных ограничений. Советские туркестанские власти, в первую очередь в лице Турккомиссии, как говорится, одной рукой принимали решения о необходимости первостепенного развития торговых отношений с Афганистаном, другой, устанавливали жесткий таможенный режим пропуска через границу скота, продуктов сельского хозяйства. Официально заявлялось, что эти меры должны "ударить по частнику-капиталисту", но на самом деле они резко снижали жизненный уровень самых широких слоев населения по обе стороны границы и, в первую очередь, советского населения. Правда, эти меры оказались временными. Афганское купечество продолжало неконтролируемый и неотмечаемый статистикой, хотя и не достигший в этот период прежних объемов, обмен своего сырья и полуфабрикатов на российские и туркестанские товары, а также на российское золото и серебро.

* До Октябрьской революции функции таможенной охраны на среднесазиатской границе выполняли части VII округа Отдельного пограничного корпуса. С 1918 г. по 1920 г. роль таможенной стражи выполняли 2,5 тыс. вольнонаемных в составе двух бригад, вооруженных горными орудиями и значительным количеством пулеметов. Затем, до 1926 г., эти функции несли полевые части Туркфронта (из которых была сформирована и Отдельная Туркестанская Дивизия пограничной охраны). В 1926 г. полевые части были заменены пограничными войсками, подчиненными ОГПУ. (Подробнее см.: Пограничные войска СССР. 1918-1928. - С.575,687, 690; Чугунов А.И. Борьба на границе, 1917-1928...- С.76, 108)

В самом Афганистане в 1920 г. был принят таможенный тариф, который впервые установил единообразный пятипроцентный сбор со всех товаров, перевозимых для продажи с одного пункта Афганистана в другой. Если раньше купец должен был представлять товары на досмотр чуть ли не в каждом населенном пункте, теперь товар подлежал обложению пошлиной только один раз, а сама ставка твердо фиксировалась. Основные ставки нового тарифа как в отношении вывоза афганского сырья за границу, так и заграничного импорта были очень высоки. На ввоз иностранной мануфактуры пошлины были подняты с 5-14% до 20-30%. Вывозные пошлины были также высоки: хлопок-сырец - 20%, каракуль - 11%, кишмиш и кишки - 20% с цены. Тем не менее, вместо ранее бытовавших 12-16 разнообразных сборов, теперь был принят единый тариф, который несмотря на его переобложение, был благоприятно воспринят афганским купечеством⁵¹². Однако эти мероприятия афганских властей не смогли улучшить условия торговли на советской границе, так как стороны не заключили торговый договор. Без торгового договора афганское правительство было не намерено допускать в Афганистан советских торговых агентов. Используя это положение, афганские купцы-комиссионеры выступали монополистами в торговых операциях с Россией и шерсть, хлопок, кожи, даже в ограниченном количестве, строго закупались через них.

Договор 1921 г. содержал статью 6, которая определяла, что именно "Россия соглашается на свободный и беспошлинный транзит через свою территорию всякого рода грузов, закупленных Афганистаном как в самой России через государственные органы, так и непосредственно за границей"⁵¹³. Это была односторонняя уступка советской стороны, сделанная в политических целях. Однако ее практическое осуществление, тем более при отсутствии торгового договора, сразу натолкнулось на трудности: афганцы заявили о намерении поставлять товары из Германии в Афганистан через Петроград и просили предоставить для этого склады, куда товары могли бы поступать даже без предупреждения советских органов, а затем при наличии возможностей вывозиться в Афганистан. Однако НКВД и Наркомвнешторг РСФСР опасались, что афганцы добиваются "бесконтрольного распоряжения этими товарами" с целью спекуляции ими на советской территории, что могло подрывать государственную монополию внешней торговли, особенно в условиях голода во многих районах РСФСР. Кроме того, НКВД беспокоился, что осуществление этой статьи на практике может привести к тому, что советская сторона будет вынуждена за свой счет транспортировать афганские товары. Г.В.Чичерин считал такую "благотворительность" разорительной для России. Это укрепило советское правительство в необходимости более быстрого заключения торгового договора с Афганистаном, в котором намечался и свободный транзит через Афганистан в Индию⁵¹⁴. Однако эти планы натолкнулись на афганские

намерения получить от России лишь односторонние выгоды в ответ на то, что они согласились подписать с Москвой политический договор.

Все торговые операции на границе были тесно связаны с политическими процессами: ростом басмаческого движения, продолжающимся ухудшением криминальной ситуации. В 1921 г. из-за попыток афганцев воздействовать на процессы в Бухаре Совет Народных Назиров принял под влиянием Москвы решение о воспрещении всякой торговли через бухарскую границу, которое являлось формой давления на Афганистан. Однако это привело к фактической потере Россией и Бухарой афганского рынка. Основные афганские сырьевые товары стали еще больше уходить в Индию, в то время как на северных границах Афганистана усилилась и приобрела огромные масштабы контрабанда. В период, когда советское политическое влияние в Афганистане росло, заметным диссонансом становился низкий уровень экономических отношений.

Население приграничных с Афганистаном районов Туркестана и Бухары стремилось спастись от войны на афганском берегу, перегоняя в Афганистан сотни тысяч голов ценных каракулевых овец. (По данным С.Зашука, в тот период было угнано в Афганистан 350-400 тыс. голов каракулевых овец)⁵¹⁵. Советские власти пытались принять жесткие меры, чтобы предотвратить переход границы: Совет Труда и Обороны принял решение рассматривать имущество жителей Туркестана и Бухары, эмигрирующих в соседние восточные страны как контрабанду, которая должна изыматься.

Как ни парадоксально, но отражением неблагоприятной ситуации в приграничных районах стало временное отсутствие во второй половине 1923 г. ввозной контрабанды. Доклад термезского консульства, на примере одной из самых крупных таможен на афганской границе - паттакиссарской*, сообщал, что за несколько месяцев второй половины 1923 г. произошли изменения в структуре контрабанды: за первое полугодие 1923 г. было зафиксировано 19 случаев ее задержаний, а за второе - 47. Однако, если из 19 случаев первого полугодия ввозная контрабанда составила 2/3, то из 47 случаев второго полугодия ввозной контрабанды не оказалось ни одного. Эти 47 случаев являлись результатом задержаний имущества, бегущих в Афганистан жителей приграничных районов Туркестана и Бухары.

Только силами паттакиссарской таможни за октябрь-декабрь 1923 г. у пытавшегося уйти в Афганистан приграничного населения было задержано и изъято около 5 тыс. баранов, 60 лошадей, более 100 ишаков и 20 верблюдов. Все это оформлялось как вывозная контрабанда. При этом трудно сказать, какой процент населения реально задерживался даже на этом участке границы: по данным термезского консульства,

* Таможня находилась в селении Патта-Киссар, около Термеза.

только 50% уходящего населения и его имущества; по данным паттакиссарской таможни - 95%, а по мнению начальника пограничного отделения, - 75%. Учитывая, что паттакиссарская таможня - один из наиболее охраняемых участков границы, в то время как выше по Амударье переход был значительно легче и граница на большом протяжении совершенно не охранялась, можно представить, что происходило в эти годы на границе с Афганистаном, когда население переходило "сотнями, свободно перегоняя с собой тысячи и десятки тысяч голов скота"⁵¹⁶. Безусловно, все это не способствовало восстановлению официальных торговых отношений и отражалось на уровне отмеченных статистикой обменов.

ТАБЛИЦА 4

ТОРГОВЛЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ С АФГАНИСТАНОМ
В 1918-1923 г⁵¹⁷.

Год	Импорт		Экспорт		Общий товарооборот	
	пуд.	руб.	пуд.	руб.	пуд.	руб.
1918	7 116	-	-	-	7 116	-
1919	37 097	-	2 614	-	39 711	-
1920	2 668	-	372	-	3 040	-
1921	56 815	-	3	-	56 818	-
1922	17 359	-	3 170	-	40 000*	-
1923**	63 000	459 000	4 700	19 000	67 700	578 000

Табл.4 показывает, сколь ничтожны и непостоянны были первые официальные (или полуофициальные) торговые операции, даже с учетом того, что статистика не могла охватить все совершаемые в тот период сделки (по некоторым данным, ко всем цифрам следует набрасывать 150-200%⁵¹⁸). Торговые операции на границе с Афганистаном зависели от случайного спроса и предложения.

Недовольные советской экономической политикой как таковой восточные купцы действовали в обменных операциях, тем не менее, весомее и активнее советских торговых организаций. В то же время в советском руководстве из-за отсутствия заметных результатов восстановления торговых отношений с Афганистаном усилились представления, что, пытаясь восстановить товарообмен с Афганистаном, Россия только поощряет более зажиточное, чем туркестанское и

* Данные за этот год в пудах даются в округленных цифрах.

** Данные за первую половину 1923 г.

бухарское приграничное население, афганское купечество, что следует восстанавливать торговые отношения на принципах, которые соответствуют советской экономической политике, вплоть до отказа от предоставления Афганистану и его соседям режима особого благоприятствования в торговле. В Москве и в Ташкенте периодически получало преобладание отношение к афганскому мелкому и среднему торговцу как классово враждебному элементу, который следует "выбить" из торговли, или, по крайней мере, нейтрализовать. Хотя по политическим соображениям советские власти не смогли полностью реализовать эти намерения, время от времени возникавшее превалирование такого подхода приносило обеим сторонам большой экономический и политический ущерб, а приграничное население беднело.

Более быстрые изменения в двусторонних торговых отношениях стали возможны после корректировки советскими властями своей экономической политики, перехода от жесткой политической и экономической диктатуры к либеральным смешанным формам, к созданию рычагов НЭПа. С осени 1923 г. торговля с Афганистаном постепенно начинает принимать черты правильного товарообмена. К этому времени советское руководство в основном преодолело внутренние разногласия по вопросу об отношениях с восточными странами и в декретах Народного комиссариата внешней торговли за 1923/1924 гг. стала развиваться сформулированная Лениным еще на II-ом Конгрессе Коминтерна мысль о том, что слабое развитие промышленного пролетариата на Востоке не должно быть причиной для откладывания развития здесь советской экономической и политической системы⁵¹⁹.

Изменения происходили и в афганской позиции по вопросу о торговых отношениях с Советской Россией. До 1923-1924 гг. Афганистан почти не производил легальных торговых операций с Советской Россией, наряду с ранее отмеченными причинами, и по политическим соображениям: из-за продолжавшейся гражданской войны во многих районах Средней Азии и поддержки афганским правительством басмаческого движения. Гибель Энвер-паши и разгром Красной Армией многих басмаческих отрядов ускорили сдвиги в позиции афганцев по торговле с Советской Россией.

Как в Москве, так и в Ташкенте началось формирование государственных органов для практической организации торговли и выработки экономической политики в отношении восточных стран. С этой целью в декабре 1922 г. в Москве была создана Российско-восточная торговая палата со своими региональными отделениями (в частности, среднеазиатским в Ташкенте). После приезда в Москву в августе 1923 г. афганских купцов, занимавшихся торговлей кожами и каракулем⁵²⁰, палата, возглавляемая А.М.Лежавой, добилась заключения первой официальной сделки более чем на 500 тыс. рублей золотом для покупки в

Афганистане 24 тыс. пудов шерсти. В обмен на шерсть афганцы закупили советский текстиль, сахар, спички и нефтепродукты. Палате также удалось добиться кредитования Госбанком афганских купцов на сумму в 250 тыс. золотых рублей⁵²¹. Это обеспечило первый за послевоенные годы заметный товарооборот двух стран (см. табл. 5).

Хотя сальдо Советской России в торговле с Афганистаном продолжало оставаться отрицательным (в 1923/1924 гг. - 1241200 руб., в 1924/1925 гг. - 883406 руб.) оно, если сравнить с данными таблицы 3 за период 1913-1917 гг., в целом было типичным для последних лет, а в цифровых показателях выглядело даже лучше, чем в период мировой войны. Вместе с тем по отношению к 1913 г. общий товарооборот России и Афганистана 1923/1924 г. составил лишь 12% довоенного уровня.

ТАБЛИЦА 5

ТОРГОВЛЯ СССР С АФГАНИСТАНОМ В 1923-1925 г⁵²²

Годы	Импорт		Экспорт		Общий товарооборот	
	пуд.	руб.	пуд.	руб.	пуд.	руб.
1923/1924	178 181	1 358 000	33 852	116 800	212 033	1 474 800
1924/1925	157 137	1 148 201	66 619	264 795	223 756	1 412 996

Представительство НКВТ в Средней Азии, до этого времени уделявшее меньше внимания работе на внешних рынках и сосредоточившее свою деятельность в основном в пределах советской Средней Азии, пошло в конце 1924 г. на создание первых торговых агентств на афганской территории (до 1924 г. коммерческие агентства Госторга РСФСР, а затем и Наркомвнешторга СССР существовали в Хорасане и китайской Кульдже). В Афганистан были командированы первые советские торговые агенты, стал создаваться аппарат торгпредства в Кабуле, появились торговые агенты в Герате и Мазари-Шарифе, позднее, в 1925-1926 гг., в Маймана. Кроме того были созданы пограничные агентства на советской территории в Термезе, Керках и Кушке⁵²³. Правда, советские торгпредства, а затем и банкостолы существовали в тот период при дипломатических представительствах фактически на нелегальном положении, так как не был подписан торговый договор между странами, хотя афганское руководство и знало о их существовании.

Отправка в Афганистан неофициальных советских торговых агентов знаменовала резкий поворот в экономической политике СССР, у руководства которого создалось представление, что торговые агенты вполне справятся с экономическими проблемами двух стран, а

следовательно, можно ограничить роль многочисленных мелких посредников в торговых операциях. На практике это вылилось в попытки советской стороны внедрить некоторые принципы лицензионной торговли и через них достичь активного торгового баланса в торговле с соседними восточными странами. План внешней торговли среднеазиатских республик на 1924-1925 гг. с Персией, Афганистаном и западным Китаем определил превышение советского экспорта над импортом в 5660550 руб. (при плане советского экспорта в эти страны - 18174275 руб. и импорта - 12513725 руб.) Столь значительный, хотя на практике так и оставшийся неосуществленным, план превышения советского вывоза над ввозом (в 46%) объяснялся: 1) наличием в сырьевых ресурсах Средней Азии большого количества продуктов, служащих предметом экспорта за пределы СССР (например, каракуля, кишек, коконов и т.д.); 2) тем обстоятельством, что почти все нужды Средней Азии в фабрично-заводских изделиях в тот период удовлетворялись промышленными предприятиями СССР⁵²⁴. На этих основаниях советские власти решились на заметное ограничение ввоза на советскую территорию товаров из соседних восточных стран.

Попытки введения лицензионной системы больно ударили по афганскому купечеству и усилили его недовольство. До конца 1924 г. ограничения существовали лишь в отношении количества и ассортимента товаров, но роль афганского купца и местных посредников в торговых операциях оставалась неизменной. Теперь же были сделаны шаги к введению достаточно жесткой лицензионной системы, ограничившей посредническую деятельность афганских купцов и, по признанию представителя НКВТ СССР в Средней Азии В.П. Бельгова, во многом похожей на политику, проводимую Советской Россией в отношении западноевропейских стран⁵²⁵. Многие афганские купцы, начавшие уже работать на советском рынке, вновь попытались переориентироваться на торговлю с Индией, что сказалось на снижении оборотов советско-афганской торговли в 1924/1925 гг., по сравнению с предыдущим периодом (см. таблицу 5).

Купцы были раздражены таможенной волокитой, требованиями всяческих справок, жаловались на задержки в выдаче лицензий, на затруднения в использовании почтовой связи в коммерческих целях⁵²⁶. Главная проблема заключалась в жестких ценовых лимитах, установленных советскими экономическими органами. Например, покупка гельджинской шерсти у афганских купцов в 1924-1925 гг. была установлена в 5 руб. 10 коп. Мало того, что это была более низкая цена, чем та, по которой афганские купцы обычно продавали, но это была и жесткая цена. Купцы были согласны только на рыночную цену и притом в день сдачи. Получалось так, что афганский купец должен был заранее согласиться на более низкую цену продажи, даже не приступив к стрижке овец. Генеральный консул СССР в Керках Белецкий, зная, что

ряд афганских купцов (в том числе таких солидных, как Гамбар Алихан), заключая предварительные договоры с советскими торговыми агентами, так и не доводят их до реализации, 3 марта 1925 г. писал представителю НКВТ СССР в Средней Азии О.Я.Осипову: "Ваши лимиты никому не удовлетворяют, это кабинетная выдумка"⁵²⁷. Зато цены на продажу афганцам товаров были, как правило, выше мировых. Например, за пуд сухофруктов советская сторона требовала в 1923/1924 гг. 8 руб., в то время как на лондонском рынке цена на кишмиш, близкий по качеству среднеазиатскому, составляла от 4 руб.11 коп. до 6 руб.72 коп. за пуд⁵²⁸.

Введение лицензионного режима совпало по времени с практическими мероприятиями Москвы по национально-территориальному размежеванию в Средней Азии, которые заметно усилили негативные стороны и лицензионного режима. В первую очередь, это касалось раздробления инстанций, которые могли оперативно решать торговые вопросы. Для получения лицензий на торговлю и решения многих текущих вопросов афганский купец должен был ехать либо в Ташкент, либо в Полторацк (Асхабад), где также был образован республиканский комиссариат внешней торговли, первое время организационно даже неподчиненный НКВТ СССР⁵²⁹.

Меры советских властей вызвали у афганского купечества особое недовольство, так как именно в этот период, в связи с подготовкой Бакинской ярмарки, на Персию (1924 г.) и западный Китай (1925 г.) был распространен режим безлицензионного выпуска товаров и ввоза их в СССР⁵³⁰. Попытки советской стороны объяснить введение лицензионного режима на афганской границе тем, что меры безлицензионной торговли в отношении Персии к концу 1924 г. не дали заметных результатов и уровень торгового оборота оказался незначителен, не снизили недовольства. Тем более, что оборот по афганской границе в условиях действия лицензионного режима по итогам 1924-1925 гг. не только не вырос, составив 11,5% от довоенного уровня, но даже снизился на 4,2% по сравнению с предыдущим годом (см. табл. 5). При общем низком уровне торговли СССР с Персией и Афганистаном в торговых отношениях с этими странами уже существовала заметная разница: в персидской торговле СССР, наряду с введением льготного безлицензионного режима, "работал" и специально выделенный для этой цели советский государственный капитал, вложенный в смешанные общества, с участием, правда, в меньшей доле, персидского капитала, тогда как в отношении Афганистана у НКВТ СССР специального капитала выделено не было⁵³¹.

В июле 1924 г. между Москвой и Кабулом была достигнута договоренность о начале переговоров о заключении торгового договора между странами и 13 января 1925 г. они начались⁵³². Особый оттенок им придало то, что между Афганистаном и Англией 5 июня 1923 г. уже была

заключена торговая конвенция, в соответствии с которой англичане в одностороннем порядке открывали индийскую границу для афганских транзитных товаров⁵³³. Однако на советско-афганских переговорах стороны не смогли договориться не только по вопросам афганского транзита через Россию, но и во взглядах на роль торговых агентов в обменных операциях. Афганцы были крайне недовольны советскими попытками осуществлять всю торговлю, в том числе и на афганской территории, не через афганских купцов, а через своих торговых агентов. Переговоры не привели к успеху, и афганские власти приняли со своей стороны положение, что торговые операции на территории Афганистана должны вестись только через афганских купцов. Однако это лишь в какой-то мере создало затруднения для деятельности советских торговых агентов, которые продолжали действовать под "дипломатической крышей".

Первые советские торговые агенты не имели необходимого опыта и знаний восточных рынков. Среднеазиатское представительство НКВТ почти не контролировало их деятельность и они получили полную свободу. По свидетельству представителя НКВТ в Средней Азии В.П.Бельгова, "они могли производить самостоятельные торговые операции, вступать в договорные отношения с какими им угодно организациями и заключать с ними договоры, причем (они)... не только не утверждались представительством, но даже не сообщались последнему для сведения"⁵³⁴. В результате торг агенты в своих районах стали как бы самостоятельными торгпредами, нередко злоупотребляя своими правами в условиях лицензионной торговли. Эта ситуация приводила к серьезным недоразумениям, а неотлаженный лицензионный режим торговли становился препятствием для советского экономического проникновения в Афганистан.

Характерным примером подобной сделки этого времени стало заключение договора между представителем советской компании "Нефтесиндикат" Г.Г.Сендыком и крупнейшим афганским купцом, монополистом в нефтяном бизнесе, но одновременно высоким сардаром и министром торговли в правительстве Аманулла-хана (к этому времени уже бывший) - Гулам Мухаммад-ханом. В первой половине 1925 г. советское полномочное представительство в Афганистане приложило значительные посреднические усилия, чтобы привести их к подписанию договора. В результате, 24 июля 1925 г. в Кабуле был заключен договор (на срок с 1 сентября 1925 г. по 30 августа 1926 г.), по которому Г.Г.Сендык от имени Нефтесиндиката предоставил Гулам Мухаммад-хану монопольное право на продажу в Афганистане его товаров. Пункты 4 и 5 заключенного договора гласили, что советская сторона обязуется аннулировать все существовавшие на тот период соглашения с другими купцами на предмет ввоза или продажи советских нефтепродуктов в Афганистане и не продавать в течение срока действия договора советские

нефтепродукты другим купцам. Требования к афганскому купцу были обставлены минимально: купец должен был за этот период продать 25 тыс. бидонов бензина, а если не успевал, то соглашение предоставляло ему еще три льготных месяца для реализации продукции. При активности афганского купца перед ним открывались огромные возможности, так как соглашение давало Гулам Мухаммад-хану право "получать от Нефтесиндиката на условиях данного договора любое количество нефтепродуктов".

Гулам Мухаммад-хан должен был приобретать советские нефтепродукты в Термезе, Кушке и Керки, где находились склады Нефтесиндиката. Цены на сдаваемые афганскому купцу бидоны были определены в достаточно приемлемом и постоянном виде (различие только в зависимости от места получения: в Термезе 1 бидон с чистым весом керосина в 3 пуда - 10 руб., 1 бидон автомобильного бензина в 2 пуда 28 фунтов - 13 руб., 1 бидон авиационного бензина - 21 руб.; в Керки и Кушке соответственно 1 бидон керосина с чистым весом керосина в 3 пуда обходился в 8 руб.80 коп.). Предполагалось, что в случае проведения железнодорожной ветки до Келифа, часть этих операций может переместиться и туда. Ко всему прочему, Нефтесиндикат обязался предоставить афганскому купцу месячный кредит при условии, что в течение 4 месяцев он будет выплачен, в ином случае, советская сторона имела право прекратить действие договора, а афганский купец должен был выплатить взятую сумму вместе со штрафом и неустойкой. Как видим, для афганской стороны договор был очень льготным, а нарушение его условий, скорее всего, могло произойти только из-за недостатка продукции в приграничных районах у Нефтесиндиката, за что виновная сторона должна была выплатить неустойку в размере 20 тыс. рублей золотом⁵³⁵.

Политическая значимость подписанного соглашения явно превалировала над экономическими интересами, чем, собственно, и объяснялось активное участие в оформлении договора советского полномочного представителя. По признанию советского полпреда в Кабуле Л.Н.Старка, Нефтесиндикат мог рассчитывать лишь на "небольшую" прибыль, в то время как политические выгоды могли быть значительными: СССР, сделав уступки, гарантировал свои нефтепродукты от возможной конкуренции со стороны иностранных фирм. После подписания соглашения Л.Н.Старк был уверен, что отныне можно считать афганский рынок "безусловно, завоеванным нашими нефтепродуктами". Он считал показательным тот факт, что договор был заключен по истечении всего трех дней после очередного неудачного раунда советско-афганских переговоров о подписании торгового соглашения. Об этом факте Гулам Мухаммад-хан был прекрасно осведомлен, точно так же, как эмир и афганское правительство хорошо знали о предстоящем заключении договора Гулам Мухаммад-хана с

Нефтесиндикатом, но "никто никаких препятствий ему на этот раз не поставил". Л.Н.Старк в письме председателю среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) И.А.Зеленскому отметил, что "договор может сыграть роль гири, брошенной либо на нашу чашу весов, либо на чашу наших противников. Если все условия его будут выполнены нами с максимальной точностью и четкостью, - писал Л.Н.Старк, - это будет чрезвычайно сильным доводом в нашу пользу и подрывом агитации наших противников. Но если выполнение его пойдет плохо, это будет нашим провалом и торжеством наших врагов, и принесет нам чрезвычайно большой вред в области дальнейшего развития наших торговых отношений с Афганистаном"⁵³⁶.

Однако утверждение подписанного в Кабуле соглашения встретило в руководстве Нефтесиндиката сопротивление. Его руководитель Фридман заявил, что не находит преимуществ от заключенной сделки и считает данный договор без соответствующей санкции руководства синдиката недействительным⁵³⁷. В телеграмме, направленной И.А.Зеленскому, управляющий среднеазиатским отделением Нефтесиндиката Казанский, пытаясь разъяснить жесткую позицию руководства, заметил, что подписанное соглашение между Г.Г.Сендыком и Гулам Мухаммад-ханом фактически устанавливает такое положение, при котором Нефтесиндикат должен отказаться от непосредственной работы в Афганистане и ликвидировать там свои отделения⁵³⁸.

Сопротивление руководства Нефтесиндиката заставило уполномоченного НКВТ СССР в Афганистане, участника соглашения А.Лежава-Мюрата срочно вылететь в Ташкент, а затем в Москву, чтобы на месте убедить его руководство в необходимости изменения позиции⁵³⁹. Срочной телеграммой в Москву Л.Н.Старк и А.Лежава-Мюрат предупредили советских чиновников разных уровней, что об "аннулировании договора не может быть и речи", особо подчеркнув, что при ином решении вопроса придется отзываться их из Афганистана⁵⁴⁰. Хотя не обнаружены архивные документы, характеризующие финал данной истории, можно предположить, что сотрудникам НКВД удалось убедить руководство Нефтесиндиката в необходимости изменения позиции. Этот вывод следует из анализа последующих договоров, заключенных им с афганскими купцами, в основу которых были положены принципы, выработанные в договоре с Гулам Мухаммад-ханом. Видимо, в ответ на сговорчивость Нефтесиндикат получил в 1926 г. монопольное право на вывоз нефтепродуктов не только в Афганистан, но и в районы западного Китая⁵⁴¹.

Итоги советско-афганской торговли за 1923-1925 гг. не были значительными. Госорганы играли ведущую роль лишь в импорте из Афганистана. (Однако посредническая деятельность ведущих среднеазиатских госторгов даже в импорте уступала частным фирмам). В экспорте же советских товаров в Афганистан частный капитал, прежде

всего афганский, даже несмотря на лицензионный режим, играл определяющую роль. Об этом свидетельствуют данные таможенной инспекции по туркмено-афганской границе за период с 1 октября 1924 г. по 31 ноября 1925 г., где роль частного капитала, по сравнению с госторгам, выражалась в следующих цифрах (см. табл. 6).

Так как туркменский участок советско-афганской границы был ведущим в торговом отношении и через него в эти годы осуществлялись основные торговые операции (Узбекгосторг также в тот период в значительной мере торговал через афгано-туркменскую границу), эти цифры могут служить материалом для анализа всего товарооборота с Афганистаном. В целом, эти данные свидетельствуют, что роль госорганов национальных республик, особенно в экспорте, была незначительна. Госорганы, выступая на афганском рынке нередко независимо от друг от друга, не могли конкурировать с кущами при ввозе товаров в Афганистан, а потому меры лицензионного режима лишь отрицательно сказались на общей советско-афганской торговле.

ТАБЛИЦА 6

**УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ЧАСТНОГО КАПИТАЛА И ГОСТОРГОВ
В ТОРГОВЛЕ С АФГАНИСТАНОМ⁵⁴²**
(через туркмено-афганскую границу в 1924/1925 гг.)

Торговая структура	Импорт из Афганистана		Экспорт в Афганистан	
	руб.	%	руб.	%
Госорганы в целом	570 100	60,7	57 100	24,5
Узбекгосторг	255 000	27,1	17 200	7,4
Туркменгосторг	42 800	4,6	16 300	7,0
Частный капитал	370 000	39,3	176 200	75,5
ВСЕГО	940 100	100	233 300	100

23 сентября 1925 г. Совет Труда и Оборона (СТО) официально объявил об отмене лицензионного режима и возвращении к безлицензионному режиму торговли с Афганистаном: было заявлено, что больше не требуется получения разрешительных свидетельств на ввоз в СССР товаров афганского происхождения*. Было определено, что свободно, без предъявления лицензионных свидетельств, могут ввозиться

* Разрешительные свидетельства в действительности продолжали выдаваться советскими консульствами для перехода советской границы афганскими караванами, но механизм был упрощен: вместо прежних отметок о количестве и виде ввозимого товара, в удостоверениях должны были теперь указываться число и имена афганцев, следующих с караванами в приграничные таможи.

в пределы СССР: "рис всякий, фрукты сухие, орехи, миндаль и фисташки, скот всякий, лошади и выючные животные, кожи и шкуры невыделанные, кишки и желудки скотские, шерсть и пуша всякая, камедистые смолы, самородные растительные красильные вещества, хлеб в зерне, сено, солома, клевер и люцерна, яйца, дичь и домашняя птица, овощи простые, молочные продукты, ковры и паласы". Основная масса советских товаров также объявлялась свободной для вывоза в Афганистан. Однако для ряда советских вывозных товаров была сохранена лицензионная система. К числу таких товаров были отнесены: сахар, нефтепродукты, пушнина, цветные металлы и ковры⁵⁴³. Другими словами, лицензионная система была оставлена на наиболее значимые для советской экономики собственные товары, допустить свободный, нерегулируемый вывоз которых советские экономические органы не хотели.

Введение частичного безлицензионного режима торговли и облегчение торговых операций сказались на итогах 1925/1926 экономического года и дали заметное увеличение оборотов советско-афганской торговли (табл.7):

ТАБЛИЦА 7

ТОРГОВЛЯ СССР С АФГАНИСТАНОМ В 1925 - 1929 гг., руб.⁵⁴⁴

Годы	Импорт	Экспорт	Общий товарооборот
1925/1926	3 271 000	2 541 000	5 812 000
1926/1927	4 160 000	3 422 000	7 582 000
1927/1928	6 698 000	6 849 000	13 547 000
1928/1929	11 718 000	7 707 000	18 725 000

Новый режим в торговых операциях на восточных границах был вынужденной мерой для советского руководства. С его принятием Москва тянула, ибо долго стоял вопрос, как и с чем торговые организации СССР выйдут на афганский рынок и не подорвет ли он внутреннее положение с обеспечением товаров. Были опасения, что его введение могло быть воспринято как отказ от внешней монополии, являвшейся тогда необходимым инструментом планового хозяйства и позволявшей защитить свое производство от иностранной конкуренции. Вместе с тем, введение безлицензионной торговли на афганской границе на время прекратило споры в советском руководстве о его существовании на границе с Персией и западными районами Китая.

Вместе с тем открытый способ вывоза промышленных товаров из СССР через афганскую границу, в первую очередь, предполагал их достаточное количество. Поэтому осенью 1925 г., после того, как было

принято соответствующее постановление, представитель НКВД в Узбекистане А.А.Знаменский заявил, что теперь вопрос заключается в том, "имеются ли организационные силы развернуть дело"⁵⁴⁵.

Нижеприведенные таблицы № 8 и № 9 свидетельствуют, что в середине 20-х гг. торговля СССР с Афганистаном оказалась сосредоточенной в руках крупнейших советских организаций, из которых часть была напрямую подчинена Москве, часть - среднеазиатским филиалам НКВД.

ТАБЛИЦА 8

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ОБЩЕСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ТОРГОВЛЕ С АФГАНИСТАНОМ (1925/1926 гг.)⁵⁴⁶

Организация	Экспорт, руб.	Удельный вес, %
ВТС (мануфактура)	860 000	31,45
Нефтесиндикат (нефть)	119 301	4,4
Сахаротрест (сахар)	303 392	11,1
Продасиликат (силик.изд.)	141 907	5,2
Новтресторг (спички)	110 400	4
Резинотрест (резин. изд.)	25 940	1
Уралмет (метал. изд.)	22 443	0,8
Госпромцветмет (изд.цвет.метал.)	4 243	0,2
ВСЕГО:	1 587 626	58,15

Всесоюзный текстильный синдикат (ВТС, 1922-1929 гг.) стал крупнейшим в 1925/1926 гг. экспортером своей продукции в Афганистан, заняв по общему объему экспортируемой продукции и по удельному весу ведущее место. Однако общесоюзные торговые организации в основном пользовались посредничеством среднеазиатских государственных организаций и лишь частично сами выходили на афганский рынок. Такими посредническими организациями выступали среднеазиатские госторги - узбекский и туркменский, формированию которых способствовало национально-территориальное размежевание в Средней Азии. Принятые меры за короткий срок привели к тому, что в 1925/1926 гг. основная торговая деятельность с Афганистаном оказалась сосредоточенной в руках 4 среднеазиатских посреднических организаций, таких как Узбекгосторг, Туркменгосторг, "Россредаз" (Российско-среднеазиатское акционерное общество), общество "Шерсть", которые в основном закупали товары для экспорта в Афганистан у общесоюзных фирм. Кроме того, туркменский и узбекский госторги вложили свои капиталы в торговлю с Афганистаном (в частности, Госторг

Туркменской ССР вложил в 1925/1926 гг. в торговлю с Афганистаном свыше 720 тыс. руб.⁵⁴⁷). По экспорту советской продукции в Афганистан, вслед за ВТС, они занимали ведущие места в афганской торговле (см. табл.9).

В то время как общий советский экспорт в Афганистан в 1925/1926 гг. составил 2541000 руб., эти посреднические торговые организации экспортировали в 1926 г. товаров на сумму 2016477 руб., что составило 79% от советского экспорта в эту страну.

ТАБЛИЦА 9

РОЛЬ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПОСРЕДНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ*
В СОВЕТСКОМ ЭКСПОРТЕ В АФГАНИСТАН (1925/1926 гг.)⁵⁴⁸

Организация	Экспорт, руб.	Удельный вес, %
Узбекгосторг	688 071	25,2
Туркменгосторг	505 199	18,5
Россредаз	497 778	18,2
Общество "Шерсть"	325 429	11,9
ИТОГО:	2 016 477	73,8

Основная торговля с Афганистаном по-прежнему осуществлялась через территорию Туркменской ССР и проходила через 4 основные таможни, относящиеся к туркменскому участку границы: Кушку, Тахтабазар, Керки и Бассагу. При этом доминирующее значение имела керкинская таможня, через которую проходило около 57% всей товарной массы (в 1925/1926 гг. через нее прошло ввозных и вывозных товаров на 2391 тыс. руб.)⁵⁴⁹. На долю туркменского участка в 1925/1926 гг. выпадает импорт из Афганистана на сумму 2532 тыс. руб., и советский экспорт в Афганистан в сумме 1662 тыс. руб.⁵⁵⁰. Таким образом, в соотношении с общим торговым оборотом СССР с Афганистаном, через афганско-туркменскую границу проходило 44% импорта и 29% советского экспорта.

Из табл.10 следует, что импорт из Афганистана характеризовался превалированием сырья и продукции животноводства, в то время как советский экспорт состоял почти исключительно из фабрикатов союзной промышленности.

* В таблице за отсутствием данных не показана роль Главхлопкома.

ОСНОВНЫЕ СТАТЬИ СОВЕТСКО-АФГАНСКОЙ ТОРГОВЛИ, руб.⁵⁵¹
(1925-1926 гг.)

Экспорт в Афганистан		Импорт из Афганистана	
Ткани	779 000	Шерсть	1 494 000
Сахар	335 000	Скот	549 000
Металлоизделия	104 000	Кожи и шкуры	291 000
Силикаты	94 000	-	-
Нефтепродукты	46 000	-	-
Спички	100 000	-	-
Железо (разное)	43 000	-	-

Задачу экономического проникновения в Афганистан, особенно в его северные районы, было невозможно решить без развития средств доставки товаров к границе и далее в страну. В 1918 г., в результате событий, вызванных "походом Колесова" на Бухару, значительная часть Бухарской железной дороги была разрушена (оставалась только маленькая ветка Каган-Бухара протяжением 12 верст). Восстановление началось в 1922 г. и к концу года участок дороги, идущий от Керки, был восстановлен до станции Талимарджан (65 верст юго-западнее Карши).

Восстановление ветки осуществлялось силами 8 железнодорожного батальона Бухарской группы войск Туркфронта. Бухарское правительство обеспечивало восстановительные работы шпалами и всем необходимым. В условиях, когда в этих районах активно оперировали басмаческие отряды, ее восстановление обходилось очень дорого - человеческими жизнями. Тем не менее к началу 1925 г. участок Бухарской железной дороги Карши-Гузар-Китаб был восстановлен. Однако недостроенным оставался участок Керки*-Термез, проходивший вдоль границы с Афганистаном на протяжении 202 верст⁵⁵². От его восстановления зависел план продления дороги по маршруту Термез-Данану-Душанбе**.

Восстановительными работами на участке Керки-Термез плотно занялись лишь с июля 1925 г. и, преодолев значительные трудности, уже осенью были готовы открыть этот железнодорожный участок⁵⁵³. По

* Правильнее: станция Самсоново, так как Керки расположен на противоположном берегу Амударьи и эти два туркменских пункта разделяет река шириной в 4 версты.

** Строительные работы железнодорожной линии Термез-Душанбе велись с 24 июня 1926 г. в течение трех лет. Дорога не получила непосредственного выхода к границе с Афганистаном.

традиции открытие участка приурочили к ноябрьским праздникам. Однако вышедший 31 октября со станции Самсоново в Термез поезд, на котором были отправлены 368 призывников, 1 ноября потерпел крушение между станциями Чаршанга и Келиф: 7 вагонов из 36 сошли с рельс. Лишь по счастливой случайности обошлось без жертв. Причиной крушения стали лопнувшие под поездом рельсы. Лишь 25 ноября другой служебный поезд был торжественно встречен в Термезе⁵⁵⁴.

Восстановление дороги должно было дать новые возможности для укрепления торговых связей СССР и его среднеазиатских республик с Афганистаном. Проект будущего грузооборота восстанавливаемой дороги Самсоново-Термез был определен в следующем виде: по внешнему товарообороту с Афганистаном - в 1100 тыс. пуд.; по внутреннему - в 2100 тыс. пуд. груза⁵⁵⁵. В том же 1925 г. среднеазиатская восточная торговая палата подняла вопрос о необходимости постройки ветки от станции Термез до пристани на Амударье, так как таким путем могла быть значительно облегчена и удешевлена переброска грузов, следующих в Афганистан. Пожелание палаты начало осуществляться и к концу 1926 г. ветка Термез - пристань была открыта⁵⁵⁶.

В то время как в западный Афганистан советские товары, благодаря постройке железнодорожных линий, попадали уже достаточно легко, серьезной проблемой оставался вопрос о доставке советских товаров в восточные районы Афганистана. Улучшить возможности проникновения советских товаров в эти районы Афганистана должно было продление пароходной линии по Амударье до Сарая. Однако для этого требовалось проведение работ по очищению некоторых участков русла реки от камней.

После образования Таджикской автономной республики судоходная линия Термез-Сарай приобрела особое значение, так как Таджикистан не имел в тот период других более быстрых, кроме водного, путей сообщения, как с основными районами Узбекской ССР, в состав которой входил, так и с соседними государствами. Однако вопрос упирался не только в очищение русла реки от камней, но и в недостаток необходимых плавательных средств, которых не хватало для обслуживания даже старой линии Термез-Керки. В навигацию 1924/1925 гг. только пароход "Троцкий", не без риска для членов экипажа и груза, делал два полных рейса между Термезом и Сараем. Госпароходство считало, что следует произвести подрывные работы на реке, чтобы обеспечить возможность плавания в течение 7-8 месяцев, а в конечном пункте (Сарай, Файзабад-Кала) построить складские помещения для товаров⁵⁵⁷. В 1925 г. было принято постановление комиссии Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) по вопросу о водном и грунтовом транспорте в Средней Азии, которое обязало государственные и

* Так в тот период именовался пароход "Черняев".

хозяйственные органы выделить 25 тыс. руб. для проведения работ по очищению русла Амударьи и Пянджа⁵⁵⁸. Вследствие осуществления этих мер началось проникновение советских товаров в сторону Каттагана и Бадахшана, а Сарай становился важным центром складирования советских товаров, идущих на восток Афганистана.

В условиях нового режима торговых операций на восточных границах НКВТ стремился к большей централизации управления внешней торговлей. Через свое среднеазиатское представительство НКВТ добивался таких отношений с республиканскими госторгами, при которых он будет иметь "возможность руководить торговлей среднеазиатских республик с сопредельными странами"⁵⁵⁹. В условиях необходимости совмещения монополии внешней торговли с безлицензионным режимом пришлось думать о создании крупных организаций, которые бы работали под контролем государства и противостояли разрозненным коммерческим организациям. Так появилась идея создать акционерные общества, которые сосредоточат свою деятельность на хлопке, шерсти, каракуле и в которых, тем не менее, ведущее место будет принадлежать госторгам и иным государственным организациям⁵⁶⁰, работающим под руководством НКВТ. Дело оставалось за малым - нужно было экономическое соглашение советских среднеазиатских республик между собой и всех их вместе с представительством НКВТ. В этом ясно чувствовалось стремление советского руководства в условиях НЭПа тесно связать госторги и коммерческие отделы и распространить на них ведомственное руководство.

Однако осуществление этих проектов к концу 1925/1926 г. затормозилось, так как советские экономические органы решили вернуться к лицензионному режиму торговли. В целом неплохая ситуация в советско-афганских экономических отношениях за 1925/1926 г. была поставлена в зависимость от негативной оценки торгово-экономического положения СССР по всей среднеазиатской границе.

Еще в феврале 1926 г., когда появился прогноз, что советский торговый оборот на среднеазиатской границе по итогам 1925/1926 г. будет резко пассивным, а реальных возможностей для увеличения своего экспорта не было, правительственные органы СССР решили прибегнуть к испытанному методу регулирования - к лицензионному режиму на главнейшие несырьевые товары восточных стран с целью ограничения их импорта в СССР. Принятию этого решения способствовало сокращение оборотов внешней торговли СССР по среднеазиатской границе⁵⁶¹, недовольство советских экономических органов безлицензионным режимом торговли, действовавшим в отношении Персии, западного Китая и Афганистана, и к которому они никак не могли приспособиться. Однако вплоть до обнародования результатов торговли за 1925-1926 г., когда оборот по всей среднеазиатской границе СССР выразился в сумме

36,6 млн. руб. (импорт - 23,4 млн. руб., а советский экспорт - 13,2 млн. руб.)⁵⁶², эти решения в полной мере не применялись.

Новый отказ от безлицензионной торговли лишней раз свидетельствовал, что советская экономика и государственная монополия на внутреннюю и внешнюю торговлю находились в постоянном конфликте с безлицензионной системой пограничной торговли, поддерживаемой руководством СССР лишь в политических целях. Непостоянство советской торговой политики в отношении Афганистана объективно было связано с отсутствием советско-афганского торгового договора, вследствие чего советское руководство балансировало между необходимостью развивать нормальные отношения с соседом и желанием оказывать на него давление для получения уступок по договору.

Безлицензионный режим торговли по среднеазиатской границе постоянно входил в противоречие со всей советской экономической системой, а его принятие по политическим мотивам при отсутствии отлаженного механизма побуждало многих афганских купцов злоупотреблять предоставленными возможностями. Так, к октябрю 1926 г. Туркменгосторг смог получить из Афганистана лишь 3 тыс. пудов шерсти и мелкого кожсырья (на сумму в 50 тыс. руб.), вместо обещанных поставок шерсти на сумму в 524 тыс. руб. Вследствие этого Туркменгосторг не выполнил план по импорту⁵⁶³. В то же время туркменские каракулеводы-частники прекрасно пользовались безлицензионным режимом торговли и в 1924-1925 гг. каракуль большими партиями уходил за Амударью. Только через мазаришарифскую таможену прошло 700 тыс. шкурок, основная масса которых была направлена в Индию. По данным И.М.Рейснера, всего за этот период было вывезено в Афганистан около 1 млн. шкурок⁵⁶⁴.

К началу осени 1926 г. всеми советскими заготовительными организациями было получено от афганских купцов не более 50% ранее согласованной договором шерсти, несмотря на то, что кредиты были отпущены купцам своевременно. К примеру, в сентябре 1926 г. главный комиссионер года - афганский купец Нуруллаев заявил Афганторгу, что закупил в Афганистане до 100 тыс. пудов шерсти, однако сможет вывезти ее, получив 300 тыс. рупий наличными от Афганторга. Он отправил ему деньги. Кроме денег, в августе-сентябре в адрес купца вагон за вагоном к границе шли советские промтовары. По данным агента НКВД в Керки Яншина, к сентябрю за Нуруллаевым числился долг в сумме около 800 тыс. рублей. Однако обеспечение товарами, которых еще никто не видел, подтверждалось самим купцом только на 400 тыс. рублей. Заведующий керкинским отделением Средазбанка сообщил Яншину, что нуруллаевский товар оценивается банком в 180 тыс. рублей, из которых 50 тыс. рублей принадлежат самому банку. Таким образом, оказалось,

что афганская шерсть даже на 400 тыс. руб. оказалась более чем наполовину "вздутой".

Во взаимоотношениях Афганторга и афганского купца Нуруллаева выявилось много странностей: в 1926 г. купец получил требуемые им деньги, хотя не отчитался по предыдущим сделкам. Уполномоченному НКВД в Туркмении стало известно, что Нуруллаев совершал торговые операции на государственные средства Афганторга в личных целях, ничего общего со сделками Афганторга не имеющие, и при этом даже не желая по ним отчитываться⁵⁶⁵. Более того, он приобрел особое влияние на советского торгового представителя в Афганистане А. Лежава-Мюрата. Стоило купцу высказать недовольство позицией работников Афганторга, требующих от него полного расчета, как А. Лежава-Мюрат добился увольнения мазаришарифского и керкинского торгового агентов⁵⁶⁶. Подобным образом пытался действовать и другой афганский купец Розынкул-хан, который, получив от Афганторга 60 тыс. рупий, в сентябре 1926 г. еще не начал сдавать шерсть⁵⁶⁷. Хотя агент НКВД в Керки Яншин попытался поднять вопрос перед соответствующими органами об обращении серьезного внимания на взаимоотношения ташкентского представительства Афганторга с афганскими купцами⁵⁶⁸, противостоять их спайке с продажными чиновниками Афганторга было трудно. Работники советских экономических ведомств пытались объяснять трудности в отношениях с афганскими купцами безлицензионным режимом торговли.

27 августа 1926 г. вышло постановление Совнаркома СССР, которое ввело в торговле с Афганистаном, Персией и западным Китаем некоторые меры лицензионного режима на основе так называемого "нетто-баланса"⁵⁶⁹. Отличие нового поворота экономической политики СССР в отношении восточных соседей от предшествующих периодов заключалось в том, что меры лицензионного характера вводились на ввозные несырьевые товары восточных купцов, а существовавшие до этого льготы безлицензионного ввоза в СССР были резко сокращены. Они были оставлены только на шерсть, скот, пушнину, фураж, яйца, мясо, молочные продукты и овощи, привозимые из Афганистана, а также хлопок из Персии (хлопок и шерсть тоже не облагались пошлинами). В отношении вывоза советской продукции в Афганистан, продолжал действовать порядок, установленный в 1924 г., т.е. советская сторона придерживалась безлицензионного вывоза своей продукции в Персию и Афганистан, за исключением нефтепродуктов, металлического лома, пушнины и сахара (для Нефтеиндиката и Сахаротреста, в отличие от

* В первом полугодии 1926/1927 гг. принцип "нетто-баланса" применялся к афганской торговле не в полном объеме. Например, не учитывались расходы франко-борт каюка и ряд других транспортных расходов.

других экспортеров, были сделаны исключения и они продолжали безлицензионно вывозить свои товары в эти страны)⁵⁷⁰.

Определяющей чертой советской экономической политики на Востоке с осени 1926 г. становится "нетто-баланс". Он означал, что приезжающий на территорию СССР афганский купец, продав свои товары, должен был закупить советских на сумму, равную проданному количеству. Таким образом была сделана попытка не только уравнивать ввоз и вывоз, но и разрешить проблему постоянной нехватки у советских экономических организаций афганской и индийской валюты для покупки ценного афганского сырья⁵⁷¹.

На 1926-1927 гг. советские директивные инстанции установили следующие принципы торговли через среднеазиатскую границу:

1. Недопущение пассивного торгового баланса на восточных границах и достижение по возможности активного баланса с каждой отдельной страной.

2. Дальнейшее количественное и качественное ограничение несырьевого афганского импорта.

3. Вывоз сырья из восточных стран должны сосредоточивать в своих руках советские государственные организации, оставляя на долю купцов второстепенные и потребительские товары.

4. Всемерное расширение советского экспорта в сопредельные страны путем "политики открытых дверей" (свободная продажа восточным купцам советских экспортных товаров с предоставлением всех льгот).

5. Проведение принципа "нетто-баланса" при каждой отдельной операции, вплоть до задержки в таможне афганских импортных товаров до экспортирования советских товаров на соответствующую сумму⁵⁷².

Постановление Совнаркома СССР от 27 августа 1926 г. подчеркивало, что советская сторона признает необходимым "при товарообороте со странами Востока соблюдение нетто-баланса вплоть до создания таких условий, когда торговля по восточной границе могла бы дать нам активный баланс"⁵⁷³. Введение системы разрешительных свидетельств, формально не заявляя об отмене безлицензионного режима торговли, фактически его отменяло. Эта мера означала начало жесткого регулирования импорта из сопредельных стран, которое закончилось введением полного лицензионного режима к 1 января 1927 г. Уполномоченные Наркомторга объясняли необходимость введения новых мер тем, что невозможно выполнить жесткие условия импортного плана 1926/1927 гг. при наличии безлицензионного порядка торговых операций⁵⁷⁴. Так как СССР не мог добиться резкого увеличения своего экспорта, это была попытка директивным способом путем фактического сокращения несырьевого импорта в СССР уравнивать экспорт и импорт.

Такой подход затронул все сферы экономических отношений СССР с восточными странами и, в частности, сказался на проводимых в стране

ярмарках. Международные ярмарки, устраиваемые в таких крупных торговых центрах СССР как Баку и Нижний Новгород, играли особую роль в торговых отношениях Союза с восточными странами. Афганские купцы впервые приняли участие в нижегородской ярмарке в 1925 г. Правда, на нее приехали лишь 5 афганских купцов⁵⁷⁵, представлявших фирму гератского купца Хакимова. Торговые обороты афганцев на нижегородской ярмарке 1925 г. выразились в следующем виде: привезено товаров из Афганистана на 813400 руб., закуплено товаров для вывоза в Афганистан на 116400 руб⁵⁷⁶. В следующем 1926 г. в нижегородской ярмарке участвовали уже представители 12 афганских фирм из Герата, Маймана и Мазари-Шарифа⁵⁷⁷.

После успешного проведения ярмарок в центральных городах России с участием восточных, в том числе афганских купцов, у узбекского руководства появилась идея организовать всесоюзную ярмарку в Ташкенте с привлечением купцов из сопредельных государств. Однако Наркомторг и его представительство в Средней Азии высказались против ее проведения, заявив, что организация подобной ярмарки полностью расходится с задачей "уничтожения пассивного торгового баланса СССР по среднеазиатской границе"⁵⁷⁸. Наркомторг обратил внимание на данные, характеризующие участие восточных купцов в последней нижегородской ярмарке (табл. 11):

ТАБЛИЦА 11

ОБОРОТЫ ВОСТОЧНЫХ СТРАН
НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ В 1926 г., руб⁵⁷⁹

Вид торговли	Персия	Афганистан	Западный Китай
Экспорт	12 884 000	472 000	3 261 000
Импорт	11 326 000	602 000	2 967 000

Несмотря на низкие объемы, которыми оперировали афганцы на нижегородской ярмарке, они закупили советских товаров больше, чем продали. В другое время из этого факта сделали бы вывод, что Афганистан может стать активным рынком сбыта для советской продукции. Однако теперь, когда советские экономические органы были озабочены достижением торгового баланса, даже превышение экспорта из СССР считалось нецелесообразным. Улучшенная конъюнктура на ярмарке для восточных импортных товаров также не сочеталась с поставленной целью. Существовали реальные опасения, что привоз афганского сырья на среднеазиатскую ярмарку будет заранее стимулировать повышение цен на сырье не только на ярмарке, но и в самом Афганистане, что в свою очередь скажется на работе советских заготовительных организаций. Кроме того, ярмарка, по мнению

представителей Наркомторга СССР, будет лишена смысла, если советские таможи и погранзаставы не пропустят на нее без лицензий кишмиш, сухофрукты, сафьян, орехи, миндаль, фисташки, рис, изделия кустарного производства, мелкий рогатый скот - все то, что было определено советским руководством в качестве обязательного покрытия советским экспортом⁵⁸⁰. Общий итог, к которому пришли советские экономические органы: свободный пропуск на ярмарку товаров из сопредельных восточных стран лишает советскую сторону возможности регулировать импорт из Афганистана.

Также было признано, что ярмарка сама по себе не может увеличить советский экспорт в эту страну. Так как перед афганскими купцами теперь стояла задача покрытия импорта советским экспортом, они стремились приурочить ряд экспортно-импортных операций к ярмарочному периоду. Другими словами, часть того количества советских промышленных товаров, которая вывозилась в обычное время экспортными организациями или самими купцами, теперь вывозилась с ярмарки, создавая иллюзию роста советского экспорта. Но в результате на это же количество сокращался реальный вывоз товаров советскими экспортными организациями, а следовательно, уменьшался товарооборот. Это явилось причиной того, что центральные экономические органы отвергли идею ташкентской ярмарки с участием восточных купцов.

Новый режим не был неожиданностью, частично повторял прежние попытки регулирования афганского ввоза и, с точки зрения тогдашней внутривосточной и экономической ситуации в СССР, характеризующейся постепенным свертыванием НЭПа, был, в известной мере, естественен и логичен. По новым положениям центральные финансовые органы, в первую очередь Наркомторг, должны были намечать контрольные цифры в торговле с восточными странами на год: каков будет советский экспорт, следовательно, такой уровень афганского импорта в СССР можно допустить, чтобы не нарушить торговый баланс. На любое превышение размеров импорта из Афганистана следовало получать предварительное разрешение союзного Наркомторга⁵⁸¹. Фактически это выравнивание шло за счет советского пограничного потребителя, недополучающего необходимые продукты и товары, и вызывало раздражение у афганцев, заставляя их искать либо иные способы доставки своих товаров, либо переориентироваться на другие рынки.

Импортный контингент (т.е. количество и ассортимент афганского ввоза в СССР) определялись центральными органами НКВТ как поквартально, так и на год, а республиканские представительства НКВТ должны были выдавать купцам разрешения (лицензии) на ввоз товаров в пределах указанных контингентов. Таблицы № 12 и № 13 показывают, как на практике могло выглядеть это распределение. Отражая лишь

советский план импорта афганских товаров в СССР, они свидетельствуют о том, что роль афганского купечества в нем была по-прежнему велика, а хозорганы сосредоточивались лишь на вывозе из Афганистана шерсти. Советская сторона пыталась регулировать афганский импорт и поддерживала ввоз в СССР лишь хлопка, шерсти и пушнины. Однако построить торговые отношения на активном балансе СССР с Афганистаном не было практических возможностей - отсутствовала необходимая товарная масса.

ТАБЛИЦА 12

ПЛАН ИМПОРТНОГО КОНТИНГЕНТА ИЗ АФГАНИСТАНА⁵⁸²
на 1926/1927 гг.

Статья	Годовой план тыс.руб.	Советские хоз.органы		Афганские купцы	
		тыс.руб.	% по статье	тыс.руб.	% по статье
Хлопок	300	-	-	300	100,0
Шерсть	3 000	600	20,0	2 400	80,0
Кожсырье	100	-	-	100	100,0
Пушнина	1 100	110	10,0	990	90,0
Скот рабочий	100	-	-	100	100,0
Скот мясной	100	-	-	100	100,0
Разное(резерв)	750	распределение производится центром			
ИТОГО:	5 450	710		3 990	

ТАБЛИЦА 13

КОНТИНГЕНТ II-го КВАРТАЛА 1926-1927 г., тыс. руб.*

Статья	Советские хоз.органы	Афганские купцы	ВСЕГО:
Шерсть	100	600	700
Хлопок	-	200	200
Скот рабочий	-	50	50
Скот мясной	-	25	25
Пушнина	-	200	200
ИТОГО:	100	1 075	1 175

* Данная таблица показывает контингент товаров второго квартала (январь-март 1927г.). К моменту введения лицензионного режима первый квартал уже завершился, но постановление вступило в силу лишь с 1 января 1927 г.

Следует учитывать, что афганские купцы нередко осуществляли покупку шерсти, хлопка и других предметов импортного контингента на советской территории. Так как в СССР теперь действовал режим "нетто-баланса", значительную часть скупленной на советской территории в обмен на червонцы продукции, они затем показывали как афганский ввоз. Увеличивая таким образом цифры ввоза, афганские предприимчивые купцы получали возможность дополнительного вывоза советской продукции в Афганистан*. (Судя по архивным документам, руководство НКВТ знало об этих действиях афганских купцов и, после того, как произошло резкое снижение роли республиканских госторгов, само стало вносить их в план импортного контингента)⁵⁸³. Это означает, что часть афганского импорта в СССР не была покрыта валютой, что делало мероприятия по введению "нетто-баланса" формальностью. В то же время осуществление контингента на шерсть в 100 тыс. руб. (см. табл. 13), предоставленного хозорганам на 1926-1927 гг., было возможно лишь непосредственно на афганской территории через торгогентство, с покрытием в рупиях, которых постоянно не хватало. В свою очередь, из-за их недостатка почти не осуществлялись операции с закупкой пушнины и каракуля.

Тем не менее, после снижения суммарных объемов торговли по всей среднеазиатской границе за 1925-1926 гг. советское руководство признало необходимым усилить роль афганских купцов в торговле на советской территории. Руководство Наркомторга допускало возможным передать в руки афганского купечества импортный план 1926-1927 г. не менее, чем на 80%⁵⁸⁴. Правда, это решение потребовало принять меры к уменьшению роли комиссионеров в вывозной торговле, которыми являлись Узбекгосторг и Туркменгосторг.

Для советского руководства уменьшение роли среднеазиатских госторгов явилось непростым решением, к которому долго подходили, ибо не знали, чем заменить республиканские госторги при отсутствии сильного акционерного общества по торговле СССР с Афганистаном. Снижению роли республиканских госторгов оказывали сильное сопротивление как в столицах союзных республик, так и в советском торгпредстве в Афганистане. Уполномоченный Наркомторга СССР в Афганистане Б.В.Лавров считал, что полный и немедленный уход советских хозяйственных органов с афганского и персидского рынков приведет "к усилению крупного купечества", к ослаблению и передаче в их руки всей мелкой и средней торговли⁵⁸⁵. Существовали также планы специализации республиканских госторгов на торговых операциях в

* Покупка на советской территории афганскими купцами тех или иных товаров, а затем продажа их здесь же, нередко считавшаяся афганским экспортом, является одной из основных причин, по которой цифры афганского экспорта не могут считаться точными.

разных районах Афганистана или одного на торговле с Афганистаном (Узбекгосторг), а другого на операциях в Персии (Туркменгосторг). Однако их осуществление привело бы к неизбежной конфронтации между Узбекгосторгом и Туркменгосторгом, который в силу своего географического положения не менее тяготел к афганской торговле⁵⁸⁶.

В конце 1926 - начале 1927 гг. создалась большая организационная неразбериха: госторги союзных республик Средней Азии все же были сняты с работы в сопредельных странах, а роль таких организаций, как общество "Шерсть" и "Россредаз", была усилена (предполагалось, что они преобразуются в акционерные общества и заключат деловое соглашение с Афганторгом, чтобы совместно выступить на афганском рынке⁵⁸⁷), но затем и "Россредаз" был снят как с внешнего, так и внутреннего рынков, а его капиталы начали "проедаться". В последний момент, когда Совет Труда и Оборона (СТО) СССР был готов принять предложение Среднеазиатского экономического совета (Средазэкономсовета) об образовании "Акционерного общества по торговле с сопредельными странами", вмешался Наркомторг и предложил СТО еще раз обдумать целесообразность полного снятия всех госторгов, так как для вновь создаваемого общества были нужны серьезные капиталы. Хотя первоначально считалось, что бывший "Россредаз" может быть положен в основу создаваемого общества, однако и в этом случае было необходимо увеличение его капиталов до 2,5 млн. руб., что требовало дополнительных средств в сумме 700-800 тыс. руб.⁵⁸⁸. Экономические трудности заставили центральные и республиканские власти оставить госторги на афганском рынке, резко ограничив их посредническую роль.

В советско-афганской торговле настоятельно требовались коррективы ввиду происходивших в экономической политике афганского руководства изменений и обострившегося соперничества держав за экономическое влияние в Афганистане. Несмотря на то, что у афганского руководства также существовали стремления к монополизации внешней торговли, Аманулла-хан отменил ряд важных торговых монополий, составлявших основу афганской экономики при его предшественниках.

В 1926 г. Аманулла-хан скрепил своей печатью "Положение о торговых агентах", которое заметно упростило и расширило возможности купцов, торгующих за пределами Афганистана. Они теперь могли вести торговлю как сами, так и через специальных представителей - торговых агентов*. Новый закон отменял комиссионные проценты в казну, которые раньше взыскивались с купцов за товары (из которых комиссионер обычно брал часть себе)⁵⁸⁹. Роль торговых агентов мыслилась как оказание помощи правительства собственным купцам за

* Если вывоз афганских товаров мог производиться без посредничества торговых агентов, то при ввозе в страну иностранных товаров требовалось иметь отправительные документы на все ввозные товары, которые подписывал афганский торговый агент (в противном случае они считались контрабандой).

пределами Афганистана и как попытка подстроиться под новые торговые правила, действующие на советской территории.

В начале 1926 г. был принят "Устав о поощрении промышленности в Афганистане", позволивший афганским подданным в товариществе с иностранцами создавать заводы на афганской земле⁵⁹⁰. Фактически речь шла о возможности концессий иностранцам, правда, при обязательном участии афганских подданных. Новые положения открывали возможность получения концессий как для британских, так и для советских фирм, что усилило экономическое соперничество держав в Афганистане. "Таймс" констатировала, что русские активно стремятся в Афганистан, надеясь получить концессии, особенно на нефть и железо⁵⁹¹.

Советскому руководству приходилось учитывать, что англо-индийские экспортеры предоставляли афганскому купечеству льготы, особенно в отношении кредита, срок которого достигал 1 года. С 1925 г. англичане премировали свой экспорт в Афганистан путем предоставления скидок афганскому покупателю (то же, что возврат пошлин) до 15% от стоимости английских тканей и 8% от стоимости тканей индийского производства⁵⁹². Кроме того, в целях конкуренции с Советами бомбейские и пешаварские экспортеры тканей стали систематически снижать цены на свои товары. Совет Съездов государственной промышленности и торговли СССР, рассмотрев вопрос о советской торговле в Афганистане, принял постановление, в котором отметил, что "советские товары должны предоставляться афганскому потребителю по ценам не дороже английских". Было признано необходимым установить цены на экспортируемые в Афганистан советские товары "сообразно с ценами, устанавливаемыми нашими конкурентами в Афганистане на те же товары"⁵⁹³.

Англичане активно осуществляли разведку советской экономической и хозяйственной деятельности в Афганистане: в 1925 г. этот факт был зафиксирован в мазаришарифском районе, а в апреле-мае 1927 г. в Герате. По данным штаба Среднеазиатского военного округа, британский военный атташе, предприняв в 1927 г. поездку в Герат, организовал поджог выстроенного при советском участии хлопкоочистительного завода. По свидетельству начальника 7-го отдела штаба Среднеазиатского военного округа Сокольского, этот факт был подтвержден "документально"⁵⁹⁴.

Индийские и англо-индийские фирмы активно скупали каракуль в стратегически важных и экономически более близких к СССР андхойском и майманинском районах. Большие партии каракуля (до 100 тыс. штук) в этих районах постоянно приобретались для индийских фирм коммерческими агентами бывшего бухарского эмира. Однако советские хозорганы не могли конкурировать с ними из-за постоянной нехватки афганской валюты и жесткой лимитной цены, установленной советскими экономическими органами. В то время, как цены на майманинском и

андхойском рынках осенью 1926 г. были 10 руб. 80 коп. за черный и 12 руб. 60 коп. за серый каракуль, лимитная цена на покупку советскими хозорганами данного товара составляла, как и в прежний период, 7 руб. 50 коп. В результате агент НКВД в Керки Яншин вынужден был констатировать, что "через Индию и Англию уплывает не только афганский, но и наш каракуль, керкинский", а каракулевый сезон в 1926 г. был потерян советской стороной на 80%⁵⁹⁵.

Советское руководство вынуждено было перестраиваться. Оно полностью отменило пошлины на привозимую из Афганистана шерсть* и уже осенью 1926 г. повысило лимитные цены на импорт шерсти из Афганистана через керкинскую таможню: до 9 руб. 50 коп. за пуд⁵⁹⁶. После ограничения роли советских хозяйственных органов было решено организовать кредитование купцов восточных стран, ввозящих нужное для советской промышленности сырье. При отсутствии советско-афганского банка было решено для этой цели использовать банковские столы, имевшиеся при консульствах⁵⁹⁷; в феврале 1927 г. было произведено снижение цен на советские мануфактурные товары, экспортируемые в Афганистан и накладные расходы, связанные с их доставкой⁵⁹⁸.

В марте 1927 г. советский текстиль в виде пробных партий впервые начал направляться в Кабул, хотя советские текстильные изделия оставались все же дороже иностранных. В этот же период советский сахар, экспорт которого в Афганистан достиг довоенного уровня, вытеснил конкурентов из центральных и северных районов, а также наметились благоприятные перспективы для его сбыта на юге страны. Столь же успешным оказался и советский экспорт керосина, который в начале 1927 г. уже достиг южных провинций Афганистана и превысил уровень довоенного вывоза в эту страну. Назначенный на должность народного комиссара внешней и внутренней торговли СССР А.И.Микоян в июле 1927 г. доложил Политбюро ЦК ВКП(б), что в результате этих мер, был достигнут успех "в деле вытеснения конкурентной мануфактуры из районов северного Афганистана"⁵⁹⁹.

Главнейшими предметами советского экспорта в Афганистан, практически не знавшими в эти годы серьезной конкуренции, являлась поставка керосина, бензина и керосиновых ламп. Однако попытки советской стороны осуществить большие поставки керосина в страну тормозились уровнем его потребления населением. За исключением части городских жителей, основная масса населения использовала для освещения преимущественно растительные масла, добываемые из семян льна, сурепки и даже кунжута. Тем не менее, в начале мая 1927 г.

---

* Попытки советских экономических ведомств и дипломатов добиться, чтобы Афганистан со своей стороны также отменил пошлины на вывозимую в СССР шерсть, не увенчались успехом. (Connolly V. Soviet economic policy in the east...- P.82.)

начались переговоры о заключении договора с афганскими купцами на поставку бензина. Как и переговоры с Гулам Мухаммад-ханом, они оказались непростыми и растянулись до конца 1927 г. Нефтесиндикат добивался заключения соглашения на поставку в Кабул 7 тыс. бидонов бензина (из которых 1 тыс. бидонов - авиабензин) по цене 10,5 афгани за галлон. Афганским купцам, купившим бензин, предоставлялось, как и в случае с Гулам Мухаммад-ханом, право монопольной продажи его по всему Афганистану, включая Герат, Фаррах и Кандагар. Нефтесиндикат со своей стороны обязывался ликвидировать все соглашения на продажу бензина и не заключать сделки с другими купцами на условиях франко-Термез-склад⁶⁰⁰.

Основой для заключения успешной сделки были результаты первой половины 1926/1927 гг., когда через термезскую таможенную советская сторона поставила бензина на сумму 28345 руб. (31858 кг.)⁶⁰¹. На этот раз была поставлена задача массированного проникновения советской продукции в центральные и южные районы Афганистана. Советский экономический представитель в Кабуле Б.В.Лавров считал, что Афганторг и Нефтесиндикат должны самостоятельно осуществить эти операции на афганской территории, чтобы сбить конкуренцию английских товаров и добиться падения курса индийской рупии⁶⁰². Была надежда, что осуществление этого мероприятия даст дополнительные запасы афганской валюты.

Однако перед руководством Нефтесиндиката и Афганторгом встал вопрос об условиях и гарантиях доставки груза в центральные и южные районы Афганистана. Нефтесиндикат настаивал, чтобы караваны с грузом бензина обязательно сопровождалась представителями синдиката для охраны и ремонта поврежденных в пути бидонов. Его руководство надеялось получить от афганской стороны обещание, что стоимость провоза бидона бензина не будет превышать 15 афгани. Хотя Нефтесиндикат не получил требуемых им условий фрахта, сделка по перевозке бензина в Кабул была активно поддержана советским экономическим представителем в Кабуле Б.В.Лавровым, который убедил руководство Нефтесиндиката в ее экономической и политической целесообразности. По его мнению, так как стоимость фрахта - это обычные коммерческие цены, можно выиграть на использовании своего транспорта, а принятые афганским правительством условия об обязательном сопровождении груза могут "сильно понизить процент утечки"⁶⁰³.

11 января 1928 г. Афганторг телеграфировал в Кабул о своем согласии подписать договор на поставку бензина в столицу Афганистана, надеясь, что возможные убытки могут быть покрыты за счет выручаемой валюты⁶⁰⁴. Однако поставки бензина не дали крупной выгоды. По сравнению с 1926-1927 гг., когда Афганистан поглотил большое количество поставленного из СССР бензина (сказался приезд в

Мазари-Шариф падишаха и возникшая у афганских властей необходимость обслуживания свиты)⁶⁰⁵, в 1928 г. подобная ситуация не повторилась. Страна не являлась индустриальной и не нуждалась в большом запасе этого товара.

Были приняты меры для облегчения условий афганского импорта в СССР. При этом все делалось, чтобы перекрыть подступы афганского купца к возможному советскому частнику (за исключением продажи баранов). Уполномоченный Наркомторга в Узбекистане считал, что только при этом будут обеспечены "равное и не по спекулятивным ценам получение сырья нашей промышленностью (и)... борьба против дезорганизации рынка". Советские экономические органы считали желательным не допускать продажи афганскими и другими восточными купцами сырья вне пределов Средней Азии и Казахстана. В этом проявилось стремление постоянно контролировать передвижение афганских купцов по советской территории и держать их под контролем: считалось, что чем глубже в пределы СССР мог уехать купец, тем больше появлялось у него возможностей уклониться от обязательств по закупке советской продукции в соответствии с "нетто-балансом", а органам труднее контролировать его операции. Тем более, что были известны случаи, когда афганский купец Акперов продавал контрагенту ВСНХ Грузии шерсть на 50-70% выше той цены, по которой он продавал в Средней Азии⁶⁰⁶.

17 июня 1927 г. Совет Труда и Оборона принял секретное постановление "Об урегулировании торговли с восточными странами", подписанное заместителем председателя СТО Я.Э.Рудзутаком и управляющим делами СНК СССР Н.П.Горбуновым, а 27 июня появился приказ Народного комиссариата внешней и внутренней торговли СССР "О порядке ввоза товаров в СССР из Афганистана". Советское руководство внешне отказывалось от ставшей весьма затруднительной системы лицензионной торговли, тем более, что попытки ее введения в течение 20-х гг. так ни к чему и не привели. Однако это был лишь частичный отказ.

В соответствии с этими постановлениями, Наркомторг определил четыре пограничные таможни - керкинскую, термезскую, кушкинскую и сарайскую, через которые разрешался ввоз в СССР афганской продукции по особому списку "безлицензионно и без ограничения каким-либо контингентом". Этот список включал шерсть, хлопок, кожи и шкуры невыделанные, каракуль и пушнину (кроме овчины), кишки, которые должны были поступать как сырье на советские предприятия. Однако продукты афганского сельского хозяйства, а также скот допускались в пределы СССР как через указанные таможни, так и через все остальные, неотмеченные постановлениями, "на общем основании". Так как большинство мелких и средних афганских купцов сосредоточивалось на торговле скотом и продуктами сельского

хозяйства, их ввоз в СССР был по-прежнему ограничен. Правда, вместо лицензий теперь нужно было иметь учетные свидетельства, которые можно было приобрести либо в ташкентском представительстве НКВиВТ, либо в самих таможнях (должности уполномоченных Наркомторга СССР были учреждены специальным приказом от 30 июля 1927 г. и введены с 1 августа 1927 г.)⁶⁰⁷. Повышалась и роль советского экономического представителя - уполномоченного Наркомторга СССР в Афганистане, которому также поручалось выдавать учетные свидетельства афганским купцам на ввоз в СССР товаров, непоименованных в списке для безлицензионного пропуска. В целом, эти меры свидетельствовали, что советское руководство содействовало развитию лишь тех областей афганского производства, которые являлись сырьевой базой для советской легкой промышленности.

Следует заметить, что советское политическое руководство и экономические органы, создавая условия только для ввоза необходимого союзной промышленности афганского сырья, объективно способствовали укрупнению, концентрации афганского торгового капитала в руках отдельных купцов и ускоренной капитализации афганской экономики. По данным И.М.Рейснера, в 1928 г. пять крупных афганских купцов, используя преимущества, данные им постановлениями советских властных структур, сосредоточивали в своих руках больше 50% всего оборота товаров через керкинскую таможню⁶⁰⁸.

Введение новых правил в приграничной торговле СССР с Афганистаном не обошлось без волокиты. В первые же дни после известия о новом режиме ввоза афганского сырья в СССР на границу стали поступать грузы, однако советские таможенники отказывались пропускать их на новых условиях. Ташкент ссылался на технические затруднения, а приграничные таможни - на отсутствие необходимых инструкций. После получения этих известий в Москве Л.М.Карахан обратился с соответствующим письмом к руководителю Наркомторга А.И.Микояну, прося его "принять срочные меры к ликвидации создавшегося крайне неприятного, дискредитирующего нас положения..."⁶⁰⁹. Лишь 14 октября 1927 г. НКВиВТ сообщил НКВД о том, что меры, препятствовавшие введению нового режима торговли на афганской границе, приняты и вопрос исчерпан⁶¹⁰.

Введение на часть ввозимой в СССР афганской продукции разрешительных свидетельств быстро отразилось на осуществлении принципа "нетто-баланса". Намечая контрольные цифры на 1927/1928 г., коллегия Наркомторга уже сознательно исходила из возможности допустить пассивное сальдо в торговле с Афганистаном в размере 1500 тыс. руб. (Это следует из намечавшихся цифр оборота: импорт из Афганистана - 7065 тыс. руб., экспорт в Афганистан - 5575 тыс. руб. Этот план не был исполнен. Фактическое исполнение см. по табл.7). При этом, как считала коллегия НКВиВТ, размеры дисбаланса должны быть

небольшие и показывающие директивным советским органам ежегодную тенденцию его сокращения⁶¹¹. Тем самым Наркомторг пытался соблюсти государственную установку на "нетто-баланс", но в то же время облегчить условия торговли для афганского купечества.

Установление различных льгот и привилегий афганским купцам сопровождалось изменением советским руководством в пользу афганской стороны цен в советско-афганской торговле, что заметно усилило стремление афганских купцов на советский рынок и дало после 1925/1926 гг. рост прибыли афганского купечества. Об этом свидетельствуют данные табл. 14, заимствованные нами из монографии Н.М.Гуревича⁶¹²:

ТАБЛИЦА 14

ДВИЖЕНИЕ ЦЕН В СОВЕТСКО-АФГАНСКОЙ ТОРГОВЛЕ
(1913-1931 гг.)

Год	Отношение индекса цен на афганские экспортные товары к индексу цен на афганские импортные товары
1913	100
1921-1925	81
1926-1930	167
1931	185

В 1927 г. советское полномочное представительство в Кабуле подняло перед эмиром вопрос об организации в Афганистане банка с советским финансовым участием. Афганцы тянули с определенным ответом на это предложение, лишь заявив о возможности его решения после мирового турне падишаха. Однако 17 ноября 1927 г., незадолго до отъезда падишаха из Афганистана, представитель Азиабанка в Кабуле Демидов сообщил в Ташкент, что появилась возможность организовать кредитное учреждение в несколько иной форме. От лица афганской стороны управляющий делами падишаха Мухаммад Аюб-хан предложил представителю Азиабанка организовать некое подобие "малого" банка - кредитное общество с участием капиталов Азиабанка. Решение афганских властей могло положить начало формированию банковской системы в стране. Однако советских дипломатических представителей удивило, что такое важное дело должно было начаться при отсутствии падишаха, хотя была уверенность, что Аюб-хан действует с ведома Аманулла-хана. Советский полпред Л.Н.Старк считал, что в любом случае следует использовать эту возможность для более глубокого проникновения в афганскую экономику. Тем более, что деятельность кредитного общества, как предполагалось, не будет существенно отличаться от операций, совершаемых банками.

Вместе с тем у руководства Азиабанка существовали опасения, что его средства будут использованы Демидовым для личного обогащения, так как возможности контроля за расходованием средств были ограничены. Поэтому руководство Азиабанка 27 ноября 1927 г. обратилось к советскому полпреду в Афганистане Л.Н.Старку с предложением о посреднической роли, заявив, что согласится с этим предложением, если советское полномочное представительство в Кабуле станет гарантом сохранения капиталов Азиабанка.

Так как Л.Н.Старк согласился с этим требованием, 13 декабря 1927 г. в Кабул была отправлена телеграмма, в которой руководство банка поручило своему представителю в Афганистане детально выяснить, каково будет участие Азиабанка в предполагаемом обществе и его управлении⁶¹³. Однако Аманулла-хан тянул с решением этого вопроса и только после возвращения из мирового турне заявил о намерении своего правительства создать в Афганистане первое банковское учреждение⁶¹⁴. Однако в период правления Аманулла-хана вопрос не нашел практического разрешения*, так как эмир не поддержал идею о массивном привлечении иностранных капиталов.

В течение 20-х гг. серьезным оставался вопрос о выполнении советской стороной хозяйственно-экономических обязательств, взятых при заключении советско-афганского договора 1921 г. Общая смета расходов по выполнению технической части договора 1921 г. была определена в сумме 11 513 472 руб. (из которых 3 664 290 - в золотой валюте) и рассчитана на 3,5 года⁶¹⁵. К середине 20-х гг. из 6 основных советских обязательств полностью был выполнен лишь один - передача афганскому правительству 3 тыс. винтовок и патронов к ним⁶¹⁶. Остальные пункты были выполнены лишь частично. Это вызывало постоянные трения между сторонами. Лишь в 1925 г. для реализации договора советская сторона создала комиссию в составе Г.В.Чичерина (реально замещал его Л.М.Карахан), Л.Б.Красина и Г.Я.Сокольников⁶¹⁷. После ее вмешательства вопрос о выполнении обязательств перед Афганистаном сдвинулся с места.

Комиссия рассмотрела прежде всего вопрос о выполнении главного советского обязательства - ежегодных финансовых субсидий. Афганское правительство считало, что из 4 млн. руб., которые СССР в соответствии с договором должен был к этому времени выплатить Афганистану, были

* Лишь в январе 1931 г., после прихода к власти М.Надир-шаха, в Кабуле был открыт первый в стране банк "Асхами", который, по сути, был государственным. Пользоваться кредитами банка могли только афганские граждане. На его базе в октябре 1932 г., путем увеличения основного капитала за счет участия национального купечества, был создан Афганский Национальный банк. (Подробнее см.: Гуревич Н.М. Очерк истории торгового капитала... - С.37, 43)

переданы лишь 1250 тыс. руб.* Однако руководство НКВД официально заявило, что считает советские финансовые обязательства перед Афганистаном за 1921-1924 гг., за исключением небольших сумм, выплаченными. Несовпадение позиций было связано с тем, что афганцы не учитывали военную и другую помощь, которую СССР оказал Кабулу в период волнений в Хосте. Действительно, когда осенью 1924 г. начались события в Хосте, советское правительство для подавления восстаний сверх договора передало Кабулу 4,5 тыс. винтовок, 3 тыс. патронов, 50 пулеметов и одну полевую радиостанцию. НКВД получил установку Политбюро ЦК ВКП(б) дать это оружие и технику в счет субсидии. Однако, когда Г.В.Чичерин напомнил афганскому послу в Москве Хашим-хану об этом условии, тот выразил удивление. Оказалось, что Л.Н.Старк при передаче оружия Афганистану, не сообщил афганскому руководству об этом условии, а Москву убедил повременить с его объявлением. Вместе с тем, даже у представителей НКВД данные о стоимости переданного оружия, не совпадали: заведующий Отделом Среднего Востока НКВД В.М.Цукерман, например, считал, что стоимость переданного в 1924 г. афганцам оружия и другой техники составляла 750 тыс. руб., а по данным Г.В.Чичерина - не менее 1 млн. руб.⁶¹⁸. Однако в любом случае невыплаченными оставались около 2 млн. руб. В.М.Цукерман предложил комиссии ЦК невыплаченную часть также погасить за счет афганского военного заказа (50 тыс. винтовок и 5 млн. патронов к ним). Кроме того, в 1926 г. советское правительство было намерено передать Афганистану в счет финансовой субсидии около 1 млн. руб. в виде паев и акций, вложенных в смешанные советско-афганские общества и предприятия⁶¹⁹. Вероятно, какое-то из этих намерений не было выполнено или не учтено афганцами как ежегодная советская финансовая субсидия, ибо к осени 1927 г. советская задолженность вновь составляла 1850 тыс. руб.⁶²⁰. Таким образом, хотя и неправильно говорить, как это делают многие западные исследователи, что советская сторона практически не выполняла своих финансовых обязательств перед Афганистаном, следует признать, что даже в иной, замаскированной форме, они носили нерегулярный характер.

Другое советское обязательство - строительство телеграфной линии (1250 км.) Кушка-Кабул. К 1925 г. она была доведена лишь до Герата и ее продолжение столкнулось с проблемой: по какому из 3-х возможных вариантов следует ее направить к Кабулу: через Кандагар, Маймана или

* Эта сумма не была выдана единовременно. Известно, что в марте 1921 г. ЦК РКП(б) и СНК, по просьбе Чрезвычайного афганского посольства М.Вали-хана, для поездки в Западную Европу постановили выделить в счет субсидии 120 тыс. руб. золотом, а постановлением СНК от 29 июня 1921 г. передали 1 млн. руб. золотом. Кроме того, в 1922 г. были отпущены средства на перевозку и установку в Кабуле двух радиостанций (14 900 руб.золотом). См. ГА РФ. Ф.130. Оп.5. Д.65. Л.107; Там же. Д.158. Л.5; Там же. Д.896. Л.27; Там же. Оп.6. Д.84. Л.147 об.

Хазараджат⁶²¹. Преимущество получило кандагарское направление, и в 1927 г. работы были завершены, связав Кушку и Кабул через Герат и Кандагар⁶²². Правительственная комиссия по выполнению договора активизировала в 1927-1928 гг. работы по строительству двухпроводной телеграфной линии на деревянных столбах на участке от Термеза до Мазари-Шарифа и Ташкуртана. В течение 1927 г. советские специалисты проложили кабели по самому трудному участку линии - через Амударью. Однако вскоре оказалось, что они не действуют: река рвала их и постоянный ремонт обходился очень дорого. Требовалась прокладка нового, более прочного телеграфного кабеля, а деньги, затраченные на предыдущие работы, оказались выброшенными на ветер. (В этом деле выявилась техническая неграмотность тех специалистов, которые приобретали кабели без учета особенностей их прокладки по дну своенравной реки).

Более заметно продвигалась работа на афганской территории: только за февраль-март 1928 г. на расстоянии 20 км. от берега Амударьи были установлены столбы и подвешены провода. Март и апрель оказались наиболее сложными в техническом плане для таких работ, ибо они проводились в районе песков. Лишь 15 апреля бригада советских специалистов вышла из песков и в конце апреля 1928 г. находилась в 7 км. от Мазари-Шарифа⁶²³.

Нереализованным советской стороной остался пункт о строительстве на афганской территории завода по производству бездымного пороха. Для его выполнения требовались значительные средства. В исследуемый период были выделены средства лишь для предварительных изысканий на местности по строительству такого завода и выезда советской изыскательской экспедиции в Афганистан в феврале-марте 1926 г.

Сложным оказался вопрос об открытии в Кабуле авиашколы. Он предполагал не только оборудование классов, но и передачу дополнительного количества учебных самолетов для овладения афганскими летчиками летных навыков. Рапорт Муклевича на имя заместителя наркома по военным и морским делам И.С.Уншлихта содержал план организации в Кабуле такой школы и исчислял советские затраты на ее обустройство в 135150 руб. Предполагалось, что эти суммы будут ассигнованы советским правительством.

Из 8 зенитных орудий для двух батарей СССР передал Афганистану лишь 6 орудий и 6 самолетов из 12 обещанных. Эти самолеты были переданы во время разразившегося в Афганистане хостского восстания, фактически направленного против правительства Аманулла-хана и его реформ. Прибывшие советские самолеты, по свидетельству коминтерновской "Сводки по Ближнему и Среднему Востоку", "произвели соответствующее впечатление и послужили одной из главных причин быстрой ликвидации восстания", после чего

афганское правительство начало вести переговоры об организации советскими специалистами воздушного флота страны, а также послало 20 афганских офицеров на учебу в советские летные училища⁶²⁴. 15 октября 1925 г. Л.Н.Старк сообщил в Ташкент уполномоченному НКВД в Узбекистане А.А.Знаменскому, что еще два советских самолета "благополучно прибыли в Кабул"⁶²⁵. К весне 1926 г. все 12 самолетов, обещанных по договору, были переданы афганскому правительству⁶²⁶. Теперь штат летчиков афганских воздушных сил в основном состоял из русских (36 человек)⁶²⁷.

В 1927 г. советская сторона была намерена добиться от афганцев подписания соглашения об установлении воздушного сообщения между Ташкентом и Кабулом (а через Ташкент соответственно с Москвой). Советская сторона пыталась инициировать переговоры об организации воздушной линии с Афганистаном еще в 1925 г., однако встретила сопротивление афганцев⁶²⁸. Лишь в 1927 г., когда уже было совершено 14 рейсов, обслуживаемых советским летным составом, подписание соглашения, как предполагали в Москве, должно было стать лишь официальным оформлением существующей воздушной линии. Однако выгодное обеим сторонам соглашение оказалось тесно связано с политической конъюнктурой. Первоначально Кабул неохотно откликнулся на это предложение, боясь, что оно только усилит советское присутствие в Афганистане. Однако, когда в конце 1927 г. эмир начал собираться в длительную заграничную поездку, афганское руководство оказалось перед необходимостью обеспечить быструю связь с падишахом во время его путешествия. По признанию Л.Н.Старка, советской стороне вполне удалось "использовать сложившуюся обстановку".

Хотя афганцы предлагали заключить соглашение лишь на время поездки падишаха, т.е. на 6-7 месяцев, советская сторона категорически заявила, что не считает возможным заключать соглашение на срок менее года. В результате, 28 ноября 1927 г. Л.Н.Старком и управляющим министерством иностранных дел Афганистана Гулам Сиддик-ханом было подписано соглашение на срок до 1 января 1929 г.⁶²⁹. Оно установило, что рейсы самолетов между Ташкентом и Кабулом будут совершаться два раза в месяц, а также по мере надобности⁶³⁰. Советское руководство видело основное значение достигнутого соглашения в том, что важная воздушная линия, обслуживаемая советским летным составом, становилась полностью подконтрольна СССР.

Однако в течение первой половины 1928 г. воздушное сообщение между Ташкентом и Кабулом оставалось нерегулярным: советским летчикам обычно приходилось по нескольку дней, а то и недель ждать в Термезе, когда откроется возможность перелета через территорию Афганистана. Главная причина такого положения заключалась в отсутствии в Термезе радиостанции. В результате летчик, вылетевший в

Кабул, нередко вынужден был возвращаться с полдороги назад из-за плохой погоды в афганской столице⁶³¹.

В таких условиях в Кабул были отправлены 16 советских самолетов, предназначенных для передачи афганскому правительству. Отряд летчиков возглавил пилот Орловский, который 26 марта выехал из Москвы в Ташкент. Он принял решение лететь в Кабул через Термез между 25 и 30 апреля двумя отрядами самолетов с промежутком времени между группами час-полтора. Москва дала разрешение под ответственность самого Орловского. Однако ни он, ни члены его группы практически не знали особенностей полета в воздушном пространстве Афганистана, не было проведено специальных испытаний. Перелет был плохо подготовлен, в то время как сами машины находились в исправном состоянии.

Из Ташкента команда Орловского вылетела с неслетанным составом, на разных высотах. Еще на советской территории произошли две катастрофы. 27 апреля произошла первая катастрофа самолета с летчиком Якушенко: сам летчик получил серьезные ранения, а для его помощника полет окончился смертельным исходом. В результате второй катастрофы летчик сгорел в самолете. Летчики плохо ориентировались в воздушном пространстве Афганистана, уклонялись от маршрутов, многие долго "блуждали": один самолет, которым управлял летчик Садовников, попал в Индию; Снежков заблудился и сел в районе Джалалабада. В Кабул из 16 машин прибыли только 8 и затем из Индии и Джалалабада были доставлены еще 2 машины⁶³². Подобный перелет привел к соответствующей оценке афганцами не только надежности советских обещаний выполнить условия соглашения, но и профессиональных качеств советских летчиков. Однако советские летчики быстро восстановили свой престиж в Афганистане, совершив ряд удачных перелетов. К концу 20-х гг. в его воздушном пространстве постоянно конкурировали между собой два основных направления: Кабул-Пешавар, где летали в основном английские самолеты, и трасса в 1140 км. Ташкент-Термез-Мазари-Шариф-Кабул, обслуживаемая советскими летчиками.

К середине 20-х гг. у советского руководства усилилась противоречивость представлений по вопросу об оказании Афганистану военной и экономической помощи: было ясно, что она не достигает поставленной цели - превратить эту страну в зону советского экономического и политического влияния, для этого требуются новые огромные финансовые вложения. В то же время было понимание, что советская сторона в условиях острого соперничества с Англией на Востоке заинтересована в существовании Афганистана как "буфера-барьера, ограждающего среднеазиатские советские республики." В этой связи член миссии Я.З.Сурица в Кабул М.Розенберг в письме заместителю наркома иностранных дел М.М.Литвинову считал, что

“всякое усовершенствование путей сообщения Афганистана, над которым мы бескорыстно работаем, является с этой точки зрения для нас невыгодным”⁶³³. Однако НКВД не хотел соглашаться с таким взглядом, понимая, что если СССР не станет укреплять экономические позиции в Афганистане, то это сделает Англия.

Политическая значимость советско-афганских экономических отношений 20-х гг. наиболее значимо проявилась при подготовке экономического договора с Афганистаном. Подписание торгового договора должно было юридически закрепить советские экономические права в Афганистане, в то время как при его отсутствии достигнутое политическое влияние в этой стране могло в любой момент стать эфемерным. Тем более, что на практике многие экономические позиции СССР в Афганистане были уже неплохо закреплены и им не хватало только юридической базы для дальнейшего развития.

Нотой от 12 октября 1927 г. полномочное представительство СССР в Афганистане сообщило афганскому правительству о готовности начать переговоры. Советскую делегацию возглавил полномочный представитель СССР в Афганистане Л.Н.Старк; членами делегации были назначены - торговый представитель СССР в Афганистане Б.В.Лавров (зам.председателя), первый секретарь полномочного представительства СССР Э.М.Рикс, экономический консультант делегации И.А.Беляев, а также переводчики - Б.И.Тутолмин и Г.Зудин⁶³⁴. Афганскую сторону представлял хорошо известный советскому руководству по событиям в Бухаре Абдул Хади-хан Дави, который в связи с подготовкой торгового соглашения приехал на три месяца в СССР⁶³⁵.

Новый (третий) раунд переговоров о заключении торгового договора между СССР и Афганистаном начался 21 октября 1927 г. и к весне 1928 г. его основные статьи были согласованы. Однако подписание договора не состоялось: стороны не смогли достичь согласия по вопросу о транзите афганских товаров через территорию СССР. Как и раньше, советское руководство считало, что оно не может допустить свободного и неограниченного транзита афганских товаров по советской территории. По мнению Москвы, это требование афганцев подрывало основы торговой монополии. Здесь были уверены, что вслед за афганским импортом или под его флагом на советскую территорию хлынет англо-индийская и европейская продукция, конкурировать с которой в открытую советская экономика не могла.

Однако в советской позиции все же произошли изменения: Москва была согласна допустить транзит определенного контингента афганских товаров и только советскими транспортными средствами. По мнению Политбюро ЦК ВКП(б), транзит был способен подорвать позиции западных стран в Афганистане⁶³⁶ и усилить советский контроль над афганской экономикой. При этом Москва надеялась на возможность

секретного от официального Кабула "сброса" афганских вывозных товаров на рынки Европы по демпинговым ценам⁶³⁷.

Вместе с тем, советская делегация считала, что условия договора неравнозначны: если СССР предоставит Афганистану право транзита товаров в Европу через свою территорию, то афганцы, за неимением железных дорог и хорошей сети автомобильных трасс, не смогут обеспечить равные возможности доставки советских товаров не только к границам Индии, но даже в южные районы страны⁶³⁸. Сами афганцы не хотели считаться с принципом взаимности, отказывались предоставить свободу для транзита советских товаров через свою территорию, считая, что торговая деятельность советских организаций должна ограничиваться определенными пунктами на афганской территории⁶³⁹.

В Москве были сильны опасения, что свободный провоз афганских товаров через советскую территорию может подорвать монополию внешней торговли. Советская делегация серьезно подозревала, что афганцы добиваются свободы транзита по советской территории совсем не для собственной продукции, представляющей в основном сырье или полуфабрикаты, а для перепродажи англо-индийских промышленных товаров. В условиях действия в СССР монополии на внешнюю торговлю и ограничения ввоза товаров европейского производства через западную границу, они могли получить исключительные права не только для транзита англо-индийских товаров, но и "сброса" их на советской территории. Это должно было повысить экономический вес и роль афганцев как посредников перед Западом. Пытаясь переубедить афганскую сторону, полпред СССР Л.Н.Старк в ноте заместителю министра иностранных дел Афганистана М.Вали-хану сетовал на то, что афганская делегация усматривает ценность торгового договора "не в развитии торговли с СССР", а лишь "в возможности торговли Афганистана с третьими странами и использовании для этого путей, идущих через СССР"⁶⁴⁰.

Так как обе стороны были не намерены уступать, переговоры по заключению торгового договора зашли в тупик и в течение 20-х гг. больше не возобновлялись*. Более того, в период правления Бачаи Сакао торговые отношения Афганистана как с СССР, так и с Персией (Ираном) были практически прерваны. Период всеафганской смуты отбросил назад многие советские экономические достижения в Афганистане. При М.Надир-шахе советские дипломатические и торговые представители с большим трудом пытались восстановить ранее достигнутый уровень экономических отношений и влияния в этой стране. Однако политическая ситуация была уже иной.

* Торговый договор был подписан сторонами в мае 1936 г.

ГЛАВА 9

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ
И ПОЗИЦИЯ СССР

7 декабря 1927 г. афганский падишах с большой свитой отправился в длительное путешествие и посетил 12 стран Азии и Европы. Аманулла-хан был первым из коронованных особ, вступивших на советскую землю. 2 мая 1928 г. поезд с падишахом прибыл на пограничную станцию Негорелое; ночью проехал Минск и 3 мая в 11 час. утра прибыл в Москву. Советская столица встретила афганского монарха торжественно, стремясь подчеркнуть особую расположенность советского руководства к Аманулла-хану⁶⁴¹.

7 мая состоялась встреча падишаха с народным комиссаром иностранных дел СССР Г.В.Чичериным. В Кремле хотели знать, что изменилось во взглядах афганского монарха после мирового турне и как могут сказаться на советско-афганских отношениях многочисленные экономические и политические предложения, полученные им в европейских столицах. Аманулла-хан заверил Москву, что в его отношении к СССР не произошло изменений: "Для Афганистана советский режим в России - это необходимость. Я люблю Советскую Россию и с самого начала нашел в ней друга; мы будем развивать эту дружбу. В этом вы можете быть уверены"⁶⁴². Однако прозвучавшие с советской стороны нотки нравоучений в отношении ряда подписанных в ходе турне соглашений (в частности, Г.В.Чичерин выразил недовольство советской стороны экономическим соглашением Афганистана с Польшей, которая заявила о намерении участвовать в переработке афганского хлопка), встретили резкий отпор Аманулла-хана, заявившего, что все внешнеполитические вопросы являются делом его страны как суверенного государства⁶⁴³.

Поездка по странам мира дала новый импульс реформаторской деятельности афганского падишаха. После возвращения в Кабул он представил Лоя Джирге программу дальнейших реформ, которая содержала пункты установления равенства женщин, введения трехлетней воинской службы, создания парламента, состоящего из 150 представителей, избранных народом⁶⁴⁴. Осуществление этих мероприятий могло окончательно лишить знать, верхушку мусульманских богословов и вождей племен прежних налоговых льгот и военных привилегий.

На такие решительные шаги можно было пойти, имея прочный социальный тыл, активную поддержку дехканства, городов и, в первую очередь, армии. Между тем, такой поддержки реформам не было. За

десять лет своего правления Аманулла-хан не сумел создать ни крепкой армии на смену племенным ополчениям, ни хорошо контролируемой бюрократии. Тесть Аманулла-хана М.Тарзи пытался всячески удержать его от поспешных и непродуманных решений. Однако он не чувствовал приближающейся опасности. После одной из таких бесед с М.Тарзи падишах выразил свое недовольство "постоянными нравоучениями", заявив ему, что "больше этого терпеть не намерен"^{645*}.

В ноябре 1928 г. в Восточной провинции, где проживало пуштунское племя шинвари, начались волнения. По некоторым сведениям, они имели тесную связь с событиями, которые произошли в августе 1928 г. и привели к срыву Джирги^{**}. 20 ноября правительство начало военные действия против восставших: два правительственных самолета бомбардировали восставшие поселки, а 21 и 22 ноября еще 14 самолетов прибыли в этот район. Бомбардировки производились по приказу падишаха советскими летчиками. Слухи об этом стали быстро распространяться среди восставших и вызвали озлобление к СССР. В период до 30 ноября правительственной авиацией было совершено 45 вылетов в район восстания и сброшено 143 бомбы⁶⁴⁶.

Положение правительственных сил стало ухудшаться, когда в восстание стали включаться и другие племена. На северо-западе от Кабула проявили себя кухдаманцы, которых возглавил таджик Бачайе Сакао. По свидетельству советского журналиста Евгения Шуана, работавшего в тот период в Афганистане, Бачайе Сакао было на вид 35-40 лет. Он был высокого роста с темным цветом кожи, с глубокими следами оспы на лице. Было известно, что он сын крестьянина из деревни чарикарского уезда (примерно в 30 км. на северо-запад от Кабула). Отец его был повешен за постоянные разбои и мать вышла вторично замуж за водоноса. Отсюда и произошло его прозвище - Бачайе Сакао (сын водоноса).

В ранний период правления Аманулла-хана Бачайе Сакао служил рядовым солдатом "в образцово-показательной дивизии", сформированной Джамал-пашой, и даже участвовал в подавлении восстания мангал (1924 г.) в южных провинциях. Дослужился до звания

* М.Тарзи ушел в отставку. В январе 1927 г. он покинул Кабул и уехал в Европу. На посту министра иностранных дел его сменил честолюбивый и корыстный, ведший двойную игру как с Аманулла-ханом, так и с англичанами, Гулам Сиддик-хан. В период восстаний М.Тарзи ненадолго вернулся в Афганистан и покинул Кабул вместе с Аманулла-ханом.

** Хазрат-и Шур Базар (родственник претендента на афганский трон Абдул Карима) и главный казий высшей судебной комиссии Абдурахман пытались поднять восстание в южной провинции. Хотя попытка восстания была пресечена, работа Джирги была сорвана. 2 сентября Джирга закрылась. (Подробнее см.: Доклад "К событиям в Афганистане. Совершенно секретно. 25 декабря 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.148-149, 151.)

командира взвода⁶⁴⁷. После расформирования "образцовой" дивизии, Бачайе Сакао оставил службу и вернулся в Кухдаман, в деревню Калакан, где стал заниматься сельским хозяйством. Однако его несколько раз арестовывали по обвинению в кражах, которых он не совершал (эта история была рассказана Е.Шуану самим Бачайе Сакао во время интервью после въезда в Арк). В результате он "разозлился" на местные власти настолько, что сколотил небольшую банду и начал заниматься грабежами.

Отряд Бачайе Сакао быстро разрастался и к осени 1928 г. уже насчитывал свыше 300 человек⁶⁴⁸. Его небольшая по численности шайка три года грабила в горах Кугистана, в Чарикарской долине и даже в окрестностях Кабула, постоянно ускользая от преследований властей. По свидетельству М.Р.Шивана, отряд Бачайе Сакао уходил на зиму в Индию, в Пешавар, где однажды был якобы завербован англичанами, которым пообещал создать своими действиями серьезное напряжение для афганских властей и тем самым условия для прихода на афганский трон М.Надир-хана⁶⁴⁹. Следует заметить, что биографические сведения о Бачайе Сакао, содержащиеся в литературе и в ряде архивных материалов, весьма противоречивы, а это одно из свидетельств, которое пока документально не подтверждено. Нет также ясного ответа на вопрос, поставленный историком В.Г.Коргунюм: "Каким же образом неграмотный грабитель смог возглавить широкое антиправительственное движение, приведшее к краху младоафганского режима, и каким образом впервые за многовековую историю Афганистана простой крестьянин был провозглашен эмиром?"⁶⁵⁰.

До середины декабря 1928 г. советские дипломаты считали угрозу Кабулу преувеличенной и в ответ на предложения турецкого посла начать эвакуацию персонала, особенно женщин и детей, всячески успокаивали⁶⁵¹. Имеются свидетельства, что некоторые представители советского военного руководства, оценивая в декабре 1928 г. происходящие в Афганистане события, считали, что им можно позволить развиваться не без пользы для СССР до уровня, не представляющего кардинальной опасности для режима Аманулла-хана. Об этом свидетельствует доклад начальника 7-го отдела штаба Среднеазиатского военного округа Сокольского, который считал, что "трезвый учет Амануллой создавшегося положения должен будет привести его к необходимости всемерного закрепления взаимоотношений с СССР, логическим результатом чего должно будет явиться соответствующее ослабление позиций Англии в Афганистане"⁶⁵².

Особого беспокойства на первых порах не было и у Аманулла-хана, возлагавшего большие надежды на использование самолетов для подавления восстания. 27 ноября 1928 г. в беседе со Л.Н.Старком падишах заявил, что восстание инспирировано англичанами и направлено лично против него. Он попросил советского

дипломатического представителя о срочной доставке из СССР на самолетах химических бомб⁶⁵³. Однако к середине декабря стало очевидным, что запасы горючего для заправки самолетов и бомб на исходе, а доставка их теперь затруднена. Связь с СССР через Мазари-Шариф была уже отрезана восставшими и оставалась надежда лишь на использование дороги Кандагар-Герат. Вместе с тем, советские военные и дипломатические представители в Афганистане в тот период еще были уверены, что борьба с повстанцами продлится долго, может быть, "год-два". Подобное настроение передалось и кабульским властям. На вопрос советских дипломатов, какова будет позиция Кабула, если восставшие потребуют "ухода эмира", министр иностранных дел Гулам Сиддик-хан уверенно заявил, что правительство готово на все, но "на это требование не пойдет"⁶⁵⁴.

Однако во второй половине декабря 1928 г. серьезность ситуации и опасность взятия повстанцами столицы усилились. Резко осложнилось положение советской дипломатической миссии. После сделанного в политических и пропагандистских целях заявления, что миссия СССР уверена в твердой позиции падишаха и не покинет его столицы, на карту были поставлены жизни людей (в том числе около 10 детей советских дипломатов и персонала миссии). Так как советские летчики участвовали в бомбардировках поселков восставших, не приходилось рассчитывать на благоприятное отношение и к ним. Не было возможности быстро эвакуироваться, так как предвидеть, когда произойдет захват города было трудно, а оставить столицу ранее этого советские дипломаты не могли по политическим соображениям.

Все советские граждане, находившиеся в Кабуле (около 60 человек), к 20 декабря были сосредоточены на территории представительства и готовились к обороне. Было собрано все имеющееся в полпредстве и на руках оружие. Кроме того, были получены 40 винтовок от афганского военного министерства. Паники не было, но было ясное понимание, что в случае нападения продержаться удастся не более недели. Тем не менее, оставалась надежда, что будет установлена связь с Ташкентом или Душанбе и произведена эвакуация семей летчиков и дипломатов в Термез⁶⁵⁵.

В январе 1929 г. ситуация вокруг Кабула достигла пика. В ночь с 13 на 14 января Аманулла-хан отрекся от престола в пользу своего старшего брата Инаятуллы-хана. Как показали дальнейшие события, это было поспешное решение, казавшееся тогда наименее болезненным для двора и рода, ибо трон должен был остаться в руках человека, представляющего правящую династию. 14 января в сопровождении ближайшего окружения, которое составляли тесть падишаха сардар М.Тарзи, министр иностранных дел Гулам Сиддик-хан, министр двора Мухаммад Якуб-хан, заместитель министра внутренних дел Абдул Ахад-хан и шесть телохранителей из эмирской гвардии, Аманулла-хан, прихватив с собой

золота на 45 тыс. фунтов стерлингов, выехал на пяти автомобилях в Кандагар⁶⁵⁶.

Решение о выборе этого города было принято под сильным давлением матери падишаха, после того, как она в декабре 1928 г. выезжала в Кандагар и куда были отправлены коронные драгоценности. Как в самом городе, так и в провинции проживал самый многочисленный в Афганистане этнос - дуррани, из которого происходила и правящая династия. Мать падишаха считала, что именно здесь она сможет употребить свое громадное влияние и популярность, чтобы расположить дуррани к Аманулла-хану⁶⁵⁷.

Ситуация в Кабуле развивалась быстро, но совсем не так, как предполагало окружение Аманулла-хана. 15 января, в тот день, когда Аманулла-хан достиг Кандагара, в Кабул торжественно въехал новый правитель - Бачае Сакао. 18 января он стал уже полновластным хозяином города и принял титул эмира, намеренно отказавшись от титула падишаха, введенного Аманулла-ханом. Инаятулла-хан, запертый в крепости, оказался не у дел и только после разрешения нового эмира сумел вылететь из Кабула на английском самолете "Виктория-Виккерс" в Пешавар, чтобы оттуда приехать в Кандагар.

Узнав о происшедших в Кабуле событиях, Аманулла-хан собрал в Кандагаре экстренное совещание и заявил об аннулировании своего отречения от трона. По его словам, он отреклся в пользу Инаятулла-хана, считая, что восстание направлено главным образом против его реформ и против него как реформатора. Однако свержение Инаятулла-хана свидетельствовало, по его мнению, что действия оппозиции сводятся к тому, чтобы вырвать власть из рук "национальной афганской династии дуррани". После заявления Аманулла-хана министр иностранных дел его правительства Гулам Сиддик-хан 27 января разослал из Кандагара всем дипломатическим представителям Афганистана за границей телеграммы с извещением о том, что Аманулла-хан аннулировал свое отречение от престола и вновь принял верховную власть, временно избрав Кандагар в качестве столицы. К чести Аманулла-хана, все афганские дипломатические представители за границей подтвердили свое признание ими Аманулла-хана в качестве падишаха. 31 января чрезвычайный посол Афганистана в СССР Гулам Наби-хан передал заместителю наркома иностранных дел Л.М.Карахану ноту, в которой официально довел до сведения советского правительства, что "Его Величество Аманулла-хан аннулировал свое отречение и стал во главе национального правительства, которое будет действительно представлять интересы всего афганского народа"⁶⁵⁸.

Для Аманулла-хана было важно, чтобы Англия признала его в качестве правителя всего Афганистана. Понимая определенную роль в событиях, которую играли или могли сыграть англичане, он стремился теперь не раздражать их и даже заручиться поддержкой, демонстрируя

изменение своей позиции. Так, на вопрос приехавшего в Кандагар специального корреспондента парижского издания газеты "Чикаго Трибьюн", правда ли, что мятеж в Афганистане подготовлен англичанами, Аманулла-хан ответил категорически отрицательно. Однако запоздалые реверансы в сторону англичан уже не помогли. 25 февраля английская миссия в полном составе покинула Кабул, заявив о невмешательстве в афганский конфликт, а 28 февраля британским консулом был оставлен и Кандагар (хотя в английских газетах известия об отъезде консула из Кандагара не появилось). Вслед за этим, английские самолеты помогли эвакуировать из Кабула и другие миссии⁶⁵⁹. По мнению британского исследователя Л.Пуллады, это было сделано для того, чтобы открыть дорогу к борьбе за власть для всех претендентов на трон и, в первую очередь, для М.Надир-хана, которому английский посол Ф.Хэмфрис симпатизировал⁶⁶⁰. В любом случае, этот шаг англичан реально изолировал Аманулла-хана от внешнего мира. Попытка падишаха пригласить дипломатов и сотрудников посольств переехать в Кандагар не увенчалась успехом. Англичане, опасаясь именно этого, перевезли всех сотрудников иностранных посольств и представительств сначала в Пешавар, а затем на своих самолетах развезли в разные страны⁶⁶¹. В Кабуле остались лишь советский полпред, турецкий посол, персидский и германский временные поверенные⁶⁶².

Покинув Кабул, Аманулла-хан резко ослабил свои позиции и фактически оказался в изоляции от населения, проживающего в северном Афганистане. Переезд в Кандагар показал, что падишах ищет опору лишь среди родственных этнических групп. Но особенно беспокоило Аманулла-хана то, что он оказался в изоляции от советской и иранской границ. Понимая это, падишах намеревался перебраться поближе к СССР. Так, 14 февраля он поручил Гулам Сиддик-хану выехать в Герат для выяснения обстановки в этом районе, а в Кандагар в начале февраля прибыли на самолете пятеро русских⁶⁶³. Хотя содержание их бесед с Аманулла-ханом осталось неизвестным, они доставили в Кандагар радиооборудование для того, чтобы падишах мог поддерживать связь с остальным миром⁶⁶⁴. Предполагая свой переезд на север Афганистана, он в середине февраля попросил корреспондента "Чикаго Трибьюн", вылетавшего на самолете из Кандагара в Герат, взять с собой его сестру, тещу и тестя. В соответствии с российскими архивными источниками, родные падишаха должны были затем направиться в Ташкент якобы для оказания срочной медицинской помощи одной из родственниц**.

* До конца февраля 1929 г. британские самолеты эвакуировали из Афганистана более 500 человек, включая 220 британских подданных, 54 немца, 49 турков, 25 персов, 34 афганца и некоторое количество французов и итальянцев. (Подробнее см.: Toynbee A.J. Survey of international Affairs. 1933. - P.184.)

** Если судить по свидетельству М.Губара, родственникам падишаха план переезда в СССР не удался. Ситуация в Герате изменилась и вся власть перешла в

Надежды Аманулла-хана на советскую помощь подтверждают и другие свидетельства. Так, в начале февраля Аманулла-хан срочно вызвал из Парижа обучавшегося там с 1922 г. своего старшего сына (не от Сурайи) Хедаятуллу. 3 февраля Хедаятулла выехал из Парижа через Берлин в Москву. Здесь он должен был ждать дальнейших инструкций отца. Известно также, что 18 и 19 февраля Аманулла-хан вел длительные переговоры с наиболее знатными и влиятельными людьми Кандагара, заявив им, что намерен передать управление своим наиболее доверенным лицам - младшему брату Обойдулле, матери и сардару Абдул Азиз-хану, а самому выехать в Герат. Однако намерение падишаха создало панику в городе, особенно среди торговых кругов. По настоянию купечества, а также почувствовав значительный рост симпатий к нему в городе, Аманулла-хан изменил свое решение и остался в Кандагаре⁶⁶⁵. Возможно, что от этого намерения пришлось отказаться прежде всего потому, что все подходы к советской границе через Герат в феврале уже были закрыты, а власть в провинции захватили представители Бачайе Сакао.

Хотя самые серьезные опасения в отношении судьбы советского полномочного представительства после вступления в Кабул отрядов Бачайе Сакао не оправдались, в Москву было сообщено, что его правительство намерено в будущем сохранить дипломатические отношения только с Англией; что Ф.Хемфрис разработал с Бачайе Сакао проект соглашения, по которому новый правитель Кабула был готов отказаться от независимости страны за ежегодную субсидию, которую Англия соглашалась возобновить. Обращала на себя внимание позиция английской официальной прессы, обычно тонко чувствовавшей симпатии своих правительственных кругов. Если в начале событий она называла Бачайе Сакао простым бандитом, то когда он захватил власть в Кабуле, британская печать стала усиленно создавать некий рыцарский, романтический ореол вокруг его имени. Его стали даже сравнивать с английским национальным героем Робин Гудом⁶⁶⁶.

Сообщалось также, что в самом начале событий англичане заключили с Бачайе Сакао тайное соглашение, в силу которого он должен был способствовать вступлению на кабульский трон М.Надир-хана, однако, получив власть, он якобы нарушил договоренность. Хотя англичане высказали ему по этому поводу претензию, Бачайе Сакао (эмир Хабибулла) ответил им, что обстановка изменилась и он "не хочет иметь ничего общего ни с англичанами, ни с Надир-ханом"⁶⁶⁷.

феврале 1929 г. под контроль сторонников Бачайе Сакао. В то же время Махмуд Тарзи, который, судя по всему, и не предполагал ехать в СССР, сумел добраться до Персии, а затем уехал в Стамбул. Однако министр иностранных дел Гулам Сиддик-хан, отправившийся на этом же самолете, некоторое время спустя смог добраться до советской территории и затем приехал в Москву. (Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. - С.188; Шиван М.Р. Воспоминания. - Л.79.)

Британский исследователь Л. Пуллада фактически подтверждает существование предварительной договоренности между англичанами и Бачае Сакао. Иначе, как объяснить его свидетельство о том, что Ф. Хэмфрис, сообщая в Лондон об отправке Бачае Сакао послов к М. Надир-хану, советовал не только пропустить их через индийскую территорию, но и тайно содействовать их поездке^{668*}. Правда, неизвестно, как в действительности поступило британское правительство.

Советским властям пришлось иметь в виду, что с приходом к власти нового эмира положение советской резиденции в Кабуле резко ухудшилось. Например, сразу была закрыта советская радиотелеграфная станция в Кабуле, а ее работников обвинили, что они, пользуясь своим монопольным положением, работали только с советскими станциями, игнорируя иностранные. Хотя эта претензия полностью соответствовала действительности, советское полномочное представительство восприняло ее как английскую провокацию. Вместе с тем, пока джалалабадские войска М. Надир-хана не угрожали Кабулу, новый правитель стремился вести себя джентельменом и понапрасну не портить отношения с иностранными государствами. Постояв около недели закрытой, станция возобновила свою работу на прежних условиях и конфликт был улажен⁶⁶⁹.

Советское руководство подозревало об участии англичан в инспирировании событий против Аманулла-хана и готово было поверить любым слухам. В частности, мировая печать сообщала о деятельности среди пуштунских племен английского полковника Т. Лоуренса⁶⁷⁰. По официальным сообщениям, 26 мая 1928 г. Т. Лоуренс (он же Шоу, Смитс) был переведен из Карачи на индо-афганскую границу⁶⁷¹, а затем с помощью денег якобы сумел поднять одно из афганских племен (шинвари) против Аманулла-хана под лозунгами защиты ислама^{672**}. Эти и другие сообщения в значительной мере определили отношение советского правительства к Бачае Сакао "как ставленнику англичан". Известно, что англичане всегда стремились создать серьезные затруднения для Аманулла-хана, подорвать или ослабить его власть, однако до сих пор нет документов, позволяющих твердо проводить связь выступления Бачае Сакао с английской подрывной работой в Афганистане. Хотя, безусловно, что в своей

* Это свидетельство, безусловно, не дает никаких оснований считать, как это нередко делалось в прошлом, Бачае Сакао или, тем более, М. Надир-хана "британскими ставленниками". При возможном британском содействии тому и другому, оно, тем не менее, не могло иметь на них определяющего воздействия.

** Следует признать, что личность и деятельность Т. Лоуренса окутана легендами, поэтому, на наш взгляд, без выявления новых архивных материалов не представляется возможным отделить правду от вымысла.

нелюбви к Аманулла-хану (в частности, известно о личной антипатии к нему британского посла в Кабуле Ф.Хэмфриса⁶⁷³), они были рады, что в Афганистане нашлись силы, способные отстранить его от власти. Когда Аманулла-хан выехал из Кандагара в Индию, чтобы проследовать затем в Европу, и комиссар Пешаварской провинции сообщил об этом вице-королю Индии, тот не сдержав своих чувств, воскликнул: "Наконец-то мы избавились от этого злодея! Теперь следует обращаться с ним не как с шахом, а как с политическим беженцем. Не надо жалеть помощи для него, но покинуть территорию Индии он должен как можно скорее"⁶⁷⁴.

У советского руководства не было ясной и твердой позиции в отношении афганских событий. Так как Бачайе Сакао происходил из крестьянской семьи, существовала прекрасная возможность продемонстрировать остальному миру, что законы мирового революционного движения присущи и этой стране, а происходящее в Афганистане оценить как крестьянскую революцию. Поддержка Бачайе Сакао казалась руководству ОГПУ разумным тактическим шагом, чтобы не потерять в случае смены режима уже достигнутые позиции в этой стране. Тем более, что Москва получала из Афганистана агентурные сообщения, из которых следовало, что положение Аманулла-хана непрочно и "поддерживать его нерационально, ибо это не даст реальных результатов, а только усилит озлобления против нас"⁶⁷⁵.

Однако эти планы были отвергнуты, так как вскоре обнаружилась тесная связь нового афганского правителя с басмаческими лидерами, которые после его прихода к власти активизировали свою деятельность. По свидетельству источников, басмачи были недовольны лояльной позицией к СССР Аманулла-хана и способствовали его свержению. Определенную роль в этом играли надежды бухарского эмира вернуться к власти с помощью нового правителя Афганистана или создать на афганском севере государственное образование, находящееся под его контролем. Известно, что Сеид Алим-хан не скрывал радости, узнав о захвате власти в Кабуле Бачайе Сакао, называя его в письмах к своим единомышленникам "великим борцом за ислам"⁶⁷⁶, способным помочь ему вернуться на родину.

Курбаши, сторонники бухарского эмира, поддерживали связи с Бачайе Сакао. В 1929 г. Ибрагим-бек, опираясь на его поддержку, намеревался вторгнуться в пределы советского Таджикистана. По свидетельству А.Валишева, незадолго до начала операции, все курбаши, которым предстояло принять участие в походе на север, во главе с Ибрагим-беком и бухарским эмиром Сеид Алим-ханом, присутствовали на секретном совещании у Бачайе Сакао⁶⁷⁷. Совещание проходило в условиях строгой конспиративности потому, чтобы заранее не выдать готовившееся вторжение и не дать советскому дипломатическому представительству повод заявить протест за поддержку Кабулом басмаческих формирований в нарушение условий Пагманского пакта

1926 г. Однако попытки одного из лидеров басмачества, бывшего каратегинского бека Ф.Максума, вторгнуться в июле 1929 г. в Таджикистан, не были успешными.

В период гражданской войны в Афганистане крупного вторжения басмачей на советскую территорию не произошло, хотя советские пограничники опасались, что именно в этот период оно было наиболее возможно. Причины такого положения вскоре стали ясны: таджикско-узбекские басмаческие формирования надолго втянулись в борьбу за кабульский трон, который, как им представлялось, мог сделать реальной и перспективу возвращения их к власти в Бухаре. Хотя Ибрагим-бек скрывал свои планы, по свидетельству одного из самых близких его советников, взятого в плен красноармейцами в 1931 г. Кур Артыка, он однажды признался: "Если какой-то кухистанец (имеется в виду Бачайе Сакао - С.П.) смог взять власть с божьей и нашей помощью, то почему же мы, локайские узбеки, имея здесь (в Афганистане - С.П.) до 6 тыс. джигитов, не можем отнять у него престол и крепко держать его"⁶⁷⁸.

Так как лидеры басмачей активно поддержали Бачайе Сакао, они понимали, что приход к власти в Кабуле М.Надир-хана отразится на их положении в Афганистане. Открытые столкновения басмаческих отрядов с афганцами вызвали серьезное напряжение и отвлекли от массированного вторжения на советскую территорию. Планам вторжения в 1929 г. помешало и руководство ГПУ Таджикистана, принявшее меры: к границе были направлены дополнительные красноармейские части⁶⁷⁹. Кроме того, советское правительство сделало осмысленный тактический ход: чтобы предупредить возможную поддержку населением отрядов Ибрагим-бека, готового выступить под национальными лозунгами, было решено придать Таджикской АССР статус союзной республики.

Поскольку все сообщения, получаемые советскими властями, свидетельствовали о том, что правительство Бачайе Сакао настроено антисоветски, было решено делать ставку на возвращение Аманулла-хана к власти. С конца 1928 г. разрабатывалась идея активного советского участия в разрешении афганского кризиса. Уже тогда советские дипломаты достигли с представителями падишаха понимания, что следует сформировать две основные армии: одну - в Кандагаре среди дуррани, которые поддержат своего падишаха*, другую - на севере, в районе Мазари-Шарифа, где значительную роль могли сыграть советские вооруженные отряды, вступив на афганскую территорию и став основой новой армии. Известно, что в 20-х числах декабря советский

* Вероятно, этот мотив сыграл свою роль в решении Аманулла-хана переехать в Кандагар. Характерно, что в архивных документах не обнаружено никаких свидетельств отрицательного отношения советской дипломатической миссии на отъезд падишаха из Кабула, что косвенно может свидетельствовать о достигнутом сторонами тайном военном соглашении.

посол Л.Н.Старк* обсуждал эти варианты в Кабуле с Гулам Сиддик-ханом⁶⁸⁰. Правда, правительство Аманулла-хана было еще не готово к практическим шагам в этом направлении и не дало определенного ответа на советские предложения.

Советское политическое и военное руководство понимало опасность своего непосредственного участия в гражданской войне. В декабре 1928 г. советский военный атташе в Кабуле И.А.Ринк, после очередных консультаций с афганцами об оказании им военной помощи, писал в Москву: "...игра стоит свеч и если удастся отстоять Аманулла и вместе с тем связать его определенными условиями, наше положение здесь будет крепкое. Но в случае неудачи мы можем потерять все"⁶⁸¹. Хотя в Москве преобладали представления о необходимости активного соперничества с Великобританией в Афганистане, усиленные сообщениями мировой печати о тайном участии англичан в конфликте, пока ситуация в Афганистане давала надежды на самостоятельные действия Аманулла-хана, советское руководство тянуло с принятием решения об открытой его поддержке.

Лишь весной 1929 г. И.В.Сталин решил поддержать Аманулла-хана. Это решение было принято 3 апреля после встречи И.В.Сталина с афганским министром иностранных дел Г.Сиддик-ханом, который был отправлен Аманулла-ханом в Москву со специальной миссией⁶⁸². (На беседе присутствовал советский военный атташе в Афганистане В.М.Примаков). Было решено направить в Афганистан специальный вооруженный отряд численностью до 1 тыс. красноармейцев под общим командованием В.М.Примакова, который должен был действовать под псевдонимом турецкого офицера Рахим-бека. Формальное руководство отрядом, для обоснования законности вторжения, возлагалось на брата Г.Сиддик-хана, афганского посла в Москве Гулам Наби-хана Чархи^{683*}. Кавалерийский артдивизион возглавил И.Е.Петров (впоследствии генерал армии, Герой Советского Союза)⁶⁸⁴, а заместителем командира отряда был назначен русский офицер полковник Сатаров. Кроме того,

---

* 4 июля 1928 г. Коллегия НКВД постановила присвоить советскому дипломатическому представителю в Кабуле звание посла. (Подробнее см.: Теллинский Л.Б. 50 лет советско-афганских... - С.66.)

** Роль Гулам Наби-хана в этой операции не до конца прояснена. По сообщению источников, в самом отряде ходили разные слухи: одни говорили, что он воюет, чтобы вернуть Аманулла-хана на престол, другие, что преследует свои далеко идущие планы и имеет виды на афганский трон. Во всяком случае, нет, по нашему мнению, никаких оснований говорить о преданности этого человека Аманулла-хану. Например, известны факты, что он неоднократно интриговал против Аманулла-хана и, будучи послом в Париже, пытался оказывать влияние на обучавшегося во Франции сына падишаха Хидаятулла-хана. Вследствие этого последовало его перемещение из Парижа в Москву. (Подробнее см.: Шиван Мухаммад Рахим. Воспоминания. - Л.78.)

для командования подразделениями отряда были собраны афганские офицеры, учившиеся в СССР и Турции: Надир-шах Лагмани, Султан Ахмад-хан, Хабаш-хан, Мухаммад Гаус-хан, Закря-хан Тарзи; начальником штаба стал афганец, выпускник турецкого военного училища полковник Гулам Хайдар-хан⁶⁸⁵.

Если учесть, что И.В.Сталин никогда не испытывал личной привязанности к афганскому падишаху, то следует думать, что целью этого шага было прочнее привязать афганского монарха и его страну к СССР, укрепить и усилить в ней советское влияние. Принимая такое решение, И.В.Сталин и военное командование были намерены опередить готовящееся вторжение на советскую территорию басмаческих отрядов Ибрагим-бека и не допустить распространения в Таджикистане опасных для Кремля идей Ибрагим-бека о создании независимого от Москвы Туркестана, включающего в себя и районы северного Афганистана.

Характерно, что в принятии решения о начале операции не участвовали ни члены Политбюро, ни Наркоминдел, ни даже ОГПУ. Об этом свидетельствует резидент ОГПУ в Афганистане 1924-1926 гг., а затем сотрудник его центрального аппарата Г.С.Агабеков, который сам, почти случайно, узнал о принятом решении от секретного сотрудника ОГПУ Баратова-Аршака, работавшего в Афганистане под видом уполномоченного Наркомторга, а теперь получившего личное приглашение В.М.Примакова записаться в отряд. Накануне, зная по телеграммам из Кабула об ухудшающейся ситуации для Аманулла-хана и о новых успехах войск Бачайе Сакао, руководители ОГПУ и НКВД обсуждали варианты развития ситуации, склоняясь, то к поддержке Бачайе Сакао, то М.Надир-хана. Заместитель наркома иностранных дел Л.М.Карахан, по свидетельству Г.С.Агабекова, высказывался в поддержку М.Надир-хана, считая, что лучше иметь дело с ним, чем с таджиком Бачайе Сакао. По мнению Л.М.Карахана, М.Надир-хан не станет разрабатывать агрессивные планы в отношении советского Таджикистана и направит свои усилия в сторону индийской границы. По свидетельству Г.С.Агабекова, на этом совещании вопрос о поддержке претендентов на афганский трон не был решен: предполагалось, что вторым заместителем председателя ОГПУ М.А.Трилиссером будет подготовлен доклад со всеми предложениями по ситуации в Афганистане, а Л.М.Карахан в ближайшие дни поставит этот вопрос перед членами Политбюро ЦК ВКП(б)⁶⁸⁶... Решение И.В.Сталина начать военную операцию в поддержку Аманулла-хана опередило эти планы.

Операция интервентов началась ранним утром 18 (или 19) апреля 1929 г. Отряд из 800 "отборных красноармейцев-коммунистов, переодетых в афганскую форму и вооруженных большим количеством пулеметов и артиллерии", был поддержан с воздуха 6 аэропланами,

нагруженными бомбами и с установленными пулеметами*. Переправившись в районе Термеза на лодках и баржах через Амударью отряд уничтожил афганский пограничный пост Патта-Гиссар, охраняемый полусотней солдат, а затем разгромил пришедший им на подмогу гарнизон из Сия-Гарта⁶⁸⁷. Характерно, что накануне этого вторжения в Кабуле распространились слухи о появлении в северных провинциях Афганистана боевого отряда Гулам Расул-хана (из племени исхакзай), к которому присоединились хазарейцы. Видимо, это было неслучайно: Гулам Расул-хан ждал высадки частей В.М.Примакова - Г.Наби-хана; должен был подготовить для них почву или, по крайней мере, отвлечь внимание войск кабульского правительства. Так приходится думать, ибо после высадки на афганской земле отряды Гулам Наби-хана и Гулам Расул-хана, по сообщению Файз Мухаммада, объединились и вместе участвовали во взятии Мазари-Шарифа⁶⁸⁸.

Мазари-Шариф был взят 20 апреля (или 22)** в жестоком бою. При этом оказалось, что советское консульство в Мазари-Шарифе даже не было поставлено в известность о готовящейся операции. Интервенты выдвинули орудия в упор городским воротам и одним залпом разбили их вдребезги. Город был взят с традиционным русским "Ура!", несмотря на то, что командование отряда просило солдат лишний раз не говорить по-русски. По данным Г.С.Агабекова, при взятии Мазари-Шарифа было убито около 3 тыс. афганцев, в то время как потери отряда составили единицы. Из Мазари-Шарифа отряд двинулся на Таш-Курган, который взял практически без боя. По сообщению нелегального представителя Разведупра в Мазари-Шарифе Матвеева, красноармейцы "всех попадавших по пути отряда жителей тут же пристреливали, чтобы они не могли предупредить о нашем движении. Благодаря этой тактике, о нашем наступлении в Кабуле стало известно лишь на седьмой день после взятия Мазари-Шарифа"⁶⁸⁹. К концу мая вся провинция Балх оказалась под властью Гулам Наби-хана, а, в действительности, красноармейского отряда.

* Некоторые западные авторы, ссылаясь на секретные британские доклады того времени, явно преувеличивают размеры вторжения. Так, например, Т.Хаммонд не исключает, что во вторжении участвовали до 6 тыс. человек, поддержанных 40 советскими самолетами. Вместе с тем, с ним можно согласиться в том, что действуя на афганской территории, особенно в районе Мазари-Шарифа, Г.Наби-хан имел возможности значительно увеличить отряд за счет своих сторонников. (Подробнее см.: Hammond Th. Red Flag over Afghanistan... P.16.)

** Так как даты у Г.С.Агабекова отсутствуют, они определены в сопоставлении с сообщениями М.Губара в его книге "Афганистан на пути истории". Правда, возможно, что и М.Губар не всегда точен: в архивном документе есть прямое указание, что отряд Гулам Наби-хана вступил в Мазари-Шариф 22 апреля. (См.: Секретная справка о положении сторон в Афганистане к 25 апреля 1929 г. Из Кабула, от консульств из Мазари-Шарифа и Герата. - АВП РФ. Ф.071. Оп.12. Пап.16а. Д.13. Л.97.)

30 апреля в Кабуле состоялись переговоры представителей афганского правительства и поверенного в делах СССР в Афганистане Э.М.Рикса, во время которых кабульские власти заявили протест СССР за помощь Гулам Наби-хану. Э.М.Рикс, категорически отрицая какое-либо участие советского правительства в организации наступления Гулам Наби-хана, тем не менее заявил, что не имеет точных сведений и обещал запросить Москву. Возможно, что в тот период он действительно еще не знал подробностей организации этой интервенционистской акции. Однако, на всякий случай, он связал эти события с активностью басмачей на границе, заявив встречный протест Кабулу за оказание помощи басмаческим отрядам Ф.Максума.

Пока ожидали ответ из Москвы на ноту кабульского правительства, афганские власти со своей стороны получили дополнительные подтверждения непосредственного советского участия в аванюре Гулам Наби-хана. Источники кабульского правительства сообщили, что после взятия Мазари-Шарифа, в период с 28 апреля по 8 мая, ежедневно по 5 советских самолетов вылетали из Термеза и бомбили территорию северного Афганистана. 11 мая в 9 час. 30 мин. утра три советских самолета снова кружились над Хаят-Абадом и сбросили 5-6 бомб, из которых 2 взорвались, убив несколько человек мирного населения⁶⁹⁰. Правительство Бачае Сакао 17 мая вновь заявило жесткий протест советской стороне. В нем были изложены советские планы бомбардировок Кабула, которые, по сообщениям информаторов кабульского правительства, должны были состояться в ближайшие дни. Опережая возможные советские действия, Хабибулла-хан заявил советскому полномочному представительству, что "если эти самолеты действительно будут бомбить Кабул, то они могут принадлежать лишь вашему государству"⁶⁹¹.

Правительство Хабибулла-хана с самого начала не поверило в непричастность советских властей к организации столь значительной интервенционистской кампании, считая, что такое большое количество вооруженных людей и боевого снаряжения не могло пройти через советскую границу незамеченным, что ему просто неоткуда было взяться без советской помощи. Министр иностранных дел в правительстве Хабибулла-хана Сахиб-заде Атаулхак-хан выразил удивление по поводу уверений советских дипломатов, что они не имели оснований отказать афганскому послу покинуть СССР и выехать к своему правительству. Если это так, заявил он, то как получилось, что он "привез с собой 18 и 9 фунтовые орудия (4¹/₂ и 3 дюймовые), громадное количество пулеметов, солдат, одетых в советское одеяние, боевые самолеты с большими и малыми бомбами и русские лошади и седла"⁶⁹². В ноте от 23 мая 1929 г. Атаулхак-хан заметил советскому представителю, что "отдельный невооруженный человек одним своим существом не может совершить подобных крупных дел"⁶⁹³. Несмотря на строгие указания командования

интервенционистского отряда не оставлять следов, войска "Центрального правительства" захватили лошадь с седлом, имевшим русское тавро. Кроме того, Кабул заявил, что большинство убитых с нападающей стороны были европейцами по происхождению⁶⁹⁴.

Факт прямой агрессии был очевиден, а сама операция, как говорится, "шита белыми нитками". Однако поверенный в делах СССР в Афганистане Э.М.Рикс, даже когда советский отряд уже занял значительную часть северного Афганистана, продолжал настойчиво отрицать советское участие в событиях: "Правительство СССР самым категорическим образом заявляет, что за все время гражданской войны в Афганистане ни один самолет не появлялся над афганской территорией без ведома кабульского правительства"⁶⁹⁵.

Когда в Кабуле стало известно о событиях на севере, против Гулам Наби-хана был выслан трехтысячный отряд под руководством военного министра в правительстве Бачае Сакао Сайид Хусайна. Сражение произошло за Таш-Курганом, недалеко от Айбака*. Кабульские войска были разбиты. Из 3 тыс. человек спаслись не более тысячи. Вторжение вызвало широкое недовольство народа, несмотря на то, что к русским в Афганистане до сих пор относились хорошо; появились призывы помочь правительству, стали формироваться отряды⁶⁹⁶. Кабульские власти выпустили листовки, в которых говорилось: "В связи с нападением русских на Мазари-Шариф и Каттаган и вступлением их войск в те районы все жители Афганистана должны прекратить гражданскую войну и встать на защиту от нападения русских"⁶⁹⁷.

В конце мая Ибрагим-бек, раздраженный неудачами, вновь собрал 4 тыс. всадников, чтобы запереть вход в ущелье недалеко от реки Вахш⁶⁹⁸. Однако и на этот раз фортуна отвернулась от него. Красноармейцы продолжали без остановки двигаться в направлении Кабула.

...Но дошли они только до Айбака. В Москве И.В.Сталин, получив известие, что Аманулла-хан, оставив Кандагар, уехал из Афганистана, распорядился немедленно вернуть всех назад. На это решение повлиял британский ультиматум. Правительство Д.Макдональда, получив подробные сообщения о продвижении красноармейского отряда на севере Афганистана, предупредило, что если СССР не выведет свои отряды с афганской территории, то оно также будет вынуждено ввести свои части в Афганистан⁶⁹⁹. Кремль, находясь на пороге восстановления дипломатических отношений с Великобританией, решил не осложнять ситуацию. Кроме того, советское руководство постоянно "коробил" тот факт, что оно было вынуждено, защищая королевский трон, воевать с афганским народом.

---

* По другим данным, (если речь не идет о другом сражении) трехтысячным отрядом командовал Ибрагим-бек, а Сайид Хусайн шел ему на помощь. (Валишев А.А. Рейд, не вошедший в историю... - С. 51.)

За время похода в отряде были убиты и ранены 120 человек, афганцев же перебили около 8 тыс⁷⁰⁰. Возвращаясь на советскую территорию через Мазари-Шариф, отряд захватил с собой, в качестве компенсации за понесенные расходы, "8 ликхов (800 тыс.) рупий, разных товаров и ковров, сколько можно было увезти ... направился к Амударье и ... переправился в Россию". Вывод войск завершился к середине июня 1929 г⁷⁰¹. К этому времени на советской стороне нашли приют и другие противники Бачайе Сакао: например, командир гератской дивизии, противник центрального правительства генерал Мухаммад Гаус-хан, который вынужден был бежать в СССР после взятия сторонниками Бачайе Сакао Герата. Вместе с ним на советскую территорию прибыли около 60 его сторонников⁷⁰².

Гулам Наби-хан был недоволен решением советских властей вывести отряд с афганской территории и пытался этому противодействовать. Германские исследователи Г.Ноллау и Х.-Ю.Вие утверждают, что к этому времени он уже получил от Аманулла-хана письмо, в котором тот просил его прекратить борьбу, чтобы избежать еще большего кровопролития⁷⁰³. Однако, пока он находился в Афганистане, на территории Таджикистана по его поручению собирался новый отряд из афганцев, которых Гулам Наби-хан собирался повести на Каттаган, независимо от того, чем закончится советская военная операция. По его заданию эту работу выполнял в Таджикистане Мухаммад Рахим Шиван. Отряд был подготовлен и находился в Термезе в ожидании дальнейших действий. После вывода с афганской территории основного отряда М.Р.Шиван вместе с афганским генеральным консулом в Ташкенте Гулам Джилани-ханом, по поручению Г.Наби-хана, обратились к руководству туркестанского военного округа с просьбой не расформировывать афганский отряд, но получили категорический отказ. Вскоре отряд Г.Наби-хана был распущен⁷⁰⁴.

Считая дальнейшее сопротивление бесполезным, бывший падишах вместе с семьей и свитой 23 мая выехал в Индию, а затем в Европу, передав Кандагар Али Ахмад-хану. Однако уже 1 июня город был в руках Бачайе Сакао⁷⁰⁵. Печать соседних восточных стран неоднозначно оценила отъезд падишаха из Афганистана. Особенно этот шаг был непонятен персидской газете, издающейся в Индии, "Хабль-ал Матин". Она считала, что если бы Аманулла-хан поселился в Персии, он смог бы влиять на происходящие в Афганистане события и даже надеяться вернуть себе трон. Газета нашла отъезд Аманулла-хана в момент, когда вся страна обливается кровью, даже преступным: "приближенные падишаха, спасая собственную шкуру, ограбив, уезжают и увозят

* Гулам Наби-хан вернулся в Москву и некоторое время еще выполнял функции афганского посла в СССР. Гулам Сиддик-хан, который в период отсутствия Г.Наби-хана выполнял обязанности афганского посла в Москве, уехал в Германию. (Подробнее см.: Adamec Ludwig W. Afghanistan's foreign affairs... - P.193.)

падишаха в Европу, откуда хотят быть только зрителями"⁷⁰⁶. Видимо, несмотря на советскую поддержку, Аманулла-хан в тот период уже потерял надежду вернуть трон. Он, безусловно, понимал, что участие иностранной державы в гражданской войне грозило еще большими бедствиями народу и государству, и не хотел быть марионеткой в осуществлении чужих стратегических планов. Этот шаг был осознанием личной трагедии монарха-реформатора, ощутившего свое политическое одиночество и то, к чему привели его поспешные стремления в неподготовленной к реформам стране.

Между тем положение правительства Бачайе Сакао (Хабибулла-хана) не было безоблачным. Официально оно никем не было признано. Характерно, что оно именовало себя не общеафганским, а "центральным". Между тем, М.Надир-хан развивал наступление и даже заявил, что 2-4 октября будет в Кабуле. Он ошибся только на несколько дней: штурм Кабула начался 6 октября 1929 г. 13 октября войска М.Надир-хана вступили в Кабул. Иностранные наблюдатели отметили разницу, с какой входили в Кабул отряды Бачайе Сакао и М.Надир-хана: вступление войск М.Надир-хана в столицу сопровождалось грабежами; дипломатические миссии были разграблены. Как не странно, но уцелели только советская и персидская дипломатические миссии и это объяснялось не только тем, что другие миссии оказались в эпицентре событий, а советская - в отдалении, но было обусловлено и строгим приказом Шах Вали-хана солдатам накануне занятия столицы:

"Солдатам, борющимся за веру, объявляю: никто из вас не должен трогать посольства Высокого государства России, а наоборот, вы должны относиться к нему с уважением"⁷⁰⁷.

М.Надир-хан вступил в Кабул 15 октября 1929 г. и в тот же день на собрании общественности был избран новым падишахом Афганистана. 21 октября сторонниками М.Надир-шаха были захвачены и доставлены в Кабул Бачайе Сакао и Сайид Хусайн⁷⁰⁸. 1 ноября по постановлению совещания "представителей всех национальностей" вожди восстания во главе в Бачайе Сакао (12 чел.) были расстреляны⁷⁰⁹. Гражданская война, в результате которой в стране по самым скромным подсчетам погибло 150 тыс. человек⁷¹⁰, закончилась...

Хотя падение Аманулла-хана вызвало тревогу у советского руководства, в Москве несколько успокоились, когда на афганский трон вззошел М.Надир-хан. Несмотря на серьезную критику в его адрес, особенно за поддержку басмачества, в Москве, после отъезда из Афганистана Аманулла-хана, стали рассматривать М.Надир-хана как приемлемую фигуру, считая, что он не имеет оснований быть расположенным к англичанам больше, чем Аманулла-хан⁷¹¹. Вместе с тем, советское руководство понимало, что в переходные, смутные периоды истории могут быть легко разрушены основы советского экономического и политического влияния, так долго и тщательно

создававшийся в амануллистское десятилетие. Опасения возникали не только из-за возможного усиления в Афганистане позиций традиционного соперника России - Англии, но и других держав, которые стремились использовать советское ослабление. Однако М.Надир-шах (1929-1933), а затем М.Захир-шах (правил с 1933 по 1973 гг.), подтвердили преемственность политики и договоров, заключенных СССР при Аманулла-хане. Хотя М.Надир-шах более активно, чем Аманулла-хан, пытался ограничить советское влияние в Афганистане, кардинальных изменений не произошло. Это вскоре стало основой для нормализации советско-афганских отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование советско-афганских отношений 1919-1929 гг., основанное преимущественно на новых, ранее не использовавшихся историками архивных материалах, позволяет утверждать, что эти отношения носили сложный и противоречивый характер, а степень их напряжения нередко доходила до критической черты - опасности прямого советско-афганского вооруженного столкновения.

Наиболее напряженными этапами советско-афганских отношений этих лет были:

- сложные и длительные советско-афганские переговоры о заключении договора о дружбе, когда афганцам удалось на выгодных условиях подписать договор не только с Советской Россией, но и с главным ее соперником на Востоке - Англией, что стало заметной дипломатической победой Кабула;

- период советского переворота в Бухаре, когда по панисламистским устремлениям Кабула в Средней Азии был нанесен ощутимый удар;

- басмаческое движение 1921-1922 гг., возглавленное Энвер-пашой, при успешном развитии которого Кабул был готов к непосредственному участию в событиях;

- настойчивые территориальные претензии Кабула к Советской России, которые во время уртатугайского кризиса достигли наибольшего напряжения: обе стороны оказались перед реальной опасностью вооруженного конфликта;

- участие СССР в гражданской войне в Афганистане, целью которого было через вооруженное вмешательство во внутриафганский конфликт вернуть Аманулла-хана на кабульский трон и, тем самым, получить значительные политические и экономические преимущества в этой стране.

Приход в 1919 г. к власти в Афганистане Аманулла-хана, связанного с радикальной, антибритански настроенной "партией войны", и начатые им военные действия против Англии, во многом определили основные тенденции амануллистского периода в истории Афганистана: скрытая и явная конфронтация с Великобританией заставила эмира искать дружбы с Советской Россией, надеясь на ее экономическую и военную помощь. Однако официально Кабулу пришлось вскоре понять, что Москва заботится не столько о защите афганской независимости, сколько стремится ослабить британское политическое и экономическое влияние на Востоке и утвердить свое.

Афганское руководство было ограничено в поиске надежных союзников. Уже первые попытки представить мировому сообществу

свою независимость, окончились неудачей. Кабулу пришлось выбирать между Советской Россией и Англией. Так как эмир не мог допустить, чтобы были перечеркнуты достигнутые в результате третьей англо-афганской войны выгодные афганцам условия мира, принципиальный союз с Англией оказался невозможным. Несмотря на понимание афганцами того, что советский режим является атеистическим, антимоноархическим, основанным на иных экономических принципах, чем афганское общественное устройство, им пришлось сделать ставку на него. Советская и афганская политические линии совпали в тот период в главном - в антибританской направленности.

Исследование позволяет сделать вывод, что с первых шагов установления двусторонних отношений Кабул стремился проводить собственную политическую и экономическую политику, с которой Москве нередко приходилось считаться. Афганцы хорошо понимали, что Россия в своей антибританской направленности, заинтересована в дружбе с Афганистаном. Поэтому афганский эмир, используя тактические возможности, нередко добивался экономических, политических и даже территориальных уступок от Советской России.

В период 1919-1929 гг. в советско-афганских отношениях возникали противоречия и конфликты. Наиболее остро советско-афганское соперничество проявилось в Бухаре, а затем в период поддержки Кабулом басмаческого движения в Средней Азии, возглавленного Энвер-пашой. Исследование позволяет сделать вывод, что Кабул не выступал в качестве последовательного защитника интересов Бухары и первоначально даже склонялся к возможности территориального раздела Бухары с Россией. Ошибочно посчитав, что реальная опасность советского переворота в Бухаре незначительна и ее можно предотвратить, Кабул стал активно поддерживать существующий в Бухарском эмирате режим, укрепляя здесь свои стратегические и экономические позиции. Однако в период "бухарского кризиса" у Кабула не оказалось ни военных, ни политических возможностей, чтобы воздействовать на произошедшие в Бухаре социальные изменения. Свержение бухарского эмира и создание БНСР, подготовленные и осуществленные в тайне от Кабула, намеренного после заключения договора с Россией считать друг друга союзниками, не только ослабили афганский престиж, но и показали остальному миру, что афганцы оказались "легкой игрушкой" советской политики. Одновременно рухнули надежды Кабула добиться расширения своей территории на север, за счет спорных участков на туркестанской и бухарской территориях, а афганскому эмиру занять место общемуусульманского лидера.

Советская Россия рассматривала Афганистан как важный плацдарм для своей антибританской политики в Индии, как наиболее легкий и прямой путь для создания серьезных затруднений англичанам в Азии. У

советских властей и их дипломатических представителей в Афганистане была твердая уверенность, что эти задачи вполне осуществимы: готовились большие экспедиции для выполнения поставленных целей. Лишь позиция Кабула, недовольного советским переворотом в Бухаре, сорвала намеченные планы.

Период 1919-1929 гг. был отмечен серьезными советско-афганскими трениями по пограничным вопросам, никогда в последующем не достигавшими такого напряжения. Первоначально советское руководство планировало передачу Афганистану спорных участков, надеясь, что это будет достаточная плата, если афганцы вновь вступят в войну с англичанами или создадут серьезное напряжение для Англии на индийской границе. (В период, когда ожидалось победоносные пролетарские революции на Западе и крушение колониальных режимов на Востоке, советское руководство слабо осознавало свои государственные интересы, находясь под влиянием ряда крупных революционных проектов, после успеха которых казалось неважным, у кого находится тот или иной "ключок" территории). Однако, когда выяснилась невозможность вовлечения Афганистана в новую войну с англичанами, большевистские лидеры, становясь все более "государственниками", дезавуировали ранее данные обещания.

В 1919-1929 гг., за короткий по историческим меркам промежуток времени советские воинские части, по крайней мере, два раза нарушали афганскую границу: во время уратугайского кризиса и в период гражданской войны в Афганистане. В 1928-1929 гг. СССР тайно от мировой общественности принял участие в гражданской войне в Афганистане на стороне Аманулла-хана. Однако Кремль был обеспокоен тем, что защищая, как ему казалось, прогрессивный режим Аманулла-хана, он вынужден был бороться за трон для афганского монарха и выступать против народного восстания, недовольного реформами падишаха. Это раздвоило и ослабило советскую позицию и было одной из причин, почему советское руководство всегда отрицало свое участие в афганском конфликте. То, что Бачаи Сакао активно поддерживал басмачей и в будущем мог содействовать отделению Таджикистана от СССР, это определило негативное отношение к нему официальных советских властей и советской прессы, заставило их оценить восстание как "антиправительственное и реакционное".

Исследование советско-афганских экономических отношений 1919-1929 гг. свидетельствует, что экономические связи с Афганистаном не играли для Москвы существенной роли, но в Кремле понимали, что только через них удастся прочно "привязать" к себе эту страну, войти в нее со своим государственным капиталом. Советская экономическая политика в отношении Афганистана не отличалась стабильностью. Вопреки установлению на среднеазиатской границе более льготных условий торговли с соседними восточными странами СССР, тем не

менее, периодически предпринимал попытки ужесточения режима торговли. В целом это было проявлением внутреннего противоречия экономических отношений СССР со странами Востока: с одной стороны, существовало стремление продемонстрировать отличие советской политики от политики западных стран и обеспечить поступление необходимых советской промышленности сырьевых ресурсов, с другой, через экономические отношения укрепить здесь свое политическое влияние и получить преимущественные права для утверждения своих экономических и политических интересов. Поэтому попытки введения в отдельные годы исследуемого периода лицензионного режима было ничем иным, как политическим давлением на афганское руководство с целью заставить Кабул подписать советско-афганское торговое соглашение на предложенных советской стороной условиях.

Материалы исследования свидетельствуют о том, как долго и сложно шли переговоры о торговом договоре. Однако в период правления Аманулла-хана СССР так и не удалось заключить торговое соглашение с Афганистаном. Этот факт свидетельствует о том, что несмотря на общепризнанную точку зрения о просоветской позиции Аманулла-хана, афганское руководство и лично афганский эмир, уступая в деталях, оставались на положении равноправных партнеров с советским руководством и Москве не удалось превратить Афганистан в зону своего экономического преобладания. Подписание торгового договора при преемнике М.Надир-шаха короле М.Захир-шахе произошло в иных исторических условиях и уже не имело тех последствий, которые были возможны в благоприятный для советской политики амануллистский период. Вместе с тем, отсутствие советско-афганского торгового договора, который должен был установить единые условия торговли как с советской стороны для афганских товаров, так и наоборот, стало в тот период одним из факторов, реально сдерживающих развитие торговых отношений двух стран.

Несмотря на сложность и противоречивость советско-афганских отношений 1919-1929 гг., обе стороны постоянно чувствовали взаимозависимость, нужность друг другу. В решении конкретно-экономических и военно-политических задач этого периода они объективно стремились к добрососедским отношениям и, как свидетельствуют материалы исследования, находили приемлемые компромиссы.

ПРИМЕЧАНИЯ*

Введение

- ¹ Шиван Мухаммад Рахим. Воспоминания. - С.37-38.
- ² Stewart R.T. Fire in Afghanistan, 1914-1929. - P.20.
- ³ Очильдиев Д.Я. Афганистан в годы первой мировой войны... - С.285.
- ⁴ Давлятов М. М.Г.М.Губар о прогрессивных общественных движениях... - С.32..
- ⁵ Примаков В.М. Афганистан в огне. - С.83-84.
- ⁶ Назир. Афганистан - С.327-328.
- ⁷ Примаков В.М. Афганистан в огне... - С.84.
- ⁸ Adamec Ludwig W. Afghanistan, 1900-1923. - P.110; Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений... - С.32.
- ⁹ Секретная сводка по Афганистану за 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.30-30 об.
- ¹⁰ Там же. Л.31 об-32.
- ¹¹ Информационная сводка НКВД. - ГА РФ. Ф5402. Оп.1. Д.70. Л.20.
- ¹² Доклад военного секретаря представительства Э.М.Рикса в Наркоминдел "Краткий очерк англо-афганской войны". Кабул, 14 апреля 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.67 об-68.
- ¹³ Донесение Н.Бравина туркестанскому комиссариату по иностранным делам. Кабул, 28 ноября 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.12.
- ¹⁴ Рейснер И.М. Афганистан. - М., 1929. С.155.
- ¹⁵ Доклад члена Реввоенсовета Туркфронта Б.Н.Иванова о пребывании в Афганистане. - Архив востоковедов. Ф.115. Оп.1. Д.154. Л.11-12.
- ¹⁶ Доклад ...Э.М.Рикса.... - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.80,81 об.
- ¹⁷ Рейснер И.М. Афганистан. - М., 1929. - С.156.
- ¹⁸ The Parliamentary Debates. House of Lords. - L., 1919. Vol.XXXVI. P.870.
- ¹⁹ Информационные бюллетени, сводки Политического Управления Туркфронта.- РЦХИДНИ.Ф.122. Оп.1. Д.268. Л.79.; Донесение Н.З.Бравина Уполнаркоминдел в Ташкент. Кабул, 28 ноября 1919 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.12; Примаков В.М. Афганистан в огне...С.88.
- ²⁰ Шах Вали. Мои воспоминания...-С.34.
- ²¹ Подробнее о позициях сторон на переговорах в Равалпинди см.: Stewart R.T. Fire in Afghanistan...- P.80-96; Adamec Ludwig W. Afghanistan, 1900-1923...- P.123-132.
- ²² Цит. по: Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений...-С.39-40.
- ²³ Донесение Н.З.Бравина в Уполнаркоминдел. Из Кабула, 28 ноября 1919 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.13.

Глава 1

- ²⁴ The Trotsky papers 1917-1922. - Vol.1. P.624.
- ²⁵ Советско-афганские отношения. 1919-1969 гг. Документы и материалы. - С.7.

* Полное название использованной литературы см. в Библиографии.

²⁶ Письмо полномочного представителя РСФСР в Центральной Азии Я.З.Сурица заместителю народного комиссара по иностранным делам Л.М.Карахану от 23 октября 1919 г. - АВП РФ. - Ф.071. Оп. 2. Пап.102. Д.2. Л.4.

²⁷ Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений... - С.35; См.: Перевод посланий эмира Аманулла-хана и министра иностранных дел М.Тарзи от 7 апреля 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.3. Л.1-2.

²⁸ Материалы по национально-колониальным проблемам.- С.70.

²⁹ Подробнее см.: Adamec Ludwig W. Historical and political... - P.197-198, 248-249.

³⁰ Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений...-С.36,40; Шиван М.Р.Воспоминания. - Л.55-56.

³¹ Перевод послания эмира Аманулла-хана "Его Превосходительству г. Президенту Великой Российской Республики" от 21 апреля 1919 г. - АВП-РФ. Ф.071. Оп.1. Пап. 101. Д.3. Л.3.

³² Телеграмма наркома иностранных дел Туркестанской АССР Е.Е.Богоявленского в Наркоминдел, Москву, Ташкент, 4 июня 1919 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.2. Пап.1. Д.3. Л.1.

³³ Бабаходжаев А.Х. Провал английской антисоветской политики...- С.55; Adamec Ludwig W. Historical and political... - P.123.

³⁴ Подробнее о встрече афганской миссии в Москве см.: Теплинский Л.Б.50 лет ...; Adamec Ludwig W. Afghanistan, 1900-1923. - P.142-143.

³⁵ Телеграмма Е.Е.Богоявленского в Наркоминдел с передачей сообщения Н.З.Бравина о пребывании в Афганистане. Из Ташкента, 13 декабря 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.206.

³⁶ Там же.

³⁷ Перевод с персидского письма М.Сарвар-хана Н.З.Бравину. Мазари-Шариф, 17 мая 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.1. Л.2.

³⁸ Перевод с персидского письма М.Сарвар-хана Н.З.Бравину. Мазари-Шариф, 26 мая 1919 г. - Там же. Л.4.

³⁹ Перевод с персидского письма М.Вали-хана Н.З.Бравину. Карши, 23 мая 1919 г.- Там же. Л.3.

⁴⁰ Перевод с персидского письма М.Сарвар-хана... от 26 мая 1919 г. - Там же. Л.4.

⁴¹ Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений...-С.35.

⁴² Копия письма эмиру Афганистана (без даты и авторства).- АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.2. Л.15.

⁴³ Письмо Я.З.Сурица Л.М.Карахану от 23 октября 1919 г. - АВП РФ. - Ф.071. Оп. 2. Пап.102. Д.2. Л.4.

⁴⁴ Советско-афганские отношения...-С.11-12.

⁴⁵ Телеграмма Л.М.Карахана Н.З.Бравину. Москва, 16 мая 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.3.

⁴⁶ Записка Б.Н.Иванова в Турккомиссию. - ГАРФ. Ф.5402. Оп. 1. Д.482. Л.1.

⁴⁷ Шифрованная телеграмма Е.Е.Богоявленского в НКВД от 26 июня 1919 г. - РЦХИДНИ. Ф.5 Оп.1. Д.2202. Л.1.

⁴⁸ Записка Б.Иванова ... - ГАРФ. Ф.5402. Оп.1. Д.482. Л.1; Познанский В.С. Из истории установления...- С.398.

⁴⁹ Доклад члена полномочного представительства в Афганистане К.М.Куликова ТуркЦИКу. Весьма конфиденциально. 19 февраля 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.48.

⁵⁰ Доклад Б.Н.Иванова о пребывании в Афганистане - Архив востоковедов. Ф.115. Оп.1. Д.154. Л.2.

⁵¹ Там же. Л.48; Записка Политического руководителя полномочного представительства РСФСР в Афганистане М.Зибарова в Турккоминдел, ТуркЦИК. Кабул, 7 декабря 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.24.

⁵² Копия краткого доклада представителя Туркестанской республики РСФСР в Афганистане и Персии, временно исполняющего обязанности советского консула в Маймана Х.И.Мамина НКВД Туркестанской республики. Весьма секретно. 28 ноября 1919 г. - Там же. Л.53-55 об.

⁵³ Доклад Б.Н.Иванова... - Архив востоковедов. Ф.115. Оп.1. Д.154. Л.2.

⁵⁴ Записка Б.Н.Иванова... - ГАРФ. Ф.5402. Оп. 1. Д.482. Л.1.

⁵⁵ Письмо Н.З.Бравина М.Тарзи. Кабул, 22 августа 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.1. Л.7.

⁵⁶ Нота Н.З.Бравина М.Тарзи. Кабул, 22 августа 1919 г. - Там же. Л.5; Нота Н.З.Бравина М.Тарзи. Кабул, 23 августа 1919 г. - Там же. Л.8-9.

⁵⁷ Доклад Б.Н.Иванова ... - Архив востоковедов. Ф.115. Оп.1. Д.154. Л.3, 12 об.

⁵⁸ Секретное письмо Я.З.Сурица в Наркоминдел. Кабул, 24 марта 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.69.

⁵⁹ Познанский В.С. Из истории установления... - С.398.

⁶⁰ Радиogramма Н.З.Бравина А.Н.Вознесенскому. Кабул, 25 сентября 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.5.

⁶¹ Перевод с персидского послания М.Тарзи Н.З.Бравину. Кабул, 3 сентября 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.1. Л.15.

⁶² Доклад Б.Н.Иванова ... - Л.12 об.

⁶³ Там же. Л.3, 12 об.

⁶⁴ Там же. Л.4-4 об.

⁶⁵ Нота Н.З.Бравина М.Тарзи. Кабул, 25 сентября 1919 г. - Там же. Л.18.

⁶⁶ См.: Перевод с персидского ноты М.Тарзи Н.З.Бравину. Кабул, 26 сентября 1919 г. - Там же. Л.19.

⁶⁷ Доклад Б.Н.Иванова... - Архив востоковедов. Ф.115. Оп.1. Д.154. Л.4-4 об.

⁶⁸ Телеграмма Н.З.Бравина в Турккоминдел. Кабул, 17 октября 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.38.

⁶⁹ Письмо Н.З.Бравина А.Н.Вознесенскому. Из Кабула 15 декабря 1919 г. - Там же. Л.61.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Копия письма Г.И.Бройдо Я.З.Сурицу в Кабул от 7 февраля 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.14 об.-15.

⁷² Копия краткого доклада... Х.И.Мамина в Комиссариат иностранных дел Туркестанской республики. Весьма секретно. 28 ноября 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.53-55 об.

⁷³ Копия отношения М.И.Зибарова в Турккоминдел. Кабул, 13 сентября 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.94-94 об.

⁷⁴ Копия краткого доклада... Х.И.Мамина в Комиссариат иностранных дел Туркестанской республики. Весьма секретно. 28 ноября 1919 г. - АВП РФ. Ф. 071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.61.

⁷⁵ Копия письма Г.И.Бройдо Я.З.Сурицу от 7 февраля 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.15.

⁷⁶ Сводка по Афганистану за 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.39.

⁷⁷ Копия верительной грамоты, выданной Я.З.Сурицу. 23 июня 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.2. Л.10; Советско-афганские отношения... - С.14; Ленин и Советский Восток. - С.17-18.

⁷⁸ Копия телеграммы Л.М.Карахана Н.З.Бравину от 23 июня 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.5. Л.1-1 об.

⁷⁹ См., например: Рапорт слушателя Академии Генштаба Красной Армии В.С.Томпофольского военному агенту РСФСР в Афганистане. Москва, 14 июня 1919 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.2. Пап.1. Д.2. Л.32.

⁸⁰ См.: Письмо Л.М.Карахана в Реввоенсовет республики от 16 июня 1919 г. - Там же. Л.30; Мандат Я.А.Каменецкого о его назначении организатором и сопровождающим миссию РСФСР в Афганистан. 23 июня 1919 г. - Там же. Л.26.

⁸¹ Копия мандата, выданная В.М.Каабак 29 мая 1919 г. заместителем председателя РВС республики Э.Склянским - Там же. Л.45.

⁸² Письмо зав. Отделом Востока НКВД в канцелярию зам. наркома иностранных дел. Весьма срочно. Москва, 20 июня 1919 г. - Там же. Л.28; Требование Л.М.Карахана к заведующему главным интендантским складом по снабжению Красной армии Фудину. Москва, 19 июня 1919 г. - Там же. Л.29; Мандат команданта миссии И.В.Ермошенко, подписанный Л.М.Караханом. 13 июня 1919 г. - Там же. Л.34.

⁸³ Письмо Я.З.Сурица Л.М.Карахану от 23 октября 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.4.

⁸⁴ Письмо Г.И.Бройдо Я.З.Сурицу от 7 февраля 1920 г. Копия. - Там же. Л.15.

⁸⁵ Володарский М.И. Советы и их южные соседи... - Л., 1985. С.217.

⁸⁶ Письмо Я.З.Сурица Л.М.Карахану. Кабул, 20 февраля 1920 г. - АВП. РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.38.

⁸⁷ Радиogramма Л.М.Карахана уполномоченному Наркоминдел в г.Ташкенте Д.Ю.Гопнеру. Копия в Кабул Я.З.Сурицу/без даты/. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.5. Л.18.

⁸⁸ Письмо Н.З.Бравина А.Н.Вознесенскому. Кабул, 19 декабря 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.27,27 об.

⁸⁹ Радиосообщение Я.З.Сурица из Кабула в Ташкент Турккомиссии от 23 января 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.19.

⁹⁰ Шиван Мухаммад Рахим. Воспоминания. - Л.58.

⁹¹ Донесение Я.З.Сурица Турккомиссии. Кабул, 21 февраля 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.25.

⁹² Радиogramма Я.З.Сурица из Кабула в Ташкент Турккомиссии от 28 января 1920 г. - Там же. Л.20.

⁹³ Донесение Я.З.Сурица Турккомиссии... 21 февраля 1920 г. - Там же. Л.25.

⁹⁴ Например см.: Расшифрованная телеграмма Я.З.Сурица в Наркоминдел. Кабул, 19 августа 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп.1. Д.2179. Л.9.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Например, см.: Володарский М.И. Советы и их южные соседи...-С.217; Stewart R.T. Fire in Afghanistan...- P.111.

⁹⁷ Справка о полученных Чрезвычайным представительством в Кабуле инструкциях и деловых шифровках с 12 апреля 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.98а.

⁹⁸ Радиogramма Я.З.Сурица в Наркоминдел от 29 мая 1920 Г. - Там же. Л.98.

⁹⁹ Шиван Мухаммад Рахим. Воспоминания. - Л.58-59.

¹⁰⁰ Там же. Л.59.

Глава 2

¹⁰¹ Деша Л.М.Карахана Ш.З.Элиаве от 9 января 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2116. Л.6.

- ¹⁰² Доклад И.М.Рейснера НКВД "Справка о русско-афганских переговорах". Без даты. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.101.
- ¹⁰³ Донесение Я.З.Сурица в Наркоминдел. Совершенно секретно. Кабул, 24 марта 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.70.
- ¹⁰⁴ Дешеша Л.М.Карахана Ш.З.Элиаве от 2 января 1920 года. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2116. Л.3.
- ¹⁰⁵ Дешеша Г.В.Чичерина Ш.З.Элиаве от 7 января 1920 года. - Там же. Л.4.
- ¹⁰⁶ Подробнее см.: История внешней политики СССР. 1917-1975 гг. -Т.1. С.126-130.
- ¹⁰⁷ Г.В.Чичерин - Ш.З.Элиаве. 7 января 1920 года.- РЦХИДНИ. Ф.5 Оп.1. Д.2116. Л.4.
- ¹⁰⁸ Донесение Я.З.Сурица в Наркоминдел. Совершенно секретно. Кабул, 24 марта 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.70.
- ¹⁰⁹ Донесение Я.З.Сурица Турккомиссии. Копия в Наркоминдел. Из Кабула, 20 апреля 1920 г. - Там же. Л.61.
- ¹¹⁰ Донесение Я.З.Сурица в Ташкент, Турккомиссии. Копия в Наркоминдел. Кабул, 6 марта 1920 г. - Там же. Л.45.
- ¹¹¹ Доклад И.М.Рейснера "Справка..." - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.110-112.
- ¹¹² Донесение Я.З.Сурица Турккомиссии. Копия в Наркоминдел. Кабул, 6 марта 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.46.
- ¹¹³ Adamec Ludwig W. Afghanistan, 1900-1923. - P.141; Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений... - С.53.
- ¹¹⁴ Донесение Я.З.Сурица Турккомиссии. Копия в Наркоминдел. Кабул, 27 марта 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.52.
- ¹¹⁵ Доклад И.М.Рейснера "Справка..." - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.121-122.
- ¹¹⁶ Письмо Я.З.Сурица в Наркоминдел. Кабул, 24 марта 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.71-73.
- ¹¹⁷ Доклад И.М.Рейснера "Справка..." - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.124.
- ¹¹⁸ Донесение Я.З.Сурица Турккомиссии в Ташкент. Копия в Наркоминдел. Кабул, 31 марта 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.54.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же. Л.55.
- ¹²¹ Доклад И.М.Рейснера "Справка..." - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.125.
- ¹²² Донесение Я.З.Сурица Г.В.Чичерину. Кабул, 30 июля 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2179. Л.7.
- ¹²³ Секретное донесение Я.З.Сурица Д.Ю.Гопнеру. Копия в Наркоминдел. Из Кабула 19 августа 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.155.
- ¹²⁴ Доклад И.М.Рейснера "Справка..." - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.133.
- ¹²⁵ Доклад И.М.Рейснера "Справка..." - Там же. Л.126.
- ¹²⁶ Радиошифrogramма Я.З.Сурица Турккомиссии, в Наркоминдел. Кабул, 19 мая 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.90-90 об.
- ¹²⁷ Доклад И.М.Рейснера "Справка..." - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.150.
- ¹²⁸ Информационная сводка Турккомиссии, подписанная ее председателем В.В.Куйбышевым, с 15 по 30 июня 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2924. Л.43.

¹²⁹ Шифрованная радиограмма Я.З.Сурица в Ташкент, уполнаркоминдел Д.Ю.Гопнеру. В Москву, Наркоминдел. Кабул, 3 июля 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.140.

¹³⁰ Секретное донесение Я.З.Сурица...Д.Ю.Гопнеру. Копия в Наркоминдел. Кабул, 26 июня 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.110-110 об.

¹³¹ Шифрованная депеша Я.З.Сурица в Уполнаркоминдел. Копия в Москву, Наркоминдел. Из Кабула, 1 июля 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп. Д.2179. Л.2.

¹³² О ходе майсурских англо-афганских переговоров подробнее см.: Adamec Ludwig W. Afghanistan, 1900-1923. - P.141-142; Sykes P. A history of Afghanistan. - Vol.2. P.288-290.

¹³³ Шифрованная телеграмма Я.З.Сурица в Наркоминдел. Кабул, 4 августа 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2179. Л.8.

¹³⁴ Донесение Я.З.Сурица в Наркоминдел. Кабул, 29 августа 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.156-157.

¹³⁵ Шифрованная телеграмма Я.З.Сурица в Ташкент и в Москву, Л.М.Карахану. Из Кабула 1 сентября 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2179. Л.10.

¹³⁶ Шифрованная телеграмма Я.З.Сурица в Наркоминдел. Получена 1 октября 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2202. Л.26.

¹³⁷ Письмо В.М.Цукермана Л.Н.Старку. Совершенно секретно. Москва, 20 сентября 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.159-161.

¹³⁸ Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика советского государства... - С.59.

¹³⁹ Ф.Ф.Раскольников - Г.В.Чичерину. 25 августа 1921 года.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2128. Л.4-5.

¹⁴⁰ Шифрованная телеграмма Я.З.Сурица в Наркоминдел. Из Кабула, 12 января 1921 г. - Ф.5. Оп.1. Д.2179. Л.28.

¹⁴¹ Копия договора между Россией и Афганистаном об упрочении дружественных отношений. 28 февраля 1921 г. Не подлежит оглашению. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2022. Л.1 об; Документы внешней политики СССР. - М., 1959. Т.3. С.552.

¹⁴² Ф.Ф.Раскольников - Г.В.Чичерину. 25 августа 1921 года.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2128. Л.3-4.

¹⁴³ Депеша Г.В.Чичерина В.М.Цукерману от 4 июня 1921 года.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2116. Л.9.

¹⁴⁴ Г.В.Чичерин - В.М.Цукерману, Ф.Ф.Раскольникову. 30 сентября 1921 года.- Там же. Л.28.

¹⁴⁵ Письмо Ф.Ф.Раскольникова Г.В.Чичерину. Кабул, 25 августа 1921 года.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2128. Л.3.

¹⁴⁶ Письмо Ф.Ф.Раскольникова В.И.Ленину от 22 августа 1921 года.- Там же. Л.1.

¹⁴⁷ Бабаходжаев А.Х. Провал английской политики в Средней Азии...- С.73-74.

¹⁴⁸ Ф.Ф.Раскольников -Г.В.Чичерину. 25 августа 1921 года.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2128. Л.6-8.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. Л.8-11.

¹⁵¹ Там же. Л.9-12.

¹⁵² Правда, 6 сентября 1921 г., 6-7 ноября 1921 г.; Годовой отчет Н.К.И.Д. к IX съезду Советов...- С.130.

¹⁵³ Текст договора см.: Gopalakrishnan R. The Geography and politics... - P.232-237; Shah Ikbal Ali. Afghanistan of the afghans.- P.255-264.

¹⁵⁴ Ф.Ф.Раскольников - В.И.Ленину. Кабул, 22 августа 1921 года.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2128. Л.2.

Глава 3

¹⁵⁵ Письмо Я.З.Сурица заместителю народного комиссара по иностранным делам РСФСР Л.М.Карахану от 23 октября 1919 г. - АВП РФ. Ф. 071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.2.

¹⁵⁶ Копия доклада начальника военно-исторического отделения штаба Туркфронта председателю Комиссии ВЦИК по делам Туркестана С.И.Гусеву. Ташкент, 23 февраля 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.268. Л.123-124.

¹⁵⁷ Ишанов А.И. Создание Бухарской народной советской республики... - С.65.
¹⁵⁸ Информационный бюллетень, сводки работ Политического управления Туркфронта. (без даты). - РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.268. Л.95; Жизнь национальностей, 13 апреля 1919 г. №13 (21); Искандаров Б.И. Бухара...- С.59-67; Park A. G. Bolshevism in Turkestan...- P.25-26.

¹⁵⁹ Копия доклада начальника военно-исторического отделения... С.И.Гусеву. Ташкент, 23 февраля 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф. 122. Оп.1. Д.268. Л.123.

¹⁶⁰ Информационный бюллетень... Политического Управления Туркфронта.(без даты). - РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.268. Л.95.

¹⁶¹ Доклад И.М.Рейснера "Справка..."- АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.146.

¹⁶² Копия доклада делегата ЦК бухарских коммунистов на втором Конгрессе III Интернационала в Москве о деятельности партии с сентября 1918 г. по 1 июля 1920 г. Секретно. 10 августа 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.583. Оп.1. Д.106. Л.2.

¹⁶³ Доклад И.М.Рейснера "Справка по русско-афганским переговорам"- АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.146.

¹⁶⁴ Секретное донесение Я.З.Сурица в Наркоминдел, в Москву; Копия в Ташкент, Уполнаркоминдел Д.Ю.Гопнеру. Кабул, 16 июня 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.105 об.

¹⁶⁵ Секретное донесение Я.З.Сурица Турккомиссии в Ташкент; Копия в Наркоминдел, Кабул, 22 июня 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.109.

¹⁶⁶ Информационная сводка Турккомиссии за август 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.29. Л.133 об.

¹⁶⁷ Информационная сводка Турккомиссии с 15 по 31 июля 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф. 122. Оп.1. Д.29. Л.247.

¹⁶⁸ Секретное донесение Я.З.Сурица из Кабула в Наркоминдел от 9 июня 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.103.

¹⁶⁹ Секретное донесение Я.З.Сурица Д.Ю.Гопнеру. Копия в Наркоминдел, в Москву. Кабул, 16 июня 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.105-105 об.

¹⁷⁰ Секретное донесение Я.З.Сурица Д.Ю.Гопнеру. Копия в Наркоминдел. Кабул, 26 июня 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.110.

¹⁷¹ Донесение Я.З.Сурица Турккомиссии. Копия в Наркоминдел. Кабул, 14 февраля 1921 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.9.

¹⁷² Информационная сводка Турккомиссии за август 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.29. Л.134.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Секретная радиограмма Я.З.Сурица Турккомиссии. Копия в Наркоминдел. Кабул, 19 мая 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.90.

¹⁷⁵ Копия секретной радиограммы Д.Ю.Гопнера через Ташкент и Кушку в Кабул Я.З.Сурицу. Ташкент, 26 августа 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.175; См. также: Выписка из протокола заседания Турккомиссии от 30 июня 1920 г.-

РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2131. Л.28; Протокол № 6 заседания Реввоенбюро при Совинтерпропе от 30 июня 1920 г. - Там же. Л.32.

¹⁷⁶ Протокол № 6 заседания Реввоенбюро...Л.32-32 об.

¹⁷⁷ Тезисы доклада А.А.Машицкого "Борьба за революцию в Бухаре". Москва, 14 декабря 1920 г.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2131. Л.2 об; Протокол № 6 заседания Реввоенбюро Совинтерпропа (доклад М.В.Фрунзе) от 30 июня 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2131. Л.32.

¹⁷⁸ Информационная сводка Турккомиссии с 15 по 30 июня 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2924. Л.40 об.

¹⁷⁹ Протокол № 6 заседания Реввоенбюро при СИПВ от 30 июня 1920 г.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2131. Л.32-32 об.

¹⁸⁰ Тезисы доклада А.А.Машицкого...-РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2131. Л.2 об.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Копия секретной радиограммы Д.Ю.Гопнера Я.З.Сурицу. Ташкент, 26 августа 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.175.

¹⁸³ Шифрованная телеграмма Я.З.Сурица в Ташкент. Копия в Москву, Л.М.Карахану. Из Кабула 1 сентября 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5 Оп.1. Д.2179. Л.10.

¹⁸⁴ Шифрованная телеграмма Я.З.Сурица в Наркоминдел. Из Кабула, 8 сентября 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2179. Л.11.

¹⁸⁵ Тезисы доклада А.А.Машицкого...-РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2131. Л.3; Копия телеграммы А.А.Машицкого В.И.Ленину из Бухары 21 сентября 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.79 (В.В.Куйбышев). Оп.1. Д.169. Л.3.

¹⁸⁶ Копия телеграммы Д.Ю.Гопнера Я.З.Сурицу в Кабул от 4 сентября 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.5. Л.3.

¹⁸⁷ Шифрованная телеграмма Я.З.Сурица в Наркоминдел. Из Кабула, 8 сентября 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2179. Л.11.

¹⁸⁸ Шифрованная сводка Д.Ю.Гопнера в Москву, в НКВД, Г.В.Чичерину от 11 сентября 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2202. Л.20.

¹⁸⁹ Донесение из Ташкента в НКВД Л.М.Карахану от 8 сентября 1920 г. - Там же. Л.17.

¹⁹⁰ Донесение из Ташкента за подписью референта по Афганистану Уполнаркоминдел А.З.Виноградовой, в Наркоминдел Л.М.Карахану. 8 сентября 1920 г. - Там же. Л.17.

¹⁹¹ Письмо Я.З.Сурица М.Тарзи. Кабул, 21 сентября 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.1. Л.118-119.

¹⁹² Нота афганского министерства иностранных дел Я.З.Сурицу. 21 мизана 1299 г. (12 октября 1920 г.) Там же. Л.147 об.-150 об.

¹⁹³ Донесение Я.З.Сурица в Уполнаркоминдел, в Ташкент; Копия в Москву, в Наркоминдел. Абсолютно секретно. Вне всякой очереди. Из Кабула 29 сентября 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.213.

¹⁹⁴ Тезисы доклада А.А.Машицкого...-РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2131. Л.3.

¹⁹⁵ Донесение Я.З.Сурица из Кабула в Уполнаркоминдел. Копия в Наркоминдел от 1 октября 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.231.

¹⁹⁶ Письмо Я.З.Сурица Г.В.Чичерину от 26 декабря 1921 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2129. Л.12.

¹⁹⁷ Теплинский Л.Б. История советско-афганских...- С.49.

¹⁹⁸ Хасанов М. Свои и чужие...- С.157.

¹⁹⁹ Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории.- С.127; Шифрованная информсводка за подписью Виноградовой, переданная по военному телеграфу в Наркоминдел, Москву. Из Ташкента, 2 ноября 1920 г. Совершенно секретно.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.4. Д.39. Л.70.

- ²⁰⁰ См, например: Шифрованная телеграмма Я.З.Сурица в Наркоминдел. Из Кабула 29 сентября 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2179. Л.17.
- ²⁰¹ Информсводка, переданная по военному телеграфу в Наркоминдел. Л.М.Карахану. Из Ташкента, 27 ноября 1920 г. Совершенно секретно.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.4. Д.39. Л.79; Информсводка... Из Ташкента, 3 ноября 1920 г. Совершенно секретно.- РЦХИДНИ. Ф. 544. Оп.4. Д.39. Л.72.
- ²⁰² Шифрованная телеграмма Ф.Ф.Раскольникову Л.М.Карахану. Кабул, 27 апреля 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2179. Л.115.
- ²⁰³ Подробнее см.: Известия ВЦИК, 22 марта 1921 г.
- ²⁰⁴ Копия сведений зарубежной разведки от 25 ноября 1920 г.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.4. Д.1. Л.41.
- ²⁰⁵ Телеграмма Л.М.Карахана Уполнаркоминдел Д.Ю.Гопнеру в Ташкент от 2 декабря 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.5. Л.20.
- ²⁰⁶ Сводки по Афганистану. Дневник событий. Январь 1922 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.4. Пап.109. Д.25. Л.19; Сводки по Афганистану. Дневник событий. Март 1922 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.4. Пап.109. Д.25. Л.23.
- ²⁰⁷ Телеграмма Л.М.Карахана Д.Ю.Гопнеру в Ташкент от 2 декабря 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.5. Л.20.; Сводка событий по Афганистану за январь 1922 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.4. Пап. 109. Д.25. Л.4.
- ²⁰⁸ Бабаходжаев А.Х. Провал английской антисоветской политики... - С.57.
- ²⁰⁹ Донесение полпреда РСФСР в Бухаре И.С.Кожевникова в НКВД от 18 июня 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2181. Л.71.
- ²¹⁰ Шифрованная телеграмма И.С.Кожевникова в НКВД от 26 июня 1922 г. Совершенно секретно. - Там же. Л.56.
- ²¹¹ Телеграмма НКВД полпреду РСФСР в Бухаре И.Р.Фонштейну от 24 октября 1922 г. Гриф "Совершенно секретно". - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.18. Л.49.
- ²¹² Копия телеграммы НКВД И.Р.Фонштейну от 22 октября 1922 г.- Там же. Л.47.
- ²¹³ Секретная телеграмма И.Р.Фонштейна из Старой Бухары в НКВД от 22 октября 1922 г. - Там же. Л.48.
- ²¹⁴ Копия телеграммы Л.М.Карахана И.Р.Фонштейну. Москва, 21 октября 1922 г.- Там же. Л.47.
- ²¹⁵ Телеграмма Л.М.Карахана И.Р.Фонштейну от 24 октября 1922 г. - Там же. Л.49.
- ²¹⁶ Там же.
- ²¹⁷ Там же.
- ²¹⁸ Сводка разведсведений штаба Туркфронта по Афганистану за 1923 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.5. Пап.111. Д.11. Л.2.
- ²¹⁹ Сводка по Афганистану с 1 декабря 1922 г. по 1 января 1923 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.4. Пап.109. Д.25. Л.79.
- ²²⁰ Сводка разведсведений штаба Туркфронта по Афганистану за май 1923 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.5. Пап.111. Д.11. Л.27.
- ²²¹ Сводка разведсведений по Афганистану с 1 июля по 1 августа 1923 г. - Там же. Л.32.
- ²²² Текст договора см.: Арунова М.Р., Шумилов О.М. Очерки истории... - С.69.

Глава 4

- ²²³ Nayit B. Some Problems of Modern Turkistan History.- P.34.

²²⁴ Протокол №38 совместного заседания президиума и членов Совета пропаганды и действия народов Востока от 22 января 1921 года.- ГА РФ . Ф.5402. Оп.1. Д.33. Л.36.

²²⁵ Отчет о деятельности Совета интернациональной пропаганды (декабрь 1919-июль 1920 годов).- РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.29. Л.261-261 об.

²²⁶ Задачи Совета интернациональной пропаганды на Востоке. Копия (без даты). - ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.36. Л.10.

²²⁷ Отчет о деятельности Совета... (декабрь 1919-июль 1920 г.)- РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.29. Л.262 об.-263, 267 об.

²²⁸ Задачи Совета интернациональной пропаганды на Востоке. ... - ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.36. Л.10.

²²⁹ Там же. Л.10.

²³⁰ Донесение заведующего пунктом Совинтерпропа в крепости Кушка о поездке сотрудника в Афганистан. 1920 г.- ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.50. Л.20-21.

²³¹ Протокол конференции Коммунистического Интернационала в Туркестане. 24-27 ноября 1920 г.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.4. Д.11. Л.1 об.

²³² Доклад Б.Г.Городецкого о работе мервского отделения Совета интернациональной пропаганды на Востоке. Май 1920 г.- ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.37. Л.1 об.

²³³ Выписка из доклада члена мервского отделения Совета интернациональной пропаганды на Востоке И.Морозова. 22 мая 1920 г. - Там же. Л.2.

²³⁴ Доклад Б.Г.Городецкого... - Там же. Л.1 об.

²³⁵ Копия доклада М.Алиева в Совинтерпроп. Мерв, 5 июня 1920 г.- ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.50. Л.22-22 об.

²³⁶ Доклад Б.Г.Городецкого... - ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.37. Л.1 об.

²³⁷ Доклад Полномочного Представительства в Афганистане об индийской работе за полугодие с 1 декабря 1921 г. по 1 мая 1922 г. Совершенно секретно. - РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.3. Д.105. Л.136.

²³⁸ Копия сопроводительного письма к верительной грамоте Уполномоченного Наркоминдел в Афганистане Н.З.Бравина. Москва, 23 июня 1919 г. - АВРП РФ. Ф.71. Оп.2. Пап.1. Д.9. Л.2.

²³⁹ Донесение Я.З.Сурица в Наркоминдел. Кабул, 29 августа 1920 г.- АВРП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.156-157.

²⁴⁰ Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения...- С.34.

²⁴¹ Секретное письмо Я.З.Сурица в Наркоминдел. Кабул, 24 марта 1920 г.- АВРП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.67.

²⁴² Записка политического руководителя полномочного представительства РСФСР в Афганистане М.И.Зибарова в Турккоминдел, ТуркЦИК, крайком РКП(б). Из Кабула 7 декабря 1919 г. - АВРП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.27.

²⁴³ Донесение Я.З.Сурица Турккомиссии в Ташкент. Копия в Наркоминдел, Москва. Кабул, 7 апреля 1920 г.- АВРП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.56.

²⁴⁴ Донесение Я.З.Сурица в Наркоминдел. Кабул, 1 мая 1920 г. - Там же. Л.58 об.

²⁴⁵ Секретная телеграмма Я.З.Сурица в Наркоминдел; в Ташкент, Турккомиссии. Кабул, 2 июня 1920 г. - Там же. Л.100.

²⁴⁶ Протокол № 38 заседания Исполнительного бюро СИПВ от 30 июля 1920 г.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2131. Л.33.

²⁴⁷ Копия шифротелеграммы секретаря Туркбюро ЦК РКП(б) Меерсона в ЦК РКП(б). Копия Исполкому Коминтерна. 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.4. Д.1. Л.36.

- ²⁴⁸ Информационное сообщение Секретариата Исполкома Коминтерна - РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.18. Д.15. Л.6.
- ²⁴⁹ См.: Список делегатов съезда народов Востока в Баку. - РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.2. Д.8. Л.1-7 об.
- ²⁵⁰ Список делегатов Союза молодежи на съезде народов Востока. - Там же. Л.123.
- ²⁵¹ Сводка делегатов съезда народов Востока на 30 августа 1920 года. - Там же. Л.154 об.
- ²⁵² Список делегатов Союза молодежи на съезде народов Востока. - Там же. Л.123.
- ²⁵³ Список национальностей, представленных на съезде. - Там же. Л.145.
- ²⁵⁴ Протокол № 1 заседания Президиума Совета пропаганды и действия народов Востока от 9 сентября 1920 года - ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.33. Л.1.
- ²⁵⁵ Проект постановления 1 съезда народов Востока об образовании Совета пропаганды и действия народов Востока. - РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.2. Д.4. Л.15.
- ²⁵⁶ Протокол № 1 от 9 сентября 1920 года заседания президиума Совета пропаганды и действия... Копия. - ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.33. Л.1 об.
- ²⁵⁷ Протокол № 15 заседания Президиума Совета Востока от 1 ноября 1920 года - Там же. Л.28.
- ²⁵⁸ Шифрованная телеграмма по военному телеграфу в Наркоминдел. Совершенно секретно. Из Ташкента 30 октября 1920 г.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.4. Д.39. Л.67.
- ²⁵⁹ Сообщение о работе Туркбюро Коминтерна за май-начало июня 1920 года.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.4. Д.1. Л.5,10,14.
- ²⁶⁰ Биография членов президиума младоафганских революционеров, составленная ими. - РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.154. Д.26. Л.141-141 об.
- ²⁶¹ Копия доклада завинформотделом полномочного представительства РСФСР в БНСР Фраткина в Туркбюро. 1921 г.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.4. Д.1. Л.37 об; Информсводка № 167, переданная по военному телеграфу в Наркоминдел. Из Ташкента, 26 ноября 1920 г. Совершенно секретно.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.4. Д.39. Л.80; Хейфец А.Н. Узы добрососедства и братства нерасторжимы...- С.18.
- ²⁶² Копия доклада ...Фраткина в Туркбюро. 1921 г.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.4. Д.1. Л.38.
- ²⁶³ Там же. Л.38-38 об.
- ²⁶⁴ Нота МИД Афганистана советскому полпреду Я.З.Сурицу. Кабул, 12 акраб 1299.- АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.1. Л.170; Донесение Я.З.Сурица Уполнаркоминдел, в Ташкент. Наркоминдел, в Москву. Из Кабула 5 ноября 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.223.
- ²⁶⁵ Копия доклада завинформотделом полномочного представительства РСФСР в БНСР Фраткина в Туркбюро. 1921 г.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.4. Д.1. Л.38-38 об.
- ²⁶⁶ Копия донесения Я.З.Сурица в Москву, в Наркоминдел. Из Кабула, 18 мая 1921 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.3. Пап.103. Д.2. Л.21 об.
- ²⁶⁷ Там же.
- ²⁶⁸ Kapur H. Soviet Russia and Asia...- P.231-232.
- ²⁶⁹ Постановление Исполкома Коминтерна от 17 марта 1921 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.3. Д.577. Л.22-24.
- ²⁷⁰ Kapur H. Soviet Russia and Asia...- P.231-232.
- ²⁷¹ Сведения о ходе формирования российской миссии, предназначенной к отправлению в Афганистан. (конец июля 1920 г.) - РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.154. Д.26. Л.167-168 об.

²⁷² Список сотрудников советской миссии в Афганистан, индийских коммунистов и членов семей, едущих в Афганистан. Без даты. - Там же. Л.170-170 об.

²⁷³ Радиограмма Я.З.Сурица из Кабула в Ташкент, Уполнаркоминдел. Копия в Москву, Наркоминдел. Весьма секретно. Кабул, 4 октября 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.232.

²⁷⁴ Доклад об индийской работе за полугодие с 1 декабря 1921 г. по 1 мая 1922 г. Совершенно секретно. Кабул, 5 мая 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.3. Д.105. Л.132.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Копия донесения Я.З.Сурица в Наркоминдел от 30 июня 1921 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.3. Пап.103. Д.2. Л.26.

²⁷⁷ Письмо Ф.Ф.Раскольникову - Г.В.Чичерину от 26 ноября 1921 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2129. Л.7-8.

²⁷⁸ Подробнее см.: Adamec Ludwig W. Historical and political...- P.101-102.

²⁷⁹ Доклад советского полпреда в Афганистане Ф.Ф.Раскольникову об индийской работе с 1 декабря 1921 г. по 1 мая 1922 г. Совершенно секретно. Кабул, 5 мая 1922 г.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.3. Д.105. Л.132-144.

²⁸⁰ Подробнее см.: Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. - С.405; Bose A.C. Indian Revolutionaries Abroad, 1905-1922...- P.205.

²⁸¹ Подробнее см.: Adamec Ludwig W. Historical and political Who's who...- P.141.

²⁸² Доклад Ф.Ф.Раскольникову об индийской работе с 1 декабря 1921 г. по 1 мая 1922 г. Совершенно секретно. Кабул, 5 мая 1922 г.- РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.3. Д.105. Л.145-151.

²⁸³ Докладная записка К.Трояновского в Малое бюро Исполкома Коминтерна от 12 августа 1921 года.- РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.154. Д.75. Л.2.

²⁸⁴ Проект положения Отдела международной пропаганды Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б).- РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.18. Д.15. Л.2.

²⁸⁵ Делеша Г.В.Чичерина В.М.Цукерману от 18 октября 1921 года.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2116. Л.29.

²⁸⁶ Шифрованная делеша Г.В.Чичерина В.М.Цукерману от 6 августа 1921 года.- Там же. Л.19.

²⁸⁷ Циркулярное донесение А.А.Иоффе В.И.Ленину, Л.Д.Троцкому, В.М.Молотову, Г.В.Чичерину, Г.Е.Зиновьеву. Ташкент, 18 сентября 1921 г.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2156. Л.26.

Глава 5

²⁸⁸ Сафаров Г. Колониальная революция...- С.81.

²⁸⁹ Там же. С.91; Жизнь Национальностей, 13 августа 1921 г. № 16 (14).

²⁹⁰ См. подробнее: Мустафа Чокай-оглы. Туркестан под властью Советов...; Wheeler G. The modern history of Soviet Central Asia. - P.104-105.

²⁹¹ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. - С.192-193.

²⁹² Краткий очерк возникновения и развития басмачества в Фергане по данным на 1 марта 1922 года. Секретная брошюра разведуправления штаба Красной армии. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2519. Л.11 об.

²⁹³ Донесение Я.З.Сурица в Москву из Кабула от 7 июля 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.141.

²⁹⁴ Краткий очерк возникновения...- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2519. Л.11 об.-

- ²⁹⁵ Донесение Я.З.Сурица в Ташкент Д.Ю.Гопнеру. Копия в Наркоминдел. Из Кабула 10 июля 1920 г. - АВР РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.142.
- ²⁹⁶ Донесение Я.З.Сурица в Москву из Кабула от 7 июля 1920 г. - Там же. Л.141.
- ²⁹⁷ Краткий очерк возникновения...-РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2519. Л.11 об.-13; Военная мысль. Кн.1. С.221.
- ²⁹⁸ Секретное донесение Я.З.Сурица уполнаркоминдел Д.Ю.Гопнеру. Копия в Наркоминдел. Из Кабула 24 июля 1920 г. - АВР РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.145.
- ²⁹⁹ Краткий очерк возникновения басмачества...-РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2519. Л.13.
- ³⁰⁰ Копия рапорта военного комиссара 1 Туркестанской кавалерийской дивизии Винокурова Реввоенсовету Туркфронта. Июнь 1921 г.- РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.250. Л.29 об.
- ³⁰¹ Копия доклада бывшего командира 1 Кавалерийской дивизии Спасского члену Реввоенсовета Туркфронта П.Баранову. Секретно. 25 июня 1921 г.- РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.250. Л.30 об.-31.
- ³⁰² Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia.- Р.267; Вдовиченко Д.И. Энвер-паша...- С.53.
- ³⁰³ Стенографический отчет IV заседания (4 сентября 1920 г.) I съезда народов Востока. - РЦХИДНИ. Ф.544. Оп.2. Д.2. Л.58.
- ³⁰⁴ Соловейчик Л. Очерк возникновения и развития...- С.23.
- ³⁰⁵ Докладная записка начальника Политического Управления Туркфронта И.Я.Врачева в Военный Совет Республики. Совершенно секретно. Ташкент, 22 февраля 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.268. Л.36 об.; Божко Ф. Гражданская война в Средней Азии. - С.85.
- ³⁰⁶ Копия письма Энвер-паши Генеральному консулу РСФСР в Душанбе Нагорнову от 12 января 1922 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.26. Л.1 об.
- ³⁰⁷ Бабаходжаев А.Х. Провал английской антисоветской политики...- С.96; Ганковский Ю. Персонажи с "той стороны". Энвер-паша...- С.60.
- ³⁰⁸ Чугунов А.И. Борьба на границе, 1917-1928 - С.129.
- ³⁰⁹ Arnold A. Afghanistan. The Soviet Invasion...- Р.14.
- ³¹⁰ Ланда Р.Г. Ислам в истории России...-С.202.
- ³¹¹ Докладная записка...И.Я.Врачева ....-РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.268. Л.36 об, 38.
- ³¹² Еженедельная разведывательная сводка штаба Туркфронта (с 1 по 7 апреля 1922 г). Совершенно секретно.- РЦХИДНИ. Ф. 62. Оп.2. Д.29. Л.75.
- ³¹³ Секретно-оперативная агентурная сводка №7 штаба Туркфронта от 23 февраля 1922 г. - Там же. Л.55.
- ³¹⁴ Сводка событий по Афганистану за время с 31 октября 1921 г. по 15 июля 1922 г. - АВР РФ. Ф.071. Оп.4. Пап.109. Д.25. Л.43.
- ³¹⁵ Донесение начальника Особого отдела Туркфронта и охраны границ республики полномочному представителю ГПУ в Туркестане. Ташкент, 17 мая 1922 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.26. Л.33.
- ³¹⁶ Доклад начальника штаба Туркфронта командующему войсками Туркестанского фронта. Ташкент, 12 апреля 1923 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.15. Л.56 об.-57 об.
- ³¹⁷ Донесение начальника Особого отдела Туркфронта и охраны границ...- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.26. Л.33.
- ³¹⁸ Трифонов И. О ликвидации контрреволюционной авантюры...- С.112-113.

³¹⁹ Телеграмма П.А.Соколова в Ташкент, Средазбюро. Копия в Москву, ЦК РКП(Б), И.В.Сталину. Июнь 1922 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.26. Л.39-40.

³²⁰ Еженедельная разведывательная сводка штаба Туркфронта с 16 по 23 июня 1922 г. Совершенно секретно.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.29. Л.143 об.

³²¹ Выписка из показаний пленного афганца, захваченного 15 июня 1922 г. в бою у Байсуна. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.26. Л.49.

³²² Черновой вариант телеграммы полпреда в Бухаре И.С.Кожевникова в НКВД, Л.М.Карахану. Старая Бухара, 16 июня 1922 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.29. Л.133-134 об.

³²³ Еженедельная разведывательная сводка штаба Туркфронта (с 16 по 23 июня 1922 г.). Совершенно секретно. - Там же. Л.143 об; Выписка из показаний пленного афганца...-Там же. Ф.62. Оп.2. Д.26. Л.49.

³²⁴ Сводка агентурных донесений за май 1922 г. - Там же. Д.26. Л.51.

³²⁵ Еженедельная разведсводка №9 штаба Туркфронта (с 1 по 7 июня 1922 г.). Совершенно секретно.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.29. Л.144.

³²⁶ Еженедельная разведывательная сводка №11 штаба Туркфронта (с 16 по 23 июня 1922 г.). Совершенно секретно. - Там же. Л.143 об.

³²⁷ Копия перевода письма Энвер-паши к военному министру Афганистана М.Надир-хану от 17 июня 1922 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.26. Л.48; а также несколько искаженный текст - см.: - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.29. Л.156-156 об.

³²⁸ Еженедельная разведсводка...с 16 по 23 июня 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.29. Л.143 об.

³²⁹ Войсковое донесение начальника информотделения Бухгруппы Гавронского о бое при Сары-Асия от 21 июля 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф. 62. Оп.2. Д.26. Л.49.

³³⁰ Донесение П.А.Соколова в Ташкент, Средазбюро ЦК РКП(Б). Копия в Москву, ЦК РКП(Б), И.В.Сталину. Июнь 1922 г. - Там же. Л.38.

³³¹ Копия телеграммы И.С.Кожевникова из Бухары в Ташкент председателю Турккомиссии и Туркбюро ЦК РКП(Б) С.И.Гусеву. Совершенно секретно. (12) июль 1922 г. - Там же. Л.52.

³³² Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчет ...- С.68; Сводка событий по Афганистану за время с 31 октября 1921 г. по 15 июля 1922 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.4. Пап.109. Д.25. Л.45.

³³³ Копия телеграммы И.С.Кожевникова...С.И.Гусеву. -РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.26. Л.53.

³³⁴ Ланда Р. Г. Ислам в истории России... - С.203.

³³⁵ Сводка по Афганистану. Дневник событий за август 1922 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.4. Пап.109. Д.25. Л.39.

³³⁶ Секретная телеграмма Ф.Ф.Раскольниковова от 24 октября 1922 г., переданная из Бухары в Москву, Л.М.Карахану. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2179. Л.161.

³³⁷ Расшифрованная секретная телеграмма И.Р.Фонштейна из Бухары в Москву, Л.М.Карахану от 28 августа 1922 г.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2181. Л.94.

³³⁸ См., например: Шарипов Я. Борьба трудящихся масс Таджикистана...- С.9.

³³⁹ Телеграмма Ф.Ф.Раскольниковова в Москву, Л.М.Карахану. Кабул, 9 августа 1922 г. Совершенно секретно. -РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2179. Л.144.

³⁴⁰ Копия телеграммы командующего Туркфронтом В.И.Шорина в Москву от 6 августа 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.29. Л.206 об.

³⁴¹ Информационный обзор о движении басмачества за май 1923 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.68. Л.247-247 об.

³⁴² Выписка из доклада термезского консульства от 5 января 1924 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.71. Л.4.

³⁴³ Разведывательный обзор временно исполняющего дела начальника VII-го Отдела штаба САВО и помощника начальника Отдела С.Н.Бялковского от 8 декабря 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.519. Л.216.

³⁴⁴ Валишев А.А. Рейд, не вошедший в историю...- С.49; Ганковский Ю. Персонажи с "той стороны", Ибрагим-бек Локай...- С.62.

³⁴⁵ Докладная записка И.Я.Врачева Военному Совету Республики от 22 февраля 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.268. Л.80.

³⁴⁶ Секретно-оперативная сводка по Афганистану №2. Ташкент, 17 января 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.29. Л.22.

³⁴⁷ Геллер Л. Мировая революция и съезд народов Востока в Баку.- С.291.

³⁴⁸ Секретное письмо зампреда Средазбюро ЦК ВКП(б) О.Я.Карклина И.В.Сталину и председателю Средазбюро Я.Э.Рудзутаку. Ташкент, 8 июля 1924 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.88. Л.49.

³⁴⁹ Доклад ОГПУ о состоянии бандитизма и борьбы с ним в Туркменистане. Апрель 1928 г. Совершенно секретно. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1347. Л.63.

³⁵⁰ Копия донесения ОГПУ Туркменской ССР Лопухову (без даты). - Там же. Л.102; "Показания свидетеля бомбежки" (без даты). - Там же. Л.104.

³⁵¹ См.: Протокол №4 закрытого заседания секретариата ЦК КП(б) Туркменистана от 19 января 1928 г. Строго секретно. - Там же. Л.54; Докладная записка Уполномоченного НКВД в Туркменской ССР И.А.Остренова Л.М.Карахану от 25 мая 1927 г. Совершенно секретно. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.879. Л.181.

³⁵² Черновик доклада ОГПУ ТССР о состоянии бандитизма на территории Туркменской ССР к 1 января 1928 г. и борьбе с ним. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1347. Л.16-17.

³⁵³ Доклад ОГПУ о состоянии бандитизма и борьбы с ним в Туркменистане...- Там же. Л.69-71.

³⁵⁴ Там же.

Глава 6

³⁵⁵ Арунова М.Р., Шумилов О.М. Очерки истории формирования...- С.27.

³⁵⁶ Подробнее см.: Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана; Присоединение Туркмении к России; Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии; Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России; Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений...; Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии...; Ghose D.K. England and Afghanistan...; Habberton W. Anglo-russian relations concerning Afghanistan.; Gopalakrishnan R. The Geography and politics of Afghanistan.

³⁵⁷ Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока...- С.287.

³⁵⁸ Радиограмма Н.З.Бравина А.Н.Вознесенскому. Кабул, 11 октября 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.32.

³⁵⁹ Частное письмо Н.З.Бравина А.Н.Вознесенскому. Из Кабула 27 декабря 1919 г. - Там же. Л.54.

³⁶⁰ Секретное письмо Я.З.Сурица в Наркоминдел. Кабул, 24 марта 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.72-73.

³⁶¹ Письмо П.Благовещенского Я.З.Сурицу от 24 февраля 1922 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.14. Л.52-53.

³⁶² Там же.

³⁶³ Резолюция Турккомиссии по афганским делам. Ташкент, 9 февраля 1920 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.29.

- ³⁶⁴ Письмо П.Благовещенского Я.З.Сурицу от 24 февраля 1922 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.14. Л.54.
- ³⁶⁵ Секретное письмо Я.З.Сурица в Наркоминдел. Кабул, 24 марта 1920 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л.72-73.
- ³⁶⁶ Там же.
- ³⁶⁷ Секретная телеграмма Я.З.Сурица Турккомиссии в Ташкент. Копия в Наркоминдел. Кабул, 1 мая 1920 г. - Там же. Л.58-58 об.
- ³⁶⁸ Секретное письмо Я.З.Сурица в Наркоминдел. Кабул, 24 марта 1920 г. - Там же. Л.72.
- ³⁶⁹ Там же. Л.69.
- ³⁷⁰ Копия текста договора, заключенного между Советской Россией и Афганистаном об упрочении дружественных отношений 28 февраля 1921 г. "Не подлежит оглашению".- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2022. Л.2.
- ³⁷¹ Письмо полпреда РСФСР в Афганистане Ф.Ф.Раскольникову наркомую иностранных дел Г.В.Чичерину от 26 ноября 1921 г.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2129. Л.5.
- ³⁷² Письмо Л.М.Рейснер Ф.Ф.Раскольникову в Кабул от 25 марта 1923 г. - РЦХИДНИ. Ф.562. Оп.1. Д.3. Л.3-4.
- ³⁷³ Письмо К.Юренева Г.В.Чичерину от 25 января 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2130. Л.24.
- ³⁷⁴ Там же. Л.24.
- ³⁷⁵ Расшифрованная телеграмма Я.З.Сурица и В.М.Цукермана Г.В.Чичерину. Совершенно секретно. 4 февраля 1922 г.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2202. Л.104.
- ³⁷⁶ Письмо Я.З.Сурица Г.В.Чичерину от 26 декабря 1921 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2129. Л.14-15.
- ³⁷⁷ Там же.
- ³⁷⁸ Секретная записка начальника Генерального штаба Туркестанского фронта А.Белой "По вопросу об уступке Афганистану кушкинского района". Декабрь 1921 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.14. Л.7.
- ³⁷⁹ Расшифрованная телеграмма Я.З.Сурица и В.М.Цукермана Г.В.Чичерину. Совершенно секретно. 4 февраля 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2202. Л.104.
- ³⁸⁰ Секретный доклад зам.начальника инженеров командующему Туркфронта от 14 февраля 1922 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.14. Л.37-38; Письмо П.Благовещенского Я.З.Сурицу от 24 февраля 1922 г. - Там же. Л.56-58; Доклад военного секретаря Полномочного представительства в Кабуле Э.М.Рикса по вопросу о передаче Афганистану Кушки. Кабул, 10 февраля 1922 г. - Там же. Л.73-79.
- ³⁸¹ Расшифрованная телеграмма Я.З.Сурица Г.В.Чичерину. Ташкент, 16 февраля 1922 г.- РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2202. Л.107.
- ³⁸² Шифрованная телеграмма из Реввоенсовета Республики командующему Туркфронтом. Москва, 18 декабря 1922 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.14. Л.171.
- ³⁸³ Письмо Л.Н.Старка уполномоченному НКВД в Узбекистане А.А.Знаменскому. Совершенно секретно. Январь 1926 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.172-173.
- ³⁸⁴ Подробнее см.: Панин С.Б. Россия и Афганистан... - С.64-68.
- ³⁸⁵ Донесение представителя НКВД в Средней Азии И.Э.Германа Г.В.Чичерину. Ташкент, 14 февраля 1924 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.71. Л.16.
- ³⁸⁶ Там же.
- ³⁸⁷ См. подробнее: Панин С.Б. Россия и Афганистан.- С.56.
- ³⁸⁸ Нота поверенного в делах СССР в Афганистане П.А.Соколова заместителю министра иностранных дел Афганистана Гулам Сиддик-хану. Кабул, 17 июля 1927 г.- АВП РФ. Ф.71. Оп.10. Пап.7. Д.3. Л.208-210.

- ³⁸⁹ Там же.
- ³⁹⁰ Там же.
- ³⁹¹ Письмо и.о. Уполнаркоминдел в Туркменской ССР Макарьяна генеральному консулу СССР в Герате Поляку. Сов.секретно. Лично. 25 августа 1927 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.879. Л.178.
- ³⁹² Нота МИД Афганистана поверенному в делах СССР в Афганистане П.А.Соколову. Кабул, 11 июля 1927 г.- АВП РФ. Ф.71. Оп.10. Пап.7. Д.4. Л.203.
- ³⁹³ Там же.
- ³⁹⁴ Снесарев А.Е. Афганистан. - С.30.
- ³⁹⁵ Вербальная нота Л.Н.Старка министру иностранных дел Афганистана. Кабул, 17 апреля 1928 г.- АВП РФ. Ф.71. Оп.11. Пап.10 Д.4. Л.193.
- ³⁹⁶ Подробнее см.: Копия секретного доклада Ф.Ф.Раскольниково по вопросу о правовом положении острова Урта-Тугай от 24 февраля 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.532. Л.6; Панин С.Б. Россия и Афганистан...-С.52.
- ³⁹⁷ Копия акта Чрезвычайного заседания революционного комитета кулябского района БНСР. 27 января 1925 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.4.
- ³⁹⁸ Копия с копии письма начальника погранохраны бухаро-афганской границы Дейнеко Ф.Ф.Раскольникову. Совершенно секретно. Лично. Декабрь 1923 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.71. Л.9 об; Копия отношения начальника погранохраны Дейнеко на имя уполномоченного НКВД в Средней Азии от 31 января 1924 г. - Там же. Л.8.
- ³⁹⁹ Копия акта чрезвычайного заседания революционного комитета кулябского района БНСР. 27 января 1925 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.5-5 об.
- ⁴⁰⁰ Там же. Л.5.
- ⁴⁰¹ Секретный доклад члена коллегии НКВД С.И.Аралова в Политбюро. 22 декабря 1925 г. - АВП РФ. Ф.05. Оп.5. Пап.2а. Д.7. Л.6-7.
- ⁴⁰² Оперативно-политическая сводка № 7 Политического Управления Туркфронта от 9 марта 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.519. Л.83.
- ⁴⁰³ Секретный доклад... С.И.Аралова... - АВП РФ. Ф.05. Оп.5. Пап.2а. Д.7. Л.6-7.
- ⁴⁰⁴ Численность переправившегося на остров отряда Красной армии подсчитана по: Боезаписка начальника штаба 13 стрелкового корпуса Померанцева в штаб Туркфронта. Совершенно секретно. 21 декабря 1925 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.22. Л.41.
- ⁴⁰⁵ Секретный доклад ...С.И.Аралова... - АВП РФ. Ф.05. Оп.5. Пап.2а. Д.7. Л.6.
- ⁴⁰⁶ Там же. Л.7.
- ⁴⁰⁷ Там же.
- ⁴⁰⁸ Доклад Ф.Ф.Раскольниково "Расследование обстоятельств занятия нашими частями острова Урта-Тугай". Совершенно секретно. Пархар, 10 апреля 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.532. Л.41-49.
- ⁴⁰⁹ Секретный доклад... С.И.Аралова... - АВП РФ. Ф.05. Оп.5. Пап.2а. Д.7. Л.7.
- ⁴¹⁰ Там же. Л.8, 9.
- ⁴¹¹ Телеграмма полпреда СССР в Афганистане Л.Н.Старка в НКВД. Совершенно секретно.(без даты)- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.169.
- ⁴¹² Там же.
- ⁴¹³ Письмо Л.Н.Старка уполномоченному НКВД в Узбекистане А.А.Знаменскому. Совершенно секретно. Январь 1926 г. - Там же. Л.172.
- ⁴¹⁴ Телеграмма Л.Н.Старка в НКВД. Совершенно секретно. Без даты. - Там же. Л.169-170.
- ⁴¹⁵ Там же. Л.170.

⁴¹⁶ Отчет VII-го отдела штаба САВО о деятельности англичан в Персии, Афганистане и Западной Китае, Секретно. Экземпляр № 16. - Ташкент, 1925. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.880. Л.25.

⁴¹⁷ Передача уполномоченным НКВД СССР в Узбекистане А.А.Знаменским секретной телеграммы Г.В.Чичерина полномочному представительству ОГПУ в Средней Азии. Из Ташкента, 19 января 1926 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.22. Л.84.

⁴¹⁸ Телеграмма начальника штаба Туркфронта Кондратьева начальнику Военно-воздушных сил Туркфронта от 26 января 1926 г. Совершенно секретно. - Там же. Л.86.

⁴¹⁹ Там же. Л.88.

⁴²⁰ Секретный доклад... С.И.Аралова... - АВП РФ. Ф.05. Оп.5. Пап.2а. Д.7. Л. 8, 9.

⁴²¹ Письмо Л.Н.Старка А.А.Знаменскому. Совершенно секретно. Январь 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.173.

⁴²² Копия статьи из газеты "Правда Востока" от 10 марта 1926 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.9. Пап.4. Д.3. Л.43; Нота Л.Н.Старка на имя М.Тарзи от 9 февраля 1926 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.9. Пап.4. Д.1. Л.328.

⁴²³ Копия ноты МИД Афганистана полномочному представителю СССР в Кабуле. Кабул, 5 февраля 1926 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.9. Пап.4. Д.2. Л.369; Adamec Ludwig W. Historical and political... - P.198.

⁴²⁴ Копия секретного письма управляющего делами уполномоченного НКВД в Узбекистане И.Эльбурих командующему Туркфронтом К.А.Авксентьевскому от 4 февраля 1926 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.22. Л.96-97.

⁴²⁵ Володарский М.И. Советы и их южные соседи... С.183.

⁴²⁶ Телеграмма Л.Н.Старка Г.В.Чичерину. Из Кабула от 9 февраля 1926 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.22. Л.94.

⁴²⁷ Копия ноты МИД Афганистана советскому полпреду в Кабуле от 18 февраля 1926 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.9. Пап.4. Д.2. Л.365.

⁴²⁸ Секретный доклад Ф.Ф.Раскольников "Правое положение острова Урта-Тугай". Ташкент, 25 февраля 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.532. Л.16-19.

⁴²⁹ Проект письма Г.В.Чичерина в Политбюро ЦК ВКП(б) об Урта-Тугае. 16 июля 1926 г. - Там же. Л.138.

⁴³⁰ Там же. Л.140-141.

⁴³¹ Протокол № 12 закрытого заседания Исполкомиссии Оргбюро партии в Таджикской АССР от 15 февраля 1926 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.22. Л.118.

⁴³² Текст документа, написанный карандашом и никак не обозначенный. Без даты. - Там же. Л.111 об.

⁴³³ Pioneer 31. 3.1926; Копия акта о передаче острова Урта-Тугай. 28 февраля 1926 г. - РГВА. Ф.110. Оп.7. Д.22. Л.126.

⁴³⁴ Копия из газеты "Правда Востока" от 10 марта 1926 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.9. Пап.4. Д.3. Л.44.

⁴³⁵ Копия протокола советско-афганской смешанной комиссии по вопросу об острове Урта-Тугай. Кабул, 15 августа 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.532. Л.173-174; Володарский М.И. Советы и их южные соседи...-С.183. В тот же день стороны обменялись нотами о признании правительствами обеих стран соглашения /См.: Копия ноты Л.Н.Старка М.Тарзи. Кабул, 15 августа 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.532. Л.177; Копия ноты М.Тарзи Л.Н.Старку. Кабул, 15 августа 1926 г. - Там же. Л.178.

⁴³⁶ Копия перевода ноты МИД Афганистана, подписанной М.Тарзи, на имя полпреда СССР Л.Н.Старка. Кабул, 15 августа 1926 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.9. Пап.4. Д.2. Л.152.

- ⁴³⁷ Арунова М.Р., Шумилов О.М. Очерки истории формирования...- С.31.
- ⁴³⁸ Текст договора см.: Копия договора о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном. Пагман, 31 августа 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.532. Л.181-185.
- ⁴³⁹ Володарский М.И. Советы и их южные соседи...- С.184.
- ⁴⁴⁰ Вербальная нота полномочного представительства СССР в Афганистане МИД Афганистана. Кабул, 25 января 1928 г.- АВР РФ. Ф.71. Оп.11. Пап.10. Д.4. Л.368.
- ⁴⁴¹ Вербальная нота полномочного представительства СССР в Афганистане МИД Афганистана. Кабул, 14 февраля 1928 г. - Там же. Л.331-332.

Глава 7

- ⁴⁴² Подробнее см.: Панин С.Б. Россия и Афганистан.- С.68-75.
- ⁴⁴³ Частное письмо Л.М.Рейснер Ф.Ф.Раскольникову в Кабул. Без даты. - РЦХИДНИ. Ф.562. Оп.1. Д.3. Л.22.
- ⁴⁴⁴ Расшифрованная телеграмма Ш.З.Элиавы и Г.И.Бройдо Г.В.Чичерину. Секретно. Ташкент, 23 декабря 1919 г. - РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2202. Л.5.
- ⁴⁴⁵ Копия сообщения уполномоченного НКВД в кушкинском и тахтабазарском районах Н.Г.Останина начальнику кушкинского отделения ГПУ Понамареву от 22 октября 1922 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.18. Л.102.
- ⁴⁴⁶ Протокол № 1 секретного заседания ответственных работников крепости Кушка. Кушка, 25 октября 1922 г. - Там же. Л.102-102 об.
- ⁴⁴⁷ Секретное послание уполномоченного НКВД Н.Г.Останина в НКВД. Кушка, 31 октября 1922 г. - Там же. Л.102 об.
- ⁴⁴⁸ Копия телеграммы Юлина из Полторацка в Ташкент Сильну от 2 декабря 1922 г. Совершенно секретно. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.25. Л.196.
- ⁴⁴⁹ Донесение представителя НКВД в Средней Азии И.Э.Германа Г.В.Чичерину. Ташкент, 14 февраля 1924 г. Совершенно секретно. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.71. Л.12.
- ⁴⁵⁰ Секретное сообщение полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии Г.В.Чичерину от 9 декабря 1924 г. - Там же. Л.27.
- ⁴⁵¹ Донесение И.Э.Германа Г.В.Чичерину. Ташкент, 14 февраля 1924 г. Совершенно секретно. - Там же. Л.11-12.
- ⁴⁵² Там же. Л.13.
- ⁴⁵³ Там же. Л.12.
- ⁴⁵⁴ Там же. Л.13.
- ⁴⁵⁵ Там же.
- ⁴⁵⁶ Там же.
- ⁴⁵⁷ Записка секретарей ЦК КП(б) Туркменистана Ибрагимова и Сахар-Мурадова в Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1927 г. Совершенно секретно. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.878. Л.14, 18.
- ⁴⁵⁸ Перевод с персидского донесения Мухаммад Аюб-хана, шугнанского милиционера военному руководству в Ишкашиме от 5 апреля 1925 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.91.
- ⁴⁵⁹ Выписка из доклада памирского агента НКВД Дубровского от 25 июля 1925 г. - Там же. Л.135-136; Копия доклада А.А.Знаменского агенту НКВД в Дюшамбе Г.С.Гуляеву от 5 августа 1925 г. Строго секретно. - Там же. Л.74.
- ⁴⁶⁰ Телеграмма А.А.Знаменского Г.В.Чичерину в НКВД. Совершенно секретно. (без даты). - Там же. Л.125.

- 461 Перевод обращения лидеров таджиков к советским властям. 1925 г. - Там же. Л.81.
- 462 Выписка из доклада Дубровского... - Там же. Л.140.
- 463 Там же. Л.137-138.
- 464 Копия секретной записки ...А.А.Знаменского ...Г.С.Гуляеву. - Там же. Л.73.
- 465 Прощение жителей афганского Шугнана к руководству Таджикской АССР. (191 подпись). - Там же. Л.117.
- 466 Копия записки... А.А.Знаменского... Г.С.Гуляеву. - Там же. Л.73.
- 467 Секретная записка ответственного секретаря Оргбюро КП(б)Таджикистана Толпыго председателю Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) И.А.Зеленскому от 17 июня 1925 г. Копия А.А.Знаменскому. - Там же. Л.113.
- 468 Выписка из доклада... Дубровского от 25 июля 1925 г. - Там же. Л.137.
- 469 Перевод обращения лидеров таджикского восстания. 1925 г. - Там же. Л.80.
- 470 Выписка из доклада... Дубровского... - Там же. Л.139.
- 471 Там же. Л.140.
- 472 Там же. Л.136.
- 473 Там же. Л.139.
- 474 Перевод с персидского обращения "Братьям Свободной Республики, Памирскому отряду" жителей афганского Шугнана. (Без даты). - Там же. Л.94.
- 475 Копия записки... А.А.Знаменского Г.С.Гуляеву от 5 августа 1925 г. - Там же. Л.77.
- 476 Выписка из доклада... Дуровского от 25 июля 1925 г. - Там же. Л.141.
- 477 См.: Секретная записка ответственного секретаря Оргбюро КП(б)Таджикистана Толпыго... И.А.Зеленскому и А.А.Знаменскому от 17 июня 1925 г. - Там же. Л.113.
- 478 Выписка из доклада... Дубровского... - Там же. Л.143.
- 479 Копия записки А.А.Знаменского агенту НКВД в Дюшамбе Г.С.Гуляеву от 5 августа 1925 г. - Там же. Л.74-75.
- 480 Секретная записка...Толпыго...И.А.Зеленскому и А.А.Знаменскому от 17 июня 1925 г. - Там же. Л.114.
- 481 Там же. Л.115.
- 482 Там же.
- 483 Телеграмма НКВД А.А.Знаменскому. Москва, 2 августа 1925 г. - Там же. Л.126.
- 484 Копия записки...А.А.Знаменского...Г.С.Гуляеву. - Там же. Л.75-76.
- 485 Копия секретного доклада ответственного секретаря Оргбюро КП(б) Уз.ССР. в Тадж.АССР Толпыго от 22 апреля 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.533. Л.1-3.
- 486 Текст обращения к эмигрантам, желающим вернуться в СССР, подписанный генеральным консулом СССР в Мазари-Шарифе Б.П.Постниковым. 8 февраля 1927 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.879. Л.73-74. Протокол № 6 заседания Особой комиссии по пограничным вопросам. Совершенно секретно. Ташкент, 5 июля 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.193. Л.81-82.
- 487 Протокол № 6 заседания Особой комиссии...Ташкент, 5 июля 1925 г. - Там же.
- 488 Текст обращения к эмигрантам,...подписанный Б.П.Постниковым. 8 февраля 1927 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.879. Л.73-74. Протокол № 6 заседания Особой комиссии по пограничным вопросам. Совершенно секретно. Ташкент, 5 июля 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.193. Л.81-82.

⁴⁸⁹ Докладная записка временно исполняющего обязанности уполнаркоминдел в Туркменской ССР Л.П.Немченко зам.народного комиссара иностранных дел Л.М.Карахану. 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1242. Л.1-2.

⁴⁹⁰ Там же. Л.4-5.

⁴⁹¹ Там же.

⁴⁹² Донесение полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии зав.секретариатом Средазбюро ЦК ВКП(б) Остроумову. Ташкент, 28 января 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.25; Сообщение полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии Остроумову. Ташкент, 6 марта 1928 г. - Там же. Л.27-28.

⁴⁹³ Bradsher Henry S. Afghanistan and the Soviet Union.- P.15.

⁴⁹⁴ Сводка № 8 важнейших сведений по внешней Средней Азии за время с 15 ноября по 30 ноября 1927 г. Строго секретно. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1346. Л.11; Секретное сообщение полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии председателю Средазбюро ЦК ВКП(б) И.А.Зеленскому. Ташкент, 10 сентября 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.99.

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ Секретное сообщение полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии И.А.Зеленскому. Ташкент, 10 сентября 1928 г. - Там же. Л.99-100.

⁴⁹⁷ Подробнее см.: Докладная записка о поездке к белуджам Уполномоченного ЦИК Туркменской ССР Л.П.Немченко от 14 февраля 1927 г. Совершенно секретно. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.879. Л.33-34.

⁴⁹⁸ Докладная записка Уполномоченного НКВД в Туркменистане И.А.Острцова Л.М.Карахану. Совершенно секретно. - Там же. Л.43.

⁴⁹⁹ Докладная записка Л.П.Немченко Л.М.Карахану. 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1242. Л.5-11.

⁵⁰⁰ Секретное письмо уполномоченного НКВД в Туркменской ССР Д.Э.Скалова зам.наркоминдел СССР Л.М.Карахану от 16 сентября 1928 г. - Там же. Л.108-109.

Глава 8

⁵⁰¹ Записка политического руководителя полномочного представительства РСФСР в Афганистане М.И.Зибарова в Турккоминдел, ТуркЦИК, Крайком партии. Из Кабула, 7 декабря 1919 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.1. Пап.101. Д.4. Л.22.

⁵⁰² Connolly V. Soviet economic policy in the east....- P.1.

⁵⁰³ Ibid., - P.5.

⁵⁰⁴ Ibid., - P.1; Баранов П. Положение Туркестанской республики...- С.83-84.

⁵⁰⁵ См.: Панин С.Б. Россия и Афганистан. - С.105,114.

⁵⁰⁶ Доклад заведующего отделом Н.Д.Зальманова о деятельности Отдела внешней торговли при Турккомиссии с 7 мая по 17 сентября 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.141. Л.7-7 об, 38 об.-39.

⁵⁰⁷ Письмо Я.З.Сурица Л.М.Карахану от 23 октября 1919 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.2. Пап.102. Д.2. Л. 3 об.

⁵⁰⁸ Доклад Н.Д.Зальманова о деятельности отдела с 7 мая по 17 сентября 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.141. Л.43 об.-46, 58-59

⁵⁰⁹ Рейснер И.М. Афганистан. - М., 1929. С.205.

⁵¹⁰ "Временное положение об отдельной Туркестанской Дивизии Пограничной охраны." Копия. Секретно. (без даты). - РЦХИДНИ. Ф.122. Оп. 1. Д.137. Л.120.

⁵¹¹ "Временные правила о пропуске через границу жизненных припасов и других предметов домашнего и сельского хозяйства, потребных для местного приграничного населения", 1920 г. - РЦХИДНИ. Ф.122. Оп.1. Д.141. Л.68.

⁵¹² Рейснер И.М. Афганистан. - М., 1929. С.170-171.

⁵¹³ Цит. по: Арунова М.Р., Шумилов О.М. Очерки истории формирования...- С.69

⁵¹⁴ Телеграмма Г.В.Чичерина И.Р.Фонштейну от 22 июня 1921 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.3. Пап.104. Д.8. Л.2; Телеграмма Г.В.Чичерина А.Лежаве от 30 июля 1921 г. - Там же. Л.3.

⁵¹⁵ Защук С. Внешняя торговля Афганистана.- С.154-155.

⁵¹⁶ Выписка из доклада термезского консульства от 5 января 1924 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.71. Л.5-6.

⁵¹⁷ Секретный доклад среднеазиатского представительства НКВТ в Наркомвнешторг СССР. Ташкент, 9 ноября 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.193. Л.137 об; Записка уполномоченного наркомпути в Средней Азии Шимановского председателю Туркбюро ЦК ВКП(б) И.А.Зеленскому. Ташкент, 31 января 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.236. Л.6; Страны Востока. Справочник.- С.79.

⁵¹⁸ Записка уполномоченного наркомпути в Средней Азии Шимановского..И.А.Зеленскому. Ташкент, 31 января 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.236. Л.6.

⁵¹⁹ Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам.- С.246.

⁵²⁰ Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. 1919-1987.- С.92.

⁵²¹ Информационное сообщение о торговых отношениях с Афганистаном...- ГАРФ. Ф.5402. Оп.1. Д.128. Л.2.

⁵²² Секретный доклад среднеазиатского представительства НКВТ в Наркомвнешторг СССР. Ташкент, 9 ноября 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.193. Л.137 об.

⁵²³ Конъюнктурный обзор рынков сопредельных стран. Ташкент, 15 мая 1926 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.9. Пап.6. Д.30. Л.23.

⁵²⁴ Объяснительная записка к плану внешней торговли среднеазиатских республик на 1924/1925 гг. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.193. Л.7.

⁵²⁵ Секретный доклад представительства НКВТ в Средней Азии в Наркомвнешторг. Ташкент, 9 ноября 1925 г. - Там же. Л.136-137.

⁵²⁶ Протокол № 6 заседания Особой комиссии по пограничным вопросам. Совершенно секретно. Ташкент, 4 июля 1925 г. - Там же. Л.78-79.

⁵²⁷ Копия письма генерального консула СССР в Керках Белецкого уполномоченному НКВТ по Средней Азии О.Я.Осипову. Совершенно секретно, лично. Керки, 3 марта 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.37.

⁵²⁸ Объяснительная записка к плану внешней торговли среднеазиатских республик на 1924/1925 гг. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.193. Л.9-12.

⁵²⁹ Секретный доклад представительства НКВТ в Средней Азии в Наркомвнешторг. Ташкент, 9 ноября 1925 г. - Там же. Л.144 об.

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ Копия секретного доклада "О торговом договоре с Афганистаном агента НКВД в Средней Азии И.Э.Германа наркому иностранных дел СССР Г.В.Чичерину. /без даты/.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.71. Л.17-18.

⁵³² Каруг Н. Soviet Russia and Asia...- P.239; Торговля России с Востоком. - М., 1925. № 1-2. С.6.

⁵³³ Toynbee A.J. Survey of international Affairs. 1920-1923. -L., 1925. P.384.

⁵³⁴ Секретный доклад среднеазиатского представительства НКВТ в Наркомвнешторг СССР. Ташкент, 9 ноября 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.193. Л.137.

⁵³⁵ Копия договора, заключенного между представителем Нефтесиндиката и сардаром Гулам Мухаммад-ханом. Кабул, 24 июля 1925 г. - Там же. Л.70-77.

⁵³⁶ Письмо полпреда СССР в Афганистане Л.Н.Старка И.А.Зеленскому. Кабул, июль 1925 г. Секретно, лично. - Там же. Л.67-69.

⁵³⁷ Копия срочной телеграммы Фридмана из Москвы в Ташкент. /без даты/ - Там же. Л.106.

⁵³⁸ Секретное донесение управляющего среднеазиатским отделением Нефтесиндиката Казанского председателю среднеазиатским ЦК ВКП(б) И.А.Зеленскому. Ташкент, 12 августа 1925 г. - Там же. Л.104 об.

⁵³⁹ Копия циркулярной телеграммы Л.Н.Старка Г.В.Чичерину, М.И.Фрумкину, А.А.Знаменскому, И.А.Зеленскому, Казанскому. Кабул, 1925 г. - Там же. Л.105.

⁵⁴⁰ Циркулярная телеграмма Л.Н.Старка и А.Лежавы-Мюрат в Москву и Ташкент Г.В.Чичерину, И.А.Зеленскому, М.И.Фрумкину, Г.И.Ломову, А.А.Знаменскому, Казанскому. Кабул, 7 августа 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.71.

⁵⁴¹ См.: Секретное представление представителя НКВТ СССР в Средней Азии В.П.Бельгова И.А.Зеленскому. Ташкент, 19 января 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.5.

⁵⁴² Секретный доклад среднеазиатского представительства НКВТ в Наркомвнешторг СССР. Ташкент, 9 ноября 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.193. Л.141-141 об.

⁵⁴³ Копия ноты советского консульства в Герате управлению уполномоченного МИД Афганистана в Герате от 6 января 1926 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.9. Пап.6. Д.30. Л.3-4.

⁵⁴⁴ Connolly V. Soviet economic policy in the east... - P.83; Гуревич А. Афганистан. - М., 1930. С.27; Гамбари М.Г. Внешняя торговля Советского Союза... Дисс. канд. эконом. наук. - Л.19; Рейснер И.М. Афганистан. - М., 1929. С.66.

⁵⁴⁵ Представление А.А.Знаменского И.А.Зеленскому. Ташкент, 15 октября 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.193. Л.127.

⁵⁴⁶ ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.137. Л.11.

⁵⁴⁷ Отчет по внешней торговле Туркменской ССР за 1925/1926 гг. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.109.

⁵⁴⁸ ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.137. Л.11.

⁵⁴⁹ Отчет по внешней торговле Туркменской ССР за 1925/1926 гг. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.110.

⁵⁵⁰ Там же. Л.109.

⁵⁵¹ Л.110.

⁵⁵² Записка уполномоченного наркомата путей сообщения СССР в Средней Азии Шимановского "по вопросу восстановления железнодорожного участка Самсоново-Термез и постройке новой линии Термез-Данау-Дюшамбе" на имя председателя бюро ЦК ВКП(б) И.А.Зеленского. Ташкент, 31 января 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.236. Л.5; Выписка из письма полпреда РСФСР в Бухаре И.Р.Фонштейна на имя уполномоченного НКВД Михайлова от 23 апреля 1923 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.51. Л.25-26.

⁵⁵³ Теплинский Л.Б. История советско-афганских...-С.92.

⁵⁵⁴ Телеграмма начальника железнодорожных работ на участке Самсоново-Термез Кирилова в Ташкент, Москву, Полторацк. /без даты/. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.236. Л.126; План празднования открытия ж/д линии Самсоново-Термез. - Там же. Л.125.

⁵⁵⁵ Записка...Шимановского.... Ташкент, 31 января 1925 г. - Там же. Л.11.

- ⁵⁵⁶ Отчет среднеазиатской восточной торговой палаты за 1926 г. -ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.137. Л.18.
- ⁵⁵⁷ Записка...Шимановского "Организация пароходства на участке Термез-Сарай на реке Амударье". Ташкент, 4 февраля 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.237. Л.129-135.
- ⁵⁵⁸ Постановление комиссии по вопросу о водном и грунтовом транспорте в пределах Средней Азии. Ташкент, 1925 г. - Там же. Л.154.
- ⁵⁵⁹ Тезисы об очередных организационных задачах Наркомторга в Средней Азии... 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.528. Л.2-3.
- ⁵⁶⁰ Представление А.А.Знаменского И.А.Зеленскому... - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.193. Л.127-128.
- ⁵⁶¹ См.: Записка уполнаркомторга в Узбекистане в НКВД об итогах и перспективах внешней торговли в Средней Азии. Секретно. 4 мая 1927 г.- АВП РФ. Ф.071. Оп.9. Пап.134. Д.36. Л.102-103.
- ⁵⁶² Тезисы управления уполнаркомторга СССР в Средней Азии "К вопросу об организации среднеазиатской ярмарки". Не подлежит оглашению. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.65.
- ⁵⁶³ Отчет по внешней торговле Туркменской ССР за 1925/1926 гг. - Там же. Л.111.
- ⁵⁶⁴ Рейснер И.М. На путях экономического сближения с Афганистаном.- С.2-5.
- ⁵⁶⁵ Секретное донесение агента НКВД в Керки Яншина заведующему отделом Среднего Востока НКВД В.М.Цукерману, уполномоченному НКВД в Туркменской ССР И.А.Острцову. Керки, 16 сентября 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.61-62.
- ⁵⁶⁶ Донесение генерального консула СССР в Мазари-Шарифе Б.П.Постникова Л.Н.Старку, В.М.Цукерману, А.А.Знаменскому от 27 января 1927 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.879. Л.19-20.
- ⁵⁶⁷ Секретное донесение...Яншина...В.М.Цукерману... Керки, 16 сентября 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.62.
- ⁵⁶⁸ Там же. Л.61-62.
- ⁵⁶⁹ Записка А.И.Микояна в Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 июля 1927 г. Совершенно секретно. - АВП РФ. Ф.071. Оп.9. Пап.134. Д.36. Л.5.
- ⁵⁷⁰ Данные о деятельности туркменского таможенного инспекторского управления с 1 июля 1924 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.102-102 об.
- ⁵⁷¹ Секретное донесение агента НКВД в Термезе уполномоченному НКВД в Узбекистане А.А.Знаменскому. 20 апреля 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.44.
- ⁵⁷² Тезисы управления уполнаркомторга СССР в Средней Азии "К вопросу об организации среднеазиатской ярмарки". Гриф: "Не подлежит оглашению". - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.65.
- ⁵⁷³ Записка А.И.Микояна... от 30 июля 1927 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.9. Пап.134. Д.36. Л.5-6.
- ⁵⁷⁴ Копия секретного письма члена коллегии Наркомторга СССР Шлейфера и начальника Отдела Востока НКВД Я.З.Майерса уполномоченному НКВД в Средней Азии от 27 декабря 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.2.
- ⁵⁷⁵ Теплинский Л.Б. История советско-афганских...- С.93.
- ⁵⁷⁶ Торговля СССР с Афганистаном в 1925 г. Выписка из бюллетеня внутренней информации от 9 февраля 1926 г. -АВП РФ. Ф.71. Оп.9. Пап.6. Д.30. Л.2.
- ⁵⁷⁷ Сообщение И.Палюкайтиса на заседании экспортно-импортной секции Совета Съездов промышленности и торговли о конъюнктуре афганского рынка за 8 месяцев 1925/1926 г.- Там же. Л.52.

⁵⁷⁸ Секретное письмо заместителя уполнаркомторга СССР в Средней Азии Неворотова среднеазиатскому бюро ЦК ВКП(б). Ташкент, 16 ноября 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.64.

⁵⁷⁹ Отчет среднеазиатской восточной торговой палаты за 1926 г.- ГАРФ. Ф.5402. Оп.1. Д.137. Л.26-27.

⁵⁸⁰ Тезисы управления уполномоченного Наркомторга СССР в Средней Азии "К вопросу об организации среднеазиатской ярмарки". 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.66-70.

⁵⁸¹ Копия секретного письма члена коллегии Наркомторга СССР Шлейфера и начальника Отдела Востока НКВТ Я.З.Майерса уполномоченному НКВТ в Средней Азии от 27 декабря 1926 г. - Там же. Л.4.

⁵⁸² Там же. Л.3.

⁵⁸³ Там же.

⁵⁸⁴ АВП РФ. Ф.071. Оп.9. Пап.134. Д.36. Л.6.

⁵⁸⁵ Секретный проект уполнаркомторга в Средней Азии, подписанный Б.В.Лавровым, по торговле с сопредельными странами. 4 мая 1927 г. - Там же. Л.124.

⁵⁸⁶ Докладная записка председателя среднеазиатского экономического совета В.Тэра (В.Тэр-Ваганяна), уполномоченного наркомторга СССР в Средней Азии Нудьги и начальника экспортно-импортного отдела Корака. Без даты. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.125 об.-128 об.

⁵⁸⁷ Секретное постановление комиссии, обсуждавшей вопрос о положении Афганторга. Без даты. - Там же. Л.120.

⁵⁸⁸ Докладная записка...В.Тэра, Нудьги... - Там же. Л.125 об.-128 об.

⁵⁸⁹ Положение о торговых агентах. Кабул, 1926 г. -ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.112. Л.3-4.

⁵⁹⁰ Устав о поощрении промышленности Афганистана. Кабул, апрель 1926 г. - ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.481. Л.4-5.

⁵⁹¹ Сводка по Афганистану.- ГА РФ. Ф.5402. Оп.1. Д.151. Л.1.

⁵⁹² Палюкайтис И. Японская торговая экспансия в Афганистане.- С.31.

⁵⁹³ Письмо управляющего делами Совета В.Воскресенского в НКВД от 15 марта 1926 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.9. Пап.6. Д.30. Л.6-6 об.

⁵⁹⁴ Секретный отчет VII-го отдела штаба САВО о деятельности англичан в Персии, Афганистане, Западном Китае, подписанный начальником отдела Сокольским, помощником С.Н.Бялковским. Ташкент, 30 июля 1927 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.880. Л.25-26.

⁵⁹⁵ Секретное донесение...Яншина...В.М.Цукерману, И.А.Острецову. Керки, 16 сентября 1926 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.529. Л.63.

⁵⁹⁶ Там же. Л.60-61.

⁵⁹⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу торговых взаимоотношений СССР с Афганистаном. Совершенно секретно. 1927 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.9. Пап.134. Д.36. Л.11-12.

⁵⁹⁸ Записка А.И.Микояна в Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 июля 1927 г. Совершенно секретно. - АВП РФ. Ф.071. Оп.9. Пап.134. Д.36. Л.6-7.

⁵⁹⁹ Там же.

⁶⁰⁰ Сводка № 10 важнейших сведений по внешней Средней Азии за период с 15 по 31 декабря 1927 г. Строго секретно. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1346. Л.25-26.

⁶⁰¹ Секретное донесение агента НКВД в Термезе уполномоченному НКВД в Узбекистане А.А.Знаменскому. Копия зав. отделом Среднего Востока НКВД В.М.Цукерману. 20 апреля 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.44-45.

26. ⁶⁰² Сводка № 10 важнейших сведений... - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1346. Л.25-26.
- ⁶⁰³ Там же.
- ⁶⁰⁴ Сводка № 11 важнейших сведений по внешней Средней Азии за период с 1 по 15 января 1928 г. Строго секретно. - Там же. Л.30.
- ⁶⁰⁵ Секретное донесение агента НКВД в Термезе уполномоченному НКВД в Узбекистане А.А.Знаменскому. 20 апреля 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.45.
- ⁶⁰⁶ Записка уполнаркомторга в Узбекистане в НКВД об итогах и перспективах внешней торговли в Средней Азии. Секретно. 4 мая 1927 г.- АВР РФ. Ф.071. Оп.9. Пап.134. Д.36. Л.102-103.
- ⁶⁰⁷ Копия секретного приказа комиссариата внешней и внутренней торговли СССР "О порядке ввоза товаров в СССР из Афганистана". Москва, 27 июня 1927 г. - Там же. Л.43; Секретный приказ по НКВД "Об учреждении должностей уполномоченных Наркомторга при керкинской, кушкинской, термезской и сарайской таможнях". Москва, 30 июля 1927 г. - Там же. Л.45.
- ⁶⁰⁸ Рейснер И.М. Афганистан. - М., 1929. С.173.
- ⁶⁰⁹ Секретное письмо Л.М.Карахана А.И.Микояну от 23 сентября 1927 г. - АВР РФ. Ф.071. Оп.9. Пап.134. Д.36. Л.20.
- ⁶¹⁰ Секретное письмо НКВД в Наркоминдел от 14 октября 1927 г. - Там же. Л.21.
- ⁶¹¹ Там же. Л.6.
- ⁶¹² Гуревич Н.М. Очерк истории торгового капитала в Афганистане. - С.118.
- ⁶¹³ Сводка № 9 важнейших сведений...с 1 по 15 декабря 1927 г. Строго секретно. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1346. Л.15-18.
- ⁶¹⁴ Гуревич Н.М. Очерк истории торгового капитала в Афганистане. - С.32.
- ⁶¹⁵ Доклад сметно-бюджетного управления НКФ в Малый СНК от 13 марта 1922 г. Срочно. Секретно. - ГА РФ. Ф.130. Оп.6. Д.47. Л.69-70.
- ⁶¹⁶ Письмо В.М.Цукермана Л.Н.Старку. Совершенно секретно. Москва, 20 сентября 1925 г.- РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.160.
- ⁶¹⁷ Там же.
- ⁶¹⁸ Там же. Л.159-161; Письмо Г.В.Чичерина Л.Н.Старку. Москва, 20 сентября 1925 г. - Там же. Л.165-166.
- ⁶¹⁹ Письмо В.М.Цукермана Л.Н.Старку. Совершенно секретно. Москва, 20 сентября 1925 г. - Там же. Л.163.
- ⁶²⁰ Третьякова О.Д. Политические и экономические отношения... Диссертация... - Л.122.
- ⁶²¹ Письмо В.М.Цукермана Л.Н.Старку. Москва, 20 сентября 1925 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.160.
- ⁶²² Страны Востока. Справочник. - С.67.
- ⁶²³ Секретное донесение агента НКВД в Термезе Кахелли А.А.Знаменскому от 20 апреля 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.55-57.
- ⁶²⁴ Сводка по Ближнему, Среднему и Дальнему Востоку за апрель 1925 г. Совершенно секретно. - РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.154. Д.262. Л.49. Там же.
- ⁶²⁵ Телеграмма Л.Н.Старка уполномоченному НКВД в Узбекистане А.А.Знаменскому. Из Кабула 15 октября 1925 г. -РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.243. Л.168.
- ⁶²⁶ Письмо В.М.Цукермана Л.Н.Старку. Совершенно секретно. Москва, 20 сентября 1925 г. - Там же. Л.160.

⁶²⁷ Kapur H. Soviet Russia and Asia... - P.240; The Parliamentary Debates. House of Commons. - L., 1926. Vol.198. P.398; Toynbee A.J. Survey of international Affairs. 1925. - L., 1927. Vol.1. P.546.

⁶²⁸ Протокол № 89 заседания СНК от 24 февраля 1925 г. - ГА РФ. Ф.5446. Оп.1. Д.10. Л.6.

⁶²⁹ Сводка № 9 важнейших сведений...с 1 по 15 декабря 1927 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1346. Л.14.

⁶³⁰ Сводка № 8 важнейших сведений...с 15 по 30 ноября 1927 г. Строго секретно. - Там же. Л.9-10.

⁶³¹ Секретное донесение...Кахелли А.А.Знаменскому от 20 апреля 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.54.

⁶³² Докладная записка полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии Бельского в Особый отдел ОГПУ по вопросу о перелете группы самолетов под командованием летчика Орловского. Без даты. - Там же. Л.62-68; Копия секретного письма зам.начальника ВВС РККА Я.И.Алксниса начальнику ВВС Среднеазиатского военного округа. Москва, 27 марта 1928 г. - Там же. Л.89.

⁶³³ Секретный доклад М.Розенберга М.М.Литвинову "Несколько замечаний о возможности соглашения с Англией на Востоке". 13 марта 1926 г. - АВП РФ. Ф.05. Оп.5. Пап.2 а. Д.7. Л.3.

⁶³⁴ Вербальная нота полномочного представительства СССР в Афганистане МИД Афганистана от 12 октября 1927 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.10. Пап.7. Д.3. Л.100.

⁶³⁵ Adamec Ludwig W. Historical and political Who's who of Afghanistan. - P.96.

⁶³⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу торговых взаимоотношений СССР с Афганистаном. Совершенно секретно. 1927 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.9. Пап.134. Д.36. Л.11-12.

⁶³⁷ Нота полпреда СССР в Афганистане Л.Н.Старка заместителю министра иностранных дел Афганистана М.Вали-хану. Кабул, 20 января 1928 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.11. Пап.10. Д.4. Л.376.

⁶³⁸ Нота Л.Н.Старка М.Вали-хану. Кабул, 22 апреля 1928 г. - Там же. Л.180.

⁶³⁹ Нота Л.Н.Старка М.Вали-хану. Кабул, 20 января 1928 г. - Там же. Л.375.

⁶⁴⁰ Нота Л.Н.Старка М.Вали-хану. Кабул, 22 апреля 1928 г. - Там же. Л.178.

Глава 9

⁶⁴¹ Бюллетень прессы Среднего Востока. - С.76-78.

⁶⁴² Assad Omar. Die russisch-afghanischen Beziehungen... - S.83,77.

⁶⁴³ Ibid.,- S.78; Подробнее о пребывании Аманулла-хана в СССР см.: Теплинский Л.Б. 50 лет...-С.64-66.

⁶⁴⁴ Assad Omar. Die russisch-afghanischen Beziehungen... - S.83.

⁶⁴⁵ Шиван Мухаммад Рахим. Воспоминания. - Л.78.

⁶⁴⁶ Сводка поступивших сведений о восстании племен на индо-афганской границе. 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.139; Доклад начальника 7-го Отдела Штаба САВО Сокольского "К событиям в Афганистане". Совершенно секретно. 25 декабря 1928 г. - Там же. Л.154.

⁶⁴⁷ Справка о Бачае Сакао, полученная в советском представительстве от афганского купца Хакимова 18 января 1929 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.12. Пап.16а. Д.13. Л.29; Очильдиев Д.Я. Младоафганское движение...- С.163; Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. - С.34.

⁶⁴⁸ Заметка Е.Шуана для газетной статьи. Кабул, 5 марта 1929 г. - Архив востоковедов. Ф.124. Оп.1. Д.322. Л.1.

⁶⁴⁹ Шиван Мухаммад Рахим. Воспоминания. - Л.82.

- 650 Коргун В.Г. Афганистан в 20-30-е годы XX в.... - С.41.
- 651 Сводка поступивших сведений о восстании племен на индо-афганской границе. 1928 г. Совершенно секретно. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.129.
- 652 Доклад начальника 7-го отдела штаба САВО Сокольского "К событиям в Афганистане". Совершенно секретно. 25 декабря 1928 г. - Там же. Л.160.
- 653 Сводка поступивших сведений о восстании племен на индо-афганской границе. 1928 г. Совершенно секретно. - Там же. Л.131.
- 654 Копия материалов, полученных от советского военного атташе в Кабуле И.А.Ринка. До 20 декабря 1928 г. Совершенно секретно. - Там же. Л.170-171.
- 655 Доклад неизвестного автора (возможно, И.А.Ринк) "Положение в полпредстве". Кабул, 20 декабря 1928 г. - Там же. Л.180-181.
- 656 Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. - С.40.
- 657 Информсводка по Среднему Востоку, составленная по иностранной и советской прессе Отделом Среднего востока Исполкома Коминтерна. 14 марта 1929 г. - РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.154. Д.410. Л.147.
- 658 Там же. Л.149.
- 659 Там же. Л.149-150.
- 660 Poullada Leon B. Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919-1929. - P.254.
- 661 Ibid.; The Parliamentary Debates. House of Commons. - L., 1929. Vol.225. №48. P.1096.
- 662 Коргун В.Г. Афганистан в 20-30-е годы XX в.... - С.80.
- 663 Информсводка по Среднему Востоку...14 марта 1929 г. - РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.154. Д.410. Л.149.
- 664 Stewart R.T. Fire in Afghanistan, 1914-1929...- P.507.
- 665 Информсводка по Среднему Востоку...14 марта 1929 г. - РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.154. Д.410. Л.151.
- 666 Там же. Л.139, 142.
- 667 Шиван Мухаммад Рахим. Воспоминания. - Л.86.
- 668 Poullada Leon B. Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919-1929. - P.254.
- 669 Там же. Л.142-143.
- 670 Подробнее о деятельности Т.Лоуренса на Среднем Востоке см.: Fletcher A. Afghanistan.- P.223-224.
- 671 Информсводка по Среднему Востоку...14 марта 1929 г. - РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.154. Д.410. Л.156.
- 672 Обзор газеты "Бидар" за январь 1929 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.12. Пап.16а. Д.13. Л.59.
- 673 Poullada Leon B. Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919-1929. - P.251.
- 674 Цит. по: Зияуддин. Англо-афганские отношения в 1919-1929 гг.- Л.56,52.
- 675 Сведения оперативного отдела Автономной Горно-Бадахшанской области. 1928 г. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.139.
- 676 Валишев А. Чекистские были. - С.275, 277.
- 677 Там же. -С.277-278.
- 678 Цит. по: Валишев А. Чекистские были.- С.280.
- 679 Там же.
- 680 Копия материалов, полученных от военного атташе в Кабуле И.А.Ринка. До 20 декабря 1928 г. Совершенно секретно. - РЦХИДНИ. Ф.62. Оп.2. Д.1342. Л.172.
- 681 Там же.
- 682 Агабеков Г.С. ЧК за работой.- С.196-197; Adamec Ludwig W. Historical and political...- P.151.
- 683 Там же.
- 684 Валишев А.А. Рейд, не вошедший в историю...- С. 51.

- 685 Халилулла Ведад. Восстание и правление эмира Хабибуллы-хана Бача-и Сакао. - С.48.
- 686 Агабеков Г.С. ЧК за работой.- С.189-190,194-197.
- 687 Нота МИД Афганистана, подписанная Атаулхак-ханом Поверенному в делах СССР в Афганистане. Июнь 1929 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.12. Пап.16. Д.3. Л.103.
- 688 Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. - С.113.
- 689 Агабеков Г.С. ЧК за работой.- С.209-210.
- 690 Нота МИД Афганистана, подписанная Атаулхак-ханом Поверенному в делах СССР в Афганистане. Июнь 1929 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.12. Пап.16. Д.3. Л.103.
- 691 Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. - С.130.
- 692 Нота МИД Афганистана, подписанная Атаулхак-ханом...Июнь 1929 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.12. Пап.16. Д.3. Л.103.
- 693 Нота МИД Афганистана Поверенному в делах СССР в Афганистане от 23 мая 1929 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.12. Пап.16а. Д.13. Л.103.
- 694 Нота МИД Афганистана, подписанная Атаулхак-ханом...- АВП РФ. Ф.71. Оп.12. Пап.16. Д.3. Л.103.
- 695 Нота МИД Афганистана от 30 мая 1929 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.12. Пап.16а. Д.13. Л.99-100.
- 696 Агабеков Г.С. ЧК за работой.- С.207-211.
- 697 Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. - С.132.
- 698 Валишев А.А. Рейд, не вошедший в историю...- С.52.
- 699 Шиван Мухаммад Рахим. Воспоминания. - Л.91.
- 700 Агабеков Г.С. ЧК за работой.- С.207-211.
- 701 Агабеков Г. Налет.- С.19.
- 702 Вербальная нота МИД Афганистана полномочному представителю СССР в Кабуле от 5 июня 1929 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.12. Пап.16а. Д.13. Л.107.
- 703 Nollau Günter, Wiehe Hans-Jürgen. Rote Spuren im Orient.- S.127.
- 704 Шиван Мухаммад Рахим. Воспоминания. - Л.91-92.
- 705 Рейснер И.М. Афганистан. - М., 1929. С.247.
- 706 Перевод статьи персидской газеты "Хабль-аль Матин" от 6 июля 1929 г. - АВП РФ. Ф.071. Оп.12. Пап.16а. Д.13. Л.105.
- 707 Перевод послания Шах Вали-хана к солдатам М.Надир-хана. 8 октября 1929 г. - АВП РФ. Ф.71. Оп.12. Д.16 Д.3. Л.67.
- 708 Вербальная нота МИД Афганистана полномочному представителю СССР в Афганистане. Кабул, 22 октября 1929 г. - Там же. Л.53.
- 709 Вербальная нота МИД Афганистана полномочному представительству СССР в Кабуле от 2 ноября 1929 г. - Там же. Л.47.
- 710 Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. - С.216.
- 711 Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia.- P.300.

Библиография

Архивные материалы

Архив внешней политики МИД Российской Федерации (АВП РФ).

Фонды: 071; 71; 05.

Государственный архив Российской Федерации/ГА РФ/.

Фонд: 130; 5402; 5446.

Санкт-петербургское отделение ИВ РАН. "Архив востоковедов".

Фонды: 115./А.Е.Снесарев/; 124./П.П.Иванов/.

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
/РЦХИДНИ/.

Фонды: 5; 62; 79; 122; 495; 544; 562; 583.

Российский государственный военный архив (РГВА).

Фонд: 110.

Официальные издания, публикации документов, обзоры международных дел

Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва (1921-1927 гг.) Ноты и документы. М.: Литиздат НКВД, 1927.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. - М.: Терра, 1990. Т.1.

Годовой отчет Н.К.И.Д. к IX съезду Советов (1920-1921).- М., 1921.

Документы внешней политики СССР. - М., 1959. Т.1, 3.

Из переписки М.В.Фрунзе с В.И.Лениным (19-1920 гг.)//Исторический архив. - М., 1958. № 3 (май-июнь).

Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. - Алма-Ата, 1964. Т.2.

Ленин и Советский Восток. Публикация документов//Дружба народов. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. М., 1957. № 11. ноябрь. С.5-18.

Материалы по национально-колониальным проблемам. Сборник научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем.- М., 1934. № 7(22).

Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчет Народного комиссариата по иностранным делам. - М., 1923.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878-1917. Серия 3. 1914-1917 гг. - М.-Л., 1933. Т.3.

Отчет Народного Комиссариата по иностранным делам Седьмому съезду Советов (ноябрь 1918-декабрь 1919 г.). - М., 1919.

Отчет Российско-Восточной Торговой Палаты за 1923 год и план деятельности на 1924 год. - М., 1924.

Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925-1936 гг. Сборник документов. - М.: "Россия молодая", 1995.

Пограничные войска СССР. 1918-1928. Сборник документов и материалов. - М.: Наука, 1973.

Пограничные войска СССР. 1929-1938. Сборник документов и материалов. - М.: Наука, 1972.

Правда о Афганистане. Документы, факты, свидетельства. - М.: Издательство Агентства печати Новости, 1980.

Присоединение Туркмении к России. Сборник документов. - Ашхабад, 1960.

Российско-Восточная Торговая Палата. V лет деятельности Российско-Восточной Торговой Палаты (15 февраля 1923 г. - 15 февраля 1928 г.). - М., 1928.

Российско-Восточная Торговая Палата. Конъюнктурный обзор рынков стран Востока. - М., 1927. № 2 (16)-7-8.

Российско-Восточная торговая палата. Год работы (1923-1924 год). Стенографический отчет общего собрания членов палаты 15 февраля 1924 года по поводу годовщины деятельности Российско-Восточной торговой палаты. - М., 1924.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. - М., 1935. Вып. 1-2.

Советско-афганские отношения. 1919-1969 гг. Документы и материалы. М., 1971.

Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. - М., 1961.

Eudin Xenia Joukoff, and North Robert C. Soviet Russia and the East. 1920-1927.

A Documentary Survey//The Hoover Library on War, Revolution, and Peace. - Stanford University Press / Stanford, California, 1964.

The Parliamentary Debates (Official Report). House of Lords. Fifth series. L., 1919-1930.

The Parliamentary Debates (Official Report). House of Commons. Fifth series. L., 1919-1922, 1926-1929.

The Trotsky papers 1917-1922. Edited and annotated by J.M.Meijer. - Mouton and Co. The Hague, London, Paris, 1964. Vol.1. 1917-1919.

Toynbee A.J. Survey of international Affairs. 1920-1938. - Oxford University Press. London: Humphrey Milford, 1925-1938.

Мемуары

Агабеков Г. Налет//Родина. 1991. №2. С.19-23.

Агабеков Г.С. ЧК за работой. //Приложение к журналу "Отечественные архивы". Вып.1. - М.: Ассоциация "Книга. Просвещение. Милосердие", 1992.

Валишев А. Чекистские были. - Душанбе "Ирфон", 1988.

Манжара Д.И. Революционное движение в Средней Азии. 1905-1920 гг. (Воспоминания). - Ташкент, 1934.

Мустафа Чокай-оглы. Туркестан под властью Советов (К характеристике диктатуры пролетариата.) - Алма-Ата: "Айкап", 1993.

Шах Вади. Мои воспоминания. -М., 1960.

Шиван Мухаммад Рахим. Воспоминания. - М., 1967. (депонированная рукопись Института востоковедения РАН).

Amir Habibullah. My life: from brigand to King. - L.: Sampson Low, (...)

Библиографии. Справочники

Баазова Л.Х. Библиография Афганистана (история). - Тбилиси, 1979.

Страны Востока. Справочник. //Под ред. М.П.Павловича. - М.-Л., 1925.

Диссертации, авторефераты

Бакоев Ф.М. Отношения Ирана с Афганистаном и Турцией (1870-1905 гг.)/Автореферат канд. ист. наук. - М., 1991.

Борисова И.Д. Внешнеторговые связи советского государства с народными республиками Азии в 1920-1928 гг.//Автореферат канд. ист. наук. - М., 1993.

Гамбари М.Г. Внешняя торговля СССР со странами Ближнего и Среднего Востока (Афганистан, Иран и Турция до второй мировой войны). Автореферат диссертации канд. экон. наук. - М., 1963.

Гамбари М.Г. Внешняя торговля Советского Союза со странами Ближнего и Среднего Востока (Афганистан, Иран, Турция) до второй мировой войны. Диссертация канд. экон. наук. - М., 1963.

Давлятов М. Труд М.Г.М.Губара "Афганистан дар масир-и тарих" как источник по новой и новейшей истории Афганистана: Дисс. ..канд.ист.наук. - М., 1985.

Зияуддин. Англо-афганские отношения в 1919-1929 гг. Диссертация канд. ист. наук. - Л., 1991.

Кошанов Б.А. Большевики в Туркестане. 1917-1922 гг. Доктрина и реальность. Автореферат дисс. докт.ист.наук.- М., 1994.

Раджабов Р. А. Советско-афганские отношения (По материалам периодической печати на узбекском языке. 1919-1931 гг.)/Автореферат канд. ист. наук. - Ташкент, 1989.

Рахими А.М. Политика Афганистана в отношении СССР в 1919-1939 гг./Автореферат канд. ист. наук. - Киев, 1984.

Третьякова О.Д. Политические и экономические отношения советского государства с Афганистаном в 1919-1929 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Владимир, 1996.

Хахимов А.Т. Основные вопросы административной и военной системы Афганистана в начале XX века (По архивным материалам)/Автореферат канд. ист. наук. - Ташкент, 1990.

Хахимов Р.А. Зарубежная историография истории басмачества в Средней Азии. 1917-1932 гг. /на материалах англо-американской литературы/. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1992.

Пресса

Азия и Африка сегодня. М., 1981, 1994.

Бюллетень прессы Среднего Востока. - Ташкент, 1928-1929.

Военная мысль. - Ташкент, 1921.

Военно-исторический журнал. - М., 1963, 1994.

Вопросы архивоведения. - М., 1964

Вопросы истории. - М., 1972, 1997.

Восток (Orient). - М.: Наука, 1996.

Дружба народов. М, 1957.

Ежемесячник Всесоюзной торговой палаты. - Внешторгиздат, 1932.

Жизнь национальностей. Москва, 1921.

Звезда Востока. - Ташкент, 1996.

Известия ВЦИК. Москва, 1919-1921.

Красная Армия. Вестник военно-научного общества

при военной Академии. - М., 1921.

Международная жизнь. - М., 1929.

Народное хозяйство Средней Азии. - Ташкент, 1928.

Наша страна. - М., 1937.

Новая и новейшая история. - М., 1995.

- Новое время. - М., 1967.
 Новый Восток. - М., 1928.
 Пограничник. М., - 1940.
 Правда, - 1920-1921.
 Правда Востока. - Ташкент, 1926 г.
 Советское право. - М.-Л., 1926.
 Торговля России с Востоком. М., 1923-1925.
 Туркестанская правда. Ташкент
 Journal of the Central Asian Society. L., 1920.
 The Middle East Journal. - The Middle East Institut.
 Washington, D.C., winter 1966.
 Pioneer. - L., 1926
 United Empire. Journal of the Royal Empire Society. - L., 1951.

Исследования и пособия

А

- Азиз Ниалло. Заметки о первом этапе внешней политики Афганистана после провозглашения независимости страны (1919-1921 гг.)//Известия Академии наук Узбекской ССР. - Ташкент, 1949. № 4.
 Айрапетян М.Э., Деборин Г.А. Этапы внешней политики СССР. - М., 1961.
 Алибейли Г.Д. Советско-афганский договор 1921 года//Иран и Афганистан: история и современность/Отв. ред. Р.А.Сеидов. - Баку, 1990. С.95-110.
 Андронов И. Из истории пробуждения Востока. Документальный очерк//Новое время. - М., 1967. № 9. С.11-15.
 Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. - М.: Мысль, 1973.
 Арунова М.Р., Шумилов О.М. Очерки истории формирования государственных границ между Россией, СССР и Афганистаном./Отв. ред. М.Р.Арунова. - М., 1994.
 Ахрамович Р.Т. Договор 1921 г. между советским государством и Афганистаном и его значение в истории советско-афганских отношений// Полвека мирного сотрудничества. К пятидесятилетию договоров Советского государства с Афганистаном, Ираном и Турцией. - М.: Наука, 1973. С.57-64.

Б

- Бабаева А.К. Туркмены северо-западного Афганистана: к вопросу о расселении туркменских племен// Афганистан. Экономика, политика, история.- М.: Наука, 1984. С.116-125.
 Бабаходжаев А.Х. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре (1921-1924 гг.)-Ташкент, 1957.
 Бабаходжаев А.Х. Очерки по истории советско-афганских отношений отношений. - Ташкент: Фан, 1970.
 Баннов Б., Николаев В. Афганские басмачи и "российские солидаристы". - М.: Издательство АПН, 1983.
 Баранов П. Положение Туркестанской республики и реорганизация Красной армии//Военная мысль.- Ташкент, 1921. Кн.2. С.82-95.
 Басмачество. Социально-политическая сущность. Ташкент: "Фан", 1984.
 Батманов Н. Басмачество и борьба с ним//Красная Армия. Вестник военно-научного общества при военной Академии. - М., 1921. № 9 (декабрь). С.65-68.
 Божко Ф. Гражданская война в Средней Азии. - Ташкент, 1930.

Бонч-Осмоловский А. Торговля СССР с Востоком в 1923-1924 г. и первой половине 1924-25 г.//Торговля России с Востоком. М.,1925. №5-7. С.16-17.

Букуштейн О. Итоги IV Всесоюзной Нижегородской ярмарки.//Торговля России с Востоком. 1925. № 8-10. С.8-10.

В

Вавилов Н.И., Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан. - Л., 1929.

Валишев А.А. Рейд, не вошедший в историю. Как громили басмачество в 1929.//Военно-исторический журнал. № 8 (сентябрь-октябрь). М.,1994. С. 48-53.

Ванченко А. Афганистан и его вооруженные силы. - М.-Л., 1928.

Вдовиченко Д.И. Энвер-паша//Вопросы истории. - М.,1997. № 8. С.42-56.

Вейт Е. Афганистан. - М.-Л., 1929.

Волков Ф.Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции советского государства (1917-1924 гг.). - М.: Госполитиздат, 1954.

Волков Ф.Д. Англо-советские отношения 1924-1929 гг. - М.: Госполитиздат, 1958.

Володарский М.И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан /1917-1933/. - Overseas Publications Interchange Ltd. L., 1985.

Г

Ганковский Ю. Персонажи с "той стороны". Энвер-паша среди басмачей//Азия и Африка сегодня. 1994. № 5. С.59-61.

Ганковский Ю. Персонажи с "той стороны". Ибрагим-бек Локай (1889-1932)//Азия и Африка сегодня. 1994. № 4. С.61-63.

Гартгоф Р. Советская военная политика. Исторический анализ: Пер. с англ. - М.: "Прогресс", 1967.

Геллер Л. Мировая революция и съезд народов Востока в Баку//Военная мысль. - Ташкент: издание Реввоенсовета Туркфронта, 1920. Кн.1(сентябрь).

Гиленсен В.М. Сотрудничество Красной Москвы с Энвер-пашой и Джемаль-пашой.//Восток (Orient). - М.: Наука, 1996. № 3. С.45-63.

Головин Ю.М. Афганистан: экономика и внешняя торговля. - М.,1962.

Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории/ перевод с дари.- М.: Наука, 1987.

Гуревич А. Афганистан. (2-е исправленное и дополненное издание). - М.,1930.

Гуревич Н.М. Очерк истории торгового капитала в Афганистане. - М.: Наука, 1967.

Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. - М.: Наука, 1981.

Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана до второй мировой войны. - М., 1959.

Д

Давлятов М. М.Г.М.Губар о прогрессивных общественных движениях в Афганистане в начале XX в.//Афганистан. История, экономика, Культура: Сб.ст.- М.: Наука, 1989.

З

Защук С. Внешняя торговля Афганистана// Народное хозяйство Средней Азии. № 7-8(июль-август).- Ташкент,1928.

И

Ильинский Г. К вопросу об аграрных отношениях в афганском Каттаганом-Бадахшане//Революционный Восток. - М., 1983. № 2 (18). С.160-182.

Имомов Ш. Из истории общественной мысли Афганистана (газета "Аман-и афган", 1919-1929.)//Афганистан. Экономика, политика, история.- М.: Наука, 1984.

Имомов Ш. Общественная мысль Афганистана в первой трети XX в. - М.,1986.

Иркаев М. Борьба трудящихся Таджикистана за разгром басмачества// Материалы к истории таджикского народа в советский период. (Сборник статей)/Под ред. Б.Г.Гафурова. - Таджикгосиздат, 1954.

Искандаров Б.И. Бухара (1918-1920 гг.). - Душанбе: "Дониш", 1970.

История Афганистана с древнейших времен до наших дней//Отв. редактор Ю.В.Ганковский. - М.: Мысль, 1982.

История внешней политики СССР. 1917-1975 гг./Под ред. А.А.Громыко, Б.Н.Пономарева. - М.: Наука, 1976. Т.1.

История вооруженных сил Афганистана. 1747-1947//Отв. ред.Ю.В.Ганковский. - М., 1985.

История коммунистических организаций Средней Азии. - Ташкент, 1967.

Ишанов А.И. Создание Бухарской народной советской республики (1920-1924 гг.). - Ташкент, 1955.

Ишанов А.И. Бухарская народная советская республика. - Ташкент, 1969.

Ишанов А.И. Файзулла Ходжаев (очерк жизни и деятельности) - Ташкент, 1972.

Ишанов А. Роль компартии и советского правительства в создании национальной государственности узбекского народа. - Ташкент, 1978.

К

Коргун В.Г. Афганистан в 20-30-е годы XX в. Страницы политической истории. - М.: Наука, 1979.

Котляр П.С. Русско-афганские отношения в середине XIX - начале XX вв. и англо-русское соперничество на Среднем Востоке//Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института. - Ташкент, 1963. Вып.2. Т.33.

Котляр П.С. В.И.Ленин и советско-афганская дружба. - Ученые записки кафедры истории КПСС ташкентского ГПИ. - Ташкент, 1959. Вып.2.

Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М. Из истории советского востоковедения, 1917-1967. - М.: Наука, 1970.

Л

Ланда Р.Г. Ислам в истории России. - М.: "Восточная литература" РАН, 1995.

Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам// Полное собрание сочинений. - М., 1974. Т.41.

Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока. - М.: Наука, 1970.

Лудшвейт Е. "Высокое государство Афганистан"//Советское право № 4 (22).- М.-Л., 1926. С.37-47; № 5 (23). С.64-85. М.-Л., 1926.

Лудшвейт Е. "Высокое государство Афганистан" Часть 2.//Советское право № 4 (22).- М.-Л., 1926.

Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана. - М.: ГПИ "Искона", 1995.

М

Макеев Д.А. СССР и страны Ближнего и Среднего Востока. Из истории внешнеэкономических связей. 1921-1928 годы. Учебное пособие. - Владимир, 1990.

Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. - М.: Наука, 1965. Т.1-2.

Материалы к истории таджикского народа в советский период. (Сборник статей)/Под ред. Б.Г.Гафурова. - Таджикгосиздат, 1954.

Мирбабаев Д. Из истории советско-афганской дружбы на первом этапе независимого развития Афганистана//Ученые записки Ленинабадского госпединститута им. С.М.Кирова. - Ленинабад, 1963. Вып. VII.

Н

Назаров Х. Социальные движения 20-х годов XX века в Афганистане - Душанбе, 1989.

Назир. Афганистан//Военная мысль.- М.,1920. Кн.1. С.317-332.

Нариманов Л. Афганистан в огне гражданской войны. - Л.: Прибой, 1929.

Нухович Э.С. Внешняя политика Афганистана. - М., 1962.

О

Окенов И. Лариса Рейснер. Критический очерк. - Л.: Прибой, 1927.

Очильдиев Д.Я. Афганистан в годы первой мировой войны (1914-1918)//Научные работы и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук.- Ташкент,1963. Кн.7.

Очильдиев Д.Я. Младоафганское движение (1900-1929). - Ташкент: "Фан", 1985.

П

Палюкайтис И. Автотранспорт в Афганистане//Ежемесячник Всесоюзной торговой палаты. - Внешторгиздат, 1932. № 1 (январь). С.49-57.

Палюкайтис И. "Экономическая программа" афганского правительства. //Ежемесячник Всесоюзной торговой палаты. - Внешторгиздат, 1932. № 3 (март) С.8-17.

Палюкайтис И. Японская торговая экспансия в Афганистане//Ежемесячник Всесоюзной торговой палаты. - Внешторгиздат, 1932. № 8-9. С.30-38.

Панин С.Б. Россия и Афганистан. 1905-1918. -Иркутск, 1995.

Познанский В.С. Из истории установления дружеских добрососедских отношений между РСФСР и Афганистаном (1919-1921 гг.)//Труды московского государственного историко-архивного института. М., 1963. Т.18. С.391-406.

Полвека мирного сотрудничества. К пятидесятилетию договоров Советского государства с Афганистаном, Ираном и Турцией. - М.: Наука, 1973.

Поляк А.А. Экономический строй Афганистана (очерки). - М., 1964.

Попов.Ф.Г. Первые дружественные визиты в страну Советов//Вопросы архивоведения. - М.,1964. № 1. С.119-120.

Примаков В.М. Афганистан в огне. - Л., Издательство "Красная Газета", 1929.

Р

Раскольников Ф.Ф. Афганистан и английский ультиматум. - М.,1924.

Рейснер М.Г. Афганистан. Экономико-географическая характеристика. - М.: ОГИЗ, 1946.

Рейснер Л. Афганистан. - М.-Л., 1925.

Рейснер И.М. На путях экономического сближения с Афганистаном.//Торговля России с Востоком.- М.,1925. № 5-7. С.2-5.

Рейснер И.М. Англо-русская конвенция 1907 года и раздел Афганистана (По материалам Секретного архива бывшего МИД)//Красный архив. - М.,1925. Т.3 (10). С.66.

Рейснер И.М. Независимый Афганистан. - М.,1928.

Рейснер И. Десять лет внешней политики Афганистана//Новый Восток. - М., 1928. Кн.22. С.67-86.

Рейснер И.М. События в Афганистане//Международная жизнь.- М.,1929. № 3. С.3-11.

Рейснер И.М. Афганистан. - М., 1929.

Ромодин В.А. У истоков советско-афганских отношений//Афганистан. Экономика, политика, история.- М.: Наука, 1984. С.35-47.

Росляков А.А. Средазбюро ЦК ВКП(б) (вопросы стратегии и тактики). - Ашхабад, 1975.

Россия и Афганистан./Отв. ред. Ю.В.Ганковский. - М.,1989.

Рубинштейн Н.Л. Международные отношения и внешняя политика СССР в 1924-1929 гг. - М., 1950.

Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика советского государства в 1921-1925 годах. - М.: Госполитиздат, 1953.

С

Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). - М., 1921.

Сафаров Г. Проблемы Востока. - Пг., 1922.

Свентицкий А. Экономические взаимоотношения России с Афганистаном//Торговля России с Востоком. Ежемесячный журнал. - М., 1923. № 3-4 (август-сентябрь). С.18-23.

Снесарев А.Е. Афганистан. - М., 1921.

Соколов-Страхов К.И. Гражданская война в Афганистане 1928-1929 гг. - М., 1931.

Соловейчик Л. Очерк возникновения и развития современного басмачества в Бухаре. - М., 1923.

Соловьева М.Р., Светлов А.А. Традиции советско-афганской дружбы//Афганистан. Экономика, политика, история. - М.: Наука, 1984.

Стембо Г. Религиозно-политические взаимоотношения в сопредельных с Туркестаном странах в 1918-1920 гг.// Военная мысль. - Ташкент, 1921. Кн.3. (август-декабрь). С.140-152.

Т

Теплинский Л.Б. Советско-афганские отношения за сорок лет существования независимого Афганистана//Независимый Афганистан. 40 лет независимости. Сборник статей. - М., 1958. С.5-38.

Теплинский Л.Б. 50 лет советско-афганских отношений. 1919-1969. - М., 1971.

Теплинский Л.Б. СССР и Афганистан. 1919-1981. - М., 1982.

Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. 1919-1987./Отв. ред. Ю.В.Ганковский. - М.: Мысль, 1988.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. - Спб., 1906. Т.1-4.

Тимошков С.П. Борьба с интервентами, белогвардейцами и басмачами в Средней Азии. (На правах рукописи). - М., 1941.

Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. - М., 1960.

Торговые отношения СССР со странами Востока. - М., 1938.

Трифонов И. О ликвидации контрреволюционной авантюры Энвер-паши в Бухаре и Туркестане в 1921-1922 годах.//Военно-исторический журнал. - М., 1963. № 5 (май).

Трояновский К. Восток и революция. - М., 1918.

Трутко Ф. Современный Афганистан (Политико-бытовой очерк)// Военная мысль. - Ташкент, 1921. Кн.3. (август-декабрь). С.243-249.

Ф

Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. - М.: Наука, 1988.

Х

Халилулла Ведад. Восстание и правление эмира Хабибуллы-хана Бача-и Саака (январь-октябрь 1929 г.) в Афганистане. - М, Издательство РУДН, 1996.

Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX - начало XX в.) - М., 1959.

Халфин Н. Борьба народов Афганистана за независимость против английских колонизаторов//Афганистан: прошлое и настоящее. Советское востоковедение. - М., 1982. Вып.1. С.46-65.

Хасанов М. Свои и чужие//Звезда Востока. -Ташкент, 1996. № 2.

Хвоцинский В.Н. Восточная политика России в английском освещении// Военная мысль. - Ташкент, 1921. Кн.3. (август-декабрь). С. 108-128.

Хейфец А.Н. Великий Октябрь и угнетенные народы Востока. М.: Издательство восточной литературы, 1959.

Хейфец А.Н. Ленин-великий друг народов Востока. - М.: Издательство восточной литературы, 1960.

Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока. 1918-1920 гг. - М., 1964.

Хейфец А.Н. Октябрь и национально-освободительное движение народов Востока. М.: Знание, 1967.

Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921-1927. - М.: Наука, 1968.

Хейфец А.Н. Советские республики и народы Востока (1918-1922)//Вопросы истории. - М., 1972. № 11. С.18-32.

Хейфец А. Ленин и Афганистан.// Азия и Африка сегодня. 1980. № 7 (июль). С.2-5.

Хейфец А.Н. Узы добрососедства и братства нерасторжимы (К 60-летию первого советско-афганского договора).//Азия и Африка сегодня. М., 1981. №.2. С.18-21.

Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии. - Ташкент, 1969.

Хидояттов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885 г.). - Ташкент, 1981.

Ч

Чугунов А.И. Борьба на границе, 1917-1928: (Из истории пограничных войск СССР). - М.: Мысль, 1980.

Ш

Шарипов Я. Борьба трудящихся масс Таджикистана за укрепление Советской власти в период деятельности революционного комитета Таджикской АССР (1924-1926 гг.)//Труды института истории, археологии и этнографии. -Сталинабад, 1955. Т. XXXIX (39).

Шириня К.К. Идея мировой революции в стратегии Коминтерна//Новая и новейшая история. 1995. № 5 (сентябрь-октябрь). С.41-60.

Шкирандо А.И. Новые данные об афганском летописце Файз Мухаммаде и его сочинениях.//Афганистан. Экономика, политика, история.- М.: Наука, 1984. С.161-174.

Штейнберг Е.Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. - М., 1951.

Э

Эйде И. Афганистан. Его прошлое и настоящее (популярный очерк).- Л.: Прибой, 1928.

Эрберг О. Афганистан //Наша страна. - М., 1937. № 8 (ноябрь). С.53-59.

A

Adamec Ludwig W. Afghanistan, 1900-1923. A diplomatic History. - University of California Press. Berkeley and Los Angeles, 1967.

Adamec Ludwig W. Afghanistan's foreign affairs to the mid-twentieth century. Relations with the USSR, Germany, and Britain. - The University of Arizona Press. Tucson, Arizona, 1974.

Adamec Ludwig W. Historical and political Who's who of Afghanistan. - Akademische Druck-u. Verlagsanstalt, Graz-Austria, 1975.

Afghanistan in crisis. //Edited by K.P.Misra. - Advent Books INC., New York, 1981.

Arnold A. Afghanistan. The Soviet Invasion in Perspective. Revised and enlarged Edition. Hoover Institution Press. Stanford University. - Stanford, California, 1985.

Assad Omar. Die russisch-afghanischen Beziehungen von der ersten russischen Gesandtschaft 1878/79 nach Afghanistan bis zum sowjetischen Einmarsch in Afghanistan am 27.12.1979.//Europäische Hochschulschriften. - Frankfurt am Main, Bern, New York, Paris, 1987. Reihe 31. Bd./Vol.105.

B

Bradsher Henry S. Afghanistan and the Soviet Union. New and expanded Edition. Duke University Press. Duke Press Policy Studies. - Durham, 1985.

Brönner Wolfram. Afghanistan: Revolution und Kontrevolution. - Frankfurt am Main: Verlag Marxistische Blätter, 1980.

Bose A.C. Indian Revolutionaries Abroad, 1905-1922: In the Background of International Developments. - Patna, 1971.

C

Coates W.P. and Zelds K. Soviets in Central Asia. - Peoples publishing House Ltd., Bombay, 1952.

Connolly V. Soviet economic policy in the east. Turkey, Persia, Afghanistan, Mongolia and Tana Tuva, Sin Kiang. - Oxford University Press. Humphrey Milford. L., 1933.

D

Dupree L. Afghanistan. - Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1980.

F

Fletcher A. Afghanistan. Highway of Conquest. - Cornell University Press. Ithaca, New York, 1965.

Franck Peter G. Afghanistan. Between East and West. National Planning Association. - Washington, 1960.

Fraser-Tyler W.K. Afghanistan. A Study of Political Development in Central and Southern Asia./Third Edition. - L.: Oxford University Press, 1967.

G

Ghani A. A review of the political situation in Central Asia. - Lahore, 1921.

Ghose D.K. England and Afghanistan. A Phase in their relations. - Calcutta, 1960.

Girardet E.R. Afghanistan. The Soviet war. - Croom Helm London and Sydney, 1985.

Gochenour Th.S. Book reviews: Afghanistan...//The Middle East Journal. - The Middle East Institut. Washington, D.C., winter 1966. P.117-118.

Gopalakrishnan R. The Geography and politics of Afghanistan. - Concept publishing company, New Delhi, 1982.

Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan. Politics of Reform and Modernization, 1880-1946. - Stanford, California: Stanford University Press, 1969.

Griffiths J.C. Afghanistan. - L., 1967.

Griffiths J.C. Afghanistan. Key to a Continent. - Westview Press/ Boulder, Colorado, 1981.

Gupta B. S. The Afghan Syndrome. How to live with Soviet Power. Vikas Publishing House PVT, Ltd., New Delhi, 1982.

H

Habberton W. Anglo-russian relations concerning Afghanistan. 1837-1907//Illinois Studies in the Social Science. - Urbana, 1937. Vol.21. № 4.

Hammond Thomas T. Red Flag over Afghanistan. The Communist Coup, the Soviet Invasion, and the Consequences. Westview Press/ Boulder, Colorado, 1984.

Hayit Baymirsä. Turkistan in the 20th Century. - Leske Verlag, Darmstadt, 1956.

Hayit Baymirs. Some Problem of Modern Turkistan History.- East European Research Institute. Düsseldorf, 1963.

K

Kapur H. Soviet Russia and Asia, 1917-1927. A study of Soviet policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Published by Michael Joseph Ltd. for the Geneva Institute of International Studies. - Geneva, 1966.

Kirk George E. A History of the Middle East. From the rise of Islam to modern Times. - Methuen and Co. Ltd., 1964.

L

Laqueur W. The Struggle for the Middle East. The Soviet Union and the Middle East. 1958-1970. - Penquin Books Ltd, Harmondsworth, Middlesex, 1972.

Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia.// The George Wahr Publishing Company: Ann Arbor. - Michigan, 1951.

N

Newell R.S. The Politics of Afghanistan. - Cornell University Press. Ithaca and London, 1972.

Nollau Günter, Wiehe Hans-Jürgen. Rote Spuren im Orient. Persien, Türkei, Afghanistan. - Köln, Verlag Wissenschaft und Politik, 1963.

P

Park A. G. Bolshevism in Turkestan, 1917-1927. - Columbia University Press. New York, 1957.

Poullada Leon B. Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919-1929. - Cornell University Press. Ithaca and L., 1973.

R

Rhein Eberhard, Ghaussy A. Ghanie. Die wirtschaftliche Entwicklung Afghanistans. 1880-1965. - C.W.Leske Verlag Opladen, 1966.

Roth P. Afghanistan in der sowjetischen Informationspolitik //Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. - Köln, 1989. № 18.

Rubinstein Alvin Z. Soviet policy toward Turkey, Iran, and Afghanistan. The Dynamics of influence. - New York: Praeger, 1982.

S

Shah Ikbāl Ali. Afghanistan in 1919.//Journal of the Central Asian Society. L., 1920. Vol.VII.Part.1. P.3-18.

Shah Ikbāl Ali. Afghanistan of the afghans. The Diamond Press Ltd. - L., 1928.

Shah Ikbāl Ali. The Tragedy of Amanullah. - L., 1933.

Shah Ikbāl Ali. Modern Afghanistan. Sampson Low, Marston and Co.,Ltd. - L., 1938.

Shams Ud Din. Soviet-Afghan Relation. - Calcutta, N.D., 1984.

Spector I. The Soviet Union and the Muslim World. 1917-1958. - University of Washington Press. Seattle, 1959.

Squire Giles. Afghanistan and her neighbours// United Empire. Journal of the Royal Empire Society. - L., 1951. Vol.XLII. No.2.(march-april). S.68-72.

Stewart R.T. Fire in Afghanistan, 1914-1929. Faith, Hope and the British Empire. - Doubleday and company, inc., Garden City, New York, 1973.

Sykes P. A history of Afghanistan. - L.: MacMillan and Co. Ltd, 1940.

T

Temperley H.W.V. A History of the Peace Conference of Paris. - L., 1924.

Tichy H. Afghanistan. Das Tor nach Indien. - Leipzig, Wilhelm Goldmann Verlag, 1940.

Treadgold D.W. Twentieth century Russia.//Third Edition. Rand McNally and Company. - Chicago, 1972.

V

Volodarsky M. First Steps in Soviet Diplomacy towards Afghanistan, 1917-1921.// The USSR and the Muslim World. Issues in domestic and foreign policy. Edited by Yaacov Ro'i. - L.:George Allen and Unwin, 1984. P. 215-225.

W

Werner, Ingeborg. Die Afghanistan-Politik des deutschen Imperialismus vom Beginn des ersten bis zum Ende des zweiten Weltkrieges. //Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Hohen Philosophischen Fakultät der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. - Halle (Saale), 1964.

Wheeler G. The modern history of Soviet Central Asia. - Weidenfeld and Nicolson. L., 1964.

Wild Ronald. Amanullah ex-king of Afghanistan. Hurst and Blackett, Ltd. - L., 1932.

SUMMARY

Soviet Russia and Afghanistan 1919-1929. The book is devoted to the history of Soviet-Afghan Relations from the rehabilitation of the Afghan Independence to the beginning of the civil war in 1929.

In the book for the first time the main problems of this period: diplomatic, frontier, economic and migration processes are lighted up. The history of Bravin s (whose tragic destiny is shown in the book) and Suritz s missions show difficulties of the establishment of the Soviet-Afghan diplomatic Relations, as a result of which the real diplomatic struggle between Soviet Russia and England for the Afghanistan started.

In Bukhara, where Afghanistan attempted to play a leading part, the Afghan-Soviet rivalry came to light, which in the utmost period of the Basmachi movement in Turkestan set in motion both countries nearly to the armed resistance. This danger took place at the moment of decision of the frontier problems. Especially it was acute in 1925-1926 during Urta Tugay crisis.

Critical situation in relations between the countries arose in the period of the civil war in Afghanistan (1928-1929), when the USSR secretly decided to help the king Amanullah. They wanted the king Amanullah to be at the throne again. This unsuccessful attempt, however, was the reason of some weakening of the Soviet influence in the nearest future.

In the book the author used numerous documents from Russian archives, that are not widely known.

Сергей Борисович Панин

**СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И АФГАНИСТАН.
1919-1929**

Редактор *В. Агеенко*

Подписано к печати 24. 06. 98. Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16.
Усл.-печ. л. 16,3. Уч.-изд. л. 16,3. Заказ Тираж 100 экз.
Цена договорная. ЛР № 040322 от 23. 06. 97.

Издательство Иркутского государственного педагогического университета,
г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, 6

